

Родная ЛАДОГА

№ 2(72)' 2025

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Сергей КОРЫТИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Издается ежеквартально
при участии:

Группы охранных
предприятий «РАДОН»

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЧИТАЙТЕ САЙТ ЖУРНАЛА «Родная Ладога»: rodnayaladoga.ru

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А.В. (Самара); Казин А.Л. (Санкт-Петербург); Корольков А.А. (Санкт-Петербург); Орлов Б.А. (Санкт-Петербург); Сдобняков В.В. (Нижний Новгород); Семёнов В.Е. (Санкт-Петербург); Скотникова Г.В. (Санкт-Петербург); Смолькин И.А. (Псков); Швечиков А.Н. (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БУНЕЕВ Владимир Васильевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор АО «47 ТРЕСТ», Почетный строитель России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — депутат Государственной думы ФС РФ, Народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий Николаевич (Москва) — депутат Государственной думы ФС РФ, член Союза писателей России.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — Народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — Первый заместитель Ответственного секретаря СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — Ответственный секретарь СП России, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отделения СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

КРУШИН Владимир Николаевич (Москва) — председатель Высшего творческого совета, член Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — поэт, член Правления СП России.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — художник, член-корреспондент Российской академии художеств.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы», член Общественной палаты РФ.

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СЕРДЮК Юрий Дмитриевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор Группы охранных предприятий «РАДОН», учредитель строительной компании «ВитаСтрой», основатель и директор Фонда «Я Русский», капитан 3 ранга запаса.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ, член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

ЩИПКОВ Александр Владимирович (Москва) — философ, заместитель Главы Всемирного русского народного собора, ректор Российского православного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОСЛУХИ

Владимир Путин. Президент России. «Слава народу-победителю!» <i>Выступление на военном параде, Москва, Красная площадь. 9 мая 2025 года</i>	5
Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. «Великая Отечественная война закончилась именно в день памяти святого великомученика Георгия Победоносца». <i>Слово в день памяти великомученика Георгия Победоносца после литургии в главном храме Вооруженных сил России</i>	11

ШИРОКОЗРЕНИЕ

Никита Михалков. «У народа, который стесняется своей религии, истории, культуры, традиций, нет перспективы».....	14
Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). <i>Путь на Голгофу. К 100-летию со дня кончины святителя, Патриарха Московского и всея Руси Тихона (Беллавина)</i>	23
Анатолий Степанов. Концепт «самобытного государства-цивилизации» и государствоцентричность русской истории.....	59
Александр Дугин. Истории нет без философии.....	72
Александр Казин. Великая Победа в судьбах XXI века.....	130
Сергей Перевезенцев. «Огромное Московское государство будет унижено и принуждено к приличному миру»: европейская русофобия XVIII века.....	169
Сергей Порохов. Ройте яму, господа! Ройте яму для себя!.....	186
Игорь Изборцев. Главная цель творчества: свобода и ее возможности.....	237

ПОЭЗИЯ

Геннадий Рязанцев-Седогин.....	20
Геннадий Иванов.....	67
Вадим Терёхин.....	70
Валерий Савостьянов.....	90
Татьяна Грибанова.....	93
Ольга Флярковская.....	123
Анатолий Обьедков.....	128
Адам Ахматукаев.....	163
Иван Головчанский.....	167
Андрей Родосский.....	218
Ясна Миленович.....	222
Анна Ретеюм.....	279
Войислав Караджич.....	282
Евгений Харитонов.....	302

ПАМЯТОСЛОВ

Митрополит Симферопольский и Крымский Тихон (Шевкунов). <i>Мощи святителя Тихона</i>	44
Вячеслав Улыбин. Ольга Берггольц и Вера Инбер. «Февральский дневник» и «Пулковский меридиан».....	273

Точка зрения

Василий Дворцов. Верноподданство Христу. <i>Культурные матрицы Русской цивилизации</i>	52
Сергей Караганов. «Возвращаемся домой»: сибиризация России как национальная идея XXI века? <i>История и современность вопроса</i>	114
Владимир Ильяшевич. Апокалиптическое (под)сознание, или О чем молчит «Бронзовый солдат».....	197
Борис Подопригра. Восстание в Бадабере. Постскрипtum.....	245

Вопросы образования

Александр Щипков. Новая воспитательная политика.....	75
--	----

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Протоиерей Владимир Васильев. О духовном измерении Отечественных войн 1812-го и 1941-го.....	81
--	----

Связь ВРЕМЕН

Анатолий Грешневиков. Прекрасней всех русская цивилизация.....	97
--	----

ПРОЗА

Павел Астахов. Концерт. Рассказ	134
Сергей Михеенков. Бой у болота. Глава из «Повести о бессмертном сержанте, его боевых товарищах и командирах».....	147

Дороги ВОЙНЫ

Сергей Рац. «Невский пятачок».....	154
------------------------------------	-----

Родная РЕЧЬ

Юрий Лощиц. Поэтический образ славянского мира	225
--	-----

Вышла КНИГА

Игорь Базиленко. О книге Митрополита Константина «Библейские архетипы войн»	241
---	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Роман Круглов. «Русская художественная культура XII в.: “Симфония концептов”». Рецензия на монографию Г.В. Скотниковой	248
Николай Переяслов. «То будет каждодневная война...»	252
Дмитрий Силкан. Свобода внутренней войны. О романе Ярослава Каурова «Миры проходят сквозь миры»	265

ЛЕГЕНДА

Алексей Шорохов. Свет и горечь Евгения Юшина	258
--	-----

НАСЛЕДИЕ

Михаил Зарубин. Постигание поэзии	285
---	-----

Великая ПРОВИНЦИЯ

Дмитрий Каралис. Кандалакша (1959–1963). Из дневниковой повести «Записки советского шалопая».....	295
---	-----

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:

https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>

<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

Владимир ПУТИН
Президент России

«СЛАВА НАРОДУ- ПОБЕДИТЕЛЮ!»

*Выступление
на военном параде*

*Москва, Красная площадь.
9 мая 2025 года*

Источник: сайт Президента
России. kremlin.ru

Владимир Путин:

Дорогие граждане России! Дорогие ветераны! Уважаемые гости! Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Поздравляю вас с 80-летием Победы в Великой Отечественной войне!

Сегодня всех нас объединяют чувства радости и скорби, гордости и благодарности, преклонение перед поколением, которое сокрушило нацизм, ценой миллионов жизней завоевало свободу и мир для всего человечества.

Мы верно храним память об этих исторических, триумфальных событиях. И как наследники победителей отмечаем праздник 9 Мая как родной, как самый главный для страны, для всего народа, для каждой семьи, для каждого из нас.

Наши отцы, деды и прадеды спасли Отечество и завещали нам защищать Родину, быть сплоченными, твердо отстаивать свои национальные интересы, нашу тысячелетнюю историю, культуру, традиционные ценности. Все, что нам дорого, что свято для нас.

Мы помним уроки Второй мировой войны и никогда не согласимся с искажением ее событий, с попытками оправдать палачей и оболгать подлинных победителей.

Наш долг — отстаивать честь бойцов и командиров Красной армии, великий подвиг представителей разных национальностей, которые навсегда останутся в мировой истории Русскими солдатами.

Россия была и будет несокрушимой преградой для нацизма, русофобии, антисемитизма, будет бороться с бесчинствами, что творят поборники этих агрессивных, разрушительных идей.

Правда и справедливость на нашей стороне. Вся страна, общество,

*Выступление Президента России В.В. Путина на военном параде.
Москва, Красная площадь. 9 мая 2025 г. (kremlin.ru)*

*Президент России В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин
на Параде в честь 80-летия Великой Победы. Фото: Иван Секретарев,
РИА «Новости». 9 мая 2025 года. Москва, Красная площадь*

народ поддерживают участников специальной военной операции. Мы гордимся их смелостью и решимостью, той силой духа, которая всегда приносила нам только победу.

Дорогие друзья!

Советский Союз принял на себя самые свирепые, беспощадные удары врага. Миллионы людей, знавших лишь мирный труд, взяли в руки оружие и насмерть стояли на всех высотах, плацдармах и рубежах, определили исход всей Второй мировой войны безоговорочными победами в крупнейших битвах под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и Днепре; мужеством защитников Белоруссии, которые первыми встретили врага; стойкостью участников обороны Брестской крепости и Могилева, Одессы и Севастополя, Мурманска, Тулы, Смоленска; героизмом жителей блокадного Ленинграда, отвагой всех, кто сражался на фронте, в партизанских отрядах и в подполье, доблестью тех, кто под огнем врага эвакуировал заводы страны, кто трудился в тылу, не жалея себя, на пределе сил.

Планы нацистов по захвату Советского Союза разбились о поистине железное единство страны. Героизм народа был массовым, все республики несли общую тяжелую ношу войны.

Огромным был вклад жителей Средней Азии и Закавказья. Отсюда бесперебойно шли эшелоны со всем, в чем нуждался фронт. Здесь размещались госпитали, и нашли свой второй дом сотни тысяч эвакуированных людей. С ними делились кровом, хлебом, сердечным теплом.

Мы чтим каждого ветерана Великой Отечественной войны, склоняем головы перед памятью всех, кто отдал свою жизнь за Победу. Перед памятью сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, прадедов, мужей, жен, братьев, сестер, родных, друзей.

Склоняем головы перед нашими боевыми товарищами, погибшими смертью храбрых в праведном бою за Россию.

Объявляется минута молчания.

(Минута молчания.)

Дорогие друзья!

В огненную орбиту Второй мировой войны было вовлечено почти 80 процентов населения планеты.

Полный разгром нацистской Германии, милитаристской Японии и их сателлитов в разных регионах мира свершился общими усилиями стран объединенных наций.

Мы всегда будем помнить, что открытие второго фронта в Европе — после решающих битв на территории Советского Союза — приблизило Победу. Высоко ценим вклад в нашу общую борьбу солдат союзнических армий, участников Сопrotивления, мужественного народа Китая, всех, кто сражался во имя мирного будущего.

Дорогие друзья!

Мы будем и впредь держать равнение на ветеранов, на их искреннюю любовь к Родине, на их решимость защищать отчий дом, ценности гуманизма и справедливости. Придадим этим традициям, этому великому наследию самое главное в нашем сердце и передадим это будущим поколениям.

Всегда будем опираться на наше единство в ратных и мирных делах, в достижении стратегических целей, в решении задач во имя России, ее величия и процветания.

Слава народу-победителю!

С праздником!

С Днем Великой Победы!

Ура!

Парад в честь 80-летия Великой Победы

9 мая 2025 года. Москва, Красная площадь

Президент России — Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации Владимир Путин присутствовал на военном параде в ознаменование 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Вместе с Владимиром Путиным на трибуне находились главы делегаций иностранных государств.

Перед началом парада Президент России в Кремле приветствовал лидеров иностранных государств, прибывших в Москву для участия в торжественных мероприятиях.

Парад начался с выноса на Красную площадь Государственного флага России и Знамени Победы. Командовал парадом главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии Олег Салюков, принимал парад Министр обороны Андрей Белоусов.

В составе пешей колонны по Красной площади прошли 55 парадных расчетов: более одиннадцати с половиной тысяч военнослужащих, более полутора тысяч из которых — участники специальной военной операции. В параде Победы также приняли участие военнослужащие из Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Вьетнама, Египта, КНР, Лаоса, Монголии и Мьянмы.

Механизированную колонну возглавили легендарный «танк Победы» Т-34 и самоходные артиллерийские установки СУ-100. По брусчатке главной площади проехали бронированные автомобили «Тигр-М», «ВПК Урал», защищенные санитарные автомобили «Линза», боевые разведывательные

Парад в честь 80-летия Великой Победы. Вынос штандартов всех фронтов, участвовавших в сражениях ВОВ. Фото: Пелагея Тихонова, РИА «Новости». 9 мая 2025 года. Москва, Красная площадь

Парад в честь 80-летия Великой Победы. Фото: Рамиль Ситдиков, РИА «Новости». 9 мая 2025 года. Москва, Красная площадь

Прохождение юнармейцев. Парад в честь 80-летия Великой Победы. Фото: Александр Вильф, РИА «Новости». 9 мая 2025 года. Москва, Красная площадь

машины БРМ-1К, бронетранспортеры БТР-82А, боевые машины пехоты БМП-2М, БМП-3, «Курганец-25», боевые машины десанта БМД-4 и БТР-МДМ «Ракушка», танки Т-72БЗМ, Т-80БВМ, Т-90М «Прорыв». Ракетные войска и артиллерию представляли самоходные артиллерийские системы,

*Исторический Парад Победы на Красной площади Москвы,
24 июня 1945 года. Фото: dzen.ru*

высокоточные ракетные комплексы «Искандер-М», зенитная ракетная система С-400 «Триумф», пусковые установки ракетного комплекса «Ярс».

Впервые на параде продемонстрированы беспилотные летательные аппараты и барражирующие боеприпасы «Орлан», «Ланцет», «Гарпия» и «Герань».

Завершился парад Победы пролетом авиации: над Красной площадью прошел знаменитый «кэбинский бриллиант» — ромб из самолетов Су-30 и МиГ-29 пилотажных групп «Русские витязи» и «Стрижи»; замыкали парадный строй штурмовики Су-25, по традиции раскрасившие небо в цвета российского флага.

Музыкальное обеспечение парада осуществлял сводный военный оркестр Московского гарнизона.

**Святейший
Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл**

**«ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА
ЗАКОНЧИЛАСЬ
ИМЕННО В ДЕНЬ
ПАМЯТИ СЯГО
ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ГЕОРГИЯ
ПОБЕДОНОСЦА»**

*Слово в день памяти
великомученика Георгия
Победоносца после
литургии в главном храме
Вооруженных сил России*

6 мая 2025 г., в день памяти великомученика Георгия Победоносца, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию в Патриаршем соборе в честь Воскресения Христова — главном храме Вооруженных сил Российской Федерации, расположенном в Военно-патриотическом парке культуры и отдыха «Патриот» в Одинцовском районе Московской области. По окончании богослужения Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к верующим с Первосвященительским словом.

**Во имя Отца и Сына
и Святого Духа!**

День памяти святого Георгия Победоносца является фактически Днем Победы, потому что Великая Отечественная война закончилась именно в день памяти святого великомученика. Акт о капитуляции был подписан позднее, почему и День Победы отмечается 9-го, но по факту это день Георгия Победоносца, и так это воспринимал наш благочестивый народ. И ведь маршал Победы Жуков тоже носил имя Георгий — всё это народ наш связал воедино. Была одержана победа над самым страшным в истории врагом, который был способен победить весь мир. Если бы не Россия, наша страна, именовавшаяся Советским Союзом, наверняка весь мир был бы повержен. Но именно здесь враг получил сокрушительный удар, который освободил весь мир от злой идеологии фашизма, от диктатуры неправды, зла и безбожия.

Конечно, после победы над врагом многое произошло в жизни нашего Отечества. Были очень радостные

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. patriarchia.ru

*Патриарх всея Руси Кирилл возлагает венок на могилу
Неизвестного солдата (patriarchia.ru)*

моменты, когда народ сознавал величие своей страны, но были и трудности, особенно в 60-е годы прошлого столетия, когда безумный правитель объявил, что к 1980 г. будет построен коммунизм, а значит, никакой религиозной веры в стране не будет. Я об этом уже говорил и еще раз повторяю: это было безумие, но безумие, проистекавшее от верховного правителя всей страны, которому подчинялись и партия, и силовые структуры, и воинство, и вся общественность. Это был страшный вызов нашей Церкви, но не понимал безумный правитель, что никакая человеческая сила не может препятствовать силе Божией, как то было явлено в победе в Великой Отечественной войне, а потом и в низвержении атеистических порядков, атеистической идеологии и в удивительном возрождении нашей страны, которая в своей философии, в своей практике, в своей политике совершенно особым образом, впервые за всю историю XX и начала XXI в., воссоединила прошлое с настоящим.

Теперь мы действительно понимаем, что вся история страны нашей — это особая история. Конечно, были и поражения, и скорби, и междоусобная брань, но, в конце концов, по милости Божией народ и страна побеждали, и, наверное, самая великая победа — это победа над тотальной властью безбожной идеологии. В каком-то смысле и храм, в котором мы с вами сейчас молимся, является символом того, что ушла эпоха атеизма. Ведь, несмотря на то, что большинство военнослужащих в Советском Союзе были, наверное, верующими, Вооруженные силы оставались оплотом атеистической власти. Но сегодня мы с вами в этом величественном военном соборе вспоминаем прошлое, благодарим Бога за настоящее и, конечно, возносим Ему хвалу за все те великие перемены, которые произошли в нашей стране: за свободу веры, за свободу личности, за возможность развития всех сторон

нашей жизни — общественной, политической, экономической, культурной, хозяйственной. Все сейчас может развиваться и развивается, потому что мы живем в условиях подлинной свободы.

Дай Бог, чтобы память о прошлом не изглаживалась, особенно из сознания молодежи, для которой Великая Отечественная война — что-то из далекого прошлого, как, наверное, для моего поколения война с Наполеоном. Но на самом деле Великая Победа стала решающим фактором, определившим возможности дальнейшего развития нашей страны как независимого, мощного государства, которое в какой-то момент стало оплотом православной веры.

Вспоминая всё это, мы не можем не возблагодарить Господа и за радости, и за скорби, ведь и скорби многому учат, и тяжелый опыт XX в. очень помог нам, современным людям, и помогает осознать важность духовного измерения жизни, непреходящее значение Церкви Божией для нашего народа. Поэтому и в эти благополучные времена мы не менее, чем во времена трудные, должны укрепляться в вере и благочестии: посещать Божии храмы, молиться, воспитывать в православной вере детей и внуков и делать все для того, чтобы духовная сила нашего народа никогда не иссякла. Ведь даже во времена безбожия люди, того не сознавая, опирались именно на нравственные основы Православия и победили самого страшного врага.

Пусть Господь, приклонивший милость над страной нашей, не оставляет нас, чтобы мы, как народ, и впредь восходили от силы к силе, чтобы укреплялась вера во всех поколениях нашего народа. Моя особая молитва, конечно, о детях и молодежи, потому что этот возраст наиболее зависим от влияния окружающих, а это влияние не всегда правильное, ведь многие люди в Бога не верят и свое неверие передают детям, может быть, даже того не желая. Но сохранение веры православной, любви к Отечеству есть неременный залог нашего суверенитета, нашей независимости от любых внешних сил, стремящихся повлиять на судьбу нашей страны.

Всех вас, мои дорогие, еще раз поздравляю с этим днем. Благодарю архипастырей и духовенство наше за труды и всех вас — за веру и преданность Господу и Русской Православной Церкви. Христос Воскресе!

Никита МИХАЛКОВ

«У НАРОДА, КОТОРЫЙ СТЕСНЯЕТСЯ СВОЕЙ РЕЛИГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ, ТРАДИЦИЙ, НЕТ ПЕРСПЕКТИВЫ»

Никита Сергеевич Михалков — родился в 1945 г. в Москве. Советский и российский киноактер, кинорежиссер, сценарист, кинопродюсер, телеведущий, Герой Труда РФ, народный артист РСФСР, лауреат трех Государственных премий РФ, полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», председатель правления Союза кинематографистов, секретарь Союза писателей России, почетный член Патриаршего совета по культуре, автор телепрограммы «Бесогон», лауреат многих премий. **Живет в Москве.**

В Государственной Думе на пленарном заседании перед депутатами выступил народный артист РСФСР, Герой Труда РФ, режиссер Никита Михалков. Главной темой его обращения стало сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Вы знаете, я помню, что в свое время Борис Вячеславович Грызлов в дискуссии с депутатом Еленой Драпеко сказал, что Государственная Дума — это не та площадка, где надо проводить политические баталии. После эта фраза стала неким мемом. Она была очень распространена в народе: «Парламент — не место для дискуссий».

И так как я нахожусь здесь первый раз, я не знаю, действует ли еще это правило. Поэтому, если я чего-то, так сказать, брякну не того, уж великодушно простите, я не политик.

Вы знаете, есть такая прекрасная мысль одного старца: «Если хочешь быть неприступным, стань неудобным; если хочешь быть сильным, стань неприхотливым». Вот у нас, к сожалению, испокон века вот это желание быть удобным и стремление к комфорту во многом привело к тому, с чем нам сегодня приходится сталкиваться и бороться. Сколько веков мы себя стыдимся?

Вот посмотрите, 150 лет почти назад Федор Михайлович Достоевский в своих «Дневниках писателя» выразил такую мысль: «Стать русским — значит перестать презирать свой народ. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих ува-

Публикуется по оригиналу: duma.gov.ru

жать. И действительно, чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе, и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвергались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим, наконец, облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея. Нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу». Это сказано почти 150 лет назад.

Вы, если привезете иностранца, завяжете ему глаза, посадите в машину и прокатите по центру любого города в нашей стране, он, глядя в окно, не поймет, что он находится в России, потому что практически 90% вывесок написаны латинским шрифтом, английскими словами. И я знаю, что вы уже принимали в первом чтении закон о русском языке. Я знаю, что сегодня вы тоже будете принимать во втором-третьем чтении этот закон — важнейший закон.

Язык — это достояние народа, это его гордость, это его сила, тем более русский язык, на котором написаны величайшие произведения. Практически можно знать одного Пушкина и понимать все вопросы бытия человека, хотя это было написано 200 лет назад, потому что это русский язык. Им нужно гордиться и им воевать. Это величайшая провинциальность наша: «где-то там лучше». Это огромное количество англицизмов, которые внедрены в наше сознание, когда есть аналоги, прекрасные аналоги на русском языке. Поэтому я думаю, что этот закон будет принят.

Но мы прекрасно знаем, что между принятием закона и его выполнением бывает огромное количество времени прошедшего, а иногда он и не входит в жизнь, а так и остается законом. Я надеюсь, что в этом случае этого не произойдет. Помните, что в Америке, скажем, на русском языке написаны только вывески на Брайтон-Бич, больше нигде.

Я понимаю, что нужны переводы названий улиц, площадей и другой информации для туристов. Я понимаю, что должны остаться все те исторические названия, как «Мерседес», «Дольче Габбана» или «Шанель», да. Но всё, что связано с нашим бытом, конечно же, должно быть на русском языке. Я также понимаю, что это вызовет огромную, так сказать, волну негодования, сложности, это деньги и так далее, и так далее. Но именно, как я говорил в начале, чтобы быть неприступным, нужно стать неудобным. Мы вынуждены стать неудобными, и мы должны перетерпеть то, что мы стали неудобными.

Хочу вам привести один пример. Вот посмотрите, пожалуйста, покажите этот снимочек. Это прекрасный праздник — Курбан-Байрам — мусульманский праздник, один из главных двух дней в году. Потрясающе, что такой праздник в нашей столице проходит при поддержке и защите государства. Этот праздник говорит о том, что мы реально сосуществуем в нашей стране во всех смыслах, и мы — единственный реальный мост между Востоком и Западом, где совершенно спокойно примиряются религии, где мы воспринимаем и западную культуру, и восточные ветры. Мы реально единственный мост. Хорошо это или нет? Прекрасно!

Вы видели в моей нарезке фестиваль, конкурс в Ингушетии в прошлом году на чтение Корана? Потрясающе! Тысячи людей слушают друг друга, соревнуются в умении читать Коран. Мы когда-нибудь видели, чтобы в

Выступление Народного артиста РСФСР, Героя Труда России, режиссера Никиты Михалкова в Государственной Думе на пленарном заседании перед депутатами (фото: duma.gov.ru)

нашей стране такой же какой-то конкурс был связан с осознанием православной культуры и наших летописей, жития святых и так далее? Никогда.

Теперь посмотрите другую фотографию. Это Великорецкий крестный ход. Этому Крестному ходу 600 лет. Люди каждый год 180 километров проходят пешком пять дней, читая молитвы, неся хоругви, иконы и так далее. Это происходит в Кировской области. Хорошо это? Прекрасно. 30 тысяч человек там было.

А теперь скажите мне: вот если в соотношении по времени, сколько времени было на центральных каналах уделено первому празднику и сколько второму празднику Великорецкого крестного хода? И вы увидите, что это не в пользу этого Крестного хода. Но это как раз и есть то самое стыдливое ощущение неловкости перед кем-то от того, что мы скажем, что мы верующие люди, православные, что это наша страна, что мы русские люди. Почему? Да, я знаю, я понимаю. Это тоже в крови русского человека: стыдливость, неловкость, деликатность, застенчивость. Да, это правда. Но когда дело касается будущего страны, ее безопасности, не давать возможности хотя бы на равных сосуществовать религиям в массовом сознании — это неправильно. Это порождает рознь. Именно это порождает рознь, а не наоборот.

Вы знаете, народ, который стесняется своей религии, своей истории, своей культуры, своей традиции, у него нет перспективы, он пуст, он не имеет иммунитета. И тогда в результате, так или иначе, он больше всего может стать добычей для порабощения. Мы должны это понимать. Это важно. Это не просто слова, это важно внедрять. Это важно осознавать.

Мы очень много говорим о единении. Я тоже в нашей нарезке вам показывал. Единение это было, конечно же, во время Великой Отечественной

войны. Почему? Это было общее горе. Это была общая беда. Люди объединялись не из ненависти к немцам, а из любви друг к другу, к своей стране. Именно поэтому. Сегодня мы можем сказать, что то, что происходит на Донбассе, объединяет общество? Хотя абсолютно точно понятно любому, почему произошло то, что произошло. Когда восемь лет назад уже бомбили русскоязычных людей на востоке Украины, уже тогда было это понятно. Почему сейчас? Мы все время находимся в этом промежуточном состоянии. Почему?

Понимаете, какая штука: вот непонимание этого может привести к очень серьезным последствиям. Потому что люди, которые сегодня проливают кровь на передовой за наше будущее, — Бог даст, они с победой вернутся, — они зададут вопросы. И общество должно понимать, что им зададут вопросы, и у общества должны быть на них, на эти вопросы, ответы. Ну разве это не так? Это ощущение того, что ничего особенного не происходит. Это точечное вливание, так сказать, и некое освещение происходящего (не буду говорить «пропаганда»), что очень правильно то, что происходит. Но понимать-то надо это нутром. И вот тут как раз вот это самоограничение, о котором говорил старец: неприхотливость, сдержанность внутренняя, понимание, что огромные салюты на праздники в больших городах в свое время обозначали великие победы в Великой Отечественной войне, а не только праздник города или еще какой-то гражданский праздник. Это общее понимание должно быть. Это и есть единение, это и есть понимание происходящего.

Мы сегодня единственные во всем мире, кто реально встал во весь рост против действительно мирового зла. Тут это не громкие слова, не пропаганда — это так. Когда тянут, не принимая 6 тысяч замороженных своих солдат, потому что за них надо платить деньги — это дьявольщина, это на дне, это уже дальше просто некуда. Уже действительно со дна постучат. Но это принципиально важно. Поэтому мне кажется, что в данном случае вот эта консолидация и возможность внутренне ощутить происходящее, а не только посмотреть по телевизору, а потом переключить на какую-нибудь другую программу, — это важно.

Вы знаете, сегодня два человека в мире, с которыми можно серьезно общаться и которые серьезно общаются сами, — это наш Президент и Председатель (КНР. — *прим. ред.*) товарищ Си (Цзиньпин. — *прим. ред.*). Больше нет. Единственным мужчиной в Евросоюзе была Мутти Меркель. Все остальное, что сейчас происходит, я не хочу давать с этой трибуны никаких точных объяснений, но это действительно так.

Почему я об этом говорю? Я понял суть нашего Президента, когда много лет назад, в 2002, по-моему, году, мы с ним разговаривали, он мне сказал: «Представь себе, кто я был и кем я стал. Неужели Господь это сделал для того, чтобы я доел то, что не успели доест другие?» Это серьезное соображение. Это говорит о серьезности того, с чем пришел этот человек руководить огромной и великой страной. Но ему надо помогать. Невозможно, чтобы народ, от мала до велика — и рабочий, и колхозник, и начальник — ждал выступления Президента перед людьми в прямом эфире, чтобы посчастливилось тому, кто успел дозвониться или достучаться и рассказать о том, что у него течет крыша, а Президент еще не успел закончить свое выступление, как уже крышу починили.

Есть и те люди, которые назначены на то, чтобы решать вопросы в своем регионе, вопросы во всех сферах жизни, но для них не является необходимостью выполнять эти законы, эти предложения, эти необходимости. Люди, которым Президент это доверил, они не должны занимать эти должности. Они не должны ждать момента, когда в результате, не дай Бог, кто-то из его региона дозвонится. Дозвонились — слава Богу, еще год можно жить спокойно.

Я хочу вам привести один пример. Вот простой пример.

Мои коллеги-кинематографисты попросили меня обратиться к Президенту с просьбой о квотировании американского кино в защиту нашего кинематографа.

Это, в принципе, известная абсолютно практика, она есть и во Франции, она есть и в Китае. А поводом стала история с фильмом «Переводчик» — очень средним фильмом хорошего режиссера Гая Ричи. Ну как кино — это довольно слабая вещь, а как заказ пентагоновский — это отлично исполненная работа. Это история о том, как американский сержант героически сражается в Афганистане, у него есть переводчик. Наконец, переводчик его спасает, американец уезжает, но переводчика сажают, берут в заложники и мучают террористы. И, вернувшись домой, американец, страдая, так сказать, угрызениями совести, возвращается обратно, забирает этого переводчика, по дороге сокрушив дикое количество, так сказать, шахидов. Они садятся в самолет, и в самолете он вручает ему американский паспорт — счастливому афганцу. Конец картины, прекрасный хэппи-энд.

Ко мне обратились с вопросом, что я думаю по этому поводу. Я сказал, что я не вижу возможности показывать эту картину в нашей стране во время войны про героического американского сержанта. Не вижу, потому что эта картина в этой ситуации во многом оскорбительна не только для тех, кто там находится на фронте, но и для их родственников. Ну, так сказать, мое мнение осталось при мне. Почему? Потому что в эту картину вложили деньги, вложил деньги наш русский «Яндекс», и нужно было эти деньги возвращать.

То есть жена, мать, отец, сын — неважно, того, кто находится на фронте, — покупает билет, идет смотреть эту картину, и от общей суммы сбора, в том числе и денег, которые вложил этот человек, какая-то часть пойдет на закупку оружия для Украины, чтобы убивать наших мирных граждан, наших солдат. Само по себе это, как мне кажется, в общем, вещь несправедливая.

Что было в этом письме, которое я написал по предложению моих товарищей? В письме предлагалось квотировать голливудское кино. Входной взнос для рассмотрения представляемой картины в России стоит 5 миллионов рублей, и 10% от проката идет на рефинансирование национального кино. Кроме того, предлагалось организовать принцип «единого окна» для входа на рынок российского кинопроката, созданного указом Президента № 378 от 28.06.2021 года. Кроме того, чтобы избежать проникновения на экраны ненужного нам контента через ничтожные частные фирмы кинопрокатчиков, в качестве крупнейших кинопрокатчиков определить «Газпром-Медиа Холдинг» и «Национальную Медиа Группу», контролируемые в какой-то степени, в разной степени, государством. Почему? Потому что доля рынка по итогам 2024 г. этих двух компаний составила 47,2%.

Это письмо было написано 1 марта 2025 года. На этом письме была наложена резолюция: «Прошу идею поддержать. Нужно принять меры по защите рынка заранее еще до того, как конкуренты начнут возвращаться. Проработайте и доложите». Это написано Владимиру Мединскому.

Что происходит дальше? Дальше через день это письмо оказывается на столе у Владимира Ростиславовича. Через неделю после всяких совещаний подготавливается документ. Администрация Президента и Министерство культуры одобряют этот документ, эту идею, и отправляется она в Правительство, в структуры, курирующие культуру. Что происходит дальше? Дальше этот документ рассылается в восемь разных организаций для консультации, наверное, для понимания как, что. Но самое интересное и самое главное: этот документ рассылается без первой страницы моего письма, на котором стоит резолюция Президента. И этот документ перестает быть поддержанным Президентом. Он становится частной инициативой каких-то людей в связи с тем, что «какое-то кино», «чего-то такое». Почему? Зачем? В этой резолюции сказано: «Прошу сделать быстрее, пока не пришли конкуренты». Сегодня у нас 17 июня. И оно как-то так вот и повисло. Так невозможно, так нельзя! Это удивительно, как вам сказать даже? Я не хочу вешать ярлыков, но это неправильно!

Это неправильно: заранее эту идею лишать уже сделанной поддержки Президента. Но это неправильно. То есть для любого, кому эта бумага пришла, она незначима, потому что они не знают о том, что это поддержано Президентом.

Поэтому я очень надеюсь, что закон, который вы сегодня примете, не испытает судьбу того предложения, которое мы сделали по поводу квотирования.

И последнее: про смертную казнь. Я понимаю, да, я знаю отношение Президента, я знаю отношение святейшего Патриарха, я не смею спорить ни с тем, ни с другим. Но когда мне говорят: «Что вы понимаете, что будет, это вот такие суды у нас плохие», у меня вопрос возникает: а может быть, проще заняться судами? Чтобы они правильно принимали решения, не брали взяток и так далее. Чем, делая несчастными десятки, сотни, тысячи людей, которых страшно убивают террористы, насилуют детей и так далее, и так далее, может быть, проще, чтобы суды начали работать правильно и здесь навести порядок?

Кроме того, смертная казнь — это не желание убить. Нет, это красная линия. Это возможность дать человеку понять, что его ждет, если он это злодеяние совершит. Я думаю, что нельзя не верить человеку, который стоял на эшафоте с петлей на шее и, к счастью, избежал казни. Это Федор Михайлович Достоевский. Он сказал: «Бытие только тогда и есть бытие, когда ему грозит небытие». Вот человек, который задумывает совершить кровавое преступление, должен точно знать, что его сегодняшнее бытие при совершении этого преступления превратится в небытие.

А закончить я хочу словами замечательного митрополита Антония Сурожского: «Господи, если я сказал что-то правильное другому человеку, пусть это принесет плод. Но если я сказал не то, что нужно, изгладь из сердца и ума этого человека, которому я это сказал, и прости мне мою слепоту и глупость». Спасибо.

ПОЭЗИЯ

**Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН**

«ПОДАЙ МНЕ ЛАДОНЬ ТВОЮ, БОЖЕ»

Геннадий Рязанцев-Седогин — протонерей РПЦ, автор 16 книг прозы, поэзии, литературной критики, эссе. лауреат престижных литературных премий: Александра Невского, Ивана Бунина, Ярослава Смелякова, Алексея Липецкого, Евгения Замятина и др. Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу», награжден двумя «Золотыми Дипломами» Литературного Форума «Золотой Витязь», Большой серебряной медалью им. Н. Гумилева, дипломант Литературной премии Издательского Совета РПЦ «Дорога к храму». Произведения переведены на иностранные языки, книги издаются в Канаде, Болгарии и Германии. Член экспертного совета Литературного Форума «Мир слова» Издательского Совета РПЦ. **Живет в Липецке.**

ГОСПОДИ, НЕ МОЛЧИ...

Пять минут от ада до рая.
Я стаю на запасном пути
И кричу: Красота-то какая!
Слышишь, Господи, не молчи.

Я в мгновенье вместил
Твою вечность.
Догорает огарок свечи.
Ты скажи мне,
что есть человечность?
Слышишь, Господи, не молчи.

Мне бы знать без туманных
пророчеств,
Что горят, словно пламень в горсти,
Сколько в мире еще одиночеств?
Слышишь, Господи, не молчи.

Вот уж стрелочник переходит,
Открывает мои пути...
Кто по рельсам незримый ходит?
Слышишь, Господи, не молчи.

БОЖИЙ СТРАХ

*Начало премудрости —
страх Господень.*

Пс. 110,10

Мой скудный скорб
Последует за мной.
Я научился жить,
О прошлом не жалея.
Шла бездна по пятам,
Шла за моей спиной,
И голос был:
«Россия, Лета,
Лорелея».

Кузнечик пел,
И голубь ворковал,
Всему есть времена
И сроки.
Мой безотчетный страх
Был сотней
Покрывал.
О нем писал Давид
И многие пророки.

Увы, увы! Печальна наша
Жизнь,

Когда она не отражает
Эхо
Иных миров
И гласа их не слышит.

И вот уже на ладан
Дышит,
Лишив себя
Божественных Даров.

ГРАНИ БЫТИЯ

Скажи, зачем
На грани бытия
Стоит судьбы
Неясное свечение?
Оно печаль
Или любовь моя?
А, в сущности,
Какое в том значение.

Так, на закате,
Будто на поклон,
Выходит солнце
Робко и учтиво
И тонет в океан,

Словно мираж
Иль сон.
А, в сущности,
Явление красиво.

Так падает листок
На влажную траву.
Не знает он,
Что смерть его
Уносит.
Он пал к корням,
А я еще живу.
А, в сущности,
Никто меня не просит.

СТРАННЫЙ ГУЛ

Станный гул меня томит и мучит.
Я твержу: не мучь себя виной.
Кроме жизни, кто тебя научит?
Только ангел за твоей спиной.

Ты затем и жил, чтобы оставить
Средь людей покой и тишину.
А теперь ты должен жить и славить
Бога, Непорочную Жену.

Никому не надобно возмездья,
Всё уже искуплено давно.
Как глаза, горят в ночи созвездья,
В чаше всё вино разведено.

Оставайся верным и смиренным,
Как трава, как корни, как листы.
Ведь у них за расставаньем тленным
Жизнь таится. Будешь жив и ты.

ОДИН НА ВЕТРУ

Остался один на ветру.
Мне жизнь лишь полушки дороже.
Как все, я спокойно умру,
Поддай мне ладонь твою, Боже.
Отец промелькнет поутру.
Увижу ли кровного брата,
И грустную мать, и сестру?
Ни в чем она не виновата.
В передней обнимемся мы.
У брата в руках папироса.

Не знал он в преддверии тьмы,
Что сам попадет под колеса.
Накинув на плечи пиджак,
Мать крестит нас всех и целует.
В сестре зарождается рак,
А муж ее встретит другую.
Весь мир, как во время чумы.
И руки, как птицы, пугливы.
В передней прощаемся мы...
И счастливы все вы, и живы.

ПОЭЗИЯ СПАСЕТ МИР ОТ ХАОСА

Посвящается поэту Валентине Ефимовской

Ты хочешь
проницательных стихов?

Тогда страдай,
вселенной вопреки,

И будут все слова твои
легки,
А смыслы тяжелы,
как сны волхвов.

В тени усад,
в плену у праздных снов,
Где мироздание
висит на волоске.
Куст придорожный,
взяв молитвослов,

Неопалимой купиной
горит в тоске.

Последний холод,
может быть, настиг
Вселенную,
и стынет кровь твоя.
Пусть восстановит
твой бессмертный стих
Утраченные
смыслы бытия.

ВЫШЛА КНИГА

Участникам специальной военной операции посвящается. Тамбовская областная Дума, Тамбовское отд. Союза писателей России, 2024.

По итогам конкурса вышел в свет замечательный сборник стихов и прозы, прославляющих подвиг, мужество и героизм участников СВО, защитников жителей Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей.

Сборник издан на личные средства депутатов Тамбовской областной Думы.

Книга превосходно издана: компактный формат, твердый переплет, мелованная бумага, отличные черно-белые рисунки.

Большое спасибо от всех авторов издателям, составителю — председателю правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России Юрию Альбертовичу Мещерякову — за возможность быть опубликованными в этом прекрасном издании.

**Митрополит
Петрозаводский
и Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

*К 100-летию
со дня кончины святителя,
Патриарха Московского
и всея России
Тихона (Беллавина)*

*Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас.*

«Возмездие» А. Блок

Время — один из параметров бытия Вселенной. В науке время понимается как поток событий, ведущих к изменению и обновлению мира. Но время еще и беспристрастный проявитель смысловых основ века, представляемого спектром дискретных единиц временных, преходящих событий. Сто лет — мизерный исторический срок по меркам человеческой жизни, определяющийся характерным историческим процессом. Особенности этого процесса становятся

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мединститут. В 1981 г. защитил канд. дисс. в Смоленском мединституте. Работал старшим преподавателем. В 1986 г. во время учебы в Московской Духовной академии пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, иеромонаха. После окончания МДА защитил канд. дисс., оставлен преподавателем Ветхого Завета. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. рукоположен во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. каф. богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии нескольких журналов, член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными и научными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии, проректор Екатеринбургской ДС. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии. Возглавлял Церковно-общественный совет по биомедицинской этике и Синодальную богослужебную комиссию.

все более понятны при увеличении временного отстояния от рассматриваемого периода. Закономерным, в эсхатологическом контексте, видит этот процесс священник и богослов Александр Шмеман: «Время (в библейской концепции) можно назвать эсхатологическим или имеющим эсхатологический характер в том смысле, что в нем нарастают и происходят те события, которыми время осмысливается, которые делают его процессом, историей и направляют его к *eschaton*, то есть не только к концу, к обрыву и, тем самым, к его обесмысливанию, но к его завершению в последнем, открывающем весь его смысл, событии. *Eschaton* таким образом не просто конец, а исполнение того, что во времени нарастало, чему время изнутри подчинено, как средство *цели*, и что наполняет его смыслом»¹.

Но цели могут быть разные, чем определяется существо эсхатологического процесса и скорость его развития. Цели могут быть ошибочными в их постановке и оценке. Как, например, эйфория революционных масс, объединенных ложными стремлениями к мнимой свободе и счастью, к экспроприациям. Правда, вскоре наступило тяжелое и болезненное похмелье, которое затянулось на много лет... Но есть цели, определяющиеся поиском смысла жизни, а самые высокие цели связаны с его достижением. Понятна формулировка В.В. Розанова: «Мы можем с достаточным основанием сказать, что мысль человека об устройстве своем на земле по принципу счастья ложна во всех своих частях, по всему своему строю. Не что-либо одно страдает в ней недостатком, не выдерживает исследования, — она вся в целом есть лишь искажение, есть судорожное усилие человека, но не правильное его движение. От этого всякая попытка осуществить ее в личной жизни сопровождается страданием; от этого так *исказилось лицо истории*, так мало стало счастья в сердце народов по мере того, как их жизнь более и более втягивается в формы этой идеи. Как будто какой-то неискупимый грех человечества наказывается через эту обманчивую надежду, чтобы, следуя ей, оно испытало добровольно все страдания, какие не смогла бы наложить на него всякая посторонняя сила и никакие внешние условия»².

До ужасного *исказилось лицо истории* во времена русских революций и переворотов в начале XX века. Сегодня, спустя век, постепенно осознавая произошедшее, мы с кровью соскребаем с этого лица безобразную маску смерти. Тотально смертоносным для русского государства, русской веры и народа можно назвать время большевистской власти — оккупации предателей, прибывших в начале 1917 г. в «пломбированном вагоне» из Европы и пароходом из Америки. Но, как говорится, «без жизни смерти смерть». Жизнь жила и в это страшное время — потаённо, в духовном жертвенном совершенстве. Святой Патриарх Тихон в это время своей христианской жизнью, любовью и смертью стал на пути небывалого дьявольского нападения на Жизнь, на Правду, на Любовь.

Христианская любовь есть любовь Иисуса Христа. Христианская любовь есть прежде всего любовь к Богу и к другим только в Боге. «*Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его*» (1 Иоанн 5:2). Как говорит философ Михаил Тареев, «Мы должны представлять себе Иисуса Христа, носить в себе Его образ, чтобы

¹ Шмеман А. «Богословие времени». Цит. по: <https://golubinski.ru/ecclesia/liturg244.htm>

² Розанов В.В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни: антология. М.: Культура, 1994. С. 41.

любить Его. Личное общение наше с Иисусом Христом, *общение любви* — это основа христианства»¹.

Для «общения любви» промыслительно в последние годы существования Российской Империи был явлен в пастырское служение Василий Иванович Беллавин — будущий святой Патриарх Тихон, которому выпал крест спасения Русской Православной Церкви в богоборческие времена.

Сегодня история жизни святого Патриарха Тихона достаточно известна, но еще несколько десятилетий назад это имя было под государственным запретом. Что же он такого совершил? За что был предан забвению? Если коротко — за свою веру и любовь ко Христу и к России. За то, что он был свидетелем преступного разгула бесовских сил в человеческом обличии и мог раскрыть страшные тайны мировой сети сокрушителей христианского Российского государства. Нет, святой Патриарх не был харизматичным трибуном-обличителем, не оставил разоблачающих власть документов. Он был тихим, но грозным в своей убежденности молитвенником. А его послания, слова и речи не претендовали на поучения и обличения новой власти, но раскрывали ее негативные стороны.

Будущий Патриарх Московский и всея России (1865–1925, погост Клин, Торопецкий уезд, Псковская губерния) родился в семье приходского священника Спасо-Преображенской церкви. Семья жила простой, народной жизнью. Василий Беллавин, как и положено сыну священника, сначала учился в Духовном училище, затем поступил в Псковскую семинарию и, блестяще ее окончив, поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию. С детства чувствовалось особое предназначение этого высокого, белокурого молодого человека с ласковым взором и приветливым характером. По воспоминаниям студентов, его отличали постоянная доброжелательность, простота и рассудительность. Это отразилось в пророческом прозвище, которое дали ему сокурсники — они уважительно называли его Патриарх. Такое звание казалось шуткой, потому что тогда Патриаршества в России не существовало и не предвиделось его восстановления. После окончания академии в 1888 г. Василий Беллавин был назначен преподавателем в Псковскую семинарию. Через два года он был пострижен в монашество с именем Тихон в честь любимого им святителя Тихона Задонского², а вскоре был рукоположен в сан иеромонаха. Так началась его новая жизнь, полностью отданная служению Русской Православной Церкви.

Служение было беспокойным, как и времена, выпавшие на долю Василия Беллавина. Ему предстояло поприще «на миру», в гуще политических событий и войн. В 1897 г. на 33-м году жизни архимандрита Тихона, в

¹ Тареев М. Цель и смысл жизни // Смысл жизни: антология. М.: Культура, 1994. С. 208.

² Свт. Тихон Задонский — епископ Русской Православной Церкви, епископ Воронежский и Елецкий, богослов, крупнейший православный религиозный просветитель XVIII века. Благодаря многочисленным свидетельствам о чудесах, совершавшихся при его мощах, Тихон Задонский был причислен к лику святых Русской Православной Церковью в 1861 году. Обладал даром прозрения и совершения чудес, читал мысли собеседников. «Господь Бог во многих случаях его слушал», — писал келейник святителя Тихона. Особенно святитель любил беседовать с простым народом, утешал его в тяжелой доле, помогал разоренным. Из монастырской слободы его навещали дети. Он учил их молитве, а после беседы оделял деньгами. Среди письменных трудов святителя Тихона Задонского особой популярностью пользуется сборник коротких поучений, полных примеров из жизни, называемый «Сокровище духовное, от мира собираемое».

Троицком соборе Александро-Невской лавры совершается его хиротония во епископа Люблинского, викария Варшавской епархии. По окончании посвящения будущий Патриарх сказал: «Ныне разумею, что епископство есть прежде всего и более всего не сила, почесть и власть, а дело, труд, подвиг».

До этого епископ Тихон служил в Люблинском Спасо-Преображенском соборе. В Холмской епархии он был инспектором местной семинарии, позже становится ее ректором с возведением в сан архимандрита. Надо сказать, место служения было ответственным, так как исторически это была административно-территориальная единица Униатской церкви в Речи Посполитой, существовавшая с 1596 по 1875 г. с центром в Холме. В 1875 г. было провозглашено воссоединение Холмской униатской кафедры с Православной церковью. Новообращенные приходы были включены в состав Варшавско-Холмской епархии, которая стала именоваться «Холмской и Варшавской».

Служа в западных землях, особенно в традиционно русофобской Польше, молодой архимандрит, очевидно, был в курсе европейской политики по отношению к Российской Империи, слышал нарастающий глубинный гул антироссийских замыслов, что впоследствии помогло ему однозначно оценить цели руководителей государственных переворотов 1917 г., понимать их связи с мировой банковской и политической закулисой. Впрочем, на Западе это и не скрывалось. Но это помогло Патриарху вовремя сориентироваться и соответственно к ним относиться.

Архимандрит Тихон — ректор Холмской духовной семинарии (1892—1897), а затем епископ Люблинский. Город Холм (польское произношение Хелм) — теперь город на востоке Польши, был населен преимущественно малороссами и белорусами. «За это время он получил разноплановый и очень важный для последующих своих назначений опыт руководящей деятельности. Приобретенные навыки разнообразной церковно-общественной и административно-хозяйственной деятельности явились определяющими факторами его дальнейшего духовного сподвижничества и архиерейского служения... За время служения на Холмщине будущий Патриарх сформировался как ответственный, мобильный и очень демократичный руководитель, обладающий важными профессиональными качествами: огромной трудоспособностью, самоотдачей, дипломатичностью, инициативностью, умением быстро ориентироваться в обстановке, вовремя принимать необходимые решения и брать ответственность за них на себя. Можно сказать, что холмский период стал базовой подготовкой для дальнейшего служения святителя Тихона в других регионах Российской Империи, для его духовного и профессионального роста и, в итоге, — для его подвижничества в сане Патриарха Московского и всея России»¹.

В бытность ректорства в Холмской семинарии архимандрит Тихон наполнил обучение и даже сложные богословские научные дисциплины реальным жизненным опытом. «Будущим пастырям Церкви необходимо самое тщательное и основательное знакомство с учением Церкви, — поучал он. — Очень многие у нас склонны думать, что учение церковное есть что-то сухое, мертвое, отвлеченное, не имеющее никакого отношения к жизни... Между

¹ Шабанова Т.В. Холмский период жизни и деятельности патриарха Тихона (Беллавина), 1892—1898 годов // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 132, 136.

тем такой взгляд на учение Церкви есть только одно печальное заблуждение, основывающееся на нежелании или неумении проникнуть в суть дела, понять его как следует. Церковное учение, будь ли то краткое наставление веры или целая богословская система, есть самое ближайшее выражение истинной жизни и истинных потребностей нашего духа, стремящегося к Богу как источнику истины и любви»¹.

Наука жизни при ректорстве архимандрита Тихона состояла, в частности, и в том, что «в семинарии еженедельно по воскресеньям бывали литературные вечера. Проходили они так: сначала семинарский хор исполнял песнопения, затем выступали студенты с богословскими докладами. Их сменяли рефераты на вольные литературные темы. Преподаватели охотно принимали участие в программе вечера.

На собрания съезжалось городское общество. По окончании выступлений ректор устраивал у себя “чай”. Эти вечера очень нравились интеллигенции. Они приносили ощутимую пользу слушателям, так как многие жители города только недавно перешли из унии в Православие. По почину отца Тихона в Холме, где не было монастыря, появилось еще одно нововведение — пение с канонархом^{2»3}.

Отец Тихон в части быта многое улучшил в жизни студентов, поднял успеваемость и дисциплину. Под его духовным руководством семинаристы стали ежедневно посещать литургию. В свободное время архимандрит Тихон писал богословские статьи и проповеди и публиковал их в журналах. Наследник отца Тихона, новый ректор Холмской семинарии архимандрит Евлогий (Георгиевский), отметил, что ему от епископа Тихона досталось хорошее наследие. За пять лет ректорства о. Тихон поставил учебно-воспитательное дело отлично.

Феномен личности Патриарха Тихона в современном понимании можно определить словами современного нам, отчасти спорного, но дальновидного в ряде вопросов философа Мераба Мамардашвили, связывающего чело-

*Патриарх Московский
и всея России Тихон (Беллавин)*

¹ Цит. по: *Артюшенко М.В.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси. Архиастырь. Исповедник. Человек. М.: Донской монастырь. 2024. С. 58.

² Канонарх — церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строки из молитвословия, которые вслед за возглашением поет хор.

³ Цит. по: *Артюшенко М.В.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси. Архиастырь. Исповедник. Человек. М.: Донской монастырь, 2024. С. 58.

веческую деятельность с актом мысли, со структурой сознания. Как говорит философ: «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно»¹. Но точное мышление связано со многоуровневым, сложнейшим процессом, что, как подчеркивает философ, ставит перед мыслителем проблему ответственности. Мне, как восемнадцать лет преподававшему и руководившему Минской, а затем Санкт-Петербургскими Духовными семинарией и академией, понятна мысль философа, заключающаяся в том, что надо понять, «можно ли вообще учить других на основе лишь неких высоких идей, не поставив на карту всего себя»². Тогда только решается проблема ответственности, когда понимаешь, каким сложным и деликатным инструментом являются мысль и сознание, к каким неожиданным последствиям может привести вольное с ними обращение.

Как признается М. Мамардашвили: «Лично я не понимаю, как можно не дрожать от страха перед лицом этой ответственности. Я не понимаю, как человек интеллигентный может быть не способен, хоть частично, отождествить себя с неким высшим судьей, который видит в нем всё до дна. Ведь “нормальный” человек несет в себе бесчисленные замещающие образования, подстановки — между действительным своим состоянием и тем, как он его видит. Считает, что любит, а в действительности ненавидит... Ты можешь занять определенное место в мироздании, только если в себе или перед собой ощущаешь некую высшую точку, — и тогда тебе до всего есть дело, и ни о чем не сможешь сказать: “Я об этом не подумал”»³.

Кажется, обо всем думал, многое предвидел будущий Патриарх, ставший спасителем Русской Православной Церкви в *трудную годину*. Кажется, с семинарских времен он предчувствовал суть своего грядущего подвига-служения. Скажем об этом словами выдающегося современного философа Александра Панарина: «Разве Христос пришел потакать слабостям? Разве Он принял облик и удел человеческий для того только, чтобы выступить адвокатом человеческих слабостей? Христос не избавляет нас от долга взросления и не перечеркивает требовательных ожиданий Бога Отца. В христианстве Бог Сын выступает не только Спасителем, но и Судьей. <...> Таким образом, речь вовсе не идет о даровании спасения и инфантильной вере в потакающую любовь со стороны Христа, выполняющего роль жалостливой матери, заступничающей о сыне-недоросле перед суровым отцом. Речь идет о полной вменяемости человека, ибо над ним не властны никакие материальные и космические силы; все катастрофы, могущие произойти с ним, имеют своим источником его собственные прегрешения, и в этом смысле у человека “нет алиби”»⁴. Это же в полной мере относится и к государству, и к народу, способному своей греховной жизнью погубить саму свою страну. Много тому примеров в истории, особенно в библейской.

Со смирением, обогащенный опытом, покидал епископ Тихон свою епархию, вероятно, вспоминая Христовы слова: «*Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу; и суд Мой праведен, ибо не ищущу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца*» (Иоанн 5:30). Он был направлен на новое место службы в неведомые края — его путь лежал через Атлантический океан в Нью-Йорк и Сан-Франциско. Это ответственное

¹ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, 2019. С. 227.

² Там же.

³ Там же. С. 226.

⁴ Панарин А.С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 128.

служение было ему преподано в силу высоких черт его ответственного и нетрусливого характера.

Думаю, были в этом и промыслительные причины: Господь повел его туда, чтобы он лучше смог узнать перед грядущей своей и отечественной Голгофой будущих губителей России. В 1898 г. Святейший Синод переводит епископа Тихона на служение в Северную Америку с просветительской миссией, где он оставался до 1907 года. Молодого епископа ждала огромная по площади епархия, в которую входили Соединенные Штаты Америки, Канада и Аляска. В отсутствие погодных и дорожных условий будущий Патриарх совершает поездки в большинство существующих приходов и попутно открывает новые. Для этого пришлось преодолеть 11,5 тысяч километров по бездорожью, рекам и горам. Святитель открывает школы, богадельни, основывает монастырь и семинарию, ставит на рассмотрение перед Синодом вопрос об автокефалии (независимости) американской Церкви и переносит кафедру из Сан-Франциско в Нью-Йорк. В 1905 г. за свои миссионерские труды он был возведен в сан архиепископа Алеутского и Северо-Американского.

Но это в хронологии служения будущего Патриарха выходило все гладко и успешно. На самом деле трудности он преодолевал большие. Трудным был вопрос о средствах содержания Американской православной миссии. Местное население не стремилось жертвовать на церковь, поэтому пожертвования частью изыскивались за пределами Америки. Не менее насущной была проблема нехватки священнослужителей. Святитель Тихон неоднократно писал об этом в своих письмах к митрополиту Флавиану: «...страдаю не столько от недостатка средств, сколько от скудости людей; ради сего приходится терпеть всякую дрянь. Не знаю, на сколько времени хватит терпения»¹.

Как отмечает видный церковный историк архимандрит Дамаскин (Орловский): «Правительство стремилось избегать расходования средств на территории иностранных государств, что требовало зачастую получения займов в иностранных банках. Но епископ Тихон увидел в предложении отца Александра единственный способ перейти от канцелярской переписки к реальному делу. Он поддержал протоиерея Александра Хотовицкого, когда тот ходатайствовал о сборе средств в России на строительство Николаевского собора в Нью-Йорке, что также не было одобрено обер-прокурором Синода. Епископ Тихон открыл духовную семинарию в США и таким образом устранил необходимость присылать духовенство из России. Он неуклонно двигался к тому, чтобы сделать Северо-Американскую Церковь финансово независимой от России, чтобы в рамках церковных канонов она сама могла решать возникающие перед ней задачи. Благодаря поддержке епископа Тихона удалось осуществить и другие проекты. Он приобрел в Америке огромный опыт административного управления, причем в отличных от российской действительности условиях, что ему пригодилось, когда все изменилось у него на Родине. Промысл Божий вел Патриарха до той границы, которую он по архипастырской совести уже не мог перейти, когда смерть стала предпочтительнее жизни»².

¹ Письма святителя Тихона: американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского / сост. А.В. Попов. СПб., 2010. С. 99. Цит. по: *Артюшенко М.В.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси. Архипастырь. Исповедник. Человек. М.: Донской монастырь, 2024. С. 95.

² *Дамаскин (Орловский), архимандрит.* Дело Патриарха Тихона // Журнал Московской Патриархии. 2025. № 3. С. 58.

Прощание Патриарха Тихона с Америкой. Художник Филипп Москвитин

За время пребывания в Америке, бывая в Нью-Йорке, Сан-Франциско и других городах, получив знания о политической, экономической обстановке и национальных интересах в другой части мира, глубоко враждебной Российской Империи, архиерей получил представление, позволявшее в дальнейшем ему понять механизм разгрома его православной Родины — России. Поэтому он и встал в оппозицию новым властям, послушным заокеанским и английским банковским воротилам, таким как отъявленный американский русофоб банкир Якоб Шифф, потомок которого, Адам Шифф, сегодня, будучи ведущим членом Демократической партии США, продолжает внедрять политику ненависти к России.

Промыслительно, что будущий Патриарх вначале служил и изучил ситуацию в русофобской Европе, а затем — в Америке. Вспомним, что первый удар был нанесен по Российской Империи из Европы, особенно прибывшими в «пломбированном вагоне» (Ленин с соратниками), а после этого — на пароходе из Америки (Троцкий). После Америки у епископа Тихона была Россия: архиепископская Ярославская кафедра и встречи с Императором Николаем II. Пребывание и ответственное служение на Западе и в Америке расширило политический кругозор будущего Патриарха, он прекрасно понимал, с кем ему приходится иметь дело, а вовсе не с «прозревшим» пролетариатом и народными массами.

6 мая 1909 г. святитель Тихон был назначен на новое место службы уже в Российской Империи. На новой кафедре — старейшей Ярославской — архиепископ Тихон показал себя человеком широких взглядов, независимым, деятельным, смелым. Поэтому он был избран почетным председателем местного отделения «Союза русского народа», за что его будут обвинять и преследовать в революционные времена. На протяжении семи лет архиепископ Тихон руководил Ярославской епархией. Главной его деятельностью, конечно, была богослужебная. По американской привычке Владыка по

уездным городам отправлялся пешком, на лошади или на лодке. Ему здесь было легко, потому что все в ярославских краях было проникнуто исконной родной историей и светом веры. Как говорили жители, «город Ярославль богомольем взят». Ярославль — жемчужина древнейшего русского края, наша слава, культура, история. Здесь, в библиотеке Спасского монастыря, сохранялось «Слово о полку Игореве», здесь покоились чудотворные мощи святых русских князей, здесь юный избранник народа, Царь Михаил Федорович Романов, встретил первую Пасху в сане Самодержца всея Руси. Здесь будущий Патриарх «напитался» силой русского духа.

В ходе празднования 300-летия Дома Романовых, когда ликовал, прославляя своего Императора, весь город, Владыка Тихон был рядом с Венценосной Семейей. Он встречал Императора и Царицу у входа в Успенский собор Ярославля в день торжества, сопровождал Императора при посещении Спасского монастыря, бывшего местом пребывания Царя Михаила Федоровича в 1613 году. В Ярославле Владыка Тихон сделал очень много: он освящал храмы, наставлял пастырей и пасомых, экзаменовал учеников, занимался благотворительностью. Во времена, когда в государстве был разгул террористических актов, он понимал, что для России наступают тяжелые времена, к которым готовил Церковь и готовился сам.

Настроение русского «образованного класса» в конце XIX — начале XX столетий было таково, что он в подавляющей своей массе не желал слушать голоса пастырей Церкви. Церкви было что дать — народ не желал брать. Это явление сложное и имеет свою предысторию и причины, анализ которых не

Император Николай II с семьей выходит из Ростовского Успенского собора в сопровождении архиепископа Тихона. 1913 г. РГАКФ

Николай II в сопровождении архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона в Спасском монастыре.

Источник фото: Commons.wikimedia.org

входит в нашу задачу. О роли, которую играла во второй половине XIX в. русская журналистика, красноречиво свидетельствует следующее высказывание архиепископа Никанора: «Первым и главным проводником вольных мыслей была тогдашняя светская литература, которая вся повально поражена была болезнью, по меньшей мере, открытой безрелигиозностью»¹.

Вспомним, что в это время Иосифа Джугашвили исключили из Тифлисской (Тбилисской) духовной семинарии с мотивировкой «за неявку на экзамены по неизвестной причине» 29 мая 1899 года.

Революция 1905 г. во многом стала следствием духовного кризиса русского общества, интересовавшегося идеями Ленина, который, в частности, отмечал и приветствовал либерализацию Церкви: «Наличность либерально-реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества, и в церковной литературе. Это движение даже получило свое название: новоправославное движение»². Действительно, из года в год уменьшалось число выпускников, принимающих священнический сан. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал: «Наши духовные семинарии не давали достаточного числа кандидатов-священников. Во многих епархиях отмечался их недостаток; многие семинаристы, особенно в Сибири, не хотели принимать священнический сан. Благовещенская семинария за 10 лет не выпустила ни одного священника»³.

Приведем один из примеров нравственного состояния общества — убийство ректора Пензенской духовной семинарии в мае 1907 г., описанное в книге воспоминаний пензенского губернатора И.Ф. Кошко: «Следующей за рисовальным училищем по количеству совершенных учениками преступлений стояла духовная семинария. Там уже давно, еще при губернаторе Хвостове, происходили очень серьезные беспорядки. Ученикам пензенской семинарии принадлежит, кажется, инициатива организации “семинарского союза”. По велению этого союза беспорядки возникали одновременно во многих семинариях и во имя одних и тех же требований.

Главным образом, всё вертелось около изменения программы преподавания и ослабления установленного режима. Этот союз так терроризировал начальство, что во многих семинариях оно окончательно оробело, и хозяевами положения стали семинаристы. Они, например, почти перестали ходить в церковь, считая религию предрассудком, которым не может быть одержим просвещенный ум сознательного семинариста. Все происходившие в городе или его окрестностях митинги привлекали чуть ли не весь состав старших классов, и многие из них выступали даже ораторами.

Революционная пресса в числе своих постоянных сотрудников считала некоторых семинаристов, и начальству это, кажется, было хорошо известно, по крайней мере, была очень в ходу угроза “пропечатать в газете”. Сколько они производили самых невозможных скандалов и столкновений с полицией — и перечислить трудно. Назначенная ревизия семинарии все это

¹ Никанор, архиепископ. О значении семинарского образования // Странник. 1890. Т. 2. С. 42.

² Ленин В.И. Революционные дни // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политическая литература, 1967–1981. Т. 9. С. 206.

³ Цит. по: Мультатули П.В. Император Николай II. Человек и монарх. М.: Вече, 2016. С. 543.

более или менее выяснила, и для приведения ее в порядок был назначен новый ректор, архимандрит Николай, очень еще молодой, красивый и симпатичный человек. Он приехал в Пензу примерно через месяц после меня.

Вскоре после окончания экзаменов, когда ученики были уже распущены, следовательно, примерно в начале июня, ректор, покончив с утренними занятиями, возвращался около часа дня к себе домой. Когда он приблизился к большому кусту сирени, расположенному почти у самой калитки, к нему на двор из-за куста выскочили два молодых человека в черных рубашках и дали по нему несколько выстрелов. Ректор тут же упал мертвым. Убийцы побежали во двор, промчались мимо ожидавшего ректора у подъезда швейцара, выскочили через калитку на Покровскую улицу, где стоял на карауле 3-й участник, и бесследно куда-то скрылись.

Я в это время пошел пешком гулять и не успел еще выйти на Московскую, как меня догнал городской и доложил, что приехал полицмейстер по срочному делу. Вернувшись, получаю доклад об этом гнусном убийстве.

Надо сказать, что за семинарией расположен большой сад, выходящий на окраину города. За ним начинается роща, сливающаяся с казенным лесом. Я приказал по телефону как можно скорее прибыть к семинарии двум эскадронам улан, оцепить всю окрестность в сторону леса, а заросли пройти цепью для поимки преступников. Сам я поехал на место убийства вместе с полицмейстером. Судебные власти еще не прибыли, и труп лежал на том же месте. Около него собралась кучка великовозрастных семинаристов, не успевших еще уехать на каникулы. Не только не было заметно на лицах их какого-либо волнения, а многие даже пересмеивались и покуривали папиросы... Впечатление от этого преступления и от бесплодности розысков было в городе колоссальное. Среди города, днем, на глазах зрителей расстреливают человека, и виновные испаряются как дым. Всем стало очевидным, что по текущему времени все возможно и не существует ни малейшей уверенности, что завтра вас же самих не постигнет такая же участь»¹.

Так, в 1906–1909 гг. от рук революционеров-террористов погибло 5946 должностных лиц. По различным оценкам, в период с 1901 по 1912 гг. в России в ходе развернувшегося террора было убито и ранено свыше 17 000 человек. В 1906–1907 гг. «политическое насилие» достигло наибольшего размаха. По данным полиции, в среднем в день погибало до 18 человек. Гибли по долгу службы не только жандармские приставы и нижние полицейские чины, но и губернаторы и их заместители, генералы и строевые офицеры, священнослужители, врачи, инженеры, изобретатели, купцы и коммерсанты, старосты, рабочие².

Сотни священников пострадали от рук революционеров. «29 декабря 1905 г. в Ялте, на глазах жены и малолетних детей, был заколот кинжалами священник Владимир Троепольский, осуждавший в своих проповедях революци-

¹ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914): Новгород-Самара-Пенза. Петроград: Содружество, 1916. 260 с.

² Примечание: По данным, которые приводил в своей книге «Борьба за правду» присяжный поверенный Т. Ф. Булацель, только с февраля 1905 по ноябрь 1906 гг., то есть менее чем за 2 года, были убиты и тяжело ранены 32706 человек. Степанов А. Д. «Монархия рушилась, а где же были монархисты». Доклад на Рождественских чтениях Карельской митрополии — из книги *Степанов А. Д.* Русская идея. XXI век. М., 2021. С. 199. Более подробно см. также журнал «Исторический Вестник» статья «Жертвы политического террора в России (1901–1912)». См. сайт РУНИВЕРС.

Фотография праведного Иоанна Кронштадтского с дарственной надписью: «Благословенному Харьковскому Союзу Русского Народа благословение. Протоиерей Кронштадтского Собора Иоанн Сергиев. 28 января 1907»

на эти пророческие слова и то, как холодным январским днем на лошадях добрался до Успенского женского скита и совершил заупокойную Божественную литургию в сороковой день по кончине в Бозе почившего протоиерея Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского².

Какая же была ситуация в Империи в это время? Так ли уж критично-невыносимо было положение в экономике, культуре и науке при Николае II? Приведем вкратце некоторые данные из Русского Хронографа за 1908 год:

16 января. Учрежден Императорский Всероссийский аэроклуб.

13 (16) февраля. По инициативе В.М. Бехтерева открыт в Санкт-Петербурге Психоневрологический институт.

10 февраля. Неделя о блудном сыне. Первый съезд «Союза Русского народа» в Санкт-Петербурге.

16 (29) марта. В Цюрихе умер от саркомы один из основателей партии эсеров (социал-революционеров) 38-летний террорист Герш Ицкович, совершавший свои преступления под именем Григория Андреевича Гершуни.

онный террор. 30 ноября 1906 г. в селе Городищи Царицынской губернии в своем доме революционерами был убит настоятель храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радости» священник Константин Хитров со всей семьей, включая матушку Капитолину и малолетнего сына Николая, которым были проломлены головы». И по этому поводу Синод хранил подозрительное молчание. Синод осуждал еврейские погромы, но при этом «о необходимости противодействия антиправительственным демонстрациям не говорилось ничего»¹.

В 1908 г. Владыка Тихон посетил отца Иоанна Кронштадтского. Это было незадолго до кончины всероссийского пастыря. Два будущих святых сидели рядышком, долго беседовали, а в конце беседы отец Иоанн встал и сказал: «Теперь, Владыка, садитесь вы на мое место, а я пойду отдохну». Во времена своего Патриаршего служения Владыка Тихон не раз вспоми-

¹ Мультатули П.В. Император Николай II. Человек и монарх. М.: Вече 2016. С. 550.

² Вострышев М.И. Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. М.: Современник, 1991. С. 14–27.

15 апреля. В Санкт-Петербурге на Невском судостроительном заводе состоялась закладка двух ледоколов «Вайгач» и «Таймыр», предназначенных для полярных экспедиций.

3 (16) мая. Закон о поэтапном (в течение десяти лет) введении в России обязательного начального образования.

28 мая (10 июня) на Ревельском рейде прошли переговоры Николая II с королем Англии Эдуардом VII. <...> в этот же день застрелили 47-летнего экзарха Грузии архиепископа Карталинского и Кахетинского Никона.

31 мая. Л.Н. Толстой пишет в Ясной Поляне статью «Не могу молчать» о смертной казни. «Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильне, одна в Одессе. И это в каждой газете. И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы. И происходит это в России, в той России, в которой народ считает всякого преступника несчастным и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни. Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами, и вот второй, третий год непрекращающиеся казни, казни, казни».

15 октября. На экраны вышел первый русский художественный фильм «Понизовая вольница, или Стенька Разин и княжна», созданный режиссером В.Ф. Ромашковым. (Обратим внимание, что первый фильм не о любви, а о разбойнике. — М.К.).

29 октября. Выдающемуся русскому бактериологу Илье Ильичу Мечникову присуждена Нобелевская премия по медицине.

4 ноября. На Балтийском заводе в Санкт-Петербурге спущен на воду плавучий кран, не имеющий аналогов в России и за границей. Подъемная сила крана — 200 тонн.

8 декабря. Открыт учительский институт в Ярославле¹.

Эти данные объективно свидетельствуют о том, что в экономическом, литературно-художественном и научном аспектах в нашей стране перед революцией 1917 г. было все благополучно. Россия входила в пятерку ведущих экономик мира. А что касается сетований Л. Толстого о казненных террористах, то за все 23 года правления Николая II было казнено столько же, сколько при большевиках иногда за один день. Что сказать? — «Зеркало русской революции» по Ленину.

Объективной является также следующая оценка русской политической общественности Империи в это время: «Общее состояние российского общества после преодоления непосредственных последствий революции 1905—1907 гг. можно охарактеризовать двумя главными тенденциями. Во-первых, происходило ощутимое оживление общественной жизни: с 1909 г. начался быстрый экономический подъем; нараставший политический кризис вплоть до 1916 г. оставался верхушечным и не создавал революционной ситуации; присутствовало общее, по сравнению с предыдущим временем, падение интереса к политике; на смену политическим поискам постепенно приходил идеал жизненной активности, быстро росло увлечение разнообразными техническими новшествами и спортом, происходило значительное падение уровня самоубийств; неокантианство в философии и акмеизм в поэзии призывали к “оздоровлению” интеллекта и эстетического чувства, увлечение

¹ Более подробно см.: *Коняев Н., Коняева М. Русский хронограф. От Николая II до И.В. Сталина. 1884—1953. М.: Центрполиграф, 2014. С.105—110.*

окультизмом, гностицизмом и “неохристианством” постепенно переставало быть ультрамодным и сменялось интересом части интеллигенции к Православию. Во-вторых, все более ощутимо давал себя знать кризис традиционной нравственности, проникший уже в народную толщу, породивший даже в деревне такое новое явление, как “хулиганство” (демонстративное проявление немотивированного насилия), провоцировавший развитие сектантства. Обе тенденции были взаимосвязаны, они носили “естественный” характер и были связаны с быстрой экономической и социальной перестройкой общества из традиционного в индустриальное¹.

Кажется, это были спокойные, творческие времена в России. Но будущий Патриарх через пронизательную силу своего любящего сердца и чуткого ума видит приближение «дней окаянных». Он обеспокоен будущим России и Помазанника Божия, с которым выпали ему теплые встречи в Ярославле.

Жители Ярославля очень любили архиепископа Тихона, и в знак этой сыновней любви избрали его почетным гражданином города; это был едва ли не единственный на то время случай в русской истории. Поэтому, наверное, непревзойденный *в общении любви*, в своем христианском милосердии и крепости веры, с началом Первой мировой войны Владыка был направлен в Виленскую епархию, поближе к фронту. Там архиепископ спасает мощи Виленских мучеников, активно служит и проповедует в храмах по всей епархии, посещает госпитали и поддерживает солдат, ездит на фронт. «А я всё езжу, — пишет он в своих письмах, — возвратился вчера и на днях опять поеду в другие места, и военные просят, и на позиции». В военное время деятельность архиепископа расширяется, он присутствует в Святейшем Синоде, бывает на фронте, под обстрелом, постоянно служит панихиды с поминовением православных воинов, павших за Веру, Царя и Отечество, выступает с успокоительными словами перед беженцами. За свои труды и самоотверженность Император Николай II наградил Владыку бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

Но кровавые, диверсионные и идеологические, фронты открываются и в Москве. И там должен воевать любовью архипастырь.

Совсем немного времени оставалось и Владыке Тихону, и Помазаннику Божию Императору Николаю II, и православной России до вступления на Голгофскую стезю, до времен, омраченных так называемой «народно-демократической свободой», о беспощадности которой к несогласным знаем и мы на собственном опыте и которую так откровенно обличал архиепископ Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычѳв): **«Все идеи демократии замешаны на лжи**. Уже в определении — ложь! Слово это переводится на русский язык как “власть народа” или “народоправство”, но ни в одной из стран, считающихся демократическими, народ на деле не правит. Заветный плод государственной власти всегда в руках узкого слоя, немногочисленной и замкнутой корпорации людей, чье ремесло — политика, профессия — жестокая и беспощадная борьба за эту власть»².

¹ *Гайда Ф.А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. С. 16.

² *Митрополит Иоанн (Снычев)*. Русская симфония. СПб., 2001. С. 341.

*Архиепископ Виленский и Литовский Тихон в окопах на фронте
Первой мировой войны в расположении 70-го Рязского полка.
Штаб Северного фронта. МПТ ДМ. Источник фото: [http://www.
pravklin.ru/publ/pervosvjatitskij_podvig_patriarkha_tikhona/13-1-0-4157](http://www.pravklin.ru/publ/pervosvjatitskij_podvig_patriarkha_tikhona/13-1-0-4157)*

Авторитетный политический обозреватель и писатель Николай Стариков убедительно показывает, кто и как организовывал успешные госперевороты, именуемые сейчас «цветными революциями». Их надо долго и тщательно готовить, не жалея денег. Как с иронией подмечает Стариков: «В центре столицы России, во время страшной Мировой войны, толпа вооруженных людей торжественно встречает человека, там же публично призвавшего к свержению существующего строя! И его никто не арестовывает, никто не запрещает его партию... А ведь одновременно с Лениным на родину из США поплыл на корабле с множеством соратников Лев Троцкий. В Канаде его сняли с парохода и арестовали британские власти, но потом очень быстро выпустили... по просьбе Временного правительства, свергать которое и отправился Лев Давыдович... Не будем наивными. Если удивительным образом совпадает по времени ряд серьезных политических событий, не будем считать это пустой игрой случая. Будем искать тех, кому это выгодно¹». Вспомним, что паспорт Троцкому был выдан по распоряжению самого президента США Вудро Вильсона (когда Троцкого арестовала таможня, обнаружив огромные суммы денег, по звонку в «адмиралтейство» его тут же выпустили).

Мы знаем знаменитые слова о русском бунте Пушкина из «Капитанской дочки»: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка»... Бунты в России не

¹ *Стариков Н.В.* Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? СПб.: Питер, 2010. С. 5, 6.

только беспощадны, но и бессмысленны, проходят неорганизованно, бестолково, подавляются государственной властью, а здесь все прошло как по нотам, совсем не по-русски. Кукловодам своя шейка не была копеечкой, все было продумано и хорошо организовано: чувствуется чужой высокопрофессиональный почерк. Приведем примеры уже из современной истории. Вспомним военные операции Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в начале Великой Отечественной войны, когда, несмотря на ее героическое сопротивление, немцы в октябре уже стояли под Москвой. А ведь к войне с Германией готовились долго, будучи уверены в ее неизбежности. Вспомним недавние события СВО в Курской области. Временно исполняющий обязанности губернатора А. Хинштейн заявил 12 мая 2025 г., что уровень коррупции в регионе достиг высшей должностной планки. Чиновники из Курской области преследуются правоохранителями за хищение, коррупцию и грабежи. Вскрылись головоутиение, бестолковость, разгильдяйство и потрясающее воровство.

А в феврале 1917 г. всё шло как по маслу. «Союзники, Англия и Франция, не просто знали о готовящемся заговоре против руководителя Российской Империи, а организовывали и координировали его. Для того чтобы направлять события в нужное русло, вновь используется законспирированная агентура западных разведок. Как по мановению волшебной палочки, начинаются забастовки, митинги и шествия, **которые не организовывал никто** (выделено с иронией Стариковым. — М.К.), а уже затем ослепленная элита возглавляет разрушительные силы. Большинство тех, чьими стараниями была уничтожена Россия, действительно искренне хотели блага своей родине и использовались союзниками втемную»¹.

Но для этого нужны были беспорядки, и беспорядки масштабные, способные сойти за народную революцию. Недовольная часть русской элиты была готова к действиям, но ей не хватало повода. Скрытая агентура находилась до поры до времени на вторых и третьих ролях, а после переворота совершила рывок к власти, чтобы в самый короткий срок разрушить основы государства и ввергнуть Россию в хаос. Ленин в это время еще пил пиво в Швейцарии, и для него революция казалась очень далеким будущим. Известно его обращение по этому поводу к революционной молодежи 22 (9) января 1917 г.: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции». Эта цитата способна сильно огорчить тех, кто с детства был воспитан на стихах Сергея Михалкова: «...и Ленин видел далеко на много лет вперед». Кстати сказать, это обеспечивает Владимиру Ильичу 100% алиби в делах, связанных с отстранением Государя Императора Николая II от власти².

Для Троцкого тоже Февральская революция была неожиданностью. «Поезд монарха отправился в Могилев, в Ставку. На следующий день

¹ Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2018. С. 53.

² Цит. по: Вассоевич А.Л. Большой террор как орудие внутривластной борьбы // Следствие продолжается... Кн. 12. / сост. В.В. Егеев. СПб.: Первый класс, 2018. С. 63.

после отъезда монарха в городе, как по команде, неожиданно начались серьезные беспорядки. 23 февраля было международным женским днем. Его предполагалось в социал-демократических кругах отметить в общем порядке: собраниями, речами, листовками, — напишет позднее Троцкий в своей «Истории русской революции». — Накануне никому в голову не приходило, что женский день может стать первым днем революции. Ни одна из организаций не призывала в этот день к стачкам. Никто к забастовкам не призывает, но они начинаются **стихийно, сами собой, просто так** (выделено Стариковым. — М.К.). Однако тот факт, что обострение ситуации началось сразу после отбытия Николая, уже заставляет задуматься о «стихийности» народного гнева¹. Была умело организована провокация с подвозкой черного хлеба (белого было предостаточно) по железной дороге масоном Бубликовым. «Голодные» бастующие останавливали работу почему-то исключительно на военных предприятиях. И это в условиях войны! И все безнаказанно.

Сегодня многие подоплеку свержения русского Царя и разрушения Русского Царства проясняются. Становятся понятны замыслы, сроки, выверенный алгоритм действий заговорщиков и то, что без западных антироссийских сил дело не обошлось. Рассекреченные недавно во Франции архивные документы свидетельствуют об активном участии русофобских сил, о чем говорит митрополит Тихон (Шевкунов) в своей прекрасной книге «Гибель империи». Так, например, автор упоминает сведения агента армейской разведки капитана де Малейси, подготовившего записку о событиях в России: «Лидером искусно и давно подготовленного заговора был Гучков... Менее открыто, но эффективно действовал генерал Алексеев по договоренности с большинством генералов, в том числе с Рузским и Брусиловым... Видным организатором выступил британский посол сэр Дж. Бьюкенен, верховодивший всем заодно с Гучковым... Лорд Мильнер во время пребывания в Петрограде (это вполне установленный факт) решительно подталкивал Гучкова к революции, а после его отъезда английский посол превратился, если можно так выразиться, в суфлера драмы и ни на минуту не покидал кулис. Бьюкенен просил лидеров гучковско-милюковской и т.д. группировки лишь потерпеть до приезда Государя в Ставку, чтобы из-за удаленности у него фактически не оставалось времени вмешиваться в нужный момент, пойдя на уступки, которые у него вырвали бы в случае настойчивого отказа»². Более подробно на эту тему пишет митрополит Тихон (Шевкунов) в своей книге, изданной большим тиражом.

Февральская революция провозгласила эпоху моральной свободы. Эта неожиданная, невиданная ранее в России свобода стала орудием развала государства, парализовала деятельность правительственных служб, местных учреждений власти, привела к тотальным экспроприациям. Разлагающее влияние свободы проникло и в церковную среду. Но в первую очередь удар был нанесен по армии «Приказом № 1».

Соавтором «Приказа № 1» был одессит, юрист Овший Моисеевич Нахамкис. «Как активный участник Февральской революции, Стеклов

¹ *Стариков Н.В.* 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2018. С. 61–62.

² *Митрополит Тихон (Шевкунов).* Гибель империи. Российский урок. Псков: Вольный Странник, Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2024. С. 198–199.

(Нахамкис) становится (в качестве внефракционного социал-демократа) членом Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов. 1 марта 1917 г. он вошел в состав Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (ВК ВКГД) как представитель Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов, где и отличился в качестве соавтора «Приказа № 1».

Несколько позже Стеклов (Нахамкис) переходит к большевикам и после Октябрьской революции становится членом президиума ВЦИК 2-го и 3-го созывов. В 1918 г. совместно с Я.С. Шейкманом составил проект первой Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов. Один из авторов первой Конституции СССР 1924 года»¹.

Второй соавтор «Приказа № 1» — Николай Дмитриевич Соколов, 1870 года рождения, — присяжный поверенный, меньшевик-интернационалист и масон (ложе «Великий Восток»²). 27 февраля 1917 г. Соколов стал одним из организаторов «повстанческого штаба». 1 марта вошел в состав ВК ВКГД как представитель Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов³.

Разлагающее влияние свободы проникло и в церковную среду. Ее первые приметы: новоназначенный обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов сразу же разогнал Синод и сместил с кафедр двух главнейших митрополитов Русской Православной Церкви: митрополита Московского Макария (Невского) и митрополита Петербургского Питирима (Оконова). Антицерковный курс Временного правительства становился все более явным, даже агрессивным. Не оставалось сомнений, что симфонии новой власти с Церковью не будет, но зато все более спланивались либеральные голоса в вопросе о «раскрещивании» православной России. Многие христиане до такой степени поддались пьянящему чувству свободы, что уже к лету 1917 г. Россия была пронизана духом нравственного разложения: солдаты дезертировали с фронта, безнаказанно убивали командиров, крестьяне жгли помещичьи усадьбы, казнили дворян, в городах население растаскивало господское добро, безбоязненно убивало жандармов, символизирующих прежнюю власть, и т.п. Более подробно на эту тему пишет митрополит Тихон (Шевкунов) в книге «Гибель империи».

Не обладающее ни Божиим Помазанием, ни духовным опытом, ни профессиональным планом социально-политического переустройства страны, самозванное Временное правительство сразу же взялось за установку законов, граничащих с беззаконием, границ, сопряженных с обособленностью, обобщений, ведущих к раздробленности. Церковь не избежала кровопролитного реформаторства. С начала XX в. искусные атаки на Православие уже не ограничивались только печатной или словесной пропагандой. Манифест о веротерпимости, подписанный 17 апреля 1905 г., явившийся следствием революции, снял ограничения для неправославных религий и сектантов, усиливал влияние католицизма на территории России, оставлял Русскую Православную Церковь незащищенной.

«Сначала всё и шло как по маслу, — пишет авторитетный политолог Н. Стариков, — большевики взорвали Россию изнутри на множество мелких

¹ *Вассоевич А.Л.* Революция и термидор. СПб.: Аврора, 2020. С. 16.

² *Берберова Н.Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997. С. 199.

³ *Вассоевич А.Л.* Революция и термидор. СПб.: Аврора, 2020. С. 17.

осколков. Вековая Империя рухнула, как подкошенный дуб, в анархию и неразбериху. Потребовалось несколько лет кровопролития, чтобы из кровавой каши русской Гражданской войны появились контуры нового государства — новой красной России, Советского Союза. Неожиданно для всех: для “союзников”, для белогвардейцев, даже для самих себя — ленинцы собрали ее снова воедино. Гримасы истории: те, кого забросили для окончательного разрушения страны, ее и восстановили. Логика собственного выживания продиктовала последующие действия большевиков, в конечном счете приведшие к образованию СССР. Под другим знаменем, под другим названием, с новой идеологией, но бывшая мощь России снова была возрождена к концу 30-х годов.

Была ли наша революция рукотворной?

Ответ однозначен — да»¹.

Призвание Патриарха — светлая сторона предреволюционной истории России. Параллельно свое черное дело делали дьявольские силы, явившиеся в образах революционных вождей. Не многим современникам было дано за их якобы народными лозунгами, лживыми обещаниями рассмотреть планы международных мощных антироссийских сил. Митрополит Тихон, будущий Патриарх, видевший прицельный расстрел Кремля из пушек, когда большевиками, штурмующими Кремль, руководил немец П. Штернберг, понимал больше опьяненных вседозволенностью соотечественников. Русские артиллеристы были пьяны и не могли вести прицельный огонь по Кремлю. Их сменили призванные большевиками пленные офицеры австро-венгерской и германской армий. Эти били по сердцу России без промаха. 1 ноября 1917 г. — это начало Гражданской войны. Именно в этих боях мальчишки-юнкера, защитники Кремля, в противовес захватчикам-красноармейцам назвались белой гвардией. Страна окрасила себя в разные цвета, и становилось понятным, что Россию ждет непримиримая гражданская война и огромные жертвы.

Митрополит Тихон, наблюдавший последствия террористической деятельности в Москве и Санкт-Петербурге, знавший, имея опыт зарубежного служения, намерения западных стран, сразу определил новые власти как опаснейших врагов России. Избрание Патриархом Московским и всея России митрополита Московского Тихона (Беллавина) 5 (18) ноября 1917 г. стало спасительным событием для России грядущего века.

Послания, письма, статьи и речи Патриарха Тихона, прозвучавшие после смиренного принятия патриаршего креста, после осознания, что ему предстоит «умирание во вся дни», свидетельствуют не только об исторических особенностях его времени, но и о непревзойденной в своей крепости его личности, промыслительно возведенной на поприще спасительного для России служения. Много и полно характеризует личность Патриарха его первое «Послание о вступлении на патриарший престол Православной Российской Церкви», датированное 18 декабря 1917 года.

«Смиренный Тихон, Божией милостью Патриарх Московский и всея России, преосвященным архиереям, благоговейным иереям, честным инокам и всему православному народу о Господе радоваться.

¹ *Стариков Н.В.* Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? СПб.: Питер, 2010. С. 6, 7.

Расстрел Московского Кремля. 1917 год. Фото из открытых источников

Ныне всем возвещаем, что волею Божией вступили мы на священный Престол Патриарший. Преподаем чадам Православной Российской Церкви в сии великие праздники Рождества Господа нашего Иисуса Христа и Крещения Его в водах Иорданских патриаршее благословение.

Деянием Священного Собора Российской Православной Церкви в граде Москве, в лето от воплощения Бога Слова тысяча девятьсот семнадцатое, в согласии с божественными правилами церковными, определено было возвратить вдовствующей Церкви Российской законного ее главу, коего, попущением Божиим, она лишена была более двух столетий, и вновь явить представителя ее в Церкви Вселенской. Соборным избранием наименованы были иерархи, коих воля соборная предопределяла к сему уделу, дабы Промысл Божий из них указал избранника. Божественным жребием нам повелено было принять на себя великое и страшное служение. Преклоняя покорную выю, да совершится воля Божия, молим и вас попечительною любовью понести с нами сие тяжелое бремя и ею восполнить человеческую немощь нашу. О себе же ведаем, что сила Божия и в немощах совершается, и уповаем, что восстановлением патриаршества явлена новая милость Господня к Церкви Российской.

В годину гнева Божия, в дни многоскорбные и многотрудные вступили мы на древнее место патриаршее. Испытания изнурительной войной и гибельная смута терзают Родину нашу, скорби и от нашествия иноплемеников и междоусобной брани. Но всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затемнились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного, ослабела и сама вера, неистовствует

беспощадный дух мира сего. Но среди свирепеющей бури слышится верному сердцу слово Господа: «Что тако страшливиесте? Како не имате веры?» (Мк. 4:40), и чаем спасения от Божественного прещения ветру и морю бушующему: “молчи, престани” (Мк. 4:39). От небрежения чад своих, от хладности сердец страждет наша Святая Церковь, а с нею страждет и наша Российская Держава. Но имеем с нами святых печальников и молитвенников за Русскую землю. И в народе православном не все преклонили колена пред Ваалом; они неотступно зывают ко Господу о спасении. Ныне потребно сие дерзновение веры, бестрепетное ее исповедание во всяком слове и делании. Да возгорится пламя светоча вдохновения в Церкви Российской, да соберутся силы, расточенные во безвремении. Пусть верные чада в союзе любви соединяются с архипастырями и пастырями своими и вкупе являют служение в духе и силе. Молим Господа сил о ниспослании нам сей ревности к делу Божию, нам же благодати, укрепляющей к неукоризненному служению первосвятительскому, к любви отеческой к чадам церковным.

Благословение Господне да будет со всеми вами молитвами Богородицы и святых отцов наших: Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена, святителей Московских и чудотворцев, и всех святых, в земле Российской от века богоугодивших. Аминь.

Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России».

Хоть и провинилась Россия, отрекшаяся от своего Царя — Помазанника Божия, Господь не допустил абсолютной победы преисподних сил. Он призвал Патриарха Тихона (Беллавина) на голгофскую стезю, на жертвенное служение, в результате которого была спасена Русская Православная Церковь. Как известно, голгофский путь завершается голгофой. Голгофой Патриарха Тихона стало длительное, мучительное, но спасительное для Отечества и Церкви «умирание во все дни» патриаршего служения. А после — вечная слава.

*Святые Император Николай II
и Патриарх Московский и всея России
Тихон (Беллавин).
Иконописец Филипп Москвитин*

**Митрополит
ТИХОН (ШЕВКУОВ)**

МОЩИ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

Митрополит Симферопольский и Крымский Тихон (Георгий Александрович Шевкунов), глава Крымской митрополии с 11 октября 2023 года — родился в 1958 г. в Москве в семье медиков. В 1991 г. пострижен в монашество в Донском монастыре с именем Тихон в честь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. Кандидат исторических наук, гл. редактор интернет-портала «Православие.Ru», Секретарь Союза писателей России. Председатель Патриаршего совета по культуре. Церковный писатель, сценарист. Имеет правительственные и церковные награды.

Одной из загадок церковной жизни в советские времена была судьба мощей святого Патриарха Тихона, похороненного в 1925 г. в Малом соборе московского Донского монастыря. В 1946 г. на панихиде у его гробницы митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) с грустью произнес: «Мы молились сейчас только над могилой Святейшего. Тела его здесь нет».

Для подобной уверенности были все основания. То, что останки Патриарха Тихона могли быть уничтожены, никого не удивляло: если православные относились к почившему главе Русской Церкви как к святому, то ненависть к нему со стороны большевиков была исключительной даже на фоне остервенелого советского богоборчества. В списке врагов советской власти, опубликованном в одном из номеров газеты «Известия», Патриарх Тихон значился под номером один.

По слухам, в 1927 г., после закрытия Донского монастыря, власти, опасаясь, что мощи Патриарха станут предметом поклонения, извлекли его гроб из могилы и сожгли в крематории. По другим сведениям, останки Святейшего были тайно вывезены монахами и упокоены на Немецком кладбище в Лефортове. Сторонники третьей версии утверждали: понимая, что власти могут надругаться над останками Патриарха, монахи вскоре после погребения перезахоронили их где-то в некрополе Донского монастыря.

Эти предположения переросли в настоящую убежденность, когда в 1932 г. предводитель поддерживаемых советской властью церковных раскольников-обновленцев, «митрополит» Александр Введенский,

Публикуется по согласованию с автором по оригиналу: «Православие.Ru»

вдруг появился перед своими почитателями в архиерейских одеждах, в которых москвичи сразу узнали драгоценные облачения, сшитые специально для Патриарха Тихона на знаменитой фабрике купцов братьев Оловянишниковых. В них же Патриарха Тихона и хоронили.

И все же надежда, что мощи любимого всей Церковью Патриарха однажды будут найдены, оставалась.

* * *

Когда стала возрождаться монашеская жизнь в Донском монастыре, одной из первых просьб, с которой немногочисленная тогда братия обители обратилась к своему настоятелю, Патриарху Алексию II, было прошение о поисках мощей святителя Тихона. Святейший с радостью благословил нас на эти труды. Если бы мы тогда знали, с какими происшествиями это будет связано и как прекрасно все закончится!

Вскоре представилась удобная возможность. Начался ремонт в Малом соборе Донского монастыря. Храм закрыли на несколько месяцев, и в это время как раз бы и начать поиски... Но под разными предлогами они откладывались, и вот ремонт был уже завершен. В храме возобновились службы, время оказалось упущенным. А если сказать честно, патриаршим благословением мы тогда легкомысленно и весьма глупо пренебрегли, ссылаясь на разные «причины и обстоятельства», за что и поплатились, причем очень скоро. Хотя, как и всегда, Господь сами наши ошибки управил к общему вразумлению и к торжеству Своего верного святого новомученика Патриарха Тихона.

Был ноябрь 1991 года. Наместник, архимандрит Агафодор, закончив с ремонтом, отправился в служебную поездку и оставил меня в монастыре за старшего. Забот было не особенно много, если бы не досадный конфликт с какими-то странными людьми, свалившимися на наши головы. Они представлялись священниками и мирянами Русской Зарубежной Церкви, хотя никакого отношения к ней, как впоследствии выяснилось, не имели. Со скандалами и бесчинствами они во что бы то ни стало пытались устроить в монастыре свои богослужения без благословения Патриарха. Мы уговаривали, увещевали их как могли и, наконец, поняв, что ничто не помогает, решительно выставили незваных гостей за ограду. Но те затаили злобу.

18 ноября отмечался день, когда в 1917 г. на Поместном Соборе святителя Тихона избрали Патриархом Всероссийским (на него, одного из трех кандидатов, пал тогда жребий). Я прихворнул, но все же служил в тот день литургию, а потом и панихиду: это была еще и годовщина смерти отца Рафаила (Огородникова). Вообще, 18 ноября — для меня какая-то необычайная дата. В 1988 г. в этот день разбился отец Рафаил, а в 1993-м умерла Валентина Павловна Коновалова, «московская купчиха», духовная дочь отца Иоанна. История, о которой я рассказываю, тоже произошла 18 ноября. Но это к слову.

На литургии я впервые в своей священнической жизни заготавливал запасные Святые Дары для причащения больных. Хотя по церковным правилам это делается в Великий Четверг, но накануне ночью ко мне приехал мой друг, скульптор Вячеслав Михайлович Клыков, с просьбой срочно причастить и соборовать заболевшего знакомого. Однако выяснилось, что

*Патриарх Тихон. 1917 год.
Источник фото: russia.znaniy.ru*

в нашем храме запасных Святых Даров нет: их, оказывается, никогда здесь и не готовили.

Слава Богу, с приятелем Клыкова все обошлось благополучно. Ночью я соборовал его, а наутро больного причастил священник из другого храма. Чтобы больше подобного не случилось, я под руководством нашего старенького иеромонаха отца Даниила подготовил запасные Святые Дары и поставил их в специальном ковчеге на престоле.

После вечерней службы меня пришел навестить мой друг Зураб Чавчавадзе с банкой малинового варенья. Мы пили чай, когда позвонил дежурный и с тревогой сообщил, что к воротам подъехали несколько пожарных расче-

тов и их командир уверяет, что они срочно должны тушить у нас какой-то пожар.

— У нас что-то горит? — удивился я.

— Нет, конечно! — успокоил меня дежурный. — Это у их командира, наверное, внутри горит...

Я все понял. Неподалеку от нас располагалась пожарная часть, руководство которой дружило с отцом Агафодором. Один из офицеров был большой любитель посидеть с батюшкой за столом, пофилософствовать о жизни. Однажды, в период такого философско-алкогольного обострения, он уже рвался в монастырь среди ночи. Теперь, видимо, история повторилась.

Я повесил трубку, но через минуту снова раздался звонок. Дежурный сообщал, что пожарные не унимаются. Это было уже чересчур. Пришлось нам с Зурабом одеваться, а мне еще и потеплее кутаться после малинового варенья, и идти разбираться.

— Что случилось? — крикнул я, чтобы было слышно за воротами.

— Пожар! У вас пожар! — донеслось оттуда.

— Может, что-то повеселее придумаете? — язвительно поинтересовался я.

— К нам поступил вызов! — не унимались с той стороны.

— Это какая-то ошибка, можете сами убедиться, — ответил я, все же приоткрывая ворота.

У монастырских стен действительно стояли две пожарные машины с полными расчетами. Несколько человек в блестящих касках вошли в монастырь. Они сами были в недоумении.

— Позвонила женщина, мы думали, от вас. Сказала: в Донском пожар, срочно выезжайте.

Чтобы окончательно убедиться, что произошло недоразумение, я предложил вместе пройти по монастырю. Мы направились к центральной площади. Стояли уже поздние сумерки, но все было отчетливо видно. Обычные тишина и покой, ничто не вызывало тревоги.

— Вот видите, — улыбнувшись, обратился я к пожарным.

И в этот момент в окнах Малого собора Донского монастыря полыхнула яркая вспышка, раздался звон разбивающихся стекол, и из оконных рам вырвалось оранжевое пламя с клубами черного дыма.

Пожарные бросились к своим машинам. А мы с Зурабом замерли, разинув рты. Потом, как сумасшедшие, закричали:

— Пожар!!! Пожар!!! — и кинулись к храму.

Мимо нас с ревом промчались пожарные машины. Но храм уже полыхал вовсю. В оконных проемах бушевал огонь, дым мрачным клубящимся столбом поднимался в московское вечернее небо.

Не буду долго описывать эту страшную ночь. Только в третьем часу пожарные разрешили нам войти в храм. То, что предстало нашему взору, было поистине ужасно: черные стены и потолок, обуглившиеся кивоты, иконы, все залито водой, нестерпимый запах гари...

Один из пожарных позвал меня за собой вглубь храма и по пути озвучил свои первые выводы о причине возгорания. Огонь возник, как он утверждал, прямо у надгробия Патриарха. Поскольку стены в храме были выкрашены горючей масляной краской, пламя распространилось моментально.

— А вот это действительно странно, — сказал пожарный, указывая на иконостас.

Деревянные тѣбла и иконы хотя и почернели от копоти, но даже не обуглились. Иконостас полностью сохранился. Я с замиранием сердца вошел в алтарь и увидел, что здесь тоже, кроме копоти, ничего затронуто не было. Когда я вернулся к офицеру, тот объяснил мне свое недоумение:

— Рядом с иконостасом все выжжено, а сам он почему-то цел. Он же деревянный, не из металла?

— Очень старое дерево.

— Как же он не сгорел? Удивительно...

Тут я вспомнил и сказал:

— А!.. Мы же утром поставили на престол Святые Дары!

— Поставили что?

Я попытался объяснить. Офицер вежливо выслушал и, откашлявшись, спросил:

— Вы всерьез считаете, что это имеет какое-то отношение к сохранности дерева от огня?

— Не знаю. Просто я говорю, что утром мы поставили на престол Святые Дары.

— М-м... Понятно, — недоверчиво протянул офицер. — Впрочем, такое случается иногда. Все вокруг горит, а какие-то предметы остаются. В нашем деле чего только не бывает.

В тот же день началось следствие. Оказалось, что очаг возгорания действительно возник у самой гробницы святителя Тихона. Окно здесь всегда держат приоткрытым, и, как предположили следователи, злоумышленник бросил в храм простейшую бомбу с зажигательной смесью. Стены, выкрашенные масляной краской, сразу занялись. При этом у преступника было достаточно времени, чтобы выйти из монастыря незамеченным, с последними посетителями.

Выяснились и обстоятельства, благодаря которым пожар так быстро обнаружился. Одна из наших прихожанок, живущая напротив Донского монастыря, имела обыкновение читать вечерние молитвы на балконе. Она-то и увидела вспышку в окне храма и сразу позвонила в пожарную часть.

Спустя день мы служили в сгоревшем соборе всенощную под память Архистратига Михаила. Хор пел «Хвалите имя Господне», я совершал праздничное каждение, а люди, стоя среди родных, почерневших от копоти стен и обгоревших до головешек кивотов, не могли сдержать слез. Переносить службу в другой монастырский храм мы не хотели: нельзя было допустить людей до мысли, что это тяжелое испытание — просто игра слепого случая и Господь не обратит наши смятение и скорбь в радость, в торжество веры и надежды на непостижимый для нас всеблагий Его Промысел. Именно об этом я и говорил в тот вечер в проповеди перед нашими прихожанами.

Надо было приступать к ремонту храма. Меньше недели мы прослужили здесь после реставрации, и вот Господь снова предоставлял нам недавно упущенную возможность начать поиски мощей святителя Тихона.

Мы снова обратились к Святейшему, и он подтвердил свое благословение на раскопки, наказав лишь действовать аккуратно и осмотрительно. Мы понимали его тревогу. Кое-кто вообще уговаривал Патриарха не разрешать поиски, поскольку возможность обнаружения останков святителя весьма мала. А вот если распространится слух, что мощи Патриарха Тихона искали и не нашли, тогда, предупреждали осторожные советчики, проблем не оберешься: раскольники и недоброжелатели Церкви сразу пустят слух, что святитель Тихон сам не захотел пребывать своими мощами в патриаршей Церкви. Но, слава Богу, Патриарх Алексий твердо сказал: если мы обречем мощи, будет великий праздник; если же их там нет, мы ни от кого не станем этого скрывать.

Людей, совершивших поджог, так и не нашли. Братия монастыря и некоторые прихожане представляли себе, кто бы это мог быть, но даже как-то жалели их и в душе предали на милостивый суд Божий. Тем более что теперь, по прошествии времени, видно, насколько промыслительно было попущено это злодеяние. Именно в период второго, затянувшегося ремонта Малого собора Донского монастыря и были обречены мощи святителя.

Вечером в праздник Сретения Господня мы совершили молебен у гробницы Патриарха Тихона и приступили к раскопкам. Об этом знали немногие: Святейший Патриарх Алексий II, несколько монахов, два старца — архимандрит Кирилл из Свято-Троицкой Сергиевой лавры, архимандрит Иоанн из Псково-Печерского монастыря и те, кого мы попросили нам помочь: Вячеслав Михайлович Клыков со своими подмастерьями и художник Алексей Валерьевич Артемьев. Руководил нами ученый-археолог Сергей Алексеевич Беляев. Раньше он принимал участие в обретении мощей преподобного Амвросия Оптинского, занимался раскопками в Дивеево и на Херсонесе.

Сначала сняли надгробие. Его мрамор после пожара стал почти коричневым. Углубившись сантиметров на тридцать, мы обнаружили массивную мраморную плиту с надписью: «Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России». Именно таков был в начале двадцатого века титул русских Патриархов. Находка нас весьма воодушевила. Мы стали копать дальше и на глубине около метра увидели то, что искали, — каменный свод склепа. Взявшись за работу с утроенной энергией, к утру мы аккуратно расчистили весь склеп. Когда из свода удалось вынуть несколько камней, я просунул зажженную свечу в образовавшееся отверстие и заглянул внутрь. Склеп был пуст. Свет свечи выхватил лишь пыльные клоки старой паутины.

Когда я объявил об этом своим друзьям, все в изнеможении опустили на пол кто куда и, понурившись, сидели некоторое время молча. Потом один за другим бросились проверять: вдруг я ошибся, может, в обширном склепе остались хотя бы частицы мощей или щепки гроба, оброненные при вскрытии могилы Патриарха? Однако ничего — ничего не было... Оправдались наши худшие опасения.

Немного придя в себя, мы решили хотя бы задокументировать размеры и состояние склепа. Но когда кто-то стал измерять его длину, прут длиной два метра неожиданно полностью ушел и вправо, и влево. То же произошло и с восьмиметровым прутом. Мы поспешили обследовать подземное сооружение и вскоре поняли, что обнаружили не склеп, а часть отопительной системы храма — каменные трубы, расположенные под полом, по которым проходил горячий воздух от печи. На месте могилы Патриарха калорифер зачем-то значительно расширили, так что действительно образовывалось подобие склепа. Да и кладка здесь выглядела новой по сравнению с другими частями каменной подземной трубы. Возможно, это действительно был разоренный склеп. Но, может быть, могила располагалась намного глубже. А то, что мы обнаружили, представляло собой ложный склеп, устроенный, чтобы сбить с толку большевиков и навести их на мысль, что гроб с телом Патриарха уже изъят и где-то перезахоронен.

А тут еще отец Даниил привел одного старичка, который утверждал, что ему якобы доподлинно известно: святитель Тихон похоронен пятью метрами восточнее предполагаемой его гробницы. Мнения разделились, и наутро мы отправились к Святейшему — испрашивать благословения, как поступать дальше. Выяснив все подробности, Патриарх благословил продолжать поиски на том же месте.

Наконец, уже ближе к ночи, перед нами предстал настоящий склеп Патриарха. Сомнений в этом не было. Он являл собой мощное сооружение, покрытое огромной плитой, и, на наше счастье, оказавшейся не цельной, а состоящей из нескольких массивных каменных секций. Мы подняли одну из этих глыб. Я лег на живот и опустил свечу внутрь. Помню, меня сразу поразил аромат весенней свежести, исходящий из подземной усыпальницы. Все сгрудилось вокруг. Передо мной был тонкой, изысканной резьбы дубовый гроб, описание которого я хорошо знал. На нем лежала мраморная табличка. При мерцании свечи я прочел: «Патриарх Московский и всея России Тихон».

Мы не верили своему счастью. Отец Агафодор сразу ушел звонить Патриарху Алексию. Было уже поздно, около полуночи, но в Патриархии только что закончилось заседание Священного Синода. Минут черз

*Обретение мощей Патриарха Тихона в Донском монастыре.
Художник Филипп Москвитин*

двадцать Святейший был в Донском. К его приезду мы подняли остальные плиты над склепом и встречали Патриарха праздничным колокольным звоном. В полночь он звучал, как на Пасху.

Трудно передать, какие чувства испытывали мы в ту ночь, стоя у открытой могилы святителя Тихона. Не верилось, что все закончено и мощи перед нами. Наверное, такое же чувство было у Патриарха Алексия. Но все же он сказал мне:

— Все-таки следует посмотреть, здесь ли мощи?

Я надел епитрахиль (потому что к мощам можно прикасаться только в священной одежде) и спустился в склеп. Поддев гвозди и приподняв резную крышку гроба, я с замиранием сердца вложил внутрь руку. Пальцы мои ощутили сначала ткань, потом плечо...

— Здесь!!! — закричал я что есть силы.

— Всё! Назад, назад! Закрывайте скорей! — услышал я сверху взволнованный голос Патриарха.

Это произошло 19 февраля, а спустя три дня в монастырь приехали Святейший Патриарх, члены Синода, духовники Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кирилл и архимандрит Наум. Когда подняли обветшавшую крышку гроба с осыпающейся на глазах резьбой, перед нами предстали нетленные мощи святителя Тихона, покрытые бархатной патриаршей мантией.

Еще через несколько дней мы омыли святые мощи по древнему чину, облачили их в новые святительские одежды и уложили в специально

изготовленную раку. На Патриархе были те самые знаменитые облачения, сделанные на фабрике Оловянишниковых. Мы потом еще долго ломали головы, каким образом эти же облачения оказались у лжемитрополита Введенского.

Несмотря на то что в склепе была очень высокая влажность, тело Патриарха Тихона, пролежав в земле шестьдесят семь лет, сохранилось почти полностью. Примечательно, что одна из панагий — наперсных икон, символов архиерейской власти, покоившаяся на груди святителя Тихона, была сделана из кости мамонта, но полностью превратилась в прах. Остался только серебряный оклад. Нам тогда невольно вспомнилась строка из Псалтири: «Хранит Господь вся кости их». Хотя сохранились не только кости святого Патриарха, но и бо́льшая часть тела, а также великий патриарший параман, чётки, монашеский параман, нательный крестик, драгоценная золотая панагия, подаренная еще в бытность Патриарха архиепископом Ярославским духовенством и прихожанами этой епархии. Обнаружилась даже ветка вербы (святителя Тихона хоронили на Вербное воскресенье) и флакончик с благоухающим розовым маслом, которое возливали на тело Патриарха перед погребением.

* * *

Через некоторое время наш археолог Сергей Алексеевич Беляев все-таки докопался и до разгадки, почему на лжемитрополите Александре Введенском оказались патриаршие облачения. На фабрике Оловянишниковых их сделали не одно, а два. Теперь то из них, которое действительно принадлежало святителю Тихону, выставлено в музее московского Донского монастыря.

Точка ЗРЕНИЯ

Василий ДВОРЦОВ ВЕРНОПОДДАНСТВО ХРИСТУ

Культурные матрицы Русской цивилизации

Василий Владимирович Дворцов — родился в 1960 г. в Томске. Русский прозаик, поэт, публицист, драматург. Действительный член Академии Российской словесности, Славянской Академии литературы и искусств. Председатель Совета по прозе Союза писателей России. Автор четырех романов, многих повестей, поэм, сборников драматургии и публицистики. Лауреат междунар. лит. премий им. И.А. Гончарова, А.Н. Толстого, св. Кирилла Туровского, В.И. Нарбута, Н.В. Гоголя, всероссийских им. И.А. Бунина, Н.С. Гумилева, православной св. кн. Александра Невского, «Прохоровское поле», премий «Имперская культура», «Слово» и др. Награжден медалью «За труды в культуре и искусстве», медалью Правительства Москвы (ЮВАО), «За доблестный труд» и др. **Живет в Москве.**

Словарь Даля определял империю как «государство, властелин которого носит сан императора, неограниченного, высшего по сану правителя». Недалеко в примитивизации явления ушла и Большая советская энциклопедия. Таковое же упрощение мы читаем и в общепринятом перечне империй, которых за 25 обозримых веков истории насчитывают чуть более 20. Совершенно разные в социальном и экономическом планах, но обязательно классовые, надэтнические и экспансивные государства, из которых только Китайская империя, меняя династии, гордится двумя тысячелетиями непрерывного существования. В основном же сроки существования империй исчисляются в 100—300 лет, где-то больше, где-то меньше.

Один из научно признанных, но неловких, уязвимых признаков понятия «империя» — обязательность непрестанной колонизации с военно-торговым раздвижением границ до краев света. Эта уязвимость неабсолютности определения лежит в несравнимости военно-торговых, подчеркнуто внерелигиозных государств и теократических, богоцентричных, точнее, «божественно-властных».

Теократические империи не нуждаются в постоянном пространственном расширении, ибо имеют практически бесконечное внутреннее движение к совершенствованию: «Мы, люди Междуречья, родины апостолов и пророков, обители святых отцов, колыбели цивилизации, истока арифметики и создателей алфавита. На нашей земле был издан первый закон, дарованный человечеству, в нашей нации установлена эра самого справедливого правосудия среди прочих наций...» (Конституция Ирака).

Действительно, кроме прочих критериев, к определению статуса го-

сударства как «империи» должны применяться не только политико-экономические измерения, но и религиозно-культурные. Полноценной, состоявшейся империей может считаться лишь то государство, которое смогло взрастить в себе не национальную, не мультинациональную, а сверхнациональную сверхкультуру — цивилизацию, самовоспроизводящуюся через свои матрицы даже при значительном изменении границ или этнического состава.

Не сумевшие породить собственную оригинальную цивилизацию из-за краткости своего существования, типа тираний Александра Македонского или Наполеона, или же из каких иных причин, как, например, достаточно долговременное Великое Монгольское государство, такие монархии или деспотии империями могут называться лишь по определению словаря Даля: «властелин которого носит сан императора».

Правда, а почему Великое Монгольское государство, во многом подходящее под общепринятые критерии империй, за почти триста лет так и не смогло породить свою цивилизацию? В принципе, не смог и Рим: как республика и тирания, просуществовавший тысячу двести тридцать лет, он тоже оказался цивилизационно не самобытен. В основе его культурных достижений так и осталось первородство заимствованной античности. И потому же несостоятельны попытки создать легенду о некоей «советской империи», когда в России советского периода, пережив трагедию революции, доминирующей, наднационально-надфольклорно, вновь стала русская классическая культура, проистекающая из Православия. Своим принципиальным безбожием — отрицанием мирового Промысла и декларацией вселенскости случайностей — СССР был обречен на эклектику заимствования этических и эстетических образчиков у Святой Руси и модерна. Так что СССР — великое, славное государство, но никак не империя.

Итак: настоящая империя рождает собственную оригинальную цивилизацию только из собственного оригинального культа. Государства — самые могучие, абсолютистские, подчиненные единовластному «императору», весьма и весьма многонациональные, расширяющиеся мечом и золотом до пределов познанного мира, но не предводимые метафизически, не управляемые канонами своей главенствующей религии, — подняться из многонациональности и мультикультурности в цивилизацию не могут.

Божественное происхождение своей власти заявляли империи Аккад, Древний Вавилон, Новоассирийская, Египетская, Мидийская империи. Из Персидской через скоротечную Македонскую идея сакральности наднациональной власти, через самообожествление Александра Македонского, протекла в Европу, но пресеклась пантеонной надрелигиозностью Рима периода республики. А вот в Индии царство Маурьев утвердилось единым для всех граждан буддизмом, и потому она — империя и цивилизация! Надрелигиозный Рим разорвался на теоцентричные христианские империи Франков и Константинополя, вступившими в борьбу с империей Ислама, где повелители-арабы сменялись повелителями-тюрьками под все тем же зеленым знаменем Пророка.

Требуя специального изучения закономерности временного совпадения распространения христианства с последующими исламом и буддизмом, с созданием новых империй с собственными цивилизациями на месте ветхих.

Защищаясь от скепсиса и упорствуя на том, что сие утверждение несколько не архаика, неприличная для «современного сознания», отсылаю к

исследованию современных государственных конституций профессора Багдасаряна, в большинстве которых зафиксирована устремленность к реализации религиозных представлений о создании, существовании и идеалах земного мира и человеческого общества. Бог как основание законности и совершенствования общества и человека записан в конституциях большинства современных государств. Так, например, конституционная цель образцово демократического государства Пакистан прописана как воспитание человека в традициях Божественного порядка, в согласии с заявлением Пророка: «Я (Мухаммад) был послан для того, чтобы довести до совершенства благородный нрав» (Коран). Бог-Творец равно прописан в главных законах нынешних и демократий, и монархий, а в Греции и Ирландии апеллируют даже к Святой Троице. Это прекрасно, что ирландцы помнят, кто их крестил и что изначально они были православными: «Во имя Пресвятой Троицы, от которой исходят все власти и к которой, как к нашей последней надежде, должны быть направлены все действия человека и Государства...» (Конституция Ирландии).

Еще раз процитируем энциклопедию: Империя — это «государство, властелин которого носит сан императора». Путаность «империй» и «династий» исходит из неразработанности статусных понятий. Внимание! — понятий, а не терминов «император» и «кесарь». Ведь изначально императором в Древнем Риме именовали главнокомандующего войсками, а глава государства имел титул *кесарь* (лат. *caesar*), так же самодержавного правителя именовали *рекс* (лат. *rex*). Но с перехода Юлия через Рубикон императоры фактически стали кесарями, и с того момента времени государственную кесарийскую власть отождествили с императорской. А ведь к кесарю-цезарю семантически возводили свои титулы русские цари (1547) и немецкие кайзеры (1871). Поэтому следует различать: если власть по своей природе военная, как в Великом государстве монголов, то это государство под властью глубинно-азиатского, но именно императора, и при этом это государство все же не империя. А если власть сакрализована, как, например, франкская, где монарх, хоть и именовался императором, но так как его воля распространялась только на крещеный мир, то, по сути, он был кесарем, ведь в его заботы прежде иного на подвластных ему территориях входила защита веры и Церкви.

Отсюда же Пётр I, когда в 1721 г. в новой столице России, Санкт-Петербурге, объявил себя императором, упразднив патриаршество и сам став главой Русской Церкви, то, в сути, приняв на себя сакральную власть, опять же остался истинным кесарем, каковыми были цари Московские.

Однако вернемся к теме.

Благодаря разработкам Шарля Ренувье, Жозефа Гобино, Николая Данилевского, Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, в русле мыслей коих мы сегодня примерно одинаково принимаем слово «цивилизация». Однако нужно постоянно держать в уме, что заложенная богоскептицизмом в восемнадцатом веке и укрепленная в гуманистическом девятнадцатом веке — веке философских, научных, технических и социальных революций — и подхваченная агрессивным атеистическим двадцатым, в нашем двадцать первом веке продолжена историософская парадигма виденья цивилизационного развития только в виде материального научно-технического усовершенствования способов производства и качества комфорта. Эта парадигма — полное отрицание божественной воли и энергии в истории человечества. Движущими мировыми силами признаются только алчность, зависть и ненависть —

под видом конкурентности, но никак не любовь, не жажда справедливости, не богоподражательство, не искание рая царями, вельможами, военачальниками, ну, разве что купцами, врачами и крестьянами.

А еще в господствующей столько веков материалистической историко-софской парадигме цивилизация — над-культура, проистекающая из культуры, — опять же определяема только по форме, то есть ее, цивилизацию, рассматривают только как бы нечто уже состоявшееся, уже конечное. В цивилизации видят только свершенные события — событие, а не само бытие. Историки материалистической парадигмы изучают культуру как набор фактов, а не как процесс. Это похоже на анатомический подход к организму, которым невозможно описать жизнь.

Беда в том, что в таком фрагментарно-фактологическом восприятии достоверными признаются лишь исток — империя, и результат — уже сложившаяся цивилизация. Да, фиксируются и этапы развития, с учетом факторов влияния, ускорения или замедления, но при материалистическом зрении само это развитие, имея корни, не имеет направления. Развитие никуда не ориентировано: кто есть цивилизация движется хаотично. И при этом она гармонична...

В представлении ума, отрицающего Бога и Его промысел, мир должен быть хаотично-случайным, но он, мир, видимо и ощутимо гармонично-законен. Когнитивный диссонанс атеизма ведет пытливое сознание к парафрении. Из раздирающей материалистическое мировоззрение парадоксальной одномоментной хаотичности и гармоничности мира растут истерические призывы к созданию-сочинению «национальной идеологии» — идеологии, которая некоей плакатной логикой должна атеистам заменить веру теистов в Божий промысел. Этот парафренический синдром мы видим и в новодельной «русской мечте» — эпигонной кальке с применяемой глобалистами программы модернизационных национальных революций: «китайская мечта», «грузинская мечта», «украинская мечта»... И как объяснить неверующему, что «Русский мир», «Москва — третий Рим», «Православие, Самодержавие, Народность» — не идеологические формулировки, а своевременные прозрения и толкования Божьего откровения о России?

А еще бывает, что наши материалисты пытаются для себя оправдать столь явную духоводимость Русской цивилизации неоязыческой ДНК-конспирологией, но только для себя.

На самом деле, для прослеживания закономерностей развития цивилизации необходимо признание координаты «исход — цель»: человек греха — человек благодатный. Ибо задача цивилизации — полноценно в данных цивилизационных концептах совершенная, развитая личность. При всей универсальности классификации развития рас, культурно-исторических типов, национальной локальности при единстве внутреннего строя, в науке о цивилизациях важно понимать их, цивилизаций, индивидуальность, объяснимую оригинальностью представлений о Боге. Ведь ясно, что одна цель движения-развития цивилизации задается зороастризмом, другая — иудаизмом, совсем другая — буддизмом, принципиально несходная с христианством или исламом.

Кроме конечной цели цивилизаций, религиозное мировоззрение определяет и эталонную, не подлежащую никаким историческим изменениям иерархию ценностей, в которую вписываются или отторгаются культуры инород-

цев и иноверцев, оказавшихся в ойкумене империй. Иерархия религиозно незывлемых ценностей так же незывлема в культурных матрицах, так что сознание и чувства воцерковленного человека воспроизводимы в любых временах и землях. Воцерковленное сознание и христолюбивые мотивации Александра Невского понимаемы и Кузьмой Мининым, и Евгением Родионовым.

Теперь главное. В чем уникальность, неповторимость Русской цивилизации?

Мы знакомы с термином «христоцентричность» в определении пророческой сути Ветхого Завета: христоцентричность ветхих времен — это непрестанное возведение древним о грядущем Боговоплощении. Но после Рождества-воплощения, распятия-жертвы и воскресения Господа нашего Иисуса Христа, с распространением по Земле Евангелия и с появлением в центре мира православной империи, этот термин смысловое перезаполнился, перевелся из ключа к пониманию пророчеств в ключ к пониманию исполняемости, реализации Нового завета в истории Новой эры.

А еще этот термин используется и понятийно хорошо проработан в церковной антропологии. Однако по мере разработки человекопознания принцип христоцентризма и, вслед за постижением смысла жизни личности, актуализировал духовные и, вслед за ними, научные искания антропологии до уровня поисков смыслов социальных и государственных, христоцентризовав педагогику, политику, экономику, культуру — христоцентризовав цивилизацию.

Итак: именно христоцентричность выделяет нашу цивилизацию из цивилизаций, тоже христианских, тоже ориентированных на Бога, но на Бога-Творца, каковыми же являются и иудейская, и исламские цивилизации. Именно в христоцентризме нужно искать и находить ответы на все вопросы русскости. В нем все — от «Русской правды» и «Слова о благодати» до «Третьего Рима», в нем 350 сохраненных языков самых малых народов, в русском христоцентризме весь Достоевский, в нем наша обязательная, обещанная победа во всегда Отечественных войнах, наша неподчиняемость глобализму.

Так что лишь в материалистическом представлении Российской Империи можно сравнивать с Великим государством монголов и, находя в истории географические параллели, рассуждать о некоем «русском евразийстве». Но, понимая метафизику Русской цивилизации, пытаться привязать нас к этому самому «евразийству» кощунственно или смешно.

Напоминаю вопросы, которые требуют отдельного рассмотрения и осмысления: случайно ли устанавливаемый повсеместно в Европе феодально-монархический государственный строй исторически накладывался на христианизацию? Или же именно новая религия формировала новую форму государственности? Вообще, смена ветхозаветного учения о Боге-Творце, сохраняемого иудаизмом и исламом, на новозаветное благовестие о Боге-Отце — не причина ли распространения и доминирования христианско-византийской цивилизации в пределах бывших Западной и Восточной Римских империй над иными? Так называемый Византийский культурный период — богословие, иконопись, литература, архитектура, музыка, распространившись по всей Европе и Ближней Азии, — длился до искажения папизмом христианских целей спасения в Святом Духе, с последовавшим откатом Западной империи в доминирование над все новооткрываемыми заморскими и заокеанскими колониями только с помощью технологий. Миссианство уходящего от Христа Запада стало миссионизмом, но почему из

сонма всех христианских государств именно Россия понесла крест вселенского Православия?

Мессианство присуще всем цивилизациям. Поэтому мирного сосуществования цивилизаций не было и не будет. Философ Евгений Трубецкой, признавая, что «народов с каким-либо призванием или миссией, в частности с миссией религиозной, может быть много», жестко утверждал: «Народ-миссия может быть только один. Как только мы допускаем, что народов-богосцев, призванных спасти мир, существует не один, а хотя бы несколько, мы тем самым разрушаем мессианическое сознание и становимся на почву миссионизма», и далее, и более: «Русский национальный мессианизм всегда выражался в утверждении русского Христа, в более или менее тонкой русификации Евангелия».

Русский Христос — всечеловек, русский Христос — та универсальность Истины, Добра, Красоты, которую упорно пародируют универсализмом западной секулярной философии. Эта сущая универсальность русского христоцентризма раскрыта Ф.М. Достоевским в его знаменитой «Пушкинской речи»: «Будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» (Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, произнесенная 8 июня 1880 г. в московском Благородном собрании на заседании Общества любителей российской словесности).

Разберем наше русское понимание гражданства и патриотизма, в котором мы не схожи с нашими соседями европейцами. Опять же, согласно Словарю по конституционному праву, «гражданин имеет определенные права по отношению к государству (может требовать от него защиты своих законных интересов, обеспечения и создания условий для реализации прав и свобод) и обязанности перед государством». Исходя из такого правового определения, делаем вывод, что воспитание гражданственности возможно секулярно, ибо оно есть наполнение знаниями о свободах и ограничениях, обеспечивающими выживание и даже комфортное пребывание личности в данном государстве. Но явно не такой смысл мы вкладываем в это слово, ставя его через запятую со словом «патриот», так как патриот, по образцу вышестоящего определения, — это человек, у которого нет никаких прав в государстве, только обязанности перед ним. Причем эти обязанности без прав возлагаются на себя патриотом добровольно.

В российской истории буржуазное обращение «гражданин», затем советское «товарищ» на целый век стали заменой сложившегося в предыдущую эпоху понятия «подданный». Но как бы ни пытались пародировать смысловое наполнение этого слова демократы и большевики, «подданный» в народном сознании так и не получил уничижительной коннотации. Более того, как раз высшая форма патриотической похвалы и поныне в России звучит как «верноподданный».

Однако верноподданство взаимнообразно требует неразочарованности в своем повелителе.

«Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь» (Ин. 18:37). Отец Павел Флоренский: «...в сознании русского народа самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу». И, вспоминая досоветскую Россию, мы «забываем» всё — и сословность, и пропасть меж роскошью и нищетой, помня лишь о монархии как об отцовстве, и воздыхаем о своем сиротстве без «Царя-батюшки».

«Господне есть царствие, и Той обладает языки» (Пс. 21, 29). Еще цитата: «Отношение русского народа к Царю своему есть самый особый пункт, отличающий народ наш от всех других народов Европы и всего мира; что это не временное только дело у нас, не переходящее, не признак лишь детства народного, например, его роста и проч., как заключил бы иной умник, но вековое, всегдашнее и никогда, по крайней мере, еще долго, очень долго оно не изменится». (Ф.М. Достоевский, 1881 г., «Дневник писателя»).

(Больше цитат-свидетельств о сыновей любви русского народа к «царю-батюшке» и ревностном восприятии царя земного как живой иконы Царя Небесного — в моей статье «Монархизм русской поэзии».)

Цивилизационная цель России — Святая Русь. И сколько же раз в своей истории Россия приближалась к заданному ей идеалу и отпадала от него! Но задание неотменимо, и, страшными жертвами оплачивая уклонение, она возвращается и возвращается на свой путь.

Цивилизационная миссия России — встретить Второе пришествие Господа Иисуса Христа в сохраненной чистоте Православия, спасая под своим омофором всех христолобцев из апостасийного мира. Миссия русского православного человека — «изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!».

Отсюда русский патриотизм — это верноподданство священной Родине. Что, по словам Святейшего Патриарха Кирилла, наш национальный код: «Мы называем страну нашу уделом Пресвятой Богородицы... И образ Покрова является в каком-то смысле частью нашего национального самосознания». «Похотим помочь Московскому Государству, не пожалеем животов наших. Встанем все, как один, за русскую землю, за Дом Пресвятой Богородицы» — это призыв Козьмы Минина-Сухорука к церковному собору.

В русском сознании матрично: общество — это собор. Собор верующих — Церковь — соборное мистическое тело Христово. И в гражданстве Русского мира мистически первенствуют страдальцы за Христа — в Послании епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, иноку Печерскому, читаем: «...великий святитель Леонтий, епископ Ростовский, которого Бог прославил нетлением; он был первый на Руси святитель, которого, после многих мучений, убили неверные. Это третий гражданин Русского мира, с двумя варягами увенчанный от Христа, ради которого пострадал». Гражданин Русского мира — страдалец за Христа, крестonosитель. Потому-то «христианин» по-русски звучит — «крестьянин».

Как всякое тело, общество-собор имеет себе главу. В нашем народном — даже не сознании, а ощущении — российское гражданство, гражданство Русского мира — это верноподданство Христу. Но должно всегда помнить: верноподданство Христу требует неразочарованности в живой иконе Христа.

Анатолий СТЕПАНОВ КОНЦЕПТ «САМОБЫТНОГО ГОСУДАРСТВА- ЦИВИЛИЗАЦИИ» И ГОСУДАРСТВО- ЦЕНТРИЧНОСТЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Анатолий Дмитриевич Степанов — родился в 1961 г. в с. Нижняя Кубань Комаричского р-на Брянской обл. Окончил исторический факультет Дальневосточного госуниверситета (ДВГУ), служил офицером в Вооруженных силах. Окончил аспирантуру СПбГУ, занимался исследованием идеологии русского консерватизма. В это же время состоял сотрудником пресс-службы митрополита Иоанна (Снычева). В 1994–1996 гг. преподаватель, зам. декана факультета политологии ДВГУ. С 2004 г. главный редактор РНЛ. Действительный член ПАНИ. Составитель (совместно с О.А. Платоновым) тома «Русский патриотизм» в «Большой энциклопедии Русского народа». Живет в Санкт-Петербурге.

В последнее время понятие «государство-цивилизация» (или даже в такой формулировке, как не раз использовал в своих публичных выступлениях Президент России В.В. Путин, — «самобытное государство-цивилизация») входит в политический и научный лексикон, а значит, нуждается в осмыслении и определении.

Думается, использование Главой государства прилагательного «самобытный» применительно к «государству-цивилизации Россия» вполне уместно. Это не является случайным речевым оборотом, поскольку позволяет глубже раскрыть содержание понятия «государство-цивилизация». Великий Владимир Иванович Даль (1801–1872) в своем словаре так разъяснял суть слова «самобытный»: «Самобытный, сущий сам собою или от себя, своими силами. Говоря строго, один Бог самобытен, но зовут так в человеке самостоятельную личность и свойства его, в противность всему подражательному, особенно же творческие дарования его, гениальность»¹.

Здесь важно отметить две мысли В.И. Даля. Во-первых, ученый отсылает к православному вероучению («один Бог самобытен»), а это значит, понятие «самобытный» глубоко укоренено в русской культуре, не является заимствованным, как порой пытаются утверждать. Во-вторых, понятие «самобытный» выражает такие характеристики человека (и любого явления), как самостоятельность и уникальность («противность всему подражательному»), что и позволяет определить Россию как «государство-цивилизацию».

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб., 1882. Т. 4. С. 134.

Великая Россия. Коллаж: dorogobuzh-rcks.smol.muzkult.ru

Понятие «самобытный» (и производное от него понятие «самобытность») было одним из основных в учении о России ранних славянофилов (по общему мнению, основоположников самостоятельной русской философии), активно использовалось в текстах и историософских построениях представителей этого мощного течения русской мысли. Хороший обзор использования этого понятия у славянофилов можно найти в работе доцента кафедры русского языка Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского Н.В. Трошиной, посвященной как раз самобытности России¹. Кстати, как отмечает автор статьи, впервые лексемы «самобытность» и «самобытный» зафиксированы в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г.², то есть как раз в период расцвета славянофильства как самостоятельного направления мысли (40–50-е гг. XIX в.).

Примечательно, что славянофилы не только ввели в историософский дискурс понятие «самобытность», они, собственно, первыми и обосновали отличие русской цивилизации от иных цивилизаций, прежде всего европейской. Наиболее предметно и основательно это сделал самый глубокий мыслитель из славянофилов Иван Васильевич Киреевский (1806–1856) в своей статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к гр. Е.Е. Комаровскому)» (1852). Он, разумеется, не использовал понятие «цивилизация», а пользовался характерными для его эпохи и для его круга понятиями «просвещение», «образованность». Киреевский писал, что особенности, давшие отличительный характер западной образованности, суть следующие: «особая форма, через которую проникло в нее Христианство»; «особый вид, в котором перешла к нему

¹ Трошина Н.В. Самобытность России: к вопросу о содержании концепта «самобытность» в дискурсе русского славянофильства // Вестник Брянского университета. Серия Языкознание. 2016. № 3. С. 189–193.

² Там же. С. 190.

образованность древнеклассического мира»; «особые элементы, из которых сложилась в нем государственность»¹.

Соответственно, согласно логике Киреевского и в целом солидарного с ним второго крупного представителя славянофильства Алексея Степановича Хомякова (1804–1860)², особенностями России («русского = русского государства-цивилизации», как сказали бы мы сегодня), определившими нашу историческую судьбу, нужно считать: особую форму Христианства — Православие; особый вид быта, традиций, образования и культуры суперэтнического русского народа; особые форму и элементы государственности, как она сформировалась в нашей истории.

Тут важно отметить, что славянофилы рассматривали самобытность России именно в ее противопоставлении Западу, что и сегодня характерно для нашей национальной мысли. Во многом это связано со стремлением формировавшейся самостоятельной русской мысли освободиться от интеллектуальной зависимости от Европы (западничества). Впрочем, эта проблема носит фундаментальный характер, ведь отождествление европейского и общечеловеческого (европоцентризм) является проблемой для каждой самобытной цивилизации, хотя для России особенно в силу не только соседства с Европой (чаще недружественного), но и общности судьбы, выразившейся в унаследовании и нами, и Западом христианства и греко-римской культурной традиции.

Позже Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) предложил универсальную концепцию цивилизационного подхода в своей знаменитой работе «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому», впервые напечатанной в 1869 г. в журнале «Заря». Данилевский справедливо считается основоположником цивилизационной концепции исторического процесса, хотя он тоже не использовал термин «цивилизация», а ввел для обозначения того, что мы сегодня называем цивилизациями, понятие «культурно-исторический тип» и выявил даже законы развития этих общностей. Н.Я. Данилевский также противопоставлял России Европу (как, впрочем, и его современники и в целом единомышленники И.С. Аксаков, Р.А. Фадеев, О.Ф. Миллер и др.), но еще более остро, чем ранние славянофилы. И.В. Киреевский и А.С. Хомяков не исключали возможность примирения России и Европы. Так, Киреевский выражал надежду на то, что удастся «развитием законов самобытного мышления подчинить весь смысл Западной образованности господству православно-христианского убеждения... Развитие этого мышления должно быть общим делом всех людей верующих и мыслящих, знакомых с писаниями Святых Отцов и Западной образованностью»³. Н.Я. Данилевский, писавший в другую уже эпоху, утверждал, что Европа враждебна России, «не признает нас своими», видит «в Руси и славянстве не чуждое только, но и враждебное начало», инстинктивно чувствует в них «крепкое, твердое ядро», которое «нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь

¹ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 182.

² См.: Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Полное собрание сочинений. 4-е изд. М., 1911. Т. 1. С. 197–258.

³ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 2. С. 221–222.

и плоть, — которое имеет и силу, и притязание жить своею независимую, самобытною жизнью»¹.

Но для наших рассуждений больше важен другой современник Н.Я. Данилевского, с которым они по ряду вопросов расходились, Михаил Никифорович Катков (1818—1887), глава условной «партии государственнического консерватизма». Катков выявил важную закономерность устройства российского государства-цивилизации, которая особенно актуальна для нас сегодня. В 60-е годы XIX в. на фоне реформ Императора Александра II, которые были направлены не только на освобождение крестьянства от крепостной зависимости, но и в целом на высвобождение общественной энергии, скованной государством в эпоху царствования его отца Николая I, государство как бы умалилось, «государство ушло». Это особенно ярко проявилось во время польского восстания 1863 г., когда власть долгое время проявляла нерешительность в подавлении бунта. М.Н. Катков, бывший в ту пору воистину «золотым пером» Империи, поднял эту тему на должную высоту, требовал от власти решительных действий, что и произошло после некоторого замешательства, стоившего многих напрасных жертв мирного населения Западной Руси.

В полемике вокруг польского вопроса Катков сформулировал актуальную сегодня формулу внутреннего устройства российского государства-цивилизации и, собственно, дающую ответ на вопрос, почему верно говорить именно о «государстве-цивилизации», а не, скажем, о «стране-цивилизации». М.Н. Катков писал: «Есть в России одна господствующая народность, один господствующий язык, выработанный веками исторической жизни». Однако в России есть множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свой обычай... Но все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют единство с ним в единстве государства, в единстве Верховной власти — в Царе, в живом, всеповершающем олицетворении этого единства. В России есть господствующая церковь, но в ней же есть множество всяких, исключаящих друг друга верований. Однако все это разнообразие бесчисленных верований, соединяющих и разделяющих людей, покрывается одним общим началом государственного единства. Разноплеменные и разноверные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной верховной власти. Всё разнородное в общем составе России, всё, что может исключать друг друга и враждовать друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства. Благодаря этому чувству Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли»².

Таким образом, согласно мысли Каткова, стягивающим механизмом такого сложносоставного явления, как Российская Империя, является именно Верховная власть, Государство как таковое. Поэтому мы должны говорить о России не как о православной цивилизации, хотя Россия — самое крупное православное государство в мире, и не как о русской национальной цивилизации, хотя этнически русские составляют большинство населения, а именно как о государстве-цивилизации.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 2-е изд. М., 2011. С. 65—66.

² Московские ведомости. 1863. № 79.

Здесь важно отметить также и то, что для западной цивилизации характерно именно государство-нация. Это проявляется, в частности, и в том, что международная организация государств называется на западный манер Организацией Объединенных Наций. Россия же, когда она вышла на мировую арену как весомая сила, то есть со второй половины XVII в., была и мыслила себя не как государство-нация, а именно как государство-цивилизация¹. Уже в этом проявляется фундаментальное расхождение с Западом.

В постсоветскую эпоху, когда в моде были идеи чрезмерного вторжения государства в общественную жизнь, тоже «государство ушло». Печальным символом отсутствия государства в 90-е гг. XX в. являлось такое забытое сейчас явление, как «ночные губернаторы» в ряде регионов — бандиты, фактически подменившие собой законную власть. С приходом к власти В.В. Путина государство возвращается. Примечательно выступление Президента России перед участниками форума в Давосе в 2021 г., когда Путин, опираясь на опыт борьбы с пандемией коронавируса, заявил, что государство еще долго останется несущей конструкцией мирового устройства, что прозвучало как открытый вызов идеологам глобализма и постмодерна, которые как раз выступают за снижение роли национальных государств и передачу их функций наднациональным структурам.

Сегодня государство возвращается, и это несет, конечно, свои угрозы, прежде всего, бюрократизацию общественной жизни. Но преодоление этих угроз — задача завтрашнего дня. Сегодня же прогрессивен лозунг «Больше государства»!

Для России роль государства особенно важна, ибо сама наша история государствоцентрична. И это является важным отличительным признаком исторического пути России. Приведу только несколько примеров.

Первое проявление государства-цивилизации — Крещение Руси. Как оно происходило, хорошо известно. Но в этой истории есть один загадочный момент. Как сообщает нам летопись, перед принятием решения о крещении в разные земли были направлены посольства, чтобы изучить тамошние верования — в итоге Великого князя и бояр больше устроила вера православная. Понятно, что с греками и с христианством Русь была знакома уже давно, учитывая хотя бы тот факт, что святая бабка равноапостольного князя Владимира, княгиня Ольга, была уже крещена в Православие. При ней наверняка был священник, который совершал богослужения, и возле нее были православные люди. Да и купцы-христиане были частыми гостями в Киеве.

Тем не менее, уже приняв решение о том, что он и народ примут православную веру от греков, Великий князь Владимир совершает, казалось бы, довольно бессмысленное дело — он осаждает греческий город Херсонес. Иными словами, князь Владимир не пожелал принять веру как дар, как подарок от греков, он решил взять ее силой, на интуитивном уровне понимая христианскую максиму о том, что «Царствие Небесное нудится»: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12).

¹ Кстати, одно из измерений Раскола середины XVII в. заключается в том, что старообрядцы выступали именно сторонниками государства-нации и стали, с одной стороны, на несколько веков врагами Империи, а с другой — для них оказались более органичны капиталистические отношения.

Князь Владимир Святославович, как лидер государства, хотел выступить в роли сильного, хотя при этом сам лично проявил образец смирения. И это очень важный алгоритм нашей истории. Сразу же можно вспомнить, как была освобождена Церковь в советскую эпоху. Распространено мнение, что И.В. Сталин был вынужден возвращать храмы и ослабить гонения на Церковь не то под влиянием открытия немцами храмов на оккупированной территории, не то под давлением союзников-англичан. Если бы Сталин действовал, исходя из этой логики, то он должен был бы встретиться с митрополитами в конце 1941 г. или в 1942 году. Но он встретился в сентябре 1943 г., когда произошел коренной перелом в войне, когда Красная армия разгромила фашистов в Курской битве. Сталин как лидер государства хотел выступить в диалоге с представителями Церкви в роли сильного. Точно так же, как поступил в начале нашей истории святой Владимир Креститель.

Мы же можем отметить, что уже в X в. государственная власть выступает локомотивом исторического развития, что мы будем наблюдать и впредь.

Обратимся, например, к эпохе благоверного великого князя Александра Невского. Именно он принимает судьбоносное для страны и народа решение: смириться перед властью Востока, который требовал физической дани, и противостоять, встать войной против формально близкого — христианского — Запада, который уже встал на путь ереси и требовал духовного подчинения. Идя по пути спасения Отечества, Великий князь Александр не остановился даже перед арестом и заточением своего сына, осмелившегося поддержать бунт против ордынской тирании.

Или вспомним эпоху Великого князя Василия II Васильевича (Тёмного). Когда тогдашний глава Русской Церкви, митрополит Исидор, подписал Ферраро-Флорентийскую унию, то есть предал Православие, согласившись на унию с католическим Римом, именно Великий князь Василий спас чистоту веры, спас Православную Церковь, арестовав митрополита, а затем вынудив его бежать из пределов страны. А в Москве, в связи с отсутствием митрополита, было принято решение созвать собор епископов Русской митрополии, который в 1448 г. избрал митрополита из числа русских епископов; им стал святитель Иона. Таким образом, де-факто с 1448 г. Русская Церковь получила самостоятельность (автокефалию), что стало важнейшим кирпичиком в строительстве самобытного государства-цивилизации.

И вновь государство российское оказалось локомотивом русской истории.

Сын Василия Тёмного, собиратель русских земель и фактический основатель Московской державы, Великий князь Иван III Васильевич, когда общество ожидало конца времен, смотрел с оптимизмом вперед и укреплял государство. В 1492 г. исполнилось 7000 лет от сотворения мира, когда, по многим пророчествам авторитетных отцов Церкви, должен был наступить конец света. Переживания по этому поводу в обществе были довольно острыми, особенно на Руси, где были сомнения, нужно ли составлять Пасхалию на следующий 1493 г. (70001 от сотворения мира) и даже надо ли пашню засеять. И в это переломное время власть оказалась в авангарде общества, она смотрела в будущее: Иван Великий женится на племяннице последнего ромейского императора Софье Палеолог, принимает в качестве государственной символику Второго Рима, объединяет почти все русские земли под властью Москвы, окончательно сбрасывает ордынское иго, грозит опасную для Церкви и государства ересь жидовствующих.

Петр Великий, учредив империю, создав мощное государство, сильные армию и флот, заявил своим подданным в 1721 г., что все это он делал не для формального укрепления государства, а для того, чтобы «с нами не случилось, как с империей Греческою». Иными словами, в 1721 г. русский государь вспоминает 1453 г. — падение Второго Рима — Константинополя, то есть мыслит свою страну в религиозных категориях как Третий Рим, как Удерживающий¹. А Петра Великого до сих пор некоторые объявляют у нас западником...

И в последующие века мы видим проявление этой государствоцентричности русской истории. Например, когда Российская Империя приняла вызов победившей антихристианской Французской революции и разгромила «непобедимую армию» из «двунадесяти языков», которой предводительствовал лидер революции, доселе непобедимый Наполеон Бонапарт. А спустя несколько лет министр народного просвещения Российской Империи и президент Императорской Академии Наук Сергей Семенович Уваров (1786–1855) в ответ на триаду Французской революции «Свобода, равенство, братство» сформулировал триаду консервативного Третьего Рима, «самобытного государства-цивилизации» — «Православие, самодержавие, народность».

В конце 1831 г. в отчете о ревизии Московского университета Уваров, упомянув об ошибках в образовании, выражал надежду, что «нам остаются средства сих ошибок не повторять и, постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплой верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества»².

А в 1848 г. эту уваровскую формулу дополнит необходимым геополитическим размахом великий русский поэт-философ Федор Иванович Тютчев (1803–1873). В своей статье «Россия и Революция» Тютчев написал: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. <...> Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества»³.

Эти две формулы — уваровская и тютчевская — не только определили идеологию Российской Империи, но и напрямую связаны с утверждением государства-цивилизации. Поэтому и сегодня они звучат актуально.

В XX в. на наше Отечество пришли новые «двунадесять языков» — фашистские полчища с крестами на самолетах и танках, с надписью на бляхах

¹ Речь о загадочных словах из послания к Фессалоникийцам апостосла Павла: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:7). Наиболее распространенная в святоотеческой традиции интерпретация понятия «Удерживающий» (по-гречески — Катехон) предполагает, что речь идет о Римской империи.

² Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 82–83.

³ *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад. М., 2011. С. 67.

солдат вермахта: «С нами Бог». Но Красная армия победила это фарисейское сатанинское сборище, остановив мир от гибели. Для православного сознания далеко неслучайным является тот факт, что Пасха — символ победы Жизни над смертью — в 1945 г. выпала на 6 мая, когда победившая живое воплощение смерти — фашизм — победоносная Красная армия практически взяла столицу Третьего рейха — Берлин.

Поэтому далеко неслучайно нынешнее противостояние России и Запада осмысливается в религиозных категориях — как противостояние жизнеутверждающей традиции и сатанинской смерти. Об этом не раз говорил Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Да и сам глава государства Российского В.В. Путин называл западную цивилизацию сатанинской. Так, выступая на церемонии подписания договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России, Путин заявил: «Диктатура западных элит направлена против всех обществ, в том числе и народов самих западных стран. Это вызов всем. Такое полное отрицание человека, ниспровержение веры и традиционных ценностей, подавление свободы приобретает черты “религии наоборот” — откровенного сатанизма»¹.

Сегодня мы переживаем эпоху в мировом развитии, когда России призвана вновь дать ответ на глобальный вызов, грозящий миру катастрофой. Заканчивается многовековая эпоха европоцентризма (точнее, западоцентризма), Запад перестает быть локомотивом мирового развития, властно выходят на мировую арену другие центры силы. Сопrotивляющийся ходу мировой истории Запад становится угрозой для человеческого сообщества. На наших глазах предпринимается попытка построить новую Вавилонскую башню, электронную, в духе времени, — снова попытка «отменить и заменить» Бога.

Этим процессам противостоит Россия, в том числе в информационно-идеологической сфере. В поиске ответов на современные вызовы нам необходимо обращаться к нашей истории и к русской национальной политической мысли. Именно там мы можем найти подсказки в наполнении смыслом и содержанием важнейшей современной идеологической конструкции «Россия как самобытное государство-цивилизация».

¹ Путин В.В. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69465> (дата обращения: 13.03.2025).

Геннадий ИВАНОВ

«ДА СОХРАНИТСЯ В БОГЕ НАШ НАРОД»

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 г. в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор более десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый заместитель Ответственного секретаря СП России. **Живет в Москве.**

* * *

Встает мой дед и говорит:
«А где Россия?»
Встает мой прадед и опять:
«А где Россия?»
И третий, и четвертый:
«Где Россия?»
«Россия где?» — мне предки говорят.

А я в ответ: «России больше нету».
А я в ответ: «Она осталась с вами».
А я в ответ: «Ее уже не будет».
России нету места на земле».

И дед, и прадед, третий и четвертый
Глядят в глаза мне.
«Быть того не может!
Не может быть!
Хоть что-нибудь осталось.
Ищите, мы поможем», — говорят.

* * *

Ни тропаря, ни кондака не зная,
Стою стыдливо, слушаю, молюсь.
Я за тебя молюсь, родная Русь.
Не может стать бесовскою святая.
Я за тебя молюсь, святая Русь,

За обновленье русского народа.
Пусть наносное сгинет, отпадет,
Пусть сохранится в Боге наш народ,
Лукавого пускай не ищет брода...
Да сохранится в Боге наш народ.

Пускай его рассеются враги.
Прошу: «России, Боже, помоги».

* * *

Поля зеленые, коричневые пашни,
В душе любовь и к небу, и к земле —
И оттого немного даже страшно,
Что ничего не надо больше мне.

Иду пешком из Ханино в Слепнёво,
Иду тележной узкой колеёй,
Я знаю жизнь и горькой, и суровой,
Но нынче это в недрах, под землей.

Всё где-то там до времени таится
И жутко машет острою косою.
А здесь — ромашки, ветер на пшенице,
И я иду в рубашке и босой!..

ПАМЯТИ МАГОМЕДА АХМЕДОВА

И самолет компании «Победа»,
И солнце светит, и земля в цвету!..
Но Дагестан уже без Магомеда
Меня встречает в аэропорту.

А без него не те уже и горы,
А без него не тот и разговор.
Не стало поэтической опоры
В Махачкале. Осиротел простор

В Хунзахе, и гора Седло в тумане...
И виды стали скучными в пути.
Тоска-печаль. Я говорю заранее:
«Ты, Дагестан, печаль мою прости».

Он был достойный ученик Расула.
Расул в нем жил... И Пушкин жил, и Блок...
Он, мальчик из далекого аула,
Постичь и выразить так много смог.

Он дружбу чтил. Да, он стремился к славе —
Он был поэт, и был в своем он праве.
Он был порывист, но и мудрым был.
Да, он поэзию боготворил.

Терпеть не мог словесных проходимцев.
В Гунибе у аварцев был любимцем.
В Хунзахе тоже, и в Махачкале
Его стихи у многих на столе...

Конечно, жизнь — и радость, и победа,
Особенно когда земля в цвету!
Но Дагестан уже без Магомеда
Меня встречает в аэропорту.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ НА СЕВЕРЕ

Вот здесь лежат две тысячи морпехов	Страна их помнит,
С великой героической войны...	память неподдельна.
Да, здесь лежат две тысячи морпехов,	И молодые эту память чтут:
Защитников и ангелов страны.	На юге, на окраине удельной —
	Там новые морпехи в бой идут.

* * *

Моя любимая, родимая,
с которой шел я по тропиночке, —
она теперь уже незримая...
Она была не половиночкой.

Она была мне всем единственным!
Она была мне полной чашею!
Она была мне всем таинственным!
Она была моей Наташею!

РЕКА ТЕКЛА...

Река текла, склоняя по течению
Кувшинок стебли. Я поплыл по ней
С каким-то безоглядным увлечением!
Внизу был холод ила и корней.

На берегу траву щипали козы,
И собиралась вдалеке гроза,

Летели рядом бабочки, стрекозы,
Заглядывали ласточки в глаза...

Была такая легкость и беспечность,
И к сердцу не примешивался страх.
Река текла. И жизнь текла.

И вечность
Текла куда-то в Божьих берегах.

МАЛЬЧИК В ХРАМЕ

Мальчик в храме совсем не смущен
Ни торжественной службой,
ни ликами —
И глядит непосредственно он
На Христа и на стражников с пиками.

То Распятьем большим увлечен,
То Распятьем
серебряным маленьким...
Позади всех молящихся он
Ходит тихо в рубашке и в валенках.

Впереди где-то бабушка здесь
Повторяет молитвы заученно...
Мальчик, службой овеванный весь,
Тихо ходит и смотрит задумчиво.

Что-то будет с ним в жизни большой?
Дай-то Бог ему истинной ясности,
Пусть останется чистым душой,
Проходя все земные опасности.

В АРКТИКЕ

Душа познала, что это такое,
Когда, тоску восторгом утоля,
Глядишь вперед, на поле ледяное,
На белый мир с надстройки корабля!

Порой тут есть такое ощущение,
Что век далек, что в вечной тишине
Еще не начиналось исчисленье.
О, как душа возвысилась во мне!

Еще часы не пущены как будто,
Еще творенье мира предстоит.
Еще душа не знает о минутах —
От брешь гнетущей не болит.

Еще тут всё свежо и незнакомо,
Еще не искупались мы в крови —
Еще как будто можно по-другому
Устроить мир — по правде и любви.

Вадим ТЕРЁХИН

«ОБРЕСТИ СПАСЕНИЕ В КРАСОТЕ»

Вадим Фёдорович Терёхин — родился в 1963 г. в поселке Песоченский Тульской области. Поэт, генеральный координатор Ассоциации писателей БРИКС, генеральный координатор движения WPM (World Poetry Movement) в России, член координационного совета и континентальный координатор названного международного поэтического движения в странах Азии, член бюро Форума «Мирь Слова» при Издательском Совете РПЦ, действительный государственный советник II класса, участник и один из организаторов литературных фестивалей в Китае, Индии, Турции, Вьетнаме, Кубе, Италии, Франции, Бахрейне, ОАЭ, США и др. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий. Переведен на многие языки мира. **Живет в Калуге.**

ПРИЧАСТИЕ

Стою у Божьего порога
Всем смыслам жизни вопреки,
И жду, когда частица Бога
Во мне расправит лепестки.

Уже недолго, и пора мне
Последний подводить итог
В надежде вещей, что из камня
Распустится живой цветок.

Но уповаю — лик Твой светел!
Навек благословен Твой дом,
В котором даже серый пепел
Опять становится огнем!

* * *

Я невысокий человек,
И вешу в мире я не много.
Я коротаю краткий век —
Мгновенье на мизинце Бога.
Когда телесную тюрьму
Покину, как небесный житель,
Я много места не займу,
Господь, войдя в Твою обитель!
Один из множества людей,
Мне не к лицу любая сложность.
Пекись о малости моей!
Прошу, прости мою ничтожность!

В своей затейливой судьбе
Я постигал земные страсти.
Любовь, что собрана в Тебе,
Во мне разорвана на части!
Во мне нужды особой нет,
Мой кругозор довольно сужен.
И все-таки я видел свет!
И был Тебе зачем-то нужен!
Как просто имя, как число —
Живое воплощение меры,
Которой измеряют зло
И крепость веры!

ПРИРОДА ЛЮБВИ

Ночь черна, и лес как бесконечность!
В нем блуждает миллион людей,
Связывая, скручивая в вечность
Миллион событий и путей.
С кем и как живем — одна химера.

Не узнать друг друга в темноте.
И у нас осталась только вера —
Обрести спасенье в красоте!
Непрерывно ищем совершенства.
Ждем, когда,
 развевая смертный страх,
В этой жизни явится блаженство
С детской улыбкой на устах.
Запахи, прикосновения, звуки,
Песни, отдаленные миры,
Проходя сквозь творческие муки,
Нам сулят небесные дары.

И тогда откроется мне книжка.
Я войду в иное бытие.
И любовь, как яростная вспышка,
Озарит сознание мое!
Я скажу ей: «Жизнь благословенна!
И не зря я прожил столько лет!
Ты одна —
Одна во всей Вселенной —
Источаешь неподкупный свет!»

* * *

Насладиться красотой нетленной
В дедовской избе, затеплив свечки,
Отдохнуть от грохота Вселенной,
Посидеть у печки.

И вот так, по щучьему веленью,
Ждать от мира щедрые подарки,

Наблюдая, как трещат поленья
И как угли жарки.

Как земля осенним дышит небом
И мечтает о цветенье новом.
И как жизнь сыта не только хлебом,
Но и словом!

* * *

Среди прочих утех,
Предназначенных в жизни немногим,
Всякий громкий успех
Хочет сделать тебя одиноким!

Суть его такова:
Умножать в каждом новом кумире,

Облекая в слова,
Разобщенность всеобщую в мире.

И, повсюду трубя,
Предъявляя особое право,
Распалает тебя
И сжигает дотла возжеленная слава!

* * *

Отлетело юное, звенящее,
И отпел весенний соловей.
У меня есть только настоящее,
Беспощадно, прямо говорящее
Мне о хрупкой ценности своей.
На тебя, на сильного и мелкого,
Знающего горечь и почет,
Как бы ни вело и ни коверкало,

Каждый день глядит оно из зеркала,
Предъявляет строгий, личный счет.
Просто человек по роду-племени,
Вижу я вечернюю зарю.
И за то, что вышел я из семени
И пророс в земных пределах времени,
Господи, Тебя благодарю!

* * *

Наполняя города,
Каждый день меняясь в лицах,
Человек — почти вода —
Растекается, струится.
Всей душой желает в рай,
Но идет, куда не надо.
Проливается за край,
Тушит сковороды ада.

Человек — почти вода,
Повстречав его однажды,
Невозможно никогда
Поздороваться с ним дважды!
Человек всегда другой
В ежедневной оболочке.
Нет, покуда он живой,
В нем застывшей, твердой точки!

Александр ДУГИН

ИСТОРИИ НЕТ БЕЗ ФИЛОСОФИИ

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве, советский и российский философ, политолог, социолог, переводчик и общественный деятель. Кандидат философских наук, доктор политических наук, доктор социологических наук. Профессор, в 2009–2014 гг. — и.о. заведующего кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Директор Высшей политической школы им. Ивана Ильина при РГГУ. **Живет в Москве.**

Публикуется по согласованию с автором по оригиналу «Катехон».

История есть последовательность семантических блоков, называемых «событиями». Они включают в себя личности, процессы, перемены, оппозиции, катастрофы, достижения, пейзажи, на которых все это разворачивается, и, в конце концов, весь этот разноуровневый богатейший сгусток реальности восходит к своему смыслу. А смысл события, в свою очередь, неразрывно связан со смыслами других событий. Из этого плетется ткань истории. При этом смысл события включает в себя безграничное богатство того, что составляет его природу, его основу.

История поэтому есть нечто духовное, открывающееся лишь знакомому с практикой созерцания идей философскому уму. История — это философское и даже богословское понятие, не случайно мы говорим о Священной Истории, где смыслы событий открываются через религиозные догматы и аксиомы и, в свою очередь, открывают развернуто и насыщено эти догматы и аксиомы.

Всякая история структурирована как Священная История. Только в секулярных версиях иные догматы и аксиомы — атеистически-материалистического толка. Здесь на месте Бога, Завета, Воплощения, Спасения, Промысла, эсхатологии стоят имманентные законы земли, общества, био- и физиологии, межвидовая и внутривидовая борьба, рок, климат, техника, воля к власти, исторические формации и т.д.

Истории не существует вне религиозной или идеологической системы.

У нас сегодня взят курс на Историческое Просвещение. Есть целый президентский указ. Но у нас нет указа о Русской Идее и о Русской Философии. Это остается опциональным. Значит, и история остается подвешенной в догматиче-

ской и аксиоматической пустоте. Одному кажется, что это событие значит одно, другому — другое, третий отрицает саму значимость этого события, четвертый — вообще его реальность. И насильственно, указом только об истории, этот хаос и произвол в нечто единое не свести. В лучшем случае сложится поверхностная искусственная модель, которая все равно не будет жить, даже если ее навязать всем.

Нам надо основательно заняться философией.

Пока власть ей вообще никакого внимания не уделяет, и обществу она не интересна. А философия — это работа с программным кодом общества. Это дело особых программистов Духа. Если у нас нет суверенных программистов Духа, все наши исторические, социальные и гуманитарные дисциплины будут создаваться вне России, а значит, ни о каком суверенитете говорить нельзя. Если у Государства-Цивилизации нет суверенной философии, этот суверенитет, в конце концов, есть фикция.

Смыслом события заведуют философы, а значит, они управляют и самими событиями. Полноценная история есть только в том обществе, где есть полноценная философия. В противном случае общество и страна живут на периферии какой-то иной, внешней цивилизации, коды которой определяются вовне и остаются до конца непонятыми. Недостаток суверенитета делает общество без философии и без истории управляемым извне.

Именно поэтому у нас нет никакого консенсуса ни о началах Руси — о славянах, Рюрике, дохристианской традиции, принятии христианства.

У нас нет никакого консенсуса ни о Киевском государстве, ни о раздробленности, ни о монгольских завоеваниях и бытии Руси в составе империи Чингисхана и Золотой Орды.

У нас нет никакого консенсуса относительно Ивана Грозного, земщины, опричнины и теории Москва—Третий Рим. Непонятно, как надо толковать отношения нашей Церкви с Фанаром.

У нас нет никакого консенсуса о первых Романовых, и еще меньше мы понимаем что-то в русском расколе.

У нас полное расхождение во мнениях по поводу Петровского XVIII века.

Мы не имеем общей смысловой картины века XIX и его консервативного поворота. Спор славянофилов и западников оборван, оставлен, но не завершен.

Теперь неудивительно, что никакого консенсуса у нас нет относительно событий 1917 года. Мы сегодня, видимо, не понимаем смысла этих событий и склоняемся к тому, что их вообще не было.

Нет ни малейшего понимания, почему СССР завершился и как случилось так, что начались 90-е, а страна рухнула и утратила суверенитет, превратившись в колонию Запада.

Мы вообще не понимаем, как и откуда взялся Путин как историческое явление. Мы на него очень рассчитываем, но вообще ни его самого, ни условий, которые привели к его правлению, мы ни объяснить, ни интерпретировать не способны. Я имею в виду в историческом контексте, где работает философия.

Мы не понимаем, зачем был Медведев и что он сейчас делает в своем телеграм-канале.

Нам не до конца понятно, почему мы начали СВО в 2022-м и почему не в 2014-м. Никакого консенсуса ни у кого. Каждый по-своему.

Совершенно никого не смущает, что за последние 40 лет почти одна и та же российская элита многократно поменяла свою идеологию на противоположную, но с умным и важным видом, теперь уже седые и дряхлые, они продолжают поучать ословелый народ чему-то своему и малопонятному. Не объясним никому, и прежде всего самим себе, как комсомолец становится либералом, а либерал — антилибералом и патриотом, а потом, вполне возможно, и снова либералом и антипатриотом. Единственное, что у нас есть как интерпретационный ключ, — это известная песня исполнительницы Инстасамки.

Но из всего этого сшить духовную ткань русской истории просто невозможно. А народ, не имеющий истории, не имеет будущего, так как будущее — это тоже история, ее необходимое измерение.

В рассказе Юрия Мамлеева был персонаж — пострадавшая от насилия женщина, которая на вопрос судьи о том, так был ли сам факт насилия или нет, вдруг запнулась и отвечала только одну странную фразу: «Само падало». Так выглядит наша история — что-то само падало. Не совсем понятно, что, когда, куда, кто толкнул, зачем... Но история — не это. Совсем не это.

КВШАА КНИГА

1945–2025. ПОБЕДА. Связь времен. *Томские писатели о Великой Отечественной войне и СВО.* — Томск: ООО «Интегральный переплет», 2025, — 760 с.

Издание подготовлено Томским областным отделением Союза писателей России при поддержке губернатора Владимира Мазура и Департамента по культуре Томской области, при участии Томского комитета семей воинов Отечества.

Уникальное издание состоит из двух частей:

1. Путь памяти. Томские писатели о Великой Отечественной войне.

2. Время героев. Томские писатели о Специальной военной операции. В этот раздел вошли произведения писателей-томичей, участников СВО и волонтеров.

В том числе стихи бойцов СВО из Томской области, таких как: Дмитрий Корчуганов (1973–2023), Константин Иванников, Александр Смоленев, Игорь Гамаюнов, Денис Меркотан, Геннадий Чудаков, Анатолий Стрюк, Дмитрий Литосов, Игорь Ольшевский (1990–2024), Семен Цой.

**1945
2025
ПОБЕДА
СВЯЗЬ ВРЕМЁН**

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Александр ЩИПКОВ

НОВАЯ ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Александр Владимирович Щипков — родился в Ленинграде, российский политический философ, общественный деятель, социолог религии. Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии религии и религиозоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Ректор Российского православного университета. Заместитель Главы ВРНС, член СП России. Автор многих книг и статей. Награжден орденами св. блгв. кн. Даниила Московского III ст.; прп. Сергия Радонежского III ст.; прп. Серафима Саровского III ст. и др. **Живет в г. Тарусе.**

Российское общество поделилось на героев и предателей. Конечно, есть и третий слой — люди без убеждений, но они ни на что не влияют. Тогда как первым двум предстоит в ближайшее время решить судьбу страны. Судьба России зависит от того, кого из них окажется больше.

Наша жизнь вскоре кардинально изменится. Переоценка ценностей неизбежна. Почему? Потому что идет война. Потому что внутри общества происходит размежевание. Это невидимое противостояние и его исход тесно связаны с вопросами нравственности и воспитания. Следовательно, нам потребуется ревизия педагогических подходов, ревизия всей воспитательной политики.

Наиболее остро вопросы воспитания встают в поворотные моменты истории.

Вспомним поздний СССР. Журналисты, педагоги, общественники — все были очень озабочены состоянием молодежи. К чему она стремится, сохранит ли наши завоевания? Этой теме посвящала свои страницы знаменитая «Юность». Была снята целая обойма перестроечных фильмов о молодежи, которую «мы потеряли», от «Взломщика» до пресловутой «Ассы». Либеральный агитпроп убеждал народ целой страны в том, что у него большое сознание, что он вырожден, утратил генофонд, исторически не состоялся, а то и вовсе никогда не существовал. Сегодня весь этот либеральный делирий Россия выбросила в историческую корзину. Нынче у нас совсем другие задачи и ориентиры: придется вплотную заняться педагогическими и воспитательными проблемами, и чем раньше мы

По согласованию с автором публикуется по оригиналу с сайта «Парламентская газета».

к этому приступим, тем больше шансов не упустить ситуацию, не опоздать с критически важными решениями.

России необходима новая воспитательная политика.

Наша страна в последние десятилетия прошла три стадии изменения воспитательной политики.

Первая имела место в 1980-е, на волне образовательной реформы. Именно тогда впервые были провозглашены «вариативные подходы». Сегодня мы расплачиваемся за это огромным количеством учебников и методик, по которым невозможно учиться, а также насаждением под флагом толерантности гендерных извращений, антисемейных инициатив и русофобии. Тогда же, в 1980-е, насильно внедряли искусственное понятие молодежных субкультур, которое вбивало клин между «неформальной» и якобы «формальной» молодежью.

Второй этап изменений пришелся на 1990-е. В это время образование переводят из области социального и культурного служения обществу в сферу услуг. Разрывают многовековую связь «учитель — ученик».

Третий этап: в 2000-е гг. воспитательной политикой навязывается тема лидерства. Идеология лидерства подразумевает деление людей на первый и второй сорт, фактически вводится в действие социальная евгеника.

Перечисленное, надеемся, уже в прошлом, а сегодня остро встает вопрос о духовной и душевной зрелости граждан. Задача России состоит в том, чтобы полностью развернуть вектор воспитательной политики, изменить ее направленность. Но, прежде чем говорить о ее целях и перспективах, ненадолго обратимся к истории.

Как известно, категория детства в привычном для нас смысле возникла лишь в XIX веке. До этого вместо «ребенка» существовали «младенец» и «отрок». Детей не наряжали, как кукол, но сразу облачали в миниатюрную копию кафтана, кителя или косоворотки. Едва начав ходить и осознавать себя, маленький человек осваивал взрослое поведение. Это было самосознание невыученного взрослого.

О многом говорят русские традиции, связанные с процессом взросления. В семь лет младенчество заканчивалось. Человек из младенца становился отроком и начинал нести ответственность за свои поступки — анализировать их и ходить к исповеди.

Отрочество означало переход во взрослую жизнь, этому уделяли огромное внимание. Взрослели быстро. В дворянских семьях 15-16-летних уже отдавали в армейскую службу. Не случайно Пётр Гринёв из пушкинской «Капитанской дочки» приступил к обязанностям сержанта в 16 лет, а Павел Петрович Кирсанов из тургеневских «Отцов и детей» уже в 45 лет считался мудрым стариком.

Выделение детей в отдельную социальную группу возникло в буржуазных протестантских семьях. Изобретение детства создало некий возрастной карантин. Внутри взрослого общества появилось самостоятельное детское общество. Это кардинально изменило психику человека.

Вслед за «детским миром» в конце XIX в. возникает индустрия детства — товары и услуги для детей. Сегодня это: мультфильмы, диснейленды, парки развлечений, меню в кафе, детские продукты, детские экскурсии, лагеря отдыха и прочее. С недавнего времени детская индустрия стала распространяться и на взрослых. А с ней пришла индустрия «детского

образа жизни». Возраст ребенка увеличился до 18 лет, молодежный период продлен до 35 лет и, явно, дойдет до 40—45. Размывание возрастных границ говорит уже о метаморфозе мира взрослых.

Основная черта обеих категорий — инфантилизм. Он подразумевает заикленность на себе, закомплексованность и вызывает изоляцию от общества. Существует особый тип детей-гиков, которые подолгу не выходят из комнаты. Они замкнуты в виртуальном мире, в вымышленных вселенных. Другой тип инфантилов — так называемые диснеевские взрослые. Это тридцатилетние мужчины и женщины, которые ездят развлекаться в Диснейленд. У них детство продлевается в бесконечность. Это болезненное желание остаться в детстве, чтобы находиться в центре мира и ни за что не отвечать.

Инфантилизм и акселерация сливаются в единый тренд, взявший все худшее от обеих тенденций. Это порождает набор новых проблем: психологических, духовных, нравственных. Новым взрослым и новым детям труднее понять, как устроен мир, так как это люди с нестабильным мировоззрением.

На ум неизбежно приходит евангельское: *«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»* (от Матф. 8:13). Но есть огромная разница между современным инфантилизмом и евангельским призывом *«будьте как дети»*. *«Будьте как дети»* — означает: будьте чисты, как дети, открыты миру, будьте чисты сердцем. Но это не значит *«будьте инфантильны»*, избегайте ответственности.

Инфантилизм — это прежде всего отказ от ответственности, призыв жить сегодняшним днем в виртуальном мире, не брать ничего близко к сердцу, утешаться гаджетами, модой, анимацией, тем более что само понятие «взрослость» серьезно искажено. Общество соблазна и спектакля в принципе несовместимо с ответственностью и нравственностью, а без них невозможно взросление. Невозможно одновременно призывать к ответственности и воспроизводить модели статусного потребления. Этот диссонанс ребенок ощущает как фальшь, которая режет слух. Страдая от этого раздвоения, он стремится убежать, заслониться от мира.

Борьба с инфантилизмом, выращивание взрослых людей — вот одна из главных задач, которую придется системно решать на государственном уровне. Почему — попытаемся объяснить ниже.

Либеральное общество порождает инфантилизм точно так же, как оно порождает войны, коррупцию, угнетение. Двойные стандарты, управляемые конфликты — все это вызывает у ребенка желание убежать от реального мира. Формы бегства у детей, в отличие от взрослых, конечно, наивны, но сама тенденция закономерна. Как правило, это различные фобии и потребительский фетишизм.

Но детские желания и страхи вновь «оседлывают» фабрика потребностей и индустрия развлечений. Сломать этот сценарий крайне сложно. Под его воздействием психика ребенка страдает. Усиливаются фетишизм и информационная интоксикация, утрачиваются критичность, способность к рациональному выбору и планированию своего будущего. Идет погоня за мимолетными удовольствиями и бессмысленной информацией. Ребенка затягивает в воронку бесконечного настоящего времени, и процесс взросления полностью останавливается.

Между тем история дает нам противоядие от такой патологической модели психики. Необходимо вспомнить о подростковости — полузабытом и вытесненном из современной культуры явлении.

Достаточно мощный подростковый сегмент включала в себя культура царской России. Мы знаем это на примере таких книг, как «Детство Тёмы» (Н.Г. Гарин-Михайловский), «Детские годы Багрова-внука» (С.Т. Аксаков), «Детство. Отрочество. Юность» (Л.Н. Толстой), «Подросток» (Ф.М. Достоевский), «Детство. В людях. Мои университеты» (М. Горький). В советский период русской истории также существовал целый пласт культуры для подростков: и в литературе, и в кинематографе.

В подростковом возрасте человек решал для себя мировоззренческие вопросы, это было время для «обдумывания житей». Так формировалась глубокая, полноценная личность, не атомарная, но слитая воедино с обществом, нацией и государством. Подростковость не имеет ничего общего с инфантильностью, ее можно назвать выращиванием взрослости.

Сегодня этот промежуточный этап взросления исчез: его съела турбосоциализация общества, тотальная конкуренция и внезапный успех, неумное желание сорвать джекпот.

Подростковость — это «школа мудрости», и она могла бы стать буфером между взрослостью и детскостью, не дать им взаимоуничтожиться.

В либеральном обществе личность молодого человека формируется как набор успокоительных историй о себе самом, которые он рассказывает себе и окружающим. Рассказывает, оправдывая свою «неуспешность» или преувеличивая «успешность». Тем самым он купирует свое социальное отчуждение.

Необходимо понимать социальные корни явления.

В 2000—2010-х гг. глобальный управляющий класс нашел способ отсрочить коллапс глобализма. Отсрочка была достигнута посредством очередной революции — заменой общества семей на общество социальных платформ и тотальной алгоритмизации.

Это было кардинальное изменение социальной среды, означавшее серьезное изменение социальной модели. Элементы финансового капитализма были встроены в новые рамки — цифрового неофеодализма.

Нынешние дети и подростки видят мир как результат именно этой метаморфозы. Другого мира они не видели и не знают, поэтому многие издержки нынешнего периода кажутся им чем-то фундаментальным и единственно возможным. Им не с чем сравнивать нынешний социум, им неоткуда взять глубинное ощущение социокультурной нормы. Наша задача — задача профессорско-преподавательского сообщества — помочь им сформировать это ощущение. То есть научить отличать оригиналы от копий, реальность от симулякров и виртуальных моделей, отличать знания от стереотипов, веру от суеверий. Показать, что мир может быть совершенно иным.

Сегодня вполне очевидно, что на протяжении нескольких веков гуманистическая риторика лишь прикрывала грядущую власть технологий, разрыв с человеком и внутренний разрыв самотождественности самого человека. В ситуации краха гуманизма мы должны помочь подростку сохранить историчность мышления, смысловую непрерывность его картины мира, помочь избежать сведения личности к абстрактному «индивиду».

В деле воспитания мы привычно полагаемся на спасительную роль семьи. Но современная нуклеарная семья, в отличие от семьи традиционной,

многопоколенной, также во многом плод модернистской эпохи. Ее охранительные возможности слабы и ограничены, она сама нуждается в поддержке и защите.

Кто еще может поддержать новую воспитательную политику?

Церковь? Но Церковь законодательно не допущена к воспитанию. Временное правительство отделило школу от Церкви, а большевики в январе 1918 г. усилили это отделение соответствующим декретом, политическая инерция которого действует до сегодняшнего дня.

Школа? Но школа сама пострадала в результате либеральных реформ. И если социальная роль Церкви медленно восстанавливается, то до восстановления школы нам еще очень далеко. Одна из ее главных проблем — снижение роли учителя в формировании личности ребенка, что, в свою очередь, стало следствием распространения либерально-рыночных подходов в сфере образования.

В условиях статусного потребления падает объективная ценность знаний и резко снижается роль фундаментальной науки. Одновременно с этим падает и статус педагогического сословия как в средней, так и в высшей школе.

К сожалению, с подачи либеральных политических элит учитель сегодня воспринимается обществом не как миссионер культуры и науки, а как наемник рынка.

Качество обучения в последние годы снизилось. Принципы ЕГЭ ориентированы на механическое запоминание информации, а не на развитие когнитивных способностей учащихся. Они делают необязательным умение строить умозаключения и получать выводы.

Важно подчеркнуть, что система ЕГЭ отнюдь не нейтральна. Она активно воспитывает детей, но по-своему. Она воспитывает безучастность к объекту изучения и отношение к жизни как к компьютерной игре.

На фоне всего этого отношение к учителю становится все более нездоровым. Его презирают как обслугу.

Повторю: школа практически утратила свое значение как социальный институт. Это катастрофа. И сегодня, забыв о школе, мы судорожно пытаемся наверстать упущенное и влиять на воспитание нового поколения через инструменты высшей школы.

Классический подход к воспитанию известен со времен Сократа и Платона: воспитуемый тянется к наставнику, стремится достичь его уровня, затем его превзойти.

Сегодня набирает популярность альтернативный подход, при котором дети учат взрослых. Это тоже мощный фактор взрослой инфантилизации. За всем этим стоит политизированная глобалистская программа, с помощью которой глобальный управляющий класс, используя детей, лишает остальных членов семьи родительского статуса, выключает из процесса принятия решений, связанных с ребенком.

Наша задача состоит в том, чтобы защитить права родителей и классические образовательные методики, передать детям наши знания и опыт, не допустить изоляции детей от влияния традиционных авторитетов.

«Отключая» ребенка от родителей, глобалисты подключают его к другой информационной инфраструктуре, которая будет его воспитывать, формировать вкусы, взгляды, модели поведения — и они будут кардинально отличаться от наших российских традиционных ценностей.

Очевиден перверсивный характер этой методики. Зачем она применяется? С ее помощью лоббисты западных социальных технологий используют детей для перехвата власти над обществом, особенно на уровне семьи. Ближайшая задача — подчинить родственные отношения рынку, монетизировать их. Например, ювенальная юстиция пополняет рынок «усыновления» живым товаром. «Гендерность» создает огромные возможности для монетизации половых девиаций. Это бездонный ресурс.

Все это означает лишь одно: методики воспитания, педагогические подходы надо возвращать на классические рельсы. Защитив педагогическую традицию, мы защитим традицию в целом.

Российским педагогам и лидерам мнений потребуется серьезная консолидация и высочайшая самоотдача. Только тогда они смогут помочь новому поколению пережить агонию либеральной системы и не погибнуть вместе с ней. Следует исходить из того, что внутренние проблемы и конфликты человека есть проекция внешних, социальных сил. Нужно понимать, что личность не равна индивиду. Личность — это не отдельное «я», а малое «мы», то есть маленький прообраз всего общества. И главная задача воспитания — помочь выстроить здоровые отношения между малым и большим «мы».

Этому и надо в первую очередь учить ребенка и молодого человека. Тогда есть реальный шанс сформировать всесторонне развитого, самостоятельного и ответственного человека, способного осваивать и передавать другим коллективный опыт.

Говоря о передаче коллективного опыта, мы говорим о традиции. Традиция — не эпоха, не обряд, не привычка. Это культурно-нравственный договор поколений, способ передачи образа мысли, образа социального поведения. Это и есть основное социальное достояние народа, которое обеспечивает сохранность его исторической судьбы.

Новая воспитательная политика должна базироваться именно на этом — на передаче русского опыта: социального, политического, научного, культурного, религиозного. Передав наш опыт новым поколениям, мы сохраним свой народ, сохраним свой суверенитет.

История и современность

Протоиерей
Владимир ВАСИЛИК

О ДУХОВНОМ ИЗМЕРЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЙН 1812-го и 1941-го

Владимир Владимирович Васил-лик — родился в 1970 г. в Ленин-граде. Российский историк-визан-тинист, протоиерей РПЦ, клирик храма Покрова Божией Матери на пр. Косыгина. Окончил филоло-гический факультет СПбГУ, был членом Международного Пра-вославного молодежного союза «Синдесмос», членом обществен-ной группы по выработке соци-альной концепции РПЦ. Препода-вал в нескольких вузах и Санкт-Петербургской Духовной ака-демии. Преподаватель кафедры истории славянских и балканских стран исторического факульте-та СПбГУ. Доктор исторических наук, член СП России. Участвует в гуманитарных миссиях в Дон-бассе. Автор многих статей и книг. Живет в Санкт-Петербурге.

В последнее время все более актуальным становится изучение феномена Великой Отечественной войны в контексте других Отече-ственных войн, которые вела наша страна на протяжении своей исто-рии. Пётр Мультигули был прав, говоря, что между Второй (1914) и Третьей Отечественными война-ми существует глубинная связь¹, однако она прослеживается и меж-ду «Вечной памятью Двенадцатым годом» и Великой Отечественной. И дело здесь не только в том, что в своем воззвании от 22 июня 1941 г. митрополит Сергей отметил: «По-вторяются времена Наполеона»². И не только в том, что в своей речи 7 ноября 1941 г. Сталин призвал идти к победе «под знаменами Куту-зова»³, а позднее, в 1942–1943 гг., создал орден Кутузова⁴, а крупней-

¹ Мультигули Пётр. Великая Германская... http://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/08/03/velikaya_germanskaya/ (дата обращения: 20.02.2025).

² Васильева О.Ю. и др. Русская Православная Церковь и Великая Оте-чественная война. Сборник документов. М.: Крутицкое подворье, 2009. С. 20.

³ «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справед-ливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших вели-ких предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Су-ворова, Михаила Кутузова!». Правда. 8 ноября 1941 года. Цитируется по из-данию: Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. М.: Советский писатель, 1997. С. 86.

⁴ Орден давался за выдающиеся до-стижения в полководческом искусстве. Отметим, что решение о его создании принимается 29 июля 1942 г., на следу-ющий день после исторического приказа № 227 — «Ни шагу назад». Об ордене и его истории: Дуров В.А. Русские и со-ветские боевые награды. Государствен-ный орден Ленина исторический музей. М.: Внешторгиздат, 1990. С. 53–60.; Смыслов О.С. Награды Великой Побе-ды. М.: Вече, 2010. С. 100–109.

Русские войска в Париже. Художник А. Кившенко. Источник фото: culture.ru

шие операции по освобождению Орловщины и Белоруссии назвал именами полководцев 1812 года¹.

Общность этих войн состоит в том, что как в 1812-м, так и в 1941-м Россия практически в одиночестве воевала со всей Европой, в том числе и с французами.

Приведу лишь один красноречивый факт. В октябре 1941 г. целых четыре дня на Бородинском поле шел ожесточенный бой между усиленной танковыми бригадами советской 32-й стрелковой Краснознаменной дивизией полковника В.И. Полосухина и частями 4-й немецкой армии.

Для поднятия боевого духа советским частям были розданы знамена русских полков, участвовавших в Бородинском сражении 1812 года. И советские воины не посрамили славу этих знамен: целых четверо суток они отбивали атаки превосходящих сил противника, а затем отступили в полном порядке, оставив Бородинское поле, наполненное трупами немцев и их союзников и горящими немецкими танками².

История эта имела продолжение уже во время отступления немцев от Москвы и прибытия на Восточный фронт Французского легиона³.

Начальник штаба 4-й немецкой армии Г. Блюментритт вспоминал: «Четыре батальона французских добровольцев, действовавших в составе 4-й

¹ Операция «Кутузов» по освобождению Болхова и Орла. Операция Багратион.

² Лелюшенко Д.Д. На Можайском направлении // Военно-исторический журнал. 1962. № 9. С. 22–25.

³ Козинский А. Бои в районе Бородино в 1941–1942 годах // Военно-исторический журнал. 1962. № 9. С. 26–33.

армии, оказались менее стойкими. У Бородина фельдмаршал фон Клюге обратился к ним с речью, напомнив о том, как во времена Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага. На следующий день французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Таких испытаний им еще никогда не приходилось переносить. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника и от мороза. Через несколько дней он был отведен в тыл и отправлен на Запад»¹.

Мы привыкли к образу французов как наших союзников по Второй мировой войне. Мы вспоминаем генерала де Голля, французских партизан, эскадрилью «Нормандия-Неман», но забываем, что до начала 1944 г. французских партизан было не более 25 000, а французов, служивших в Вермахте, — более 200 000, при этом большая их часть служила на Восточном фронте². Отметим, что в числе последних защитников Рейхстага были и... французские эсэсовцы.

Все это напоминает Отечественную войну 1812 года. И в 1812-м, и в 1941-м против России воевали австрийцы, валлонцы, фламандцы, французы, итальянцы, хорваты, венгры, поляки, испанцы. В 1941 г. прибавились румыны, финны, норвежцы. Нельзя не вспомнить слова Пушкина о нашествии Наполеона:

*Не вся ль Европа тут была,
А чья звезда ее вела?*³

Действительно, и вторжение Наполеона, и немецко-фашистская агрессия явились «нашествием двенадцати языков». Как писал Лермонтов в стихотворении «Бородино»: *«Все промелькнули перед нами, все побывали тут»*.

Однако между Первой и Третьей Отечественными войнами есть целый ряд параллелей, помимо упомянутых. Вначале Россия пытается противодействовать всевропейской диктатуре Наполеона, вступает в различные коалиции, воюет с Францией, теряя десятки тысяч солдат и терпя поражения под Аустерлицем и Фридландом⁴. После прихода Гитлера к власти большая часть контактов Советского Союза с Германией была свернута, наступило время противостояния, кульминацией которого явилась война в Испании, где советские офицеры и военные специалисты воевали против немцев и итальянцев⁵. Отметим, что война в Испании кончилась поражением антифашистских сил.

В результате неудачной Польской кампании в 1807 г. Александр I вынужден был заключить Тильзитский мир — вполне почетный по своим ус-

¹ Блюментрит Г. Роковые решения. М., 1958. С. 45.

² Генерал де Голль, с точки зрения большинства французов в 1941 г., был или романтиком — Дон-Кихотом, или даже преступником, воюющим против «законного» пронемецкого правительства маршала Петена. Шарль де Голль. Военные мемуары: призыв 1940—1942. М.: АСТ; Астрель, 2003.

³ Пушкин А.С. Бородинская годовщина: собрание сочинений. Т. 3. М., 1979.

⁴ См. об этом, в частности: Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936.

⁵ Шубин А.В. Великая испанская революция. М.: URSS; Книжный дом «Либроком», 2011. 605 с. См. также: Телицин В. Пиреней в огне: Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М.: ЭКСМО, 2003. 377 с.

ловиям, в особенности учитывая поражение под Фридландом и по сравнению с теми договорами, что подписывали прочие побежденные государства с Наполеоном, но постыдный с точки зрения русского дворянства¹.

Советский Союз пытался создать широкую антифашистскую коалицию, и не его вина, что из-за неконструктивной (если не сказать более) позиции западных держав она не состоялась. Оказавшись в фактическом дипломатическом одиночестве перед угрозой войны с Германией, руководство СССР было вынуждено подписать с ней договор о ненападении, который был ничем не хуже, скажем, «Мюнхенского сговора»². Напротив, гораздо достойнее, так как подписавшие его западные страны предавали своего союзника (Чехословакию) и получили на свою голову скорую войну и поражение. Между тем СССР получил благодаря ему значительные территории, отторгнутые от него в результате революции и Гражданской войны, и двухлетнюю передышку, необходимую для подготовки к будущей великой войне.

Тем не менее, многими в СССР и за его пределами этот договор осмыслялся как постыдный и вынужденный. В событиях как 1812 г., так и начала Великой Отечественной войны, весьма велика роль Англии, которая делала очень многое для вовлечения России в войну, поскольку в первом случае речь шла о сокрушении континентальной блокады, а во втором — о спасении Великобритании от конечного краха.

Даже время начала и той, и другой Отечественной войны почти совпадает. Бонапарт перешел Неман 12 (25 июня) 1812 г.: нацисты и их союзники обрушили страшный удар на СССР в 3:40 22 июня 1941 года. И в том, и в другом случае враг обладал количественным и качественным, стратегическим и тактическим превосходством в начале: полумиллионная армия Наполеона против двухсот тысяч русских солдат и офицеров двух разделенных русских армий³; пяти с половиной миллионам солдат и офицеров немцев и их союзников в западных округах СССР противостояли лишь два миллиона девятьсот тысяч советских солдат и офицеров, и создать прочную оборону на направлении главных ударов врага не удалось в силу рассредоточенности советских войск.

При рассмотрении причин поражений лета-осени 1941 г. многие современные исследователи отмечают абсолютное превосходство немецких войск в области управления, связи, боевой подготовки личного состава. Приведем лишь несколько фактов: вплоть до конца 1942 г. механики-водители советских танков получали практику вождения от 5 до 10 часов, а многие имели лишь 2 часа. Между тем для нормального вождения танка требовалось не менее 25 часов⁴. Еще хуже было положение дел в авиации: в Западном Особом военном округе из 1909 самолетов боеготовыми были всего 1086 при 1343 экипажах, но из них в сложных метеословиях

¹ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб.: Типография А. Бенке, 1902. Т. XIII. С. 312–314. См. также: *История дипломатии.* Т. 1. / под ред. Е.В. Тарле. М., 1936. С. 250.

² См. в частности: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 гг. и истоки Второй мировой войны. М.: Родина, 2020. С. 472–517.

³ См.: *Тарле Е.В.* 1812 год. М., 1991. С. 34–36.

⁴ *Фролов М.И., Василик В.В., Козлов В.Н.* Осторожно: Великая Отечественная. Пушкин, 2017. С. 20–21.

управлять самолетами могли лишь 4. В мае 1941 г. вся авиация получила «неудовлетворительно по боевой подготовке», как и большинство военных округов на западе страны¹.

Между тем, уже в 1939 г. в войсках Люфтваффе насчитывалось около 8000 летчиков, имевших право пилотировать самолеты любых типов. Не менее четверти из них владели методикой слепого пилотирования. Понятно, что при таком раскладе всякие разговоры о превентивной войне, которую якобы готовил СССР против Германии, смешны. Кстати, Наполеон, как и Гитлер, также обвинял Россию в намерении напасть на него².

И та, и другая Отечественная война ознаменовалась вынужденным начальным отступлением. Однако в случае Великой Отечественной войны оно носило гораздо более невольный и тотальный характер. И если в 1812 г. удалось сохранить ядро армии, то в 1941 г. потребовалось срочно создавать новую кадровую армию взамен прежней, разгромленной в летне-осенних боях 1941 года.

Отметим значение Смоленского сражения и в той, и в другой войне: для кампании 1812 г. оно было важносоединением двух армий — Барклая де Толли и Багратиона, а для Великой Отечественной — остановкой врага на главном направлении на целых два месяца³. И в том, и в другом случае битва под Москвой явилась началом глубинного перелома в войне: Бородинское сражение действительно надломило дух наполеоновского воинства, и из Москвы вышла уже не дисциплинированная армия, а по большей части вооруженный сброд⁴. Московская битва и отступление из-под Москвы холдной зимой 1941 г. явились шоком для прежде непобедимого вермахта⁵. Обе войны завершились заграничными походами, освобождением Европы и ее переустройством совместно с союзниками: Ялта и Потсдам по своему смыслу мало отличаются от Венского конгресса.

И та, и другая война была народной. Рекруты в 1812 г. плясали от радости, что их забирают на войну⁶. Во время Великой Отечественной было

¹ Каратыев М.И., Фролов М.И. 1939–1945 гг. Взгляд из Германии и России. СПб., 2006. С. 122–125.

² В последнее время эту идею подхватили такие, мягко говоря, нездоровые люди, как доц. О.В. Соколов, убивший свою аспирантку и расчленивший ее, а также объявленный иноагентом блогер Панасенков, любящий одеваться в костюм эсэсовца.

³ О нем см. в частности: Черемухин К. На смоленско-московском стратегическом направлении летом 1941 года // ВИЖ. 1966. № 10. С. 70–80.

⁴ См. в частности: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1843. Т. 3–4. См. также: Липранди И.И. Бородинское сражение. М., 1861.

⁵ «Вчера, после временами очень тяжелых боев, мы смогли сдержать давившего на нас противника. Хотя это и не меняет общей ситуации, которая все еще более чем серьезна. Теперь даже верховное командование осознало, что на кону стоит судьба всей кампании. До этого никто не слышал наши предостерегающие окрики. И на верхнем, и на нижнем уровнях было написано достаточно рапортов о состоянии и слабости наших войск. Игнорируя недостаток зимнего обмундирования, неполноценное питание, неудовлетворительное снабжение и недостаточное количество людских сил, верховное командование желало наступать на Москву, а Гудериан — на Тулу. Все предосторожности были отринуты. Теперь они заявляют: пожертвуйте собой, чтобы ситуация вновь выправилась». Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / под ред. Хюртера. М.: Издательство Европейского Университета, 2018. С. 162.

⁶ Тарле Е.В. Наполеон... М.: Журнально-газетное объединение, 1936. С. 200.

подано не менее 19 миллионов заявлений с просьбой отправить на фронт, определенное количество — из лагерей.

Однако главное в другом — в духовном смысле этих войн. Война 1812 г. явилась вразумлением русскому обществу, увлекшемуся подражанием Европе и Франции. Французы воочию показали свою «культурность и цивилизованность»: пляски наполеоновских солдат на антиминсах, лошади в кремлевских соборах, расправы над ранеными и пленными¹. Святитель Иларион Троицкий не случайно написал:

«Как будто для того, чтобы отрезвить русское общество от рабского увлечения Западом и от безрассудного пренебрежения Церковью, Промысл Божий послал великое бедствие Отечественной войны. Просвещенные французы пришли в Москву, ограбили и осквернили народные святыни, показав тем самым изнанку своей европейской души. Увы! Этот тяжелый урок не пошел в пользу русскому обществу. Лишь немногие русские люди во время Отечественной войны поднимали голос протеста против французского воспитания и за возвращение к прежней, самобытной русской православной жизни»².

Перед войной в Советском Союзе в некоторых кругах, нацеленных на «мировую революцию», присутствовала иллюзия, что немецкий пролетарий воткнет штык в землю; представители других прослоек наивно думали, что «цивилизованные немцы» будут вести себя культурно. Соотечественники Маркса и Энгельса воочию показали, что нам следует ждать от «немецкого пролетариата» и «культурной Германии». Духовным результатом той и другой войны во многом явилось прозрение русского (советского) общества, возвращение его части к православной вере, к ценностям патриотизма.

Приведем свидетельство профессора СПбГУ, доктора исторических наук Юрия Георгиевича Алексеева, блокадника, ветерана Великой Отечественной войны:

«До 6–7 сентября Ленинград не бомбили. Но восьмого числа был страшный налет, разбомбили Бадаевские склады. Потом мы ходили, выбирали землю. Она была сладкая. Из магазинов исчезали продукты, сокращалась выдача хлеба. Начались постоянные артобстрелы, бомбежки. Но самым страшным днем для меня стало 16 октября, когда в газетах я прочитал: “Москва на осадном положении”. В голову не вмещалось, что Москву сдадут. И насколько радостной оказалась весть о параде 7 ноября 1941 г. и речь Сталина, его призывы: “Под знаменами Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова — вперед к победе”. И думалось: “Слава Богу! Конец этому проклятому троцкистскому интернационализму. Возвращается русский патриотизм!”»³

И в той, и в другой войне Русская Православная Церковь, несмотря ни на что, была со своим народом⁴. Будущий митрополит Филарет, тогда иеромонах, так говорил о единстве всего русского общества («единении народа

¹ Липранди И.И. Война 1812 год. М., 1869.

² Иларион (Троицкий), священномученик. Грех против Церкви (Думы о русской интеллигенции). М., 1915.

³ См.: Арутюнян В.М., Василик В.В., Фролов М.И. О настоящей нашей славе. СПб.: Алетей, 2020. С. 300.

⁴ См. в частности: Журавлева Л.Н. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2004.

и решимости, проистекающей из уверенности в Боге и в правоте своего дела») перед лицом смертельной опасности:

«Верный народ не поколебался, но вверил судьбу свою Богу и монарху. Крепкий союз любви между подданными и государем... есть другой источник силы, сохранившей невредимой целостность государства против напряженнейших усилий к его потрясению и сообщившей благоустройство и живость его действиям во дни нестроения. Будучи уверенным в чувствах своего народа, он пригласил его ко всеобщему восстанию против врага, и точно, все восстали. Каждый помещный владелец учреждал посильное войско для слияния в общую силу, множество свободных рук оставляли весы, перо и другие мирные орудия и простирались к мечу. Свободные пожертвования на

потребности брани приносимы были не только свободными щедро, но и теми, которые сами могли быть представлены другими в пожертвование... Семейства менее, нежели обыкновенно, плакали, провожая новых ратников, забывали родство, помышляя об Отечестве. Простые, но чистые и твердые правила нравственности, переданные от предков и не ослабленные иноплемennыми нововведениями, поддерживали сию верность к своим обязанностям среди опаснейших соблазнов и величайших трудностей. Когда глас законов уже почти не слышен был среди шума бранного, закон внутренний говорил сердцу россиянина столь же сильно и повелительно: “Не смущайся сомнением и неизвестностью; в клятве, которую ты дал в верности царю и Отечеству, ты найдешь ключ к мудрости, разрешающей все недоумения. Уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество — ты примешь жизнь и венец на небе”. Идол Франции сокрушился о грудь России»¹.

Плакат Великой Отечественной войны. Источник фото: dzen.ru

¹ *Филарет (Дроздов), епископ.* Слово при погребении в Бозе почившего государя Александра I. СПб., 1826.

Сравним его со знаменитым обращением митрополита Сергия (Страгородского):

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству... Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамям же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти и вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом... Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших души свои за народ и родину... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг...»¹.

В последнее время, к сожалению, многими принято представлять 22 июня днем нашего позора. Это неверно. Это день нашей скорби и славы. С самого начала войны русский советский народ дал великие примеры мужества, верности и чести. Целый месяц в нечеловеческих условиях держались защитники Брестской крепости. Из сотен пограничных застав ни одна не была оставлена пограничниками без боя, большинство из них погибло на своих боевых постах. Одно имя Николая Гастелло, который 25 июня 1941 г. направил свой горящий самолет на немецкую танковую колонну, должно закрыть уста хулителям русского народа, его чести и славы.

В контексте двух Отечественных войн по-особому прочитывается стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России»:

*И ненавидите вы нас...
За что, ответствуйте? За то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?*

Всё, к сожалению, повторяется. Как Европа XIX в., так и нынешняя ответили ненавистью и неблагодарностью русскому воину-освободителю. Об этом остается скорбеть и все же надеяться на вразумление и покаяние гордого европейского человека.

¹ Васильева О.Ю. и соавт. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник документов. М.: Крутицкое подворье, 2009.С. 19–21.

Картина «Победа». Художник Пётр Александрович Кривоногов, советский живописец-баталист, фронтовик

Русский солдат в 1812 г. искупал грехи «просвещенной Европы» — ее революции, ее цивилизованное богоборчество, хищничество и презрение к прочим народам. Советский солдат в 1941—1945 гг. так же своим подвигом преодолевал преступления и беззакония европейского (и шире — мирового) капитализма, его безумное стяжательство, доведенное нацизмом до людоедства, его расистское самовозношение над «неполноценными», его злобу и безбожную гордыню. Тот образ жизни, который нес советский воин, действительно определялся свободой, миром и честью.

ПОЭЗИЯ

Валерий САВОСТЬЯНОВ

**«ВЕРЮ Я, ЧТО
ОБЩУЮ ПОБЕДУ
ЧТИТЬ НАШ ОБЩИЙ
МИР НЕ ПЕРЕСТАЛ!»**

*К 80-летию Победы в Великой
Отечественной войне*

Валерий Николаевич Савостьянов — родился в 1949 г. в деревне Сергиевское Болоховского (ныне Киреевского) района Тульской области. Окончил Тульский политехнический институт. Первая публикация — 1963 год. Произведения опубликованы во многих антологиях, коллективных сборниках и в периодической печати, публиковались в Армении, Белоруссии, Германии, Латвии и на Украине. Автор 12 книг стихов, имеет множество наград, лауреат более десяти литературных премий, призер многих российских и международных литературных фестивалей. **Живет в г. Туле.**

ДЕДОВЫ МЕДАЛИ

Мне однажды наподдали,
Что стащил из сундука
И привесил две медали
Я на лацкан пиджачка.

«Ты попробуй, постарайся —
На войне их заслужи,
А уж после — хошь, играйся,
Хошь, в сундук их положи...».

Ждали деда.

Дед награды
Взял — и, вспомнив про бои,
Молвил: «Пробовать не надо —
Лучше носит пусть мои...».

ДЕДУ

Мы попросим нашу бабу
Протопить нам к ночи баньку,
И, ступая на порог,
Мяты, липы, зверобою
Не забудем взять с собою,
Чтобы слаще был парок.
В шайке веничек распарим,
Чайник травами заварим —
Помогает пропотеть,
Будем чаем упиваться,
Долго веником стегаться —
Каждой клеточкою петь!
Дверь откроем — и с разбега
Упадем в объятия снега!
И под юною луной
Канут хвори и заботы,
И к тебе вернутся годы,
Годы, взятые войной!..

Если ж так вернуть их сложно —
То давай тогда мы сложим
Жизнь твою и жизнь мою
(Пусть мне тоже будет больно!)
И разделим —

как обоймы
Поделили бы в бою!
И расправятся морщины —
Жизнь примеряют мужчины
Вновь, как чистое белье...

Как, тебя мочалкой драя,
Я о шрамы обдираю
Сердце штатское свое!

СКРОМНОСТЬ

Бабку старую проведаю,
Дом и сад перед крыльцом,
Где, отмеченный Победою,
Золотым ее венцом,
Жил мой дед —

до часа смертного,
До сырого бугорка —
В скромной роли неприметного
Простофили-мужичка.

Не кричал: «Мы жизнью тертые:
Вынь-положь — а нас уважь!»

Говорил: «Герои — мертвые,
А живым награды — блажь.
Грех рядиться перед вдовами:
Сколь уж лет они в тоске».
И лежали ненадеванными
«За отвагу» в сундуке...

Жил мой дед —
колхоз выхаживал,
Быть старался, где народ.
Много делал,
мало сказывал,
Вдов стесняясь и сирот.

ЧУЧЕЛО

Чучело сделала бабка — пугать воробьев:
дедов пиджак и фуражку на кол нанизала.
Будут кадушки под осень полны до краев:
хватит нам всем, и останется что для базара!

Горя не знаем весь год: приезжай и бери.
Бабушка, милая, это все правильно вроде —
только зачем тебе чучело, коль от зари
и до заката ты крутишься на огороде?

Куст затеняет —
пилою-ножовкою — вжик,
сухо — ты с лейкой,
сорняк показался — ты с тяпкой...

Бабка смеется:
«Какой-никакой, а мужик!
Правда, молчун — да о чем разговаривать с бабкой?..»

МОРАВСКО-ОСТРАВСКИЙ ОРЕШЕК

Верю я, что общую Победу
Чтить наш общий мир не перестал!
И на Праздник в Чехию поеду:
В личный тур —
по дедовским местам.

Посещу Моравию, Судеты,
Одру и Карпатский перевал —
Передам поклон и приветы
Тем краям, где дед мой воевал.

Здесь, в горах, я думаю, пореже
Спесь гремит в победный барабан —
Здесь Моравско-Остравский орешек:
Долго нам он был не по зубам.

Спросят:
«Что ты вспомнил это? Кто ты?» —
Тот я, в чьем роду фронтовики,
Знающий, как остравские доты
Здесь косили русские полки.

И не свитки сталинских приказов
Положить хочу я на весы,
А дороги дедовских рассказов,
Вздохов, умолчаний и слезы.

Наших мертвых не вернуть обратно:
Что им наша спесь и наша лесть?
У весны победной — были пятна!
Что же? — И на солнце пятна есть!..

И когда помянем и отплачем,
То, последний выплеснув елей,
Поблагодарим и неудачи —
Завтрашних побед учителей.

И не попеняем генералам,
Чтя их путь и нимбы их седин.
Мой поклон им, пусть не гениальным:
Все же дед вернулся — невредим...

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ С ПОЛОВИНОЙ

*В боях за честь, свободу и независимость нашей Родины на Тульской
земле погибло 38,5 тысячи воинов Советской армии и партизан*

Над землей родною,
над равнинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Душ солдатских — белых облаков.
Тихо — можно к матери, к невесте,
Ветрено — и вновь они на месте
Павших командиров и стрелков.

Над землей родною,
соловьинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Гнезд не свито — плачут соловьи.
Песням их теперь слезами вытечь:
Тридцать восемь с половиной тысяч
В рощах их не скажут о любви.

Над землей родною,
тополиной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Новых рощ не встанет средь полей:
Не сажать —
откуда же им взяться? —

В честь детей своих, что не родятся,
Здесь отцам убитым
тополей.

Над землей родною,
над невинной,
В тридцати восьми да с половиной
Тысячах оборванных «Люблю!» —
Тридцать восемь с половиной тысяч
Звезд зажечь
и обелисков высечь!
Не успею — сыновьям велю...

Над землей родною,
над былинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Муромцев, Поповичей, Добрынь —
Вместе с нами русское раздолье
Сторожат от горя
и раздора.
И попробуй нас располовинь!..

Татьяна ГРИБАНОВА

«БОЖЬИМ ПРОМЫСЛОМ ВНОВЬ ЗАТЕПЛЯЕТСЯ ДЕНЬ»

Татьяна Ивановна Грибанова — поэт, прозаик, публицист, родилась в д. Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор четырех поэтических книг, нескольких книг прозы, печаталась во многих известных журналах, альманахах. Член Союза писателей России. Награждена специальным дипломом «Прохоровское поле» за поэтическую поэму «Судбищенская битва». Лауреат премии им. Носова, Фета, награждена Золотой медалью им. В. Шукшина. **Живет в Орле.**

РУСЬ

Здесь испокон веков —
все больше березняк.
А в нем — хоть ночь-полночь,
поверь: светлым-светло.
И только лишь в сених
сусальный полумрак,
где рвутся корольки
на волю сквозь стекло.
Ах, Отчина моя,
смирренная забыль!
О, сонмы деревень,
познавших смертный сон!
Паду щекой к голбцу
я в вековую пыль,
заслышав сквозь года
почившей церкви звон.
Горюшица моя!
Всех бед тебе не счесть.
А радости твои —
по пальцам перебрать.
Но верую, о Русь,
ты выступишь!
Ты есть!
Века веков тебе,
Великая,
стоять!
Не погасить твой лик,
не смять твоей красы,
как и креста вовек
с груди твоей не снять.
А если вдруг судьба
ложились на весы,
вставал и стар, и мал!
Тебе ль о том не знать?

* * *

Пропах землю талой двор,
листовой прогорклой.
Скребется лужа о забор
златым осколком.
Смотрю в окошко: в купырях,
как в куцах рая,
румяным яблоком зря
с ветвей свисает.

И вечер тихий и льяной,
пролеской вышит.
Рогатый, но еще слепой
младик над крышей.

А воздух, словно молоко, —
белес и влажен.
И кто-то скачет далеко
проселком нашим.

В дому тепло, свистит щегол
задорно в клетке.

Плетет корзинки для грибов
на лавке дедка,
толкует вести из газет,
ест тюрю с хлебом.
Лучит с божницы постный свет
букетик вербы.

* * *

Страстной, до ярого накала, нынче свет,
не исцеляется молитвой и весной...
Да, все воскреснут!.. Но душе покоя нет —
она до нестерпимости больна войной.

И не унять тревог апрельским ясным днем.
И вглядываюсь вдаль, на юг, в проем окна...
Страстной десятый год горит Донбасс огнем,
и здесь, в России, бьет набатом тишина.

* * *

Не заманить ни шекелем, ни евро...
По горло замотавшись кутерьмой,
душа щемит: на родину, домой!
Там под крестом — отец родимый мой,
а слева — мама... под плакучей вербой.
Порою, смяв к заре забудь-траву,
они ко мне являются живыми,
и, позабыв от счастья свое имя,
речами задушевными, простыми
я с ними говорю, как наяву.
Вот нынче толковали, не спеша,
о том, что май, и надо б ладить грядки,
что рядом с ними, стройно, по порядку, —
война на молодость не делает оглядки, —
два парня нашенских лежат.
О том, что до сих пор Донбасс в огне,
что Брянск и Белгород бинтуют раны,
но «бегуны» уже пакуют чемоданы —
в России им и дождь — не дождь, а манна.

Сиренью май всю кипит в окне.

* * *

Исход весны. И соловьи
изголосили вдрызг рябинник.
Закат изранен до крови —
ну вот и справили поминки...

Ему не подфартило жить,
соседу, внуку бабки Шурки:
сынов на дело окрылить,
увидеть под венцом дочурку...

По воле Божьей мужиком
мне не случилось народиться.
Удел наш, бабий, знамо, — дом,
детишки, ждатель-любить-молиться.

А он войны хлебнул в свой срок.
Он чудом выжил на Кавказе
от гибели на волосок,
не ранен даже был ни разу.

Но вот под Северским Донцом,
обочь мостка, у краснотала,

смерть взвизгнула ему в лицо:
«Ну, наконец-то отыскала!»

И — навзничь, хоть душа-камень,
но нету мочи шелохнуться.
Сойдя с ума, сквозь стенки вен
кровь хлынула, чтоб захлебнуться...

И стонет над селом гроза...
Промокший холм... гора букетов...
И Витьки Спирина глаза
глядят на Этот свет с портрета.

* * *

Зачем уехал ты в края чужие?
Неужто можно лучше отыскать?
Как разглядишь сквозь города большие
погост у церкви, где оставил мать?

Что будешь делать, если на чужбине
приснится детство, речка, Марьин ров
и земляника россыпью в долине,
и стадо рыжих на лугу коров?

А вдруг захочешь летней светлой ночью
прижаться к старой яблоньке в саду
и дом увидеть позабытый отчий,
поймать на зорьке лещика в пруду?

Да, память человечья не всеильна...
Но родничок, с иконкою Христа,
проселок этот, что в бурьяне пыльном...
Они-то помнят о тебе всегда.

* * *

Прозеленились почки на сиренях,
лупастит солнышко в проем окна.
А это значит, что без промедленья
с барахты-бухты грянула весна!

Пусть вредничают иногда погоды —
то крышу ветер сам себе сорвет,
то брызнет синь пролеской с небосвода,
то — здравсье! — снова снег и Новый год.

Такая жизнь, а иногда сякая...
Но, помню, наставляла меня мать:
«Не сетуй на судьбу, печаль растает,
все принимай за божью благодать».

...По шторам скачут солнечные зайцы,
сирень прозеленилась под окном.
Надеждой обязательного счастья
наполнен всклень очнувшийся мой дом.

* * *

То щенком заскулит,
то по-бабьи заплачет с причетами,
то насупится,
то просветлеет пронзительной просинью
с воробьями в сиренях,
в ольховниках стылых с чечетками
проводит усталый ноябрь
дни последние осени.
Позови — ни души на сто верст,
лишь ветра переметные,
лишь сосняк вдоль дорог
против шерсти на славу причесанный,
лишь татарник больной,
повиликой по горло замотанный,
да сенные стога
друг за дружкой — речными покосами.
Да все чаще из горних садов
над продрогшими хатами,
над полями сквозными,
смурными остывшими плёсами,
над околицей зябкой,
куделью полыней косматой
ниспадают снега
то пыльцою, то дивными розами.

* * *

Как столбы в теремах, подпирают думы золотые
Небосвод — Божьим промыслом вновь затепляется день.
Обгоняя меня, мимо церкви, ракиток погоста
по беленым холстам санный след полетел на зарю.
А с крестов вещей птиц отряхает задумчивый иней...
Не печалься, душа, — нам с тобою торить еще путь.
Холода на дворе... Мы же столько еще не согрели,
не додумали дум, не сказали в глаза о любви!
И не ты ли сама привязала меня к этим людям,
к этим рощам с колючей куделью сосновых вершин?
Научила читать, как в скрижалях, по здешним погодам
и свою, и земли этой древней, сакральной судьбу?

Связь ВРЕМЕН

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ

ПРЕКРАСНЕЙ ВСЕХ РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Анатолий Николаевич Грешневиков — депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Народный депутат РСФСР. В 1993 г. — активный защитник Верховного Совета. Писатель. Журналист. Член СП России. Автор 28 книг. Лауреат премии Союза журналистов СССР и др. Награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом св. благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление памятников истории и культуры, русских православных святынь и др. Почетный работник Росгидромета. Живет в п. Борисоглебский, Ярославской обл.

Тростников продолжил заниматься просветительством, бороться за низложение ошибок прошлого. Мысли были не об отдыхе и собственном благополучии, а о миссии искренне служить Богу. Он знал, что там, где любовь, а Бог есть любовь, там видишь незабываемое торжество Православия.

Встав на трудный путь просветительства, Тростников начал сотрудничество не только с районной газетой, но и с литературной газетой русской провинции «Очарованный странник», которую выпускал в Ярославле мой знакомый писатель Борис Черных.

В продолжение той темы, которая не отпускала его — внутренний мир дореволюционной интеллигенции, — он предложил редактору Черных две спорные, взрывоопасные статьи о творчестве крупных писателей: Достоевского и Чехова. Посвягать на их устоявшийся в обществе авторитет было бессмысленно. Да и какие можно извлечь уроки из критики, ведь критика не должна звучать ради себя самой?! Но Тростников, несмотря на то, что называет писателей «символами веры нашей интеллигенции», бросает в них копьё. Редактор, напуганный «крамольным взглядом», как пишет сам в предисловии к статье, все же идет на риск. Публикация сопровождается его словами: «Мы рискуем опубликовать часть статьи, не выставляя заранее знаков согласия или несогласия с автором. Тем самым мы предоставляем возможность читателю наедине поразмышлять над статьей. Но сказанное не означает, что у меня нет разночтений с Виктором Николаевичем Тростниковым, просто я поменяю высказать их открыто».

Почему же статья с «крамольным взглядом» попадает на страницы

Продолжение. Начало Родная Ладога. 2025. № 1. С. 251–268.

газеты? Одно название ее настораживает — «Достоевский, которого я не принимаю». Может, положительную роль сыграла неординарная личность автора? Ученый-математик, кандидат философских наук, профессор Российского православного университета св. ап. Иоанна Богослова. Этого не может быть. На чаше весов исторической значимости имя Достоевского быстро перевесит Тростникова. Может, ключ разгадки в жанре или стилистике написания статьи — это не литературоведение, а детектив, да еще и с открытием неизвестных документов? Ничего подобного, автор просто-напросто исследует творчество Достоевского.

Тогда в чем суть «разночтений» с редактором? Безусловно, в выводах автора, что Достоевский «вопреки своим декларациям был неверующим». Для меня это убеждение тоже было и остается спорным. Но я, как и Черных, вынужден был согласиться с автором, что на совести интеллигенции того времени лежит приход революции, отвергнувшей и Бога, и Монарха, помазанника Божьего, а значит, отношения с Богом у интеллигенции были неискренними либо вообще лживыми. Вникнуть в тонкости и сложности данного конфликта (а история подтверждает его наличие) исследовать его причины никто, кроме Тростникова, не рискнул. Редактор оценил не отважность автора, а его искреннюю убежденность, богословские знания и чутье. Есть такая точка зрения, претендующая на оригинальность суждений, ну а с выводами спешить не стоит: их следует изучать, ведь сам Тростников написал, что Достоевский, будучи «масштабной фигурой», «был одним из основателей нашей сегодняшней цивилизации».

С каких аргументов автор начинает выражать свое «не принимаю» Достоевского?!

Первый упрек звучит так: «Достоевский — типичный писатель для интеллигенции, никого, кроме интеллигенции, он не обслуживает».

Чтобы не быть голословным, Тростников в начале разъясняет свое понимание термина «интеллигентность». Он пишет:

«Но что же это за качество — интеллигентность?»

Сразу ясно, что это не ум. Умным может быть и неграмотный крестьянин. Но это и не ученость, не образованность. Учеными были Нил Сорский и Арсений Суханов; одним из образованнейших людей своего времени был Иван Грозный, а разве назовешь их интеллигентами? Даже Пушкина, как верно заметила Марина Цветаева, язык не повернется назвать интеллигентом. Все эти люди были слишком прочно связаны с народом, органично входили в состав народного тела. В понятие «интеллигент» непременно входит некое противопоставление народу, «массе». Но это означает, что разум интеллигента уже не столько разум, сколько интеллект, а чувство — уже не столько чувство, сколько эстетство. Мысль и эмоция — категории общечеловеческие, а интеллектуализм и эстетизм — интеллигентские. В общем, термин «интеллигентность» подразумевает не просто знания и эрудицию, а пребывание в замкнутой среде эрудитов, определенную искусственность бытия, некую оторванность. Но оторванность от чего? Поначалу хочется сказать — «от народа». Однако это будет неточно. Ведь можно представить себе ситуацию, когда весь народ станет одним интеллигентом, так что же, в этом случае народ оторвется от народа? По-видимому, интеллигент отрывается все-таки не от народа, а от чего-то более фундаментального и онтологического, носителем и выразителем чего до сих пор был народ. Но что может лежать в более глу-

бинном слое сущего, чем народная жизнь?»

Вопрос поставлен и звучит интригующе.

Редактор отмечает, что одно из главных достоинств тростниковского мировоззрения — отсутствие косности, формального догматизма, способность к развитию. А меня задевает другое: для автора знания необходимы не ради знаний, ценность исследования — не философское умствование, а действие,

Виктор Тростников

чувствование. Он считает глубоко аморальным безразличие писателя к последствиям своих произведений, «пропитанных социальностью», к своим героям с их социальными проблемами.

Так от чего оторвалась интеллигенция? Поиск доказательств привел автора к заключению: «Интеллигенция отрывается не от народа, а от Бога, но в той мере, в какой народ остается с Богом, она отходит и от народа. Достоевский же обеспечивает душе интеллигента замену утраченному Богу». С этим утверждением трудно не согласиться, так как революция показала, что народ в основной своей массе оставался с Богом и не спешил записываться в ряды атеистов-безбожников.

Чем же обусловлен отход интеллигенции от Бога и от народа? Берем опять факты из истории: народу были обещаны свобода и земля. Ни того, ни другого крестьянин не получил. А около 9 миллионов крупных и эффективно работающих крестьянских хозяйств, нареченных кулацкими, были разграблены и уничтожены.

С заблуждениями и грехопадением интеллигенции разобрался философ и богослов Виктор Тростников. Разобрался вполне справедливо. Он устанавливает меру ответственности и для Достоевского. Только тут с его выводом уже не все согласны. Но Тростников убежден: вина Достоевского в том, что он своим творчеством «построил рукотворного Бога». Отсюда вывод: «Его задача состояла именно в богостроительстве, и он справился с ней вполне успешно. Сконструированный им Христос и на первый, и даже на второй взгляд очень похож на настоящего. Если, конечно, этот взгляд не просвещен Святым Духом. А у интеллигенции он, как правило, не просвещен, поэтому она и попадает на приманку псевдохриста Достоевского. Ее ум и чувства развиваются в искусственном мире интеллектуализма и эстетизма, и ее прямая связь с мировой онтологией, с Богом Отцом, усыхает. А без такой связи невозможно понять и Христа, ибо, как сказал святой Иоанн Дамаскин, “все, что имеют Сын и Дух, имеют от Отца, даже само бытие”».

Безусловно, в этом умозаключении богословский ответ. Но Тростников и разбирается во вредности богостроительства по Достоевскому именно как богослов. Он считает Достоевского «социальным пророком», потому и «Христос Достоевского есть категория чисто социальная». Для богосло-

ва Тростникова это неприемлемо. В развитие этой мысли он пишет: «Этот Христос с самого начала приспособляется для общественного, а не для личного пользования. Богостроительство социально по самой своей сути, другим оно быть не может. Прямые индивидуальные отношения человека с Богом сводятся к решению вопроса о спасении души, о ее загробной жизни, а такой вопрос может решать лишь онтологический Бог. Рукотворный бог не в силах спасти душу от небытия. Зато “сетка человеческих отношений” вполне может регулироваться номинальным богом — при условии, что все в него поверят. Христос Достоевского предназначен именно для установления в обществе таких межчеловеческих отношений, которые, по мнению писателя, создадут общественную гармонию, то есть для создания нужной “сетки”. Достоевский был весь пропитан социальностью, ничто, кроме социальных проблем, его не интересовало».

Любое строительство, в том числе и богостроительство, по мнению Тростникова, имеет расчет, не ведет к истинной духовности, а значит, проигрышно. Люди легко верят, что все эволюционные процессы на Земле проходят не по воле Бога, а по законам дарвинизма и природы. Труднее следовать онтологическому Богу — он запрещает грешить, требует постоянного духовного усилия. Это понимает Тростников и потому пишет: «Если дарвинизм был рассчитан на людей, которые хотели быть неверующими явно и открыто, то достоевщина была адресована тем, кто желал спрятать свое неверие под маской набожности. Поэтому максимум популярности Достоевского наступил позже дарвинского. Дарвин уже начал подвергаться дискредитации, когда Достоевский только стал входить во всемирную славу. Ведь людей, которые хотели казаться верующими как окружающим, так и самим себе, становилось все больше».

Богостроительство Тростников противопоставляет богоискательству. И тут опять не впадает в лишние философские рассуждения, а подкрепляет свои открытия жизненными примерами. Если для него Достоевский был богостроителем, то Толстой — богоискателем. В чем принципиальная разница и смысл творческой самореализации? Тут у Тростникова однозначный ответ: «Главная ценность Достоевского для наших современников состоит в том, что он создает иллюзию христианского мировосприятия и мышления, но при этом не вызывает внутренней потребности изменить свое поведение. Его Христос отлично вписывается в привычный для нас образ жизни, поскольку этот Христос целиком размещен в плоскости культуры, а культура составляет часть нашей комфортабельной цивилизации, нашего удобного быта. В этом Достоевский тоже противоположен Толстому. Толстовство есть в первую очередь требование менять жизнь. Не такова достоевщина... Тот, кто решится жить по Толстому, должен будет отказаться от многих приятных вещей и взваливать на себя много неприятных дел. Достоевский избавляет нас от усилий и неприятностей и в то же время создает иллюзию, будто мы обрели Бога и живем или вот-вот начнем жить по-божески».

После выхода газеты, в которой была опубликована статья Виктора Тростникова, а также и мой рассказ «И реки умирают», я ждал читательской реакции. Но автор, не принимающий Достоевского, не нашел, увы, ни сторонников, ни противников. Статья прошла незамеченной. Это не могло не задеть автора. Иначе не последовало бы следующей статьи, написанной

с той же убежденностью: отказ интеллигенции от Бога и народа привел к революции, итог которой оказался тупиковым и сокрушительным, ибо безбожный мир обречен всегда и спасаем лишь возвращением к Богу.

Теперь под прицел критического исследования Тростникова угодило творчество писателя Антона Чехова. Автор тоже отнес его к кумирам интеллигентской массы. Только в статье он выступал не столько в роли богослова, сколько публициста, литературоведа, патриота.

Название статьи определили слова православного священника, произнесенные в одном из рассказов Чехова и наполненные нелюбовью к России: «Захотелось вдруг за границу, нестерпимо захотелось».

Появление статьи в портфеле редакции неожиданно обернулось скандалом. Один из авторов газеты, писатель из Москвы, проживающий в моем родном Борисоглебском районе, поставил ультиматум: редакция должна отказаться либо от него, либо от Тростникова, унижающего и клеветничающего на классиков — Достоевского и Чехова. Выбор был сделан не в пользу Щербакова. Статья вышла в свет, но не с предисловием редактора Бориса Черных, которое было к статье о Достоевском, а члена редколлегии, поэта Константина Васильева, уроженца Борисоглеба, а также, по немыслимому стечению обстоятельств, друга Тростникова и Щербакова. После размышлений и советов со мной и Черных Константин Васильев одобрил статью Тростникова, написав к ней короткое предисловие. Мне оно не понравилось уклончивостью и соглашательством с редактором. Уж слишком были заметны переключки и совпадения в предисловиях. Васильев писал: «Эссе В.Н. Тростникова рассчитано не на слабонервных. Оно ошеломит многих, оно вызовет протест, раздражение, гнев — что ж делать. Мы, впрочем, печатаем его не затем, чтобы подразнить читателя. Мы и сами далеко не во всем соглашаемся с нашим уважаемым автором... И вот, и вдруг — нечто новое, непривычное — неверное, может быть! — но пробуждающее нас от интеллектуальной спячки, проветривающее наши мозги. Прежде чем возражать, подумаем хорошенько, перечитаем...».

В отличие от статьи про неверно выбранный путь богостроительства Достоевским, эту публикацию я не считал спорной и тем более гневной. В ней многое было созвучно моим представлениям о беспросветном и разрушительном творчестве Чехова. Потому я поддержал концепцию Тростникова, но не ушел от вопросов участникам редакционного конфликта. У Васильева я поинтересовался:

— Костя, а в чем ты не согласен с автором?

— Если Чехов не любил Россию, то, выходит, было за что, — ответил он.

— А могла ненависть интеллигенции к России провоцировать революцию?

— Могла, конечно. На ней огромная вина.

— Тогда правда за Тростниковым. Хотя я больше осуждаю не писателей, вскрывающих язвы общества и безмозглость властей, а саму власть. Писатель должен писать правду, указывать на проблемы, а власть обязана слышать критику и исправлять недостатки. Революция потому и произошла, что власть совершенно глуха была и к стонам народа, и к разоблачениям писателей. Так на ком лежит большая вина?!..

Эти вопросы следовало задать и Щербакову, но, несмотря на приятельские отношения, на то, что я помог ему с приобретением дома в районе, наша дружба прекратилась из-за его самовозвеличивания и гордыни. Потому я спросил у Тростникова:

— Виктор Николаевич, а какие претензии у Щербакова были к твоей публикации?

— Все просто, он, в отличие от меня, считает Чехова православным писателем. Статья для него ниже всякой критики — лишена малейшей логики, научного подхода, какой-либо связной концепции. Я пытался убедить его, но он сразу взорвался, обвинил меня в подрыве православия и следовании штампам. Меня можно в чем угодно обвинять, но в этом... Я давно выбрал путь самостоятельных занятий философией, поэтому не стал заложником стереотипов, не только советских, но и антисоветских. Спрашиваю его, почему для него Чехов православный. А он на полном серьезе заявляет: я так считаю, потому что сам православный писатель, и, без ложной скромности скажу, — великий... Меня от таких признаний чуть инфаркт не хватил. Он — великий... Теперь я его всюду кличу — «великий». А с великим мне, простому грешному, больше говорить не о чем.

К единственному человеку у меня не было никаких вопросов — это к редактору Черных. Он посчитал необходимым опубликовать статью Тростникова, тем более, она не была такой спорной и будоражащей общественное мнение, как статья о Достоевском, значит, она его расположила.

Я не увидел в ней того сурового обличения в богостроительстве, которого ожидал. Нет, Тростников намеренно отказался проводить богословское исследование. «Чехов не богоискатель, — пишет он, — как Толстой, и не богостроитель, как Достоевский, он не нуждается ни в каких богах и ни в какой вере и считает, что никакой образованный человек не может в этом нуждаться».

Тогда в чем провинился Чехов перед Тростниковым? Вчитываешься в материал, знакомишься с претензиями и понимаешь: а теперь автор избрал путь открытых разоблачений и обвинений писателя в очернительстве России и подготовке революции. В то время было модно писать, что в России все плохо, жить в ней невозможно, и за огульную критику никого в тюрьму не сажали, потому как, замечает Тростников, «во многих произведениях Чехова содержится разрушительный потенциал». Исследуя рассказ за рассказом, пьесу за пьесой, отчетливо видишь, что в начале он делает ставку на неприязнь к «проклятому царизму», обличает тупую полицию, высмеивает чиновников и служащих, а затем охаивает всю русскую жизнь. Завершая изучение творческого наследия Чехова, Тростников приходит к выводу, что Чехов — это Чернышевский девяностых годов, кумир интеллигентской массы, чья историческая миссия — миссия разрушительная.

Во многих рассказах Чехов начинает выходить не только на разрушение института семьи (как, например, в рассказе «Душечка»), не только на осуждение любви к земле, посвятив этой теме рассказ «Крыжовник», но и на откровенную русофобию. Для обоснования своего нелицеприятного вывода Тростников впервые прибегает к мнению других авторитетов, таких, как Анна Ахматова. Он пишет: «В большинстве случаев это очернение российской действительности во всех ее аспектах». Чехов сказал однажды: «Чем бы ни занимался человек в России, все равно его жалко», и эта русофобия сквозит у него всюду. Лидия Чуковская вспоминает, что, когда она спросила Анну Ахматову, почему она не любит Чехова, та ответила: «Я не люблю его потому, что все люди у него жалкие, не знающие подвига. И положение у всех безвыходное. Я не люблю такой литературы. Я понимаю, что эти черты чеховского творчества обусловлены временем,

но все равно не люблю». К этим словам можно добавить только то, что «обусловленность временем» надо понимать не так, что в то время люди и вправду были жалкими и несчастными, а так, что демонстрировать свое к ним сочувствие было тогда модным. Они несчастны у Чехова уже потому, что вынуждены жить в этой стране.

Апофеозом разрушительной идеологии Чехова стал для Тростникова рассказ, в котором по надуманным причинам православный архиепископ вдруг признает себя несчастным. Приехав домой, тот, не раздеваясь, лег спать, отказавшись от молитвы, прокляв жалкие деревянные ставни и монастырские запахи и возроптав по поводу того, что ему «захотелось вдруг за границу, нестерпимо захотелось!».

Я нашел в собрании сочинений этот рассказ, прочел и понял, что образ архиерея выдуман от начала до конца, выдуман с одной целью, как точно подметил Тростников, — чтобы в чеховской России несчастен был даже православный священник.

И тут понимаешь, ради чего была написана разоблачительная статья, почему в ней прозвучало обвинение в подготовке революции.

У Тростникова на сей счет нет иллюзий, его приговор, как всегда, суров, но фактологичен:

«Начинаешь понимать, в чем тут замысел: ведь если даже архиерей нестерпимо хочет “слинять”, значит, Россия и на самом деле непригодна для обитания. Такой взгляд на нее Чехов методично прививал своим читателям и этим подготавливал революцию успешнее самих революционеров. Во всем им написанном вы не найдете ни одной строчки, которая выражала бы любовь к Родине, к свершениям наших предков, к ее святыням, к ее природе. Этот русский по крови человек демонстративно вышел из рода. У всех других классиков, даже у язвительного Салтыкова-Щедрина, нет, да и прорвется патриотизм, у него же — ни разу. Хороши бы были наши хрестоматии, если бы в них приводился только Чехов — все дети убежали бы в Америку, как его Монтигмо Ястребиный Коготь. К счастью, беззаветно любившие Россию Пушкин, Тютчев, Фет, Майков, Никитин и другие дивные русские писатели выручают составителей, и отрицающий “Ванька Жуков” заглушается многоголосьем утверждением.

К сожалению, в начале века читатели прислушивались преимущественно к Чехову и не только проникались духом разрушения, но и получали от него инструкции, как именно надо разрушать. Конечно, он не сам придумал эти способы — программа ликвидации православной России была тайной, и он в нее не был посвящен, — просто он уловил то, что “висело в воздухе”, и выразил. Но его помощь тем, кто эту программу выработал, была значительной. Ведь им-то самим не очень доверяли, а ему верили безоглядно, он был “властителем дум”.

Сегодня тайное стало явным. Сегодня мы знаем, что дьявольская эта программа состояла в разрывании на всех уровнях тех связей, которые соединяли русских людей в монолит единого народа и сильного государства, чтобы из образовавшегося песка можно было слепить нечто совершенно другое. На индивидуальном уровне это была связь с “Богом отцом нашим”, обеспечившая духовную преемственность и культурную традицию, — православная воцерковленность, а также связь с землей — владение ею и ее любовное возделывание».

Статья Тростникова долго не давала мне успокоиться. В один из выходных я пришел к Константину Васильеву, предложил ему перечитать ее заново, а заодно рассказ «Крыжовник». Казалось, что редакция, решившись на публикацию острых статей, развенчивающих тех писателей-классиков, которые готовили революцию, не осознает до конца своего поступка. Переживал я и за друга Костю Васильева: а вдруг в его отношениях с Тростниковым произойдет трещина, и мое стремление сблизить их, подружить, обернется провалом? Но я зря волновался.

Обсуждение у нас получилось на удивление не только доброжелательным, но и совпадающим по большинству позиций. Каждый из нас вычитывал из рассказа «Крыжовник» возмутительное предложение и объяснял, почему оно несет негативный, разрушительный смысл. Мне не по нраву было осуждение Чеховым той интеллигенции, которая «имеет тяготение к земле». Костя защищал усадебный тип жизни и возражал писателю, сравнившему усадьбу с тремя аршинами земли, которые «нужны трупу, а не человеку».

Когда разговор зашел о статье про разрушительную миссию Чехова, я прямо спросил Васильева:

— Костя, слово может убить?

— Может, — без раздумий ответил он.

— У Лескова есть рассказ «Левша». Там есть мастер, подковавший блоху... Это гимн нашему русскому мастеру! Гоголь в «Тарасе Бульбе» говорит, что нет в мире силы, которая пересилила бы русскую силу. А назови мне рассказ Чехова, где превозносится русское мастерство и русский дух.

— Да что ты меня все пытаешь?! Я тебе уже говорил — прав Тростников. Я преклоняюсь перед его умением докапываться до сути вещей, осмысливать их и доказывать, где истина зарыта. Ты посмотри, что я после своего предисловия к его статье поставил — статью Аверченко, где Чехова называют певцом сумерек и безвольной интеллигенции.

— Подожди, но критик, сказавший это, был выброшен из окна. Выходит, ты на стороне Аверченко? И ты, видимо, вместе с критиком Щербаковым выбросил бы Тростникова в окно...

— Нет, я на стороне Тростникова, потому не дал бы его выбросить в окно. Для меня Тростников — великий мыслитель, философ особого покроя. Мы часто с ним говорим о тех высоких материях, о которых не принято говорить, и, если честно, то мне ни с кем, как с ним, так приятно говорить на философские темы.

— Великий у нас только писатель Щербаков.

— Слышал. Он по глупости это сказал, а Тростников теперь ёрничает.

— А ты великий?

— Я гений. Не верь, я шучу.

— Значит, Виктор Николаевич вызывает тебя на разговор о философии. Интересно. И к какому общему знаменателю вы пришли?!

— Зря улыбаешься. Для Тростникова основным вопросом философии является вопрос о человеке, о значении и тайне конкретной человеческой личности. Тут есть о чем поговорить. Я сейчас как раз приступаю к работе над статьей о Лермонтове, о его понимании, что есть человек, то есть «герой нашего времени». Мне кажется (и я поделился этим с Тростниковым), Лермонтов, Блок, Гумилев — это философы в интеллектуальной и духовной сферах. Но не только философы, мыслители, но и

скрытые лидеры. И хоть они не занимали никаких влиятельных постов, но за ними шли...

Этот откровенный разговор и признание Кости я часто вспоминал. Редко кто вызывал моего друга-поэта, болеющего одиночеством и невостребованностью, на беседы со столь сокровенными и, пожалуй, интимными темами.

Один раз я видел, как Тростников и Васильев уединенно прогуливались по монастырскому саду. Долго стояли у звонницы. По их просьбе незнакомый мужчина забрался на звонницу, и тотчас с ее высоты над окрестными полями, лесами, нивами разнесся праздничный колокольный звон. Они стояли молча — умиленные, счастливые ротозеи. А потом Костя провожал собеседника до дома.

Их разговоры о смысле жизни не прошли даром. Костя видел в Викторе Николаевиче не только умного собеседника, он чувствовал, что это человек, с которым не заплутаешь в жизненных и творческих дебрях, это родственная душа. А я чувствовал другое: как понемногу оттаивает душа Кости после встреч с Тростниковым, как часто он негодует по поводу своей неустроенности в жизни, задаваясь мучающим его вопросом: «Правильно ли я живу?».

Тростников, общаясь с Костей, видел в нем поэта огромного таланта, но запутавшегося в жизни, и которому нужно было указать путь к осознанию своего места под солнцем, путь к спасению — поиску Бога. Но, как мне часто говорил Виктор Николаевич, каждый человек по-своему обретает Бога.

Свои душевные поиски и переживания Костя выразил в стихотворении, посвященном Тростникову:

*Доискаться смысла жизни?
Зачем? От жизни я бегу.
— Ну что ж, осенний ветер, взвизгни,
Завой, развей мою тоску,*

*согни в дугу прямой орешник,
сорви последнюю листву,
скажи хоть мне, зачем же, грешник,
живу, как будто не живу?*

*Зачем и голодны, и босы,
друзья мои идут во тьму?
Зачем проклятые вопросы
ко мне приходят одному?*

*Я не пойму, зачем ночами
она не делится со мной?
Зачем с небес тащу клещами
звезду живую за звездой?*

*Зачем, в обличье страстотерпца,
я от судьбы своей бегу?
Судьба стоит иглой у сердца...
Хоть это я понять могу?*

Прежде чем передать это замечательное стихотворение, отражающее внутренний мир тогдашнего поэта, Костя пришел ко мне домой и спросил, понравится ли оно Тростникову. Пришлось отругать его, потому что в каждой строке звучали боль и правда, которые Виктор Николаевич ощущал лучше нас.

Вскоре это стихотворение вошло в сборник Васильева «Ночная бабочка в огне», который я помог ему издать со своей помощницей Натальей Матюхиной. Подпись на нем гласила: «Толе Грешневикову с любовью и благодарностью. Твой друг Костя. 24 октября 1995 года. Борисоглеб».

В другой раз по монастырю мы гуляли вчетвером — Тростников, Васильев, поэт Юрий Кублановский и я. Разговоры наши вновь касались истории, поэзии, искусства и, конечно же, противоречий в жизни России и Борисоглеба.

И вдруг Тростников, которого я никогда не видел раздраженным или унывающим, сказал бодро и торжественно:

— Как великолепен Борисоглеб!

В продолжение его слов раздался радостный возглас Кости:

— Борисоглеб неповторим!

Кублановский подозрительно посмотрел на обоих, встряхнул густой шевелюрой и произнес:

— Это к чему такой патриотизм?!

— В Борисоглебе все патриоты, любят свой край и, обрати внимание, когда въезжаешь в район, на рекламном щите написано — «Борисоглебский рай». Я тоже здесь прижился и стал патриотом. Так что, Борисоглеб великолепен, и все мы патриоты. Кроме одного, один у нас — великий.

Кублановский не знал, кто в нашем районе — великий. А узнав, долго смеялся, то ли от радости, что это не над ним так поехидничали борисоглебские патриоты, то ли от новости, что земля наша не умрет от скромности.

Зато Костя Васильев знал, о ком пошутил Тростников. Спустя время он показал мне стих, напоминающий о той прогулке. Он, конечно же, был адресован Сергею Щербакову:

*Ляжет меж обоими
мир единый наш —
и легко с тобою мы
впишемся в пейзаж.*

*Главное — терпение,
твердые шаги...
Мы с тобой два гения
у одной реки.*

Реакцию Щербакова на этот шутливый стих автор от меня скрыл. Но с Тростниковым мы обсудили его и пришли к обоюдному согласию: гений есть, но он один. Виктор Николаевич очень высоко ценил поэзию Васильева.

Когда я издал посмертный сборник Кости «Горит кленовая листва», то решил провести в местном Доме культуры его презентацию. Земляки заполнили весь зал — мест свободных не оказалось, что означало безоговорочное признание таланта поэта. Но меня обескуражило и другое. Сборник

Васильева вышел в задуманной мною серии «Поэтическое наследие Борисоглеба». Удалось выпустить стихи отдельными книжками поэта-фронтовика Сергея Филатова из деревни Цепелево, уже ушедшего из жизни, и поэтессы из села Красново Валентины Поповой. На суд читателей были представлены две книги — Васильева и Поповой. В ходе активного обсуждения все выступающие хвалили творчество одного поэта, забыв, что в зале сидит второй, и, к счастью, живой. Бескомпромиссный тон в разговоре задал Виктор Тростников. Для него никого и ничего не существовало, кроме стихов Васильева. Откуда только у него появились силы, чтобы с такой глубокой страстью, с таким истовым восторгом говорить о поэзии провинциального поэта! Не забыл он сказать и о том, как Константин Васильев безгранично и преданно любил свою малую родину — Борисоглеб, считая его раем на земле. И зал внимал выступающему философу, поддерживал аплодисментами и верил, что лучшие стихи о красоте и колорите Борисоглеба тщательно описаны пронизательным и наблюдательным поэтом Васильевым. Чтобы хоть чуть-чуть выкрутить ситуацию и привлечь внимание к книге другого поэта — Валентины Поповой, — пришлось мне и писателю Анатолию Онегову брать бразды правления презентацией в свои руки. Но удалось нам немного... Выступающие продолжали линию Тростникова. А сам Виктор Николаевич захватывал аудиторию уже чтением стихов Васильева. Одно из них было посвящено ему:

Константин Васильев

*Зачем искать великолений
на небесах и на земле,
и в том числе — в Борисоглебе?
В Борисоглебе — в том числе...*

*«Борисоглеб великолепен,
Борисоглеб неповторим...»
зачем его возводят в степень?
Неповторимым был и Рим.*

*Так просто быть неповторимым...
Но на песке рисуют рыб —
и что тогда случилось с Римом?
Неповторимый Рим погиб!*

*Кто знает, несколько мгновений
или вся вечность на кресте?
Не требуется украшений
непреходящей красоте.*

*И наше время игровое
сошло с ума от мишуры.
Давай хотя бы мы с тобою
нарушим правила игры.*

*Игру огня в холодном небе
мы видим, стоя на земле —
и в том числе в Борисоглебе,
В Борисоглебе — в том числе...*

Тростников не сказал о том, каким образом родились строки «Борисоглеб великолепен!», он посвятил свое выступление разбору самого стихотворения. Упор сделал на религиозный смысл его, расшифровывал подтекст каждого словосочетания: что означает для православного «вся вечность на кресте», почему «неповторимый Рим погиб» и зачем христиане «на песке рисуют рыб». Заканчивая речь, Тростников сказал, что это стихотворение мог написать только человек, внимательно изучающий Евангелие, а значит, религиозный человек.

Эту «крамольную», с точки зрения атеистов, мысль (ведь Васильев был некрещеным), Тростников продолжил уже на другой встрече с читателями. То был даже не вечер, а ставшие после смерти поэта традиционными Васильевские чтения. Со всех уголков необъятной страны стали стекаться в лесной поселок любители поэзии, чтобы отдать дань уважения борисоглебскому самородку, почитать свои стихи.

Тростников выступил на этих литературных чтениях с оглушительной речью. Ему хотелось заставить людей поверить в то, что Бог принял Константина Васильева в Царство Небесное, потому что тот был религиозным человеком.

В обширном докладе это убеждение звучало так:

«Религиозность, с которой мы начали разговор, является необходимым условием спасения, и, возвращаясь к конкретному вопросу о религиозности Константина Васильева, мы, по существу, будем выяснять, выполнялось ли в данном случае это необходимое условие.

Если приводить все стихотворения, в которых Васильев размышляет о высшем мире и вечности, о соотношении человека и Абсолюта, о потусторонней действительности, цитированию не будет конца. Не менее четверти его поэзии прямо или косвенно посвящено этой теме». Приведем, например, следующие строки:

*Я и сам играл без правил...
Но, набравшись сил,
по своим местам расставил
все, что сохранил.
Я и сам не видел смысла
жизни на земле,
но и мне открылись Числа
в небесах, во мгле.
Но и мне открылись Сроки,
призван я на Пир...
Мир прекрасный, мир жестокий —
это Божий мир.*

Это вдохновенное, глубоко религиозное двенадцатистишие говорит само за себя. Хотелось бы только отметить, что, во-первых, поэт открывает нам здесь не просто свою Веру, но и свой путь к Вере; во-вторых, он выдает то, в чем никогда открыто не признавался: знание Евангелия. Причем это — усвоенное, ассимилированное сознанием и ставшее его неотъемлемой частью знание: упоминание о Пире тут не есть механическое воспроизведение запомнившейся притчи, а переплавленный, а значит, много раз бывший предметом размышления сюжет. В этом легко убедиться, прочитав оригинальный текст: «*Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир*» (Мф. 22:2). Васильев намекает на это место из Евангелия всего одним словом «Пир», написанным с большой буквы, и ничего не расшифровывает, считая, что кто знает, тот поймет, а кто не знает, тому и понимать не надо. Такая сдержанность является вернейшим признаком благоговейности: о святине, если ты относишься к ней серьезно, не подбоает много разглагольствовать. Васильев не разглагольствовал о высоком, касался его всегда очень деликатно, а значит, необходимое условие им было выполнено. На вопрос, был ли Васильев религиозным человеком, бесспорно, надо дать положительный ответ».

Участники Васильевских чтений вряд ли запомнили суть богословского толкования достаточных условий для спасения человека, о котором подробно поведал Тростников. В католицизме спасение осуществляется Церковью. У протестантов человек не нуждается в Церкви, его спасает вера, которая существует в глубине его души. В православии отвергаются оба крайних взгляда. Тростников считает: «В отличие от протестантов, православные отводят Церкви громадную роль в деле спасения души, но, в отличие от католиков, не настаивают на том, что спасение возможно исключительно через Церковь». Он относит Костю к тому мытарю, о котором сказано в одной из Иисусовых притчей, что «возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится». На этом месте доклада я вспоминал не один десяток стихотворений Кости, где он как раз уничижительно относился к себе. Вместе с другими участниками чтений я поверил Тростникову, сказавшему в самом конце своей трогательной речи о возможном спасении Васильева: «Когда грешная Маргарита из “Фауста” умерла и, по всем человеческим представлениям, погибла, раздался голос с неба: Спасена! О судьбе покинувшего здешний мир поэта Константина Васильева голос ничего нам не возвестил. Но, учитывая то, о чем мы здесь говорили, можно надеяться, что Господь за его страдания, его смирение и за его прекрасную поэзию, возвышающую души людей, смилостивился над ним и взял его в Свои светлые обители».

Наверное, большинство в зале согласилось: судьба Константина Васильева — судьба мытаря. О том свидетельствует его стихотворение:

*Сомкнувши намертво уста,
не понимаю я Христа.
Но я живу, но я Его,
быть может, знаю, знаю так,
как знать не может большинство,
шагающее, как в кабак,*

*в сияющий над бездной храм.
Я не пойду за вами — сам
Я не пойду, я не пойду.
Мне место, стало быть, в аду?
Но что вы знаете про ад?
Его вы ощущали здесь?
Иль я пред вами виноват?
О, Господи, какая честь!
Как вы трепещите, когда
иду меж вас, сомкнув уста.*

После того как Тростников прочел это стихотворение, я ему рассказал одну из грустных историй его написания. Один писатель, подчеркнуто указывающий в своей творческой биографии, что он православный писатель, пытался обманным путем завести Васильева в церковь и окрестить. Костя взбунтовался, ему всегда претили насилие и ложь. Тогда писатель пригрозил ему, что его участь — крошечный ад. «Догадываюсь, кто тот лжепомощник, — сказал Тростников. — Но Косте, видевшему ад на земле, судя по всему, нужен был другой проводник к спасению. Человек к Богу, как я тебе уже говорил, зачастую идет через человека. Но где встретишь этого человека?!» Я тогда промолчал. Лишь со временем признался себе, что этим человеком вполне мог быть сам Тростников, проживи Васильев чуть больше...

Последний раз я видел Тростникова у Васильева в тот день, когда из Ярославля пришла печальная весть — газета «Очарованный странник» прекратила свое существование. Погиб спонсор. Редактор улетел на Дальний Восток с мыслью создать там новую газету. Васильев остался без работы, а Тростников — без возможности публиковать те статьи, которые разоблачали писателей, готовивших революцию.

— Чем займешься, Костя? — спросил я.

— Хорошо бы создать свою литературную газету в поселке. Я уже придумал название — «Борисоглебские слободы».

— Ничего у тебя не получится, — с сожалением сказал я, махнув рукой. — Ты же живешь по принципу «и нашим и вашим», у тебя и космополиты-западники хорошие, и православные патриоты хорошие. Ты по сей день не можешь определиться, с кем ты? Причем когда идешь к писателям-западникам, то они гонят прочь, не принимают за своего. Идешь к нам, патриотам, мы тебе помогаем, единственные, но ты вместо благодарности и понимания начинаешь толкать ненужные речи о том, какие хорошие бывают западники. Ну, создашь ты литературную газету... А кто с ней сотрудничать будет? Космополитов-безбожников и патриотов еще никому не удавалось объединить, слишком разные у них цели.

— Но у нас же выходила газета «Очарованный странник»?!

— Редактор Черных был православным патриотом. Ты это знаешь. Он на дух не переносил космополитов-безбожников и гнал их прочь от себя и от газеты. Ты, видимо, был исключением, неопределившимся.

— Так давайте такую же патриотическую газету воссоздадим?!

— Давайте искать спонсоров, — предложил Тростников, откликаясь на заманчивое предложение. — У меня как раз созрела мысль написать статью о Толстом.

Статья Тростникова «Отлученный Церковью, будет ли оправдан Богом?» вышла в журнале «Русский дом» уже после смерти Константина Васильева. Мне казалось, что она продолжит избранную ранее тему вины интеллигенции или будет посвящена, как в статье о Васильеве, теме спасения без Церкви. Предыдущие размышления философа приучили меня к тому, что он изобрел для себя способ интеллектуальных поисков — умом и воображением — той правды, что скрывалась в трудах классиков прошлого столетия. Судил их строго, изучая тексты произведений, досконально разбирая их на детали и цитаты. Замахнувшись на статью о Толстом, признанном уже в то время всем миром величайшим писателем земли Русской, нужно было, кроме смелости, иметь более важные качества — глубокий, блистательный философский и литературный дар, способность мыслить не как все, подчас вразрез с доминирующими представлениями, но весьма убедительно, а то скажут: как он посмел и что сам-то автор из себя представляет? Если это не человек духа, то не спасут ни удивительные научные озарения, ни богатство и точность языка. Я знал, что Тростников — человек духа, его давно волнует проблема «Бог и человек». Когда-то на мой вопрос, что первично — материя или сознание, — он твердо заявил: первичен Дух, и это ясно как Божий день.

Мои ожидания и опасения после прочтения статьи не оправдались. Тростников, хоть и дал посыл читателю, что преклоняется перед талантом Толстого и убежден в его стремлении обрести Бога, но все же не встал на его сторону. Придерживаясь традиционной обвинительной позиции Церкви, он лишь обосновал свою точку зрения, что невозможно в одиночку, одержимому гордыней, обрести Бога. И все помыслы писателя побороть в себе «беса упрямства и самолюбия» оставались нереализованными. Суждено ли было ему когда-нибудь освободиться от гордыни и встретиться с православным священником? История свидетельствует, что у него было две попытки. Одна провалилась по его вине: когда он гостил в знаменитой Оптиной пустыни, подошел к калитке скита, где жил святой старец Варсонофий, но войти не решился. Вторая встреча с тем же старцем Варсонофием, который приехал по телеграмме к Толстому, заболевшему на станции Астапово, не состоялась по вине Черткова. Он не допустил его до писателя. Можно представить, насколько другой была бы история взаимоотношений Толстого и Церкви, не воспрепятствовав помощник данной встрече.

Когда Тростников писал о приезде старца Варсонофия к больному писателю, то мне казалось, что он поведет разговор о неблаговидном поступке Черткова, который помешал воле и желанию Толстого... Перед наступающей смертью гордыня уходила. Однако эта тема не нашла продолжения. Может, она не устроила редакцию журнала, ведь он расходился по церковным приходам? И я заметил, что Тростников, хоть и был членом редколлегии, но печатался в своем любимом издании довольно редко, чуть ли не раз в год. Может, сама неоднозначная тема оказалась настолько грандиозна, что она не могла уложиться в рамки принятой исторической версии.

В любом случае Тростников в заключение своей статьи сделал ожидаемый вывод. Пусть он и продемонстрировал желание выразить себя, показать свою философскую индивидуальность, но Толстого он не стал ни защищать, ни ставить в ряд с Достоевским и Чеховым, «заражающими» интеллигенцию бациллой революции. Его критика была продиктована тем,

что он был богословом, который даже при наличии противоречивых тем сохранял достоинство, верность слову, совесть, не навязывал другим тех оценок и выводов, в которые сам не верил.

Слово о Толстом было им выверено. Он писал:

«Этот человек тянулся к Богу, более того, не мог жить без Бога. Но обрести его он хотел в одиночку. По своей гордыне думал, что для этого хватит его природного ума. Но в падшей человеческой природе нет благодати — она утеряна из-за первородного греха, — а без благодати обрести Бога невозможно. Воплотившийся Сын Божий вернул на Землю благодать, передав ее на хранение основанной Им Церкви, и только став ее чадами, мы можем соединиться с Богом. Толстой не захотел идти этим единственно верным путем и заблудился. Выход из тупика имелся — надо было только признать превосходство соборной церковной мудрости над своими доморощенными мудрованиями и покаяться. Но бес упрямства и самолюбия потащил его в другую сторону. Нельзя служить двум господам — одного обязательно возненавидишь. Толстой возненавидел Церковь и закономерно стал лицемером и лжецом. Когда сестра в Шамордине спросила его, посетил ли он старцев, Толстой ответил: “Да они меня бы не приняли, я же отлучен...”. На самом же деле они передали через гостинника, что примут его с почтением и радостью. Как же он мог так нагло солгать сестре? Одержимый гордыней может всё, лишь бы оправдать себя? Оправдает ли его Бог? Как хотелось бы, чтобы написанные им “Война и мир”, “Анна Каренина” перевесили его еретические измышления!».

После выхода этой статьи я ждал продолжения темы невольного участия русской интеллигенции в подготовке революции, а больше всего — размышлений философа о влиянии творчества признанных писателей-классиков на ход истории нашей страны. Но ни в газетах, ни в журналах Тростников не публиковался. А ежели где и выходили в свет его материалы, то оставались незамеченными.

Неужели Виктор Николаевич выдохся, сказал всё, что хотел сказать, или взял паузу? Сказать, что меня мучил уход из публичного пространства дорогого для меня публициста и философа, нельзя. Мы виделись, но редко. И задать ему банальный вопрос, над чем он работает, не было возможности. Если мы и пересекались, то обычно на творческих мероприятиях.

Одна из таких конференций, проходивших в малом зале культурно-досугового центра поселка Борисоглебский, была посвящена памяти Царской Семьи, убитой в годы революции в Свердловске. Организатором ее выступил сам Тростников. Кроме содержательного доклада «Бог и Царь», он предоставил сельчанам возможность ознакомиться с выставкой «Последние дни Романовых» и кинофильмом о расстреле Николая II, его жены, детей и приближенных, созданным на основе последних исследований. Невероятно, но послушать философа, знакомого, правда, уже по публикациям в районной газете, пришли люди самых разных возрастов — от школьников до пенсионеров.

В те минуты мне и подумалось, что Тростников ставит точку в своих исторических, религиозных и литературоведческих исследованиях.

А ведь этот десяток лет, прожитых в Борисоглебе, был ознаменован появлением в печати многих острых статей. Пребывание в Борисоглебе не только не прошло даром, но и благотворно повлияло на его работоспособ-

ность. Он писал охотно и много как для районной и областной газет, так и для центральных. Многие из написанного им — прекрасно, оригинально, глубоко по чувству и совершенно по форме. В общении с земляками я понимал, с каким неприкрытым любопытством они изучали статью Виктора Тростникова «Великая Россия и династия Романовых», размещенную полосу в двух номерах газеты. Приехав в Москву, писатели и политики пересказывали мне его статьи «Дэн Браун — наследник Карла Маркса», «“Кодекс коммуниста” — это искаженное Евангелие», «Пять признаков конца света», опубликованные в популярной газете «Аргументы и факты». Не жалела места для его публикаций газета Александра Проханова «Завтра», знакомя читателя со статьями «О симфонии властей», «Бумеранг», «Овцепоклонники», «Австрийцы, я вас полюбил!», «Власть и народ». Не боялась коммунистическая газета «Правда» публиковать статьи богослова: «Миряне бьют тревогу», «Земля не выздоровеет, пока человек остается больным». Тростников не стеснялся печатать свои произведения даже в малоизвестных изданиях, таких, например, как «Домострой». Издание с малым тиражом, а тема статьи серьезная: «Быть ли России монархией?». Но самое удивительное — разброс тем, взволновавших Тростникова и заставивших его осмысливать их, весьма широк и разнообразен: это полемика вокруг перезахоронения останков Царской Семьи, защита окружающей среды, срастание Церкви и государства, клонирование, победа на выборах в Австрии патриотов-националистов, русская православная цивилизация.

Он не только открыл себя читателям, влюбил в себя жителей Борисоглеба, но и воспитал в них потребность уважать историю, изучать первоисточники, уходить от стереотипов мышления, разбираться, где добро, а где зло. Все то, что им, философом и богословом, было накоплено, хорошо усвоено, он передавал людям. Передавал все лучшее, что дала старая школа наших русских мыслителей и писателей.

— Виктор Николаевич, что-то давненько я не вижу вас на страницах газет? — спросил я его, встретив в монастыре. — С чем связан простой?

— Какой простой?! — возмутился он. — Работаю над книгой о православной цивилизации, православной системе ценностей.

— Значит, не скоро увидимся?!

— Это ты брось, как не увидимся... Ты обещал съездить со мной на родину летописца Авраамия Палицына, кажется, в село Протасьево, и на место битвы Шемяки и Василия II Темного в село Никола-Бой.

Тут я понял, что никакой паузы в творчестве Тростникова нет, вместо простоя — жажда творчества.

Борисоглебская земля продолжает давать ему силы и энергию, окрыляет, вдохновляет и зовет к новым историческим исследованиям. Наступает день, он звонит, мы садимся в машину и едем по моим знакомым памятным местам — по деревням, полям, лесам, лугам.

Продолжение следует.

Точка ЗРЕНИЯ

Сергей КАРАГАНОВ

«ВОЗВРАЩАЕМСЯ ДОМОЙ»: СИБИРИЗАЦИЯ РОССИИ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ХХІ ВЕКА?

*История
и современность вопроса*

По согласованию с автором публикуется по оригиналу: <https://globalaffairs.ru/articles/sibirizacziya-ideya-xxi-veka/> 06.02.24.

Сибиризация: второй поворот России на Восток

Когда в конце 2000-х с группой молодых коллег начал работать над обоснованием выгоды и необходимости Восточного поворота России (параллельно мощно работал с соратниками в этом же направлении нынешний секретарь Совета Безопасности РФ Сергей Шойгу), в концепциях и разработках этот «поворот» включал в себя всю Сибирь и Приуралье — единый исторический, экономический, человеческий регион. Получилось иначе: Поворот-1 к Азии, ее рынкам административно пошел преимущественно через Тихоокеанскую Сибирь, затем к ней присоединили Арктику.

Тот Восточный поворот, начавшийся с 2010-х годов, был успешен, но только частично, во многом из-за того, что Дальний Восток был искусственно оторван от гораздо более мощных в человеческом, промышленном, ресурсном отношении Восточной и Западной Сибири. Они же

Сергей Александрович Караганов — родился в 1952 г., окончил Московский университет им. Ломоносова. Специализация — внешняя и военная политика СССР/России, взаимодействие между Россией и Западом. Один из основателей Института Европы АН СССР (РАН). Доктор ист. наук. С 2021 г. — научный руководитель факультета НИУ ВШЭ. Автор и инициатор ряда концепций, легших в основу российской внешней политики, автор и отв. редактор 28 книг и брошюр. Опубликовал более 500 статей по проблемам внешней политики. По версии журнала Foreign Policy (США) и др. вошел в список 100 самых влиятельных интеллектуалов мира. Имеет правительственные ордена и другие российские и зарубежные награды. **Живет в Москве.**

продолжали страдать от «континентального проклятия» — удаленности от рынков.

Теперь новая геостратегическая ситуация настоятельно требует возвращения к первоначальной идее — восточному повороту всей России через первостепенное развитие всей Сибири, включая, разумеется, Приуралье, «сибиризацию» всей страны. Европа на долгие годы закрылась и никогда уже не сможет и не должна стать первоклассным партнером, а Азия бурно развивается.

Война, которую спровоцировал и развязал Запад на Украине, не должна отвлечь нас от движения к Югу и Востоку — туда, куда перемещается центр развития человечества. Эта новая, но давно предсказывавшаяся ситуация диктует нам и призывает к возвращению к себе «домой» — из давшего немало, но давно, век тому назад, истощившего свою полезность более чем трехсотлетнего европейского путешествия. (Термин «возвращение домой» подарил мне в годы совместной работы над предыдущим туром Восточного поворота видный философ и историк из Хабаровска — профессор Леонид Бляхер.) Без того путешествия, запущенного великим Петром, у России не случилось бы многих достижений. Главное среди них — величайшая в мире литература, ставшая результатом соединения русской культуры, религии и морали с европейской культурой. Достоевский, Толстой, Пушкин, Гоголь, затем Блок, Пастернак, Солженицын, другие гиганты духа, сформировавшие нашу современную идентичность, вряд ли появились бы без «европейской прививки».

На эти три века мы полузабыли о восточных корнях нашего государства и народа. Монголы грабили, но и содействовали развитию, ведь в противодействии и сотрудничестве с ними мы восприняли многие элементы их государственности, что позволило построить мощное централизованное государство, континентальное мышление. Видимо, от империи Чингисхана мы унаследовали и нашу, ныне почти уникальную, культурную, национальную и религиозную открытость. Монголы не навязывали свою культуру, верования, были религиозно открытыми. Поэтому, стремясь сохранить Русь, святой благоверный князь Александр Невский заключил союз именно с ними.

Великая Россия не состоялась бы и, скорее всего, не выжила бы на русской равнине, осаждаемая соперниками и врагами с запада и юга, если бы с XVI в. русские массово не двинулись бы «за Камень» (Урал), «встречь солнцу». Необъяснима, помимо вмешательства Божьей воли, скорость их порыва. Казаки дошли до Великого океана за шесть десятилетий.

Освоение Сибири сделало из древней Руси, Русского царства, великую Россию. Еще до того, как она была провозглашена империей, ресурсы Сибири, сначала «мягкое золото», затем серебро, золото, минералы, позволили создать и оснастить мощную армию и флот. Немалую роль в этом играли караваны северного шелкового пути, везшие через Кяхту в Россию и дальше китайские товары в обмен на меха. Там же, в Сибири, русские, конкурируя и торгуя, начали тесно взаимодействовать с выходцами из Центральной Азии, «бухарцами», как их наши тогда называли.

Сибирь мощно усилила лучшее в российском характере — культурную и национальную открытость, тягу к воле, русской свободе, безмерную отвагу. Сибирь осваивали люди десятков национальностей, сплетавшихся с

местным населением. И конечно, коллективизм — без взаимопомощи выживать и побеждать пространства и стихию было невозможно. Так формировался сибиряк — сосредоточение лучшего в русском человеке: русском русском, русском татарине, русском буряте, русском якуте, русском чеченце и далее по списку. Видный тюменский журналист и писатель Анатолий Омельчук называет Сибирь «заваркой русского характера».

Беспримерен подвиг лучших и в элите — Витте, Столыпина и их сподвижников, — и в народе, в кратчайшие сроки построивших Транссибирскую магистраль. Они шли как под старым лозунгом «встречь солнцу», так и под новым, отражавшим конкретную и величественную цель — «Вперед к Великому океану».

Сейчас должен появиться новый лозунг — «Вперед в Большую Евразию».

Мы должны быть благодарны им за труд и самоотверженность, как и за труд тех, кто попадал в Сибирь не по своей воле. И каторжане, и узники ГУЛАГа внесли огромный, не до конца оцененный вклад в развитие страны.

Был духоподъемный проект советского освоения Арктики, великие комсомольские стройки Сибири, на которых рука об руку трудились, дружили, создавали семьи представители всех народов Советского Союза. Сибирское масло, зерно, полушубки, кони из Монголии, Бурятии и Тувы и, конечно, сибирские полки сыграли важнейшую роль в победе, в спасении Москвы в Великой Отечественной войне.

А потом пришли сибирские нефть и газ.

Но, конечно, главный вклад Сибири в общероссийскую сокровищницу — ее люди: куражные, упорные, сильные, предприимчивые, воплощение русского духа. Нужно не только способствовать переселению россиян из центра (в том числе из воссоединенных земель) в Сибирь, но и призывать сибиряков с их опытом, кругозором и ощущением близости к Азии к управлению страной.

Поколения наших сограждан, поднимавших Сибирь, не до конца осознавали (хотя были и провидцы), что, выводя ее на рынки Азии, будущего, они превращали Россию в великую евроазиатскую державу. А это будущее наступило.

Конфронтация, которую развязал Запад, происходящие там процессы разложения общества, стимулируемые элитами, долговременное замедление развития Европы однозначно указывают: будущее России на Востоке, Юге, куда перемещается центр мира.

А Россия с ее уникальной культурой, открытостью призвана стать важной частью этого сдвига, одним из его лидеров, стать тем, чем судьба, Бог и подвижнические труды поколений наших предков предопределили ей быть — Северной Евразией, ее балансиrom, военно-стратегическим стержнем, гарантом свободного от диктата ренессанса ее раньше подавлявшихся культур, стран, цивилизаций.

Мы присутствуем при рождении нового мира. Во многом стали его повивальной бабкой, выбив фундамент из-под пятисотлетней гегемонии Европы-Запада — его военное превосходство.

Сейчас мы отражаем последнюю, хочется надеяться, атаку уходящего Запада, стремящегося, нанеся нам стратегическое поражение на полях Украины, повернуть историю вспять. В этой схватке нужно побеждать,

даже угрожая и, если понадобится, применяя жесточайшие средства. Это необходимо не только для победы страны, но и для предотвращения скольжения мира к Третьей мировой войне.

Но, повторюсь, схватка с Западом не должна отвлекать нас от важнейших созидательных задач. И среди них — новое освоение и подъем всего востока страны. Не только развитие геоэкономики, геополитики, но и неизбежное на ближайшие десятилетия изменение климата диктуют, с одной стороны, необходимость, но с другой, доказывают возможность и выгоду выдвижения и энергичного претворения в жизнь нового Сибирского поворота всей России, сдвига центра ее духовного, человеческого, экономического развития на Восток.

Минеральные ресурсы Сибири, ее богатые земли, леса, обилие чистой пресной воды призваны стать, используя современные технологии и, главное, сибиряков, одной из главных основ развития Евразии. И наша задача — крепко держать в руках и развивать Сибирь на благо наших граждан, страны и всего человечества. Пока мы поставляем в основном ресурсы низкого уровня передела. Задача — создать при регулирующей роли государства всероссийские производственные комплексы полного цикла. Необходимо на новейшей основе, используя поток заказов оборонным предприятиям, воссоздать сибирское машиностроение.

В том же направлении должны продвигаться и общероссийские административные центры — министерства, законодательные органы, штаб-квартиры крупных корпораций, а за ними — патриотическая и, в лучшем смысле этого слова, честлюбивая молодежь. Если бы Пётр жил ныне, он, безусловно, основал бы новую столицу в Сибири, мощно расширил бы окно в Азию.

Наряду с Москвой и Санкт-Петербургом России абсолютно необходима третья, сибирская столица. Этого требует и военно-стратегическая обстановка, которая будет складываться на ближайшие десятилетия.

Знаю, что жители Урала, Зауралья, многие из которых несут в себе пламенный дух предков — великих первооткрывателей, — желают возрождения России, процветания, в том числе через первоочередной подъем Сибири. К большому сожалению, немалая часть из них, не видя перспектив и возможностей приложить свои амбиции и способности, уезжает в хорошо развитые центральные регионы либо тихо «сторает» в малых городах и селах восточной части страны. В наших силах и интересах задействовать этот колоссальный человеческий капитал, разрушить ненужные мосты между сибирской глубиной, крупными административными центрами и остальной Россией, собрав великую географическую, цивилизационную ось истории воедино. Переориентация самосознания, мышления всех наших соотечественников, единение со славным сибирским прошлым, настоящим и будущим в интересах всей страны непременно найдет отклик в сердцах самих сибиряков. Повторюсь, нужна сибирская стратегия для всей России, а не только для Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов. Последние к тому же откровенно слабы, в том числе и из-за узости подхода.

Стратегия должна начинаться не столько с сухих экономических расчетов (хотя и уже существующие более чем убедительны: новосибирские ученые с участием москвичей почти все сделали), сколько с духовного, культурного возвращения в центр российского самосознания великолепной,

захватывающей дух истории освоения азиатской России. История Сибири, полная романтики, побед и приключений, должна стать своей для каждого патриота нашей страны. Завоевание американского Запада, про которое знают все, — бледная тень череды подвигов наших предков. При этом они не прибегали к геноциду, а сплетались с местными. А мы, в массе народа и даже интеллигенции, почти не знаем эту историю. Чего стоит один полугодовой поход Александра Невского в конце 1240-х годов через Среднюю Азию и Южную Сибирь в столицу Монгольской империи Каракорум за получением ярлыка на княжение более высокого уровня, чем батыевский! Там же в это время находился известный нам из повествований Марко Поло хан Хубилай, вскоре ставший императором-объединителем Китая, основателем династии Юань. Они почти наверняка встречались. Наверное, именно с похода Александра Невского надо начинать историю освоения Сибири и российско-китайских отношений, ныне де-факто союзных, призванных стать несущей основой нового мирового порядка.

Должны строиться новые меридиональные пути, соединяющие Южную Сибирь с Северным морским путем и выводящие в Китай и через него в Юго-Восточную Азию. Приуралье и западные регионы Сибири должны получить эффективный выход к Индии, другим странам Южной Азии и Среднего Востока. Отрадно, что, наконец, хоть и с запозданием, начали достраивать железную дорогу, которая соединит Россию, в том числе сибирские регионы, через Иран с Индийским океаном.

Развивать Сибирь с ее водными богатствами нужно, вовлекая вододефицитные, но и трудоизбыточные братские страны Центральной Азии, не дурными проектами переброски рек, но совместным созданием производств водоемкой продукции, экспортируя «виртуальную воду» — воду, затраченную на производство продовольствия и других товаров. Симбиоз сибирского и центральноазиатского развития дает огромные выгоды всем.

Дефицит рабочей силы нужно частично компенсировать массовым привлечением трудолюбивых и дисциплинированных северных корейцев. Мы, наконец, выходим из глупого следования западной линии в отношении КНДР и восстанавливаем дружеские отношения. Знаю, что в поставках хотя бы и сезонной рабочей силы заинтересованы в Индии и Пакистане.

Мы в НИУ ВШЭ совместно с Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН, другими институтами из Сибирского и Дальневосточного отделений Академии наук, с университетами из Томска, Барнаула, Хабаровска, Красноярска начинаем проект обоснования «Поворота на Восток — 2» — к сибиризации России.

Нужна и ударная общегосударственная программа развития востоковедения, знания восточных языков, народов и культур уже со школьной скамьи. Уникально культурно и религиозно открытая Россия имеет здесь огромное стартовое конкурентное преимущество, доставшееся от предков, которые, двигаясь к Востоку, не поработали и уничтожали, в отличие от европейцев, а впитывали местные народы и культуры.

Сунь-Цзы, Конфуций, Каутилья (или Вишнугупта), Рабиндранат Тагор, Фирдоуси, царь Дарий, Тамерлан, аль-Хорезми (основатель алгебры), Абу Али ибн Сина (Авиценна — основатель медицинской науки) или Фатима аль-Фихри — основательница первого университета мира — должны считаться для образованного русского столь же знакомыми, как Александр

Македонский, Галилей, Данте, Макиавелли или Гёте. Мы должны понимать не только суть православного христианства, но и ислама, буддизма. Все эти религии и духовные течения уже присутствуют в нашей духовной памяти. Нужно только сохранять и развивать их.

К тому же Сибирь, учитывая неизбежное на ближайшие десятилетия изменение климата, расширит ареал комфортного обитания. Сама природа приглашает нас к новому Сибирскому Восточному сдвигу России. Еще раз повторюсь: создавая и претворяя в жизнь программу сдвига России к Востоку, мы не только возвращаемся домой, к истоку нашего могущества и величия, но и открываем новые горизонты и для себя, и для будущих поколений, создаем и будем претворять в жизнь старую-новую русскую мечту: стремление к величию страны, благосостоянию и воле — русской свободе, воплощать лучшее в нас — Дух Русских.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сибиризация России: национальная идея XXI века

Материал подготовлен под научным руководством Сергея Караганова рядом специалистов по итогам Первых Тобольских чтений, доклада «Сибиризация России: Поворот на Восток 2.0», программным документом Тобольского клуба и экспертным выступлением участников конференции¹.

В апреле 2025 г. в историческом центре Сибири, городе Тобольске, прошли Первые Тобольские чтения — событие, определившее новый стратегический курс страны. Ключевой идеолог и научный руководитель проекта — Сергей Караганов. Собрались ведущие ученые, общественные деятели, представители власти и бизнеса из Москвы, Сибири, Урала и дружественных стран. Главная тема — «сибиризация» России, то есть сдвиг экономического, культурного и духовного центра страны на Восток. В центре дискуссий и всей концепции — идеи Сергея Караганова по проекту «Сибирская Россия: поворот на Восток 2.0».

Новый Восточный поворот: исторические корни и современные вызовы

Идея «поворота на Восток» возникла еще в конце 1990-х гг. на волне глобализации и роста влияния Азии. Тогда стратеги рассматривали развитие не только дальневосточных, но и сибирских территорий. Однако первый этап поворота затронул в основном Тихоокеанскую Сибирь и Арктику, оставив центральные и западные регионы Сибири в стороне от ключевых проектов. Это привело к внутреннему дисбалансу: Дальний Восток получил выход к азиатским рынкам, но не был интегрирован с Сибирью, а сама Сибирь продолжала сталкиваться с «континентальным проклятием» — удаленностью от мировых рынков и стагнацией.

¹ По согласованию с руководителем проекта С.А. Карагановым публикуется по: <https://argumenti.ru/society/2025/04/948426> 28.04.25; <https://globalaffairs.ru/articles/sibirizaciya-ideya-xxi-veka/> 29.04.25.

Сегодня, когда Европа для России закрыта, а Азия демонстрирует бурный рост, необходимость нового, более глубокого и комплексного поворота на Восток стала очевидной. Нельзя повторять ошибку прошлого века, когда ресурсы шли на восстановление западных территорий в ущерб развитию собственно российских регионов. Настало время для сибиризации — возвращения к истокам и создания новой духовной, культурной и экономической оси страны.

Сибирь — не периферия, а скрытая ось русского мира

Сибирь на протяжении веков была не только опорой российской государственности, но и источником национального характера. Здесь формировался особый тип человека — сибиряк: смелый, интернациональный, трудолюбивый, способный выживать и созидать в суровых условиях. Именно в Сибири, вдали от политических центров, закалялся тот внутренний стержень, который неоднократно спасал Россию в переломные моменты истории.

Историки напоминают: освоение Сибири началось еще в XVI в., когда казаки двинулись «за Камень» (Урал) и уже к XVII в. достигли Тихого океана. Меха, золото, серебро и другие богатства позволили создать сильную армию, построить флот и обезопасить страну от внешних угроз. В XVIII в. Михаил Васильевич Ломоносов предвидел: «Российское могущество будет прирастать Сибирью».

Советская эпоха дала новый импульс развитию региона: комсомольские стройки, индустриализация, вклад сибирских полков в оборону Москвы, освоение нефтяных и газовых месторождений. Сегодня Сибирь вновь становится ключевой площадкой для реализации национальных проектов — от новых транспортных коридоров до инновационных кластеров в IT, медицине и биотехнологиях.

Духовная миссия и культурное многообразие

Современные концепции сибиризации подчеркивают: Сибирь — это не только кладовая ресурсов, но и духовное пространство, где русские и присоединившиеся народы открывали новые смыслы своей истории и будущего. Здесь переплелись традиции православия, ислама, буддизма и старообрядчества, что способствовало формированию уникального многонационального и толерантного сообщества.

Вклад ссыльных, каторжных, декабристов, ученых и узников ГУЛАГа в развитие региона огромен — они не только строили экономику, но и формировали культурный и научный ландшафт. Сибирь стала местом, где рождается «заправка русского характера»: кураж, удаль, упорство и мечта о большем. По словам Федора Михайловича Достоевского, именно суровые условия ссылки в Омске стали для него временем глубокой переоценки ценностей и духовного возрождения.

Сибиризация как национальная идея и инструмент развития

Участники Тобольских чтений подчеркивают: сибиризация — это не региональный проект, а путь к обновлению всей страны, укреплению ее цивилизационного единства и гуманистических ценностей.

Сдвиг центра тяжести на Восток — ответ на глобальные вызовы, способный вдохновить общество и дать России новую «идею-мечту».

В рамках чтений обсуждались не только историко-культурные, но и геостратегические аспекты. Сибирь рассматривается как ключевой регион в новой многополярной системе, где Россия может стать балансиrom и объединителем Евразии. Особое внимание уделялось необходимости создания сети развитых малых городов, привлечению переселенцев из центральных регионов и дружественных стран, развитию инфраструктуры и социальной среды.

Тобольский клуб — интеллектуальное ядро новой повестки

Одним из главных итогов конференции стало учреждение Тобольского клуба — экспертного и научного сообщества, призванного стать организационным и интеллектуальным центром движения за сибиризацию. Клуб объединит представителей бизнеса, науки, искусства, власти и общественных организаций для выработки практических решений по развитию Сибири и продвижению ее как второго экономического, духовного и культурного центра страны.

В планах клуба — запуск университетского консорциума для проведения совместных исследований, создание информационного портала, проведение выездных сессий в разных городах Урало-Сибирского макрорегиона. Особое место в деятельности клуба займет поддержка Тобольска как исторического и символического центра Сибири, а также продвижение проектов по развитию малых и средних городов региона.

Ключевые лозунги и символы новой эпохи

В ходе чтений прозвучали яркие лозунги, отражающие суть новой национальной идеи: «Идя в Сибирь, мы возвращаемся домой», «Зачем нам Луна, когда у нас есть Сибирь», «Вперед к Великому океану». Эти слова стали не только символами движения, но и призывом к переосмыслению национальной идентичности и возвращению к корням.

Вызовы и перспективы

Эксперты отмечают: для успеха сибиризации необходимы не только экономические стимулы, но и мощные моральные и культурные импульсы. Важно преодолеть стереотипы о Сибири как о земле холода и лишений, сделать регион привлекательным для жизни, творчества и инвестиций. Ключевая задача — формирование новой легенды о Сибири как о земле будущего, чистой, бескрайней и комфортной для жизни.

Среди конкретных инициатив — развитие транспортной и цифровой инфраструктуры, создание новых производств, поддержка науки и образования, внедрение инновационных решений в условиях экстремального климата. Особое значение придается демографической политике: притоку молодых специалистов, поддержке семей, стимулированию внутренней и внешней миграции.

Итоги и дальнейшие шаги

Первые Тобольские чтения стали отправной точкой для формирования широкой коалиции сторонников сибиризации. Впереди — разработка «дорожной карты» Второго Восточного поворота, подготовка новых докладов, проведение регулярных конференций и расширение сети участников. Организаторы подчеркивают: задача не ограничивается экономическими вкладками — речь идет о создании новой мировоззренческой платформы, способной объединить страну и дать ей новый импульс для развития.

«Сибирь — это наш космос уже здесь, на Земле. Двигаясь к Уралу и в Сибирь, мы будем двигаться к лучшему в себе», — подчеркивает Сергей Караганов. Сибиризация — не просто стратегический проект, а национальная мечта, способная вдохновить Россию на великие свершения в XXI веке.

ВЫШЛА КНИГА

Чубенко Е.

Мы держим свой окоп. Книга издана по инициативе Благотворительного фонда содействия издательской деятельности в Забайкальском крае «ОДАРИНА», 2024. — 262 с.

Очень много сейчас выходит хороших, добротных, сборников военной поэзии, посвященной СВО. Но крайне мало качественной, настоящей, цепляющей душу прозы. А эти книги нужны читателям.

Отрадно, что в нашем родном Забайкалье появилась такая книга — у председателя Регионального отделения Союза писателей России, прозаика и драматурга Елены Ивановны Чубенко вышел сборник рассказов и очерков «Мы держим свой окоп», посвященный героям СВО, волонтерам и ветеранам других горячих точек.

Все истории, даже художественные, основаны на судьбах реальных людей. Рассказы очень трогательные, настоящие, цепляющие.

И очерки, и художественные рассказы написаны так чутко, бережно, трогательно, что веришь каждой написанной строке, пропускаешь через свою душу, не можешь сдержать слез.

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

«А ЗВАЛАСЬ ОНА ПРОСТО РОДИНОЙ...»

Ольга Александровна Флярковская — родилась в Москве. По образованию театровед. Автор пяти книг поэзии. Стихи публиковались в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Двина», «Сибирь», «Родная Ладога» и многих других. Лауреат пяти литературных премий, в том числе премии им. поэта и воина Игоря Григорьева (2017), победитель поэтического конкурса Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле» (2019). Заведующая отделом искусства и культуры литературного альманаха «Гражданин». Живет в Москве.

ТИХОЕ

Веточка дикой смородины —
Алые искры в росе.
Вот она, малая родина,
В тихой июльской красе.

Утка купается в заводи,
Прячется свет в камыши...
Родина — тайная заповедь
Ищущей Бога души.

Дымкой окутана рощица,
Поле темнеет вдали.
Может, кому-то и хочется
Запахов новой земли.

Солнца слепящего южного,
Пальмы в раскрытом окне
Вместо цветущего кружева
Мхов на березовом пне?

Сердцу тому воспаленному
В судьи себя не ради.
Плещется речка зеленая,
Уток неся на груди.

Небо закатом румянится,
Тени скользят налегке.
Может быть, кто-то оглянется,
Ягоду сжав в кулаке...

Вспыхнет огнями смородина,
Ветка качнется вослед...
Не обретается Родина.
Родина есть или нет.

БАЛААМСКАЯ

Сердце в груди колотится,
Будто в последний раз.
Радуйся, Богородица,
В этот вечерний час!

Небо в тумане вешнее —
Твердь для Твоей ноги.
Все мы слепцы и грешники,
Все мы душой наги.

Царский покров спускается,
Скрывший Тебя до пят...

Кто до глубин раскается —
Хоть на мгновенье свят.

Льется молитва братская
К образу Твоему,
Матушка Валаамская.
Свет, победивший тьму!

Молят за Русь Алёнушки:
Время на выраже...
Ах, унести бы зернышко
Света в своей душе!

Сумерки всё сгущаются,
Вновь за окном пуржит...
Чающий не отчаётся,
Верой наполнив жизнь.

Свечи сгорают истово
К славе Твоей земной.
Ветка сухая листьями
Вновь зашумит весной.

ДЕТДОВОМСКИЙ ХЛЕБ

Моему отцу, композитору Александру Флярковскому

В девять лет — одиночество. Серых простынь тоска.
От отца было — отчество и вихор у виска,
А от матери — родинка муравьём над губой.
Обещание: «Родненький, я приду за тобой!»

Довоенное прошлое унесли поезда...
Но горит за окошками ночью та же звезда!
На картошке да в валенках — ничего! — проживём.
Это дома ты маленький, здесь — пока что чужой.

Шли казенные ходики. Тьма. Не видно ни зги.
С чесноком бутербродики, чтоб спасти от цинги.
Ленинградскому мальчику объявили бойкот,
Обвинили запальчиво: «Ты украл бутерброд!»

Исхудавшим былиночкам было ясно до дна:
Хлеб — всем поровну, иначе не наступит весна.
Все ребята без жалости в рот набрали воды,
И жила в нем до старости боль от этой беды.

И поклялся он истово над письмом от отца
Не горбушку, а истину отстоять до конца.
Эти нормы железные диктовала им жизнь,
Поднимала над бездною и шептала: «Держись!»

Это кровное, генное... Так выросла душа.
Слабость — каяться в сделанном, если не совершал!
Но с открытостью чистою доверять и прощать,
До последнего истину, как отец, защищать.

Времена незабвенные...
Эти бритые лбы...
Это детство военное
На прицеле судьбы.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ БАЛЕРИНЫ

Приходили, садились. Пригубляли вино...
Всех Одетт и Одиллий станцевали давно.
Говорили негромко, как по бритве скользя:
— К нам тогда похоронка...
— Плакать было нельзя...

От глоточка хмелели.
— Пусть слепой бы, хромой...
— Как мы выжить сумели той кромешной зимой?

Заблестевшие слезы... Сводки прежних газет...
Выжигали морозы жизни юных Одетт!
Расскажи — не поверят. Вспоминай — не хочу,
Как везли не олени, а сестренки к врачу!

Непослушные руки. Простыней белизна.
После страшной разлуки к ним вернулась весна.
По шажочку, по вздоху их почти наугад
Выводила эпоха в запеленутый сад,

Где у статуй молчащих, у решеток сквозных
Доносился летящий вздох погибших родных.
И в пустующем классе ангел поднял крыло,
И кружилось, как в вальсе, то, что выжить смогло.

...А потом они пели, будто в старом кино,
И глазами Офелий всё смотрели в окно,
Где качаются тени эхом прожитых лет,
Где любви и цветенья не окончен балет,
Где в кипении вишен мнится лебедь живой,
Где светло и неслышно ночь взошла над Невой...

РЫБКА

«Горе и радость!» — она сказала,
Руки ему положив на плечи.
В небе смеркалось, и гул вокзала
Смысл доносил, но слова калечил.

«Радость, и что?..» —
он спросил с улыбкой.
Ветер косынкой плеснул — и нету!
«Я приплыву к тебе белой рыбкой,
Белой, запомни мою приметку!»

«Шутишь...
о чем ты сейчас шепнула?»

«Радость, любимый, во мне бушует!»
Вместе шагнули из тьмы и гула:
Он — одесную, она — ошую.

Вместе купе обживали с толком,
Вместе чаёк с земляничкой пили...
Он с батареей ушел за Волхов,
Ну а ее под Москвой убили.

Нам не понять, деловым и ушлым,
Как это страшно — навек расстаться!
Как это — ночью бессонной слушать
Белую рыбку, слегка за двадцать...

ТВОЯ КОМНАТА

Памяти отца

Я ныряю в комнату твою,
Словно утка с лёта — в полынью...
В мир вещей, живущих в тишине.
Образ этой комнаты — во мне.

Твой домашний войлочный пиджак
На привычном месте — добрый знак.
А из белой рамы на меня
Смотрит мама в отблесках огня.

Мама на Монмартре (месяц, год).
Тот художник был моделью горд...

Твой рояль... Он, губы сжав, молчит.
Дождь в окно мелодию стучит.

Стол рабочий ждет знакомых рук.
Над бумагой нотной — лампы круг,
И глядят задумчиво со стен
Пушкин, Шостакович и Шопен.

Я вхожу из гула суеты...
Заливаю каждый раз цветы...
Я хочу понять — а где же ты,
папочка?..

ХОРОНИЛИ ЕЕ И МЫКАЛИ...

*Перестаньте, как над покойницей,
Над Россией причитать!*

Игорь Ляпин. Благодарь

Хоронили ее и мыкали, продавали, как нищий вошь...
Заполюшно погибель кликая, в голенище ховали нож:

Заревую, лесную, горную — чтоб железом ее, кнутом!
Покидая страну озерную, с ней прощаться не стал никто.

Всё куражились, кляли, фыркали: мол, одно тебе — подыхай!
И судьба тебе: кукиш с дыркою, а не свадебный каравай!

И мечи твои ржою точены, и воители: тля и тлен.
И лежать тебе у обочины в дурнотравии до колен!

Поносили... Считали звонкие забугорные барыши...
А над нею шептали тонкие легкотелые камыши!

Золотыми тугими слитками осыпалась в ладони рожь,
А покров ей живыми нитками ткал негаданный щедрый дождь.

Озирались: чужая улица... Все казалось им как во сне...
А она им — а вдруг заблудятся? — свечку ставила на окне!

А она заревыми пальцами раскрывала все шире даль
И предавших звала скитальцами, и ей каждого было жаль.

И, прощая, молилась истово, у иконы поклон клалá...
И всё в небо тянула чистые, в искрах солнечных купола!

За своих забубенных детушек, недосчитанных в срок цыплят,
Покрывалась на праздник ветошью, власяницу надев до пят.

Становилась для всех юродивой, о блаженстве печаль тая...
А звалась она просто Родиной. И моя она, и твоя...

...Хоронили ее и мыкали: «На позор тебя, нищета!»
А она и в скорбях великая, несравненная красота!

...Заревая, лесная, горная... Сердцем кинешься — не обнять!
Только Богу раба покорная, нам до гроба святая Мать.

СВЕТ ВАЛААМА

Золото дня уступает закату багровому,
Тихо вздымается Ладоги серая грудь.
Здесь на себя и других удастся по-новому —
Пусть ненадолго — но честно и прямо взглянуть.

В сумраке храма горят только свечи на всенощной.
Братский молебен над нами звучит в тишине...
Свет Валаама, для сердца святыми завещанный,
Словно маяк, освещает дорогу и мне.

Каждый из нас ждет к себе доброты и участия,
Но полюбить самому и важней, и трудней...
Нет на земле безнадежней и горше несчастья —
Знать о любви, но вовеки не встретиться с ней!

Тысячелетья ледник превращается в озеро.
Май отшумел, снегопадом сменяя дожди...
Не говори, мол, поверить Всевышнему поздно мне...
Пусть чужаком, но в обитель Святую приди!

Свет Валаама наполнит молитвой молчание.
Голос кукушки нанижет года на года.
Льдом на душе постепенно растает отчаянье...
Каждый из нас для того и приехал сюда.

Белые ночи... Сияние дымчатой Ладоги...
Скалы и мхи — благодать заповедных скитов...
Где-то вдали обещанием северной радуги
Ждет Валаам даже тех, кто прийти не готов.

Анатолий ОБЪЕДКОВ

«ЧТО ТЫ ВСПОМНИЛ, СОЛДАТ?»

Анатолий Романович Обьедков — родился в 1949 г. на Тамбовщине. Член Союза писателей России, член-корреспондент ПАНИ, автор 13 поэтических сборников. Стихи его публиковались во многих газетах и журналах. Лауреат Международной премии им. В. Набокова, лауреат Московской премии и многих других премий, в том числе международных. Награжден орденом Александра Невского, медалями: «За заслуги в области культуры и искусства», Петра I, Святая Русь, Золотой Пушкинской медалью. **Живет в Новгороде.**

* * *

Памяти отца

Что ты вспомнил, солдат?
Грохот прежних сражений?
И тебе дела нет
до великих свершений...

Видишь Вислу, огонь,
пулеметные трассы?
В черном небе дерутся
воздушные асы.

Переправа кипит.
Гибнут лошади, люди,
И в сто глоток ревут залпы
тысяч орудий.

Кровь и пот запеклись
на твоей гимнастике.
Оглушающий взрыв —
и взлетели пригорки.

Ты контужен опять,
ранен в правую ногу,
Но «Катюши» спешат
и бойцы на подмогу.

Выжил ты, уцелел,
позади твои беды...
Что за слезы, солдат?
Ты встречаешь Победу!

* * *

Жаром дышат солдатские выси,
Пораженья остались в былом.
В наступленье пять наших дивизий,
И на фронте теперь перелом.

Он звучит и в словах Левитана,
Замирая в окопном дыму,
И его повторять неустанно
Можно даже в разбитом дому...

Сквозь огонь самолеты и танки
Устремляются с боем вперед,
И плакат на двери полустанка
Говорит всем, что враг не пройдет.

* * *

Ты спишь, отец? Мне слышен голос твой,
Звучит он за незримою чертой.
Война ль опять грохочет средь могил,
И враг твой крест снарядам расщепил?
Сквозь отдаленный приглушенный стон
Я вижу не расстрелянный патрон.
Неужто вновь фашистская орда
Идет на нас, как и в твои года?
Ты даже встал, чтоб отстоять наш дом,
Мне говоря, что встретимся потом...

* * *

Все меньше песен фронтовых.
Их вспоминают нынче редко.
Как будто нету мест святых
И тех горячих, молодых,
С которыми ходил в разведку
Отец мой на Великой той,
Что уносила миллионы.

Возможно, коготь свой стальной
Под вопль истерики больной
Война острит и рвет препоны...
Что ныне сдерживает взмах
Ее кровавых черных крыльев?
Неужто память — тлен и прах?
Неужто на своих костях
Распишемся в своем бессилье?

* * *

Приходят даты роковые
И жалят как пчелиный рой.
Мелькнут дороги фронтовые,
Им снятся сны пороховые
С последней грозной мировой.

Избыть их не стремится время,
Они летят сквозь дым ко мне.
Как будто был я вместе с теми,
Кто знал тех дней лихое бремя,
Кто был убит на той войне.

* * *

Враг ночью станцию бомбил,
С путей был сброшен эшелон.
И на дыбы вставал настил,
И рельсы издавали стон.

В ушах стоял свистящий вой,
Взметнулось зарево окрест.

Почти над каждой головой
Мелькал смердящий черный крест.

Воронежский катился фронт...
Все горячий свистел свинец.
И, вглубь страны закрыв проход,
Громил врага и мой отец.

* * *

Как мне забыть? Ты воевал,
Прошел дороги фронтовые.

Не раз был ранен, умирал,
Лечился у кавказских скал
И встал в тот ряд, где все живые.

* * *

Не я в разведке крался средь болот,
Не мною захлебнулся пулемет,
Не я был в рукопашном под Москвой,
Не я, Россия, слышал голос твой,

Не я поднял победный красный флаг,
Не видел я весь в надписях рейхстаг,
Но мой отец на этой был войне,
И потому она живет во мне.

Александр КАЗИН

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В СУДЬБАХ XXI ВЕКА

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. И.о. директора Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Живет в Санкт-Петербурге.

Именно православная Россия остается Катехоном, удерживающим постхристианскую цивилизацию от окончательного впадения в сатанизм.

Победа России (СССР) над оккультным нордическим Рейхом, под знаменами которого воевала почти вся Европа, — величайшее событие мировой истории. Смехотворны попытки нынешних европейцев приписать эту победу самим себе: наоборот, современный Запад все более открыто признает свое идейное родство с Рейхом, постепенно возвращаясь в него.

Войны России с Европой всегда носили цивилизационный характер, а поскольку ядро цивилизации составляет ее наличная религия/вера, можно сказать точнее — религиозно-цивилизационный характер. «Неверующих» цивилизаций (как и неверующих людей) не бывает. Одни верят в Бога (классика), другие — в прогресс и светлое будущее (модерн), третьи — под разными именами служат ничто (постмодерн). Атеизм — тоже вера, только с отрицательным знаком.

22 июня 1941 г. был день Всех Святых, в земле Российской просиявших. Однако Гитлер не побоялся русских святых. Пасха и день Георгия Победоносца пришлись в 1945 г. на 6 мая — закономерный финал Великой битвы. В 1948 г. по инициативе Сталина в Москве состоялось Всеправославное совещание, посвященное 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви, причем обсуждалась идея присвоения Московской Патриархии статуса Вселенской — сплошь христианские символы.

С другой стороны, уже поход тевтонских рыцарей на Русь, закончившийся их разгромом св. благо-

Мы победили. Плакат. tula.ldpr.ru

верным князем Александром Невским на Чудском озере в 1242 г., был знаком начавшегося цивилизационного давления на нашу страну со стороны фактически иноверного Запада.

Дело в том, что христианство в Европе с самого начала подверглось двойному (а впоследствии даже и тройному) искажению. Около 140 г. в Риме появился некий Маркион — проповедник гностицизма, согласно которому мир создан злым демиургом, а «богом» является сам человек. В 494 г. Римским собором первосвященник Рима официально был провозглашен «наместником Христа на земле» (не говоря уже о подложном «Константиновом даре»), и в 1054 г. произошло окончательное отпадение католицизма от вселенского Православия, то есть от христианства. Позднее, в начале XVI в., от Католической церкви стали отходить лютеранские протестантские общины.

С тех пор и до настоящего времени религиозно-цивилизационное, в том числе военное, противостояние России и Европы фактически не прекращалось.

Поляки в Москве в 1610 г. — типичный католический крестовый поход на Восток. Повод Крымской войны 1853 г. — контроль за ключами от иерусалимского храма Гроба Господня.

Наполеоновские войны были ничем иным, как нападением европейской «богини разума» (фактического масонского деизма и атеизма) на православную Русь под предводительством Бонапарта — коронованного генерала буржуазной революции.

Первая мировая война началась с того, что Россия заступилась за единую Сербия. Наконец, в 1941 г. оккультный нордический Рейх двинул свои танковые армии против России под лозунгом мистического превосходства европейской арийской расы над восточными варварами.

В итоге 30 апреля 1945 г. над германским Рейхстагом было водружено красное знамя, но зоркие люди разглядели за ним православный крест.

Советская власть, вопреки марксизму, в своей онтологической основе являлась превращенной формой русской христианской идеи правды. Не случайно автор «Философии неравенства» Бердяев поднял над своим домом в Клямаре советский флаг, а яростный антикоммунист Бунин подчеркнуто приветствовал в парижском театре полковника победоносной Советской армии.

История — это подготовка современности, а современность осуществляет ее скрытые возможности. После победы над германским национал-фашизмом в Европе постепенно возобладал либерализм, точнее, либертарианство, по существу не различающее высокого и низкого, достойного и недостойного, блага и зла.

С цивилизационной точки зрения это религия Ничто, Небытия (меона). После фултонской речи Черчилля Советской России от имени этого нигилистического «бога» объявили холодную войну, которая в течение десятков лет балансировала на грани горячий.

За этот период западная цивилизация прошла ряд ступеней по лестнице, ведущей вниз. В философии это выразилось в деконструкции любого целостного высказывания («длинного нарратива»), в этике существование оказалось первичнее любой нравственной сущности, в эстетике произведением искусства (артефактом) оказалась всякая вещь, поставленная на пьедестал. Поскольку русская традиция противилась всему перечисленному, Советский Союз объявили «империей зла».

Обветшавшая к тому времени коммунистическая оболочка России не выдержала совокупного (внутреннего и внешнего) нигилистического напора. В 1991 г. Советский Союз рухнул.

Однако это был проигрыш битвы, но не поражение в войне. Борьба России и Запада получила свое продолжение, на этот раз в форме так называемой гибридной (многофакторной) войны, во многом скрытой от наблюдателя вплоть до 2014 г. (националистический переворот на Украине), а затем и введения российских войск в страну, ставшую послушной Западу «антиРоссией» (включая отказ русским в праве говорить по-русски).

В Европе к этому времени либертарианство созрело до неформального либерал-фашизма — жесткий запрет на все нелиберальное, от христианской символики в школах и критики трансгендерных практик до фактической отмены буржуазной демократии (недавний приговор Марин Ле Пен во Франции, угроза уничтожения наиболее популярной в стране альтернативы для Германии, отмена выборов в Румынии, Молдавии и пр. в этом роде).

В религиозно-политическом плане речь идет о диктатуре, описанной Достоевским как власть Великого Инквизитора с принципиальным разрешением греха под цифровым управлением искусственного интеллекта (Шваб, Харрари, Тиль и др.).

По выражению Ноя Харрари, «история началась, когда люди выдумали богов, и она закончится, когда человек сам станет богом».

Такова природа нынешнего, в том числе военного, противостояния между Россией и Западом. Европейская цивилизация и культура прошли длинный логический путь — от искаженного христианства (гностицизм, папизм) через деизм и атеизм т.н. Просвещения до человекобожества XIX в. (Гегель, Ницше) и фашизма XX столетия, побежденного Россией в 1945 году.

Однако военная победа — только часть метаисторической войны. Непобедимая битва с ее проекцией на земле продолжается до конца истории.

В XXI столетии Европа снова собирает себя под знаком черного интернационала.

В этих условиях именно православная Россия с ее тысячелетней христианской историей остается Катехоном (2 Фес. 2:7), удерживающим постхристианскую цивилизацию от окончательного впадения в сатанизм. На русских знаменах сегодня написано: Вера, Держава, Народ, причем именно в единстве, а не в разделении указанных могуществ. Кризис духовного самоопределения переживает сегодня весь мир. Европа и Россия за тысячу лет дали друг другу немало ценного, но сегодня они стоят перед решающим экзистенциальным выбором. «История — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее только человеку» (А.С. Панарин) и наша надежда именно на это.

ВЫШАА КНИГА

Пичугина И.

Шебекинский дневник. М.: Яуза, 2024. — 480 с.

Ирина Николаевна Пичугина начала сотрудничать с газетой «Завтра» в июле 2020 года. Тогда ее интересовала литература прошлых лет, особенно древнеяпонская, природа в ботаническом смысле и отраженная в литературе, история, в том числе история промышленности, поскольку ее отец был директором крупного предприятия.

В «Завтра» стали появляться фрагменты этого уникального дневника, иногда с иллюстрациями, представляющими собой фотографии прифронтового Шебекино, сделанные автором.

Надеюсь, что книга Ирины Пичугиной дойдет до широкого читателя, ибо «Дневник» — это не только документ, но и пропитанное яркими образами литературное произведение о мыслях, чувствах и повседневности людей, рядом с которыми ежедневно рвутся снаряды, но они все равно продолжают выполнять свой долг.

ПРОЗА

Павел АСТАХОВ

КОНЦЕРТ

Рассказ

Павел Алексеевич Астахов — родился в Москве в 1966 г. Российский государственный деятель, адвокат, телеведущий, писатель. Действительный государственный советник РФ I класса. Занимал должность уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка (2009–2016 гг.). Член Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства. Член экспертного совета Агентства стратегических инициатив. Член Правления РСПП. Доктор юридических наук. Заслуженный юрист РФ. Профессор МГИМО, автор более 50 книг просветительно-правового характера, а также 28 художественных романов. **Живет в Москве.**

«Наиболее реальную опасность, безусловно, представляет русская экспансия, будь то царско-православная или сталинско-коммунистическая...

Почему это монголам, киргизам, башкирам и прочим надо быть русскими? Если превратить существующие сегодня советские республики в самостоятельные государства, вопрос был бы решен. За несколько недель армия Германии сделала бы эту важнейшую работу для всего человечества».

Миклош Хорти, регент Венгерского Королевства, на встрече с А. Гитлером в апреле 1941 г.¹

Лучший куриный суп в деревне готовила тетка Ховря Денисова. Все деревенские бабы были убеждены, что она знает какой-то волшебный секрет, передаваемый женщинами их семьи из поколения в поколение. Достаточно было взглянуть на то, как она колдует вокруг своих наседок и петушков, чтобы заподозрить ее в тайных кулинарных знаниях. На приготовление настоящего шулюма² уходило почти два дня. Хотя от первоначального рецепта, доставшегося ей по наследству от предков-казаков, ее супчик отличался как павлин от дворового Петьки. Готовила его она только по торжественным случаям, и начиналось это кулинарное таинство накануне с вечера, когда птицы, почувствовав заход солнца, перебирались в курятник. Тетка Ховря садилась на большой березовый чурбан, на котором обычно кололи дрова, и высматривала жертву, выискивая того петуха, который дольше всех остается во дворе и не спешит на ночлег, чтобы занять удобное местечко на насесте. Очевидно, что у этого пернатого парня были очень крепкие нервы и

¹ *Борис Родионов.* Последний причал адмирала // Эхо планеты. М., 1993. № 36. С. 24–26.

² Наваристый суп из мяса и овощей. Считается казачьим традиционным горячим блюдом.

мускулатура, что означало пониженный адреналин и, как следствие, мягкое и нежное мясо. Определив свою жертву, хозяйка не спеша подходила к ней сзади и набрасывала мешок, после чего, зажав крепко подмышкой, уверенным движением сухонькой морщинистой руки сворачивала ничего не подозревающей птице голову. Теперь предстояло быстро ошипать петушиное тельце и опалить лишние волоски и перышки на огне. Готовую тушку, предварительно обсыпанную смесью сушеных трав с солью, она покрывала двойной оберткой: первый слой из листьев лопуха, а поверх него — льняная тряпица, и укладывала в деревянную кадуюшку, придавливая камнем. Вместо привычного курятника эту ночь петух проводил в таком виде, набираясь драгоценных соков. Деревенские бабы судачили, что Ховря еще что-то приговаривала и шептала над несчастным созданием, прежде чем отправить в печку. После четырех часового томления в массивном закопченном чугуне, укрытое плотными слоями душистых трав, ароматных корешков, рубленной алой морковки с рассыпчатой картошкой и масляной золотой репой, густо присыпанное упругими кольцами сочного лука, в самом жарком чреве русской печи, блюдо выставлялось на печной шесток и там томилось до вечера. Ели такую похлебку всей семьей с гостями. Петушиную голову с гребнем и серьгами, по традиции, отдавали главе семейства, гузку — хозяйке, крылья — дочерям, ножки — сыновьям, ну а уж гостям — грудку.

Акулина, как любая мама и жена, умела вкусно готовить. Всем хотелось поесть вкусно, но чаще хотелось просто поесть. Досыта. Голодные двадцатые годы сменились разорительными тридцатыми, а сороковые обрушились войной и нашествием захватчиков. Враг был серьезно подготовленный, хорошо экипированный и весьма образованный. Он неплохо разбирался не только в военной науке, но и в европейской кухне. Убивая людей, не забывал сытно питаться и пополнять запасы провианта по ходу продвижения войск. Захватывая населенные пункты, выгоняя людей из домов, оккупанты отбирали продукты, скот, птицу, урожай. Все изымалось именем фюрера и во имя победы. Присмотревшись внимательно к проходящим через деревню подразделениям и частям фашистских войск, жители обнаружили, что среди них были не только немецкие солдаты...

* * *

Акулина, тяжело вздыхая и закусив губу, готовила ужин для рыжего ефрейтора-музыканта Генриха Лейбнера и приглашенных им танкистов во главе с обершарфюрером Вильгельмом Хайнзе. Она варила суп из застреленного утром на заборе Петьки по рецепту свояченицы Ховри. Она бы и хотела сделать его невкусным и гадким, таким, чтоб проклятые немцы подавились и передохли, не выходя из-за стола, но он все равно обдавал весь дом ароматным духом, от которого текли слюнки и возбуждался аппетит. Аппетит голодная Акулина душила тем, что сильнее впивалась зубами в свою губу, а набегавшие волнами слюни аккуратно сплевывала в суп и цедила сквозь зубы:

— Подавитесь, вражины! Тьфу на вас! Чтоб вы передохли, как тараканы от дуста.

Бросить какую-либо отраву в приготовленное блюдо у нее не хватало смелости, да и не было дома никакого яда. Приходилось варить и плевать,

посылая проклятия и призывая кару на головы неожиданных и непрошенных гостей, которые больше походили на хозяев. Лёньку с утра она отправила к куме Натахе в соседнее село Высокое за солью, которая дома закончилась в самый неподходящий момент. Уйдя рано утром, лишь выгнав коров, покормив птицу и свиней, он до сих пор не вернулся, и мать уже начинала закипать вместе с петушиным бульоном, готовясь к расправе над беспутным пацаном, как вдруг лязгнула входная дверь и кто-то зашел в хату. Акулина резала душистый, сочный, лохматый укроп, чтобы всыпать в самом конце своей готовки, и, не поворачиваясь, откликнулась на шаги:

— Наконец-то! А ну, носи соль сюда, обалдуй!

Лёнькины шаги, почему-то тяжелые и осторожные, приблизились, как вдруг с необыкновенной силой он цапнул сзади Акулину за плечи и с размаху швырнул в сторону от стола напрямик на крашеный деревянный пол. Она глухо шлепнулась и на миг потеряла ориентиры, голова пошла кругом от такого полета, испуга и неожиданности. Она хотела выругать нахального мальчишку, который никогда до сего дня не позволял себе такого грубого отношения к матери, но неожиданно вместо белобрысого сына увидела склонившуюся над собой черную то ли от грязи, то ли загара, заросшую щетиной по самые брови усмехающуюся рожу. Это было не лицо, не физиономия, не морда, а именно рожа, принадлежавшая здоровенному типу в зеленой форме с какими-то кренделястыми петличками и шестиконечными звездочками в них. На голове — лихо сдвинутая на курчавый, воронова крыла затылок, высокая пилотка, огромные руки-лапы тянутся к Акулине...

Насколько хватило сил, она отмахнулась от протянутых ручищ, забыв, что, падая, так и не выпустила из руки нож, которым крошила душистый укроп. Вжжжик — нож резанул по рукаву солдата...

— *Te szemét! Megöllek!*¹ — взвыл непрошенный визитер и с размаху впечатал свой грязный сапог в лицо тщетно пытавшейся защититься женщины. Она обмякла и выронила оружие обороны. Перед глазами закружились огненным вихрем какие-то неизвестные ей и неведомые никому эфирные создания. Они мчались в стройном хороводе, пролетая с ветром и воем мимо Акулины и крича: «Ах! Ах! Ох! Ох!»

Она вслушивалась и не могла понять, что им нужно, о чем они причитают и вздыхают, силилась открыть глаза, но не могла и обрывками ускользающего сознания чувствовала, что ее куда-то волокут. Последний в хороводе плясун, похожий на клубок потрохов, вываливающихся из свиньи после ее забоя под Рождество, вдруг остановился и с размаху ударил ее в лицо. Акулина провалилась в черную глухую и вязкую мглу.

* * *

— *Mi a baj, ematőr?*² — старший капрал мадьярской королевской армии Эгид Наджи³, вопреки своей громкой фамилии, был очень маленького роста и взирал снизу вверх на вытянувшегося перед ним дюжего черноволосого смуглого ефрейтора.

¹ Тварь! Гадина! Убью! (*венг.*)

² В чем дело, ефрейтор?

³ *Egied Nagy. Наджи (венг.)* — «Большой». Имя Егид переводится как «ребенок» или «молодой козел».

— Господин четар¹, провожу разъяснительную работу с населением! — отрапортовал подчиненный.

— Ты опять за старое, свободник?² Подцепишь какую-нибудь заразу от этих русских свиней! Ты же на прошлой неделе троих оприходовал, жеребец! — отчитывал капрал.

— Никак нет, господин четар! Ошибаетесь, Эгнед, пятерых. Гы-гы-гы! — захохотал ефрейтор и перестал вытягиваться по струнке перед капралом. Он повернулся к лежащей на полу без сознания женщине и попытался разорвать на ней плотную голубую рубашу. Сделав лишь небольшой надрыв, он зло сплюнул и стал расстегивать пуговицы и пугови на своих суконных штанах.

— Átkozott kutya!³ — устало махнул рукой старший капрал Наджи и с шумом потянул воздух ноздрями. Сделал несколько шагов к печке и увидел чугунок с дымящимся варевом:

— *Ju illata van! Mi az?*⁴ — он положил на стол свою сумку и достал из нее какой-то сверток. Аккуратно и даже бережно развернул помятые и заляпанные масляными пятнами страницы несвежей венгерской газеты «Nagyar Nemzet»⁵ и вытянул несколько крупных стручков красного перца, слегка подсохших, но по-прежнему ярко блиставших своей жгучей красотой. Обнажил кинжал, болтавшийся на пояском ремне, и очень проворно порубил все свои запасы. Затем медленно и с наслаждением всыпал душистое месиво в чугунок. Удовлетворенный проделанной работой, он снова втянул ноздрями дух куриной похлебки и хлопнул себя по ляжке:

— *Nagyszerű!*⁶

В ответ послышалось невнятное мычание и шум возни из комнаты. Не довольный поведением своего разухабистого подчиненного ефрейтора (или, как они называли его, свободника) Миклоша Дьёра, капрал крикнул в его сторону:

— Миклош! Прекрати! Брось эту бабу. Она старая и некрасивая. Найдешь себе других. А вот такой прекрасный гуляш мы с тобой давно не едали. Иди сюда скорее! Я добавил перца, и он теперь совсем как домашний. — Он снова понюхал варево и даже причмокнул, довольный своей находкой и кулинарной сноровкой. Как вдруг из комнаты, в которую уволок свою добычу ненасытный насильник Миклош, раздался его разъяренный вопль:

— *A-a-a! Bazmeg! Szarházi!*⁷

Капрал в два прыжка подскочил к своему напарнику и увидел того, бегающего в полуспушенных штанах по комнате. Одной рукой он держался за правую половинку своей огромной, покрытой черной шерстью задницы, из-под которой по несвежим кальсонам расплывалась алая метка. В ее центре четар Наджи успел заметить странный предмет, похожий на деревянную шишку. Левой свободной рукой он пытался ударить или схватить

¹ Звание в венгерской армии, соответствующее капралу.

² Звание в венгерской армии, соответствующее ефрейтору.

³ Проклятый кобель! (венг.)

⁴ Как вкусно пахнет! Что это? (венг.)

⁵ «Мадьярская Нация» (венг.) — популярная националистическая газета, выходившая в Венгерском Королевстве с 1938 года.

⁶ Грандиозно! (венг.)

⁷ Сукин сын! Говнюк! (венг.)

мальчишку, который кружился, словно волчок, вокруг бесновавшегося, как обезумевший раненый лев, ефрейтора.

Подоспевший на помощь товарищу старший капрал подхватил пацаненка и вцепился двумя руками ему в ухо и шею.

— Дай мне его убить, Эгнед! Прощу тебя, как друга! Этот звереныш покушался на королевского солдата! Это мятеж! Убить! Убить и его, и эту грязную свинью, его мать! — визжал ефрейтор, вытирая льющуюся кровь и подтягивая расстегнутые портки.

* * *

В то время как старший капрал королевской венгерской армии Эгнед Наджи колдовал со своими перчиками над куриным супом, предназначавшимся солдатам Вермахта, вернувшийся домой Лёнька незаметно проскочил в дом и увидел мамку, лежащую без сознания на полу. Разглядев, что у нее из носа и уголка рта течет кровь, парень, не мешкая, схватил отцовское шило для ремонта обуви и прочей портняжьей работы и вонзил, что было сил, его в ягодицу мадьярскому бандиту. Тот, не ожидая нападения с тыла, подумал, что его убивают партизаны, и повалился с воплями на пол. А увидав мальчишку, бросился ловить его, чтобы расправиться. За этим занятием их застал старший капрал — четар Наджи, а вслед за ним в дом Акулины пожаловал еще один гость.

С улицы послышался треск мотоцикла, плавно завершившего свое урчание возле дома, и через миг в сенях забухали кованые сапоги. На пороге возник очкарик — фельдфебель СС в танкистской униформе.

— Хайль! Что здесь происходит?! Где тетка? Вы кто такие? — он засыпал вопросами мадьяр и, видя происходящий кавардак, настороженно повел в их сторону стволом автомата, который висел через плечо.

Понимая всю щекотливость ситуации и опасаясь направленного в их сторону ствола, зияющего кровожадной сталью «Шмайссера» МР-38¹, старший капрал поспешил прояснить диспозицию:

— Господин фельдфебель! Хайль Гитлер! Мы военнослужащие армии великого витязя Надьбанья и регента — правителя Венгерского королевства, нашего Верховного Главнокомандующего Миклоша Хорти². Расквартированы в соседнем селе, но по приказу обершарфюрера Хайнзе прикреплены к комендантскому взводу и в данный момент проводим подомовой осмотр и перепись местных жителей.

— А эта мерзкая русская свинья напала на нас! На королевских рыцарей! — заныл раненый ефрейтор, подтягивая и застегивая штаны.

Продолжавший держать мадьяр на прицеле немец недоверчиво хмыкнул:

— Хм. Ага. Вижу, как ты, боров черномазый, проводишь перепись населения деревни, особенно женского. Ты что, специалист по женской части? Свиньи, говоришь, русские? Так я быстро тебя определю в наряд по чистке

¹ Пистолет-пулемет М-38/40 системы «Шмайссер», находившийся на вооружении Вермахта с 1940 г., на самом деле был создан и разработан Вертхомом Гипелом и Генрихом Волмером и выпускался на заводе «Эрма» (Erfurter Werkzeug und Maschinenfabrik).

² Миклош Хорти — правитель (регент) Венгерского королевства в 1920–1944 гг., вице-адмирал.

свинарников! А ну, вышли вон! Скоро господин обершарфюрер прибудет с господами офицерами, а вы не даете этой тетке стол накрыть! У нее приказ! Выполнять! — он произнес это тоном, не предполагающим возражений. И хотя можно было бы аргументированно поспорить относительно того, кто же выше по званию, так уж сложилось, что даже ефрейтор Вермахта мог отчитать и наказать венгерского королевского «рыцаря» в ранге младшего офицера. Мадыарские звания совершенно не уважались немцами, как и сами венгерские вояки, которые лучше справлялись с мирным населением, особенно с женщинами, стариками и детьми. Зная их кровожадность и беспощадность, немцы старались поручать им самые грязные операции по уничтожению мирного населения и населенных пунктов. Мадыары отличались не только жестокостью, но и несвойственной им скрупулезностью, истребляя ни в чем не повинных людей. Они не оставляли ни одной женщины, не поругав ее честь и женское достоинство. Из всех видов расправ они отдавали предпочтение сжиганию заживо и повешенью за ноги. Дурная «слава» палачей и садистов прочно закрепилась за ними с начала оккупации Восточных земель.

Пропустив на улицу мадыарских карателей, адъютант, чуть понизив голос, добавил:

— Вот же ублюдки! Нашли время! Хоть дождитесь, когда начальство закончит постой. Потом уж можете хоть сжечь здесь все. Эх, мадыарские ваши души! Тьфу!

— Az agyamra megy¹, — огрызнулся ефрейтор Миклош, но, подобрав штаны и вещи, все же двинулся к выходу из дома. Столь неожиданная стычка с адъютантом шарфюрера, хоть и не самого великого начальника, все же не сулила никаких добрых перспектив. Приходилось убираться, оставив место сраженья, политое собственной кровью, за хозяевами домишка, да к тому же еще и потеряв ценные продукты, отправленные, как оказалось, на корм этому самому «начальству». Потери были ощутимы, болезненны и обидны.

Повернувшись к поднимавшейся с трудом Акулине и заслонявшему ее от вторгшихся насильников Лёнке, фельдфебель повелительно крикнул:

— Вставай! Вставай! Бистро! Шнеллер! Цейн минутен. Ауфштейн! Работать, работать! Суп, ням-ням, быстро. Зекс гостей! — и показал пальцами «шесть».

Ворча и ругаясь, венгры удалились. Капрал Эгнел Наджи, ворча на своего напарника, немцев, забравших его драгоценный запас настоящего красного венгерского перца, а ефрейтор Миклош Дьёр, страшно ругаясь в адрес русской тетки и ее сына-волчонка, ранившего его в самую выдающуюся часть могучего ефрейторского тела. Оба отступивших мадыара договорились при первой возможности взять реванш и жестоко наказать строптивых крестьян. Обычно они показательно их сжигали живьем. В этом они были опытные палачи, отточив свое садистское мастерство в оставшейся за плечами Польше, Западной Украине и Белоруссии.

Адъютант снял и протер свои круглые очки, запотевшие то ли от волнения, то ли от влажного воздуха кухни, пропитавшегося аппетитным сладким ароматом куриного шудюма. Нацепил их, поочередно закинув тонкие проволочные дужки оправы за свои оттопыренные белые уши, и, порыв-

¹ Да мне нас...ать! (венг., груб.)

шись, словно курица в дорожной пыли, в своем глубоком кармане, что-то вытянул из его объемистых недр. Подошел к перепуганному, но продолжавшему твердо стоять возле матери, защищая ее от любого злоумышленника, Лёньке и протянул небольшой сверточек. Мальчик отстранился, насупив брови и стиснув зубы. Немец покачал головой:

— Ах, киндер, киндер... Война, криг, ист нихт гуд! Nehmen! Братя, ням-ням. Гут! Шоколад ист гуд!

Он положил шоколадку на лавку возле стола, еще раз предупредил Акулину, что скоро придут господа офицеры, и их будет шесть человек. К их приходу должно быть все готово и накрыт стол. И, развернувшись на своих кованых каблуках, вышел из дома вслед за венграми, не оборачиваясь, крикнув матери с сыном:

— Ауфидерзейн, киндер. Мутер, ауфидерзейн!

Через мгновение он уже тарахтел на своем сереньком, потертом «Цундаппе»¹ прочь от Ленкиного дома, оставляя после себя, кроме наставлений и помятой шоколадки, сизый туман и резкий запах горелого масла и бензина.

* * *

Едва успев привести себя в порядок, умывшись и переодев разодранную мажарским хамом рубаху, Акулина принялась накрывать на стол. Она поочередно плюнула в каждую из шести мисок, по количеству ожидаемых нахлебников, размазала плевки тряпицей и расставила посуду по столу.

Лёнька, возбужденный происшедшей стычкой и вполне справедливо считавший себя победителем, судорожно придумывал, как же испортить этим гадам их долгожданный ужин. Можно было всыпать всю, только что принесенную ими соль в чугунок с петухом, но пересолённый ужин мог сразу же стать последним в их с мамкой жизни. Просто вылить его и оставить врагов голодными также означало навлечь смертельную опасность на маму, которой сегодня уже и так досталось. Оставалось очень немного времени для подрывной акции против оккупантов, и тут парень вспомнил про «волшебный мешочек» отца Павла Степановича. Он метнулся, пущенной Робин Гудом стрелой, на чердак, где к одному из стропил на ржавенький, загнутый вверх гвоздик с кривой шляпкой был подвешен старенький, залатанный и перешитый вещмешок отца — «Сидр Павлович»², как его ласково и уважительно называл батя. Не случайно мальчишка считал его «волшебным», ведь в нем хранились различные целебные снадобья, травки, порошки, приготовленные дедом Павликом самолично. Он не раз показывал сыну эти препараты и объяснял:

— Мой Сидр Павлович — главный целитель! Клад, а не мешок! Гляди, сынок. Вот эти корочки, свернувшиеся трубочкой, надо залить варом

¹ Zundapp KS750 — немецкий мотоцикл, разработанный и принятый на вооружение вермахта в конце 30-х годов. Модели, использовавшиеся на Восточном фронте (в отличие от Африканской кампании), выкрашивались в серый цвет и не имели ни одной блестящей детали.

² Сидр — название полотняного или брезентового вещмешка с горловиной и двумя заплочными ремнями. Одна из версий происхождения названия говорит о том, что с таким заплочным мешком ходил по свету раннехристианский мученик Исидор Хиосский, который к тому же имел отношение к воинской службе. В заплочный мешок «сидр» складывали весь свой скраб те, у кого другого имущества не было.

из самовара и накрыть блюдцем, чтоб настоялись, пока не станет вода как чай крепкий. Вот если живот разгулялся у тебя и зовет в кусты по три раза в час, то пей также три раза в час. Как хворь себя ведет — так и отвечай. То есть каждые двадцать минут. Это сушеная кора молодых дубков. Она и против дристуна хорошо укрепляет и успокаивает боль в брюхе. А вот эти семена, наоборот, коли на третий день хоть с пробоем в туалет беги, да пробивай пробку застойную, то залей горсть кипятком и пей три раза в день по два глотка — организм сам все дела твои наладит да и позовет в сортир. А эти листья сушеные заваривай да пей для поднятия жизненных сил и укрепления здоровья. Особенно по осени и весне.

Были там и травяные сборы от «грудной жабы», и от «Антонова огня», и от «злой корчи», и многие другие полезные природные лекарства, собранные заботливыми, знающими руками Павла Степановича.

Не раз пригодилась эта травяная аптечка и отцовская наука как Лёньке, так и матери. Отыскал взволнованный Лёнька и тот заветный кожаный мешочек с особым порошком перетертой спорыньи¹. Собирал он ее вместе с отцом на ржаном поле, после чего смололи ее вручную и в мешочек этот засыпали. О ее особенных свойствах отец поведал Лёньке отдельно и наказал не прикасаться без разрешения. Сейчас спрашивать разрешения было не у кого...

* * *

Ровно в шесть часов вечера хата Акулины и Лёньки наполнилась топотом, смехом, гомоном и даже музыкой, издаваемой небольшой группой немцев, приглашенных рыжим ефрейтором — музыкантом Генрихом Лейбнером — на дегустацию похлебки из петуха, расстрелянного им собственноручно этим утром. Все с нетерпением ждали ужина, ароматно дразнившего всех входящих с самого порога дома. Надо отдать должное кулинарному опыту бесславно изгнанного мадьярского капрала, так неосмотрительно пожертвовавшего весь стратегический запас красного перца, который сыграл роль мощного вкусового детонатора. Именно этот неожиданно привнесенный ингредиент взорвал густую, наваристую структуру горячего блюда изнутри, превратив в кулинарный шедевр, так же как кумулятивный снаряд вскрывает наглухо задраенный бронированный танк, превращая его в органическое пюре, еще мгновение до этого бывшего экипажем из четырех человек. Скорее всего, именно такое объяснение необычного вкусового многоголосья: острого,пряного, наваристого, жирного, кисло-сладкого главного блюда — было бы понятно собравшимся немцам, поскольку половина из них служила в бронетанковых подразделениях СС, временно разместившихся в этой дальней части Смоленской области. Полковой врач Герман фон Денгофф, из старинного рода прусских рыцарей, мог бы охарактеризовать этот необычный вкус по-своему, но он был убежденным вегетарианцем и лишь довольствовался отваренной картошкой, усыпанной, словно первым снежком, крупной солью.

¹ Спорынья или «маточный рожок», — род грибов, паразитирующих на некоторых злаках, чаще всего на ржи и пшенице. При употреблении человеком вызывает пищевой токсикоз, вызывающий судороги, спазмы мускулатуры, расстройства психики в виде неконтролируемой агрессии и галлюцинаций. Большие дозы могут привести к гибели человека.

Шесть офицеров за столом и два солдата взвода охраны на крыльце дома. Охранники болтали о новостях из дома, сводках с проходящего не-вдалеке фронта, прислушивались к шумной, веселой болтовне офицеров внутри хаты и, коротая караульные часы, курили вонючие сигаретки «Roth Händle»¹ в ярко-красной упаковке с торговой маркой в виде протянутой руки, которую они меж собой звали «рука курящего — руке просящего». Эти похожие на нацистские флаги пачки сигарет входили в обязательный «табачный паек» каждого немецкого воина. Фюрер заботился о досуге и здоровье своих солдат.

* * *

За столом шло настоящее веселье. Горячий наваристый суп запивали выставленным по этому случаю шнапсом. Всем солдатам Вермахта выдавали по одной бутылке на троих каждое воскресенье и во внеочередном порядке перед наступлением. Офицеры старались употреблять коньяк и даже французские вина, которые в избытке поставляли квартиреры и тыловики. Но 38-градусный шнапс все же чаще гостил на столах и застольях.

— Мой друг Генрих, ты обещал роскошный вечер, изысканные напитки и чарующую музыку, — сквозь смех говорил здоровенный лейтенант-эсэсовец с нашивкой, свидетельствовавшей о его ранении.

— Отто, суп на столе, шнапс тоже, а концерт, как и любую музыку, надо слушать исключительно на сытый желудок! Угощайся, мой друг! — парировал Лейбнер, разливая по хрустальным стопочкам немецкую водку. Единственный праздничный семейный набор Акулины для горячительных напитков был также мобилизован на эту попойку.

— Э-э-э, господин ефрейтор, вы хотите отделаться шнапсом?! Так не пойдет! После французской компании мы с Людвигом избалованы Шато Марго и дорогущим Арманьяком пятидесятилетней выдержки. Вот это я называю настоящей товарищеской вечеринкой и хваленой баварской щедростью! Га-ага-га! — его поддержали хохотом участвовавшие в ужине и попойке офицеры.

— Дорогой Отто! Позволь мне заступиться за милого Генриха. Он все же сегодня обеспечил нас прекрасным Eintopf². Я хоть и не ем убитых животных, но, поверь мне, глотаю слюнки и аплодирую герру Лейбнеру. Здесь, в этой русской глуши, лучшего der Hühnersuppe³ и не придумать. А что касается напитков, то...

— Achtung!⁴ — полковой доктор с видом заправского фокусника извлек из своего полевого несессера с потертым красным крестом на кожаном ремне боку бутылку настоящего французского коньяка. Под аплодисменты и всеобщий вой одобрения водрузил ее в центр стола:

— Op-la!⁵

¹ Марка сигарет, выпускавшихся во время Второй мировой войны в Германии и входивших в так называемый «табачный паек», выдаваемый каждому военнослужащему вермахта.

² Наваристый суп (нем.) — буквально: «все в одном горшке».

³ Куриный суп (нем.)

⁴ Внимание! (нем.)

⁵ Оп-ля! (нем.) — восклицание.

— О-ля-ля, герр доктор! Вы — не только потомок рыцарей, но и великолепный иллюзионист! Вилли, вскрывайте этого французишку! Отсеките ему его лягушачью голову! Ха-ха-ха!!!

Обершарфюрер Вильгельм Хайнзе ловким резким движением отсек круглую, запечатанную сургучом головку бутылки, расплескал янтарную жидкость по рюмкам. Все дружно поднялись и под крики: «За победу немецкого оружия!» и «Хайль Гитлер!» выпили до дна старинный французский напиток и с размаху расколотили об пол все до единой хрустальной рюмочки из Акулиныного набора, приберегаемого для праздников и больших важных событий.

* * *

За безудержным пьяным разгулем германцев, помимо двух пар глаз часовых, внимательно следили еще две пары: Лёньки и его матери. Их прогнали с кухни, где расположились разухабистые гуляки, и они схоронились на печке, отгородившись сатиновой шторкой в мелкий голубенький цветочек. Акулина, напуганная днем ворвавшимися мадьярами, прижимала своего маленького заступника и прикрывала его рот морщинистой, жесткой от постоянной тяжелой работы ладошкой. Она смертельно боялась, что мальчишка может ненароком помешать захватчикам пьянствовать и поплатится за это. Чего-то хорошего от этих непрошенных гостей ждать было бессмысленно. Они уже показали свою немецкую «воспитанность» и «европейскую образованность», выгнав старую Фроську из дома, избив конюха Прохора, который не отдавал лошадь, и застрелив ни в чем не повинного петуха в их дворе, которого теперь они с наслаждением пожирали, напиваясь все сильнее и сильнее. От них веяло опасностью, злобой и смертью...

Казалось, они уже наелись и очень прилично нагрузились спиртным, когда из-за стола вышел тот самый рыжий мотоциклист, что прикончил горлопана Петьку, и достал из кармана мундира, брошенного в середине обильной пирушки на лавку, какой-то кожаный футляр. Из него появился на свет некий блестящий предмет прямоугольной формы. Яркие искры серебряного блеска, рассыпавшиеся вокруг от каждого движения, необычная ровная и правильная форма этого инструмента пленили Лёньку, и он, потеряв бдительность, отстранил мамкину руку и тихонько выглянул из-под занавески.

— Мои любимые друзья, братья по оружию и крови, сегодня я исполню для вас несколько музыкальных произведений в честь моей дорогой матушки Гретхен Марты Лейбнер, заставившей меня любить музыку и ненавидеть моих учителей! — торжественно объявил рыжий музыкант и, дождавшись аплодисментов, залиvisto загудел в свою губную гармошку.

Такого диковинного инструмента Лёнька и не видел, и не слышал. От удивления он высунулся еще сильнее и, широко раскрыв рот и глаза, слушал веселую и очень плавную мелодию. Он не понимал, как этот злой человек, враг и захватчик, может исполнять такую красивую мелодию. Это совершенно не сочеталось в Лёнькином понимании и сознании. Выпускник Мюнхенской Государственной академии музыки виртуозно владел своим инструментом, и все его гости притихли и следили за каждым движением музыканта.

Внезапно долговязый Отто бросил взгляд на торчащую из-под печной занавески вихрастую голову мальчишки, вскочил, словно ошпаренный, из-за стола и истерично заорал:

— Halt! Halt! Das ist eine Rache! Das ist ein Engel des Todes!¹

— Стреляйте! Убейте его! — запоздалым дуэтом отозвался обершарфюрер и выхватил свой массивный и мощный семизарядный Kongsberg². Все семь зарядов вlepились в кирпич, разметав по всей кухне красные глиняные осколки. В диком хаосе стрельбы, воплей, криков и поднявшейся кирпично-штукатурной пыли раздался повелительный окрик доктора Германа фон Денгофа:

— Стоп! Прекратить стрельбу! Стоп! Отставить!

Вбежавшие на шум и выстрелы охранники хищно обшаривали глазами просторную горницу в поисках врага, готовые расстрелять любого, кто проявит неповиновение. В это время врач уже выволок из-за занавески перепуганного и слегка контуженного разорвавшимися возле его головы одиннадцатимиллиметровыми пулями Лёньку. Он ошалело взвыл и, вырвавшись от растерявшегося немца, нырнул под стол в дальний угол горницы.

— Это всего лишь мальчишка! Отто! Герман! Прекратите стрельбу! Что случилось? В чем дело? Посмотрите на меня! — врач пытался докричаться до эсэсовца, пребывавшего в странном состоянии. Он как будто находился в сильнейшей стадии опьянения или наркотического дурмана. Глаза без зрачков не реагировали на манипуляции врача, который уже бросил мальчишка, понимая, что тот не опасен для шестерых вооруженных мужчин, и пытался привести в чувство впавшего в ступор здоровяка Отто. Он усадил его на лавку, предварительно отобрав пистолет у Германа, который выглядел ничуть не лучше, но по причине не столь могучего телосложения и роста он просто рухнул на пол и теперь бился в конвульсиях. Доктор оставил Отто и теперь разжимал стиснутые зубы шарфюрера.

— Что смотрите, болваны?! — заорал он на опешивших часовых, замерших на пороге и не понимавших, кого хватать и убивать. — Воды! Дайте воды!

Охранники наперегонки подхватили ведро, стоявшее в сенях, и подтащили к врачу. Он стал поливать лицо шарфюрера, черпая пригоршней холодную прозрачную колодезную жидкость. В этот же момент остальные гости, включая прекратившего музицировать ефрейтора Генриха, повалились кто под стол, кто на стол, а сам музыкант осел, как сбитый острой косой стебелек василька, на пол подле печи. Полковой лекарь метался от одного к другому внезапно отключившемуся гостю, резко и кратко отдавая указания растерянным часовым. Наконец удалось уложить всех пятерых в ряд и убедиться, что языки не завалились, дыхание восстановилось, и жизни, на первый взгляд, ничто не угрожает. Доктор оттер пот со лба, крупными каплями стекавшего по его напряженному лицу, и уже спокойно, но также жестко скомандовал:

— Часовой! Обыскать дом и всех арестовать.

— Прошу прощения, герр майор, всех? И господ офицеров тоже?

— Du bist ein Idiot!³ — устало выдохнул врач. — Всех, кого обнаружите в доме посторонних. Наших не трогать! Теперь ясно?

— Jawohl!⁴ — вытянулись солдаты и через минуту волокли найденную и захваченную на печке Акулину. Лёнька так и продолжал прятаться под столом.

¹ Стой! Стоять! Это ангел мести! Это ангел смерти! (нем.)

² Марка тяжелого крупнокалиберного (11,25 мм) пистолета, стоявшего на вооружении вермахта, использовалась как личное оружие офицерского состава.

³ Ты идиот! (нем.)

⁴ Так точно! (нем.)

— Aufstehen! Schmutzige russische Schweine!¹ — командовал врач и железной хваткой вцепился в горло женщины: — Was hast meinen Freunden gegeben? Sag sofort!² Что ты дала моим друзьям?! Говори!

Акулина не понимала по-немецки и вообще слабо соображала, что же произошло сейчас на их с Лёнькиных глазах в их хате этим вечером. Она была напугана, контужена и дезориентирована.

На шум, стрельбу и крики уже собирались со всех сторон немцы. Первыми по тревоге примчались каратели комендантского взвода. С ними вместе пришел взбешенный Георг Берг. Его привел адъютант шарфюрера, днем распоряжавшийся по поводу приготовления стола для господ офицеров и, фактически не желая того, спасший Акулину и Лёньку от расправы наглых мадьяр. Он тут же принял на себя функцию переводчика. Староста Яков Бубнов с вечера уехал в свое село, а кроме него больше никто и не мог объясниться с немцами и помочь с переводом.

— Что здесь произошло? — обратился Берг к Акулине.

Та лишь растерянно пожимала плечами и мотала головой. В ушах не проходил звон, а объяснить, что же случилось, она не могла, так как и не видела толком, почему эти германцы попадали, как подкошенные. Ее саму трясло от всего, что произошло, и еще больше от того, что она боялась представить себе последствия такого ЧП.

— Вы ей переведите, что она должна ответить за то, что отравила наших офицеров. За такие недружественные действия ей грозит полевой суд и расстрел. Завтра же ее дело рассмотрит господин комендант, и она будет казнена. Прилюдно. Показательно.

Георгий Берг все обстоятельно перевел. Акулина закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала. У нее не было ответов на эти страшные и непонятные вопросы.

И тут из-под стола вынырнул Лёнька:

— Дяденька! Дяденька, скажите, что мамка не виновата! Это не она, не она...

— Не она? — повторил эхом Берг и перевел речь мальчишки.

— Не она? — также повторил доктор фон Денгоф. — А кто же? Кто?! Я тебя спрашиваю, русская скотина!! — вдруг заорал спокойный до этого врач. Видимо, накопившаяся злость вырвалась наружу.

Лёнька задрожал, и по его щекам предательски потекли слезы. Он собрал все свои силы и выдавил:

— Вон того в очках круглых спросите, — он кивнул на адъютанта и закричал сквозь всхлип: — Он днем приходил и видел тех, которые в суп что-то подмешали. Спросите его, спросите!

Врач внимательно выслушал перевод и задумчиво ткнул длинным холёным пальцем в адъютанта:

— Ты! Рассказывай, что тут было днем?

Растерянный адъютант пересказал, как мог и насколько помнил, все, что происходило во время готовки супа из петуха, опустив на всякий случай инцидент с попыткой насилия над хозяйкой. Он подтвердил несколько раз в ответ на заданный неоднократно вопрос, что лично видел, как мадьярский

¹ Встать, грязная русская свинья! (нем.)

² Что ты дала моим друзьям? Говори немедленно! (нем.)

капрал что-то всыпал в котел (он не знал, как правильно называется чугунок) с варевом и потом высказывал недовольство, что им не дают забрать этот суп.

Доктор подошел к столу и внимательно исследовал содержимое мисок, оставшееся несъеденным. Выловил кусочек куриного мяса и, взяв двумя пальцами, принюхивался. Поморщился и бросил кусок обратно, обдав брызгами стол. Он почесывал переносицу и напряженно раздумывал, размышляя вслух:

— Отравились все, кто ел этот суп. Значит, именно в нем дело. Это не шнапс, не коньяк. Я не ел суп, но пил. Я не почувствовал никакого недомогания. А мои друзья чуть не погибли.

Он присел на лавку и задумчиво потер переносицу. Все молчали и ждали его решения. Сейчас он был старшим по званию и фактически главным криминалистом в сложившейся ситуации. Из задумчивого состояния его вывел очнувшийся Генрих Лейбнер:

— Доктор, что произошло?

— Генрих! Как я рад, что ты жив, мой мальчик! Всё в порядке. Присядь. Надо сделать промывание желудка и лечь спать.

Он кивнул солдатам:

— Помогите господину ефрейтору.

Те тут же подбежали и, подхватив его с двух сторон, вывели на крыльцо. Оттуда донеслись вполне понятные каждому звуки, которые раздаются, когда человека выворачивает наизнанку рвущаяся наружу из желудка и пищевода недавно потребленная пища.

Врач решительно встал и скомандовал:

— Итак, всех пострадавших офицеров аккуратно проводить или перенести по домам согласно распределению. Эту бабу и ее сынка под арест в сарай. Пусть два часовых посменно их охраняют. Утром решим, что с ними делать. Немедленно отправьте двух бойцов комендантского взвода на поиски тех самых мажар, что ошивались здесь днем. Доставить живыми и невредимыми к коменданту для допроса.

Акулину и Лёньку вытолкали из дома и под грозные окрики, подкрепляемые тычками острого и холодного, как ледяные сосульки, ствола винтовки, впихнули в мрачную тишину сарая. Дверь захлопнулась. Было слышно, как, ворча и переругиваясь, охранники подпирают ее досками и палками. Только сейчас Лёнька почувствовал себя в безопасности. Этот сарай для него был родным, и он знал все его секреты. Уже в который раз им повезло в этот день. Они остались живы. И это было главной наградой за все пройденные унижения и мучения. К тому же Лёнька обзавелся трофеем. Ничего не говоря и не показывая матери, он тихонько прокрался в дальний угол сарая и между бревен схоронил прихваченную по дороге из дома губную гармонику, которую потерявший сознание музыкант выронил, падая на пол.

«А не будет мамкин суп из нашего Петьки жрать, гад!» — подумал мальчишка и заснул, положив голову на колени матери.

ПРОЗА

Сергей МИХЕЕНКОВ БОЙ У БОЛОТА

*Глава из «Повести
о бессмертном
сержанте, его боевых
товарищах и командирах»*

Сергей Егорович Михеенков — родился в 1955 г. в деревне Воронцово Калужской области. Писатель, журналист. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. Циолковского, Высшие литературные курсы. Автор серии романов о подольских курсантах, биографий маршалов СССР Г. Жукова, И. Конева, К. Рокоссовского. Исследователь истории гибели западной группировки 33-й армии Западного фронта в окружении весной 1942 г. в районе Вязьмы, написал об этих событиях несколько книг, автор романа о генерале В. Маркелове и др. Пишет сценарии, сотрудничает с крупнейшими издательствами России: «ЭКСМО», «Молодая гвардия» и др. Имеет много наград и премий. **Живет в г. Тарусе.**

Отяпов встал на колени, соскребил грязь с лица. Глаза были целы, видели, но плохо. Оранжевая пелена мешала разглядеть то, что надо было разглядеть, — дорогу. Рядом карабкался ефрейтор Курносов. Похоже, он был жив. Пулеметчик, тоже живой, лежал рядом и смотрел на Отяпова с благодарностью и надеждой. По щекам его текли слезы. Пулеметчик совсем молоденький, лет, может, восемнадцати. Отяпов обратил на него внимание еще на марше: уши из-под пилотки торчком, пилотка — дюдёй, шинель — как на горбатом. Видать, из последнего пополнения.

— Не брошу я тебя, не брошу, сынок. Как-нибудь поволоку.

Он встал и начал поднимать пулеметчика. Тот, как мог, помогал ему, карабкался на спину, хватался за скользкую, мокрую шинель. Отяпов уже знал, что не бросит пулеметчика, что бы ни случилось.

Лес был рядом. Туда сломя голову бежали те, кому удалось перебраться на другой берег.

Левее послышалась стрельба. Отяпов прислушался и сразу все понял: вот те на, твою капитана, называется, ушли, вырвались...

По краю болота бежали немцы. Они старались держать правильную цепь, время от времени останавливались, некоторые припадали на колени и торопливо стреляли из винтовок. Клочки пламени взблескивали по всей цепи. Стреляли они то куда-то правее, то прямо по фронту — в них. Но ни одна пуля ни в кого из бежавших рядом пока не попала.

Вот тебе и вышли из окружения...

Пули вжикали над головой, рвали землю под ногами. Никто из бегущих к лесу на огонь немцев не отвечал. «Эх, некому подать команду», — лихорадочно соображал Отяпов. Он машинально шевельнул пле-

чом, но тут же вспомнил, что винтовки у него нет, только горсть патронов в подсумке.

— Стой! — закричал Отяпов, уже не понимая, что делает. — Ложись! Приготовить оружие!

Несколько бойцов упали рядом. Захрустели затворы. Мелькнула, как чужая и желанная девка во сне, надежда.

— Огонь!

Раздался нестройный залп, потом другой.

— Эх, мать вашу германскую разэтак!.. — весело матерился Отяпов, радуясь, что он подал нужный, правильный приказ, и приказ его выполнялся.

Он и сам стрелял из винтовки, неизвестно как оказавшейся в его руках. Рядом лежал ефрейтор-связист и тоже вел огонь по краю болота, где залегла немецкая цепь.

— Бей, убивай! — заорал он; его охватила какая-то лихая злость, как будто за плечами вспыхнули могучие веселые крылья, и, только взмахни ими, они унесут его и даже раненого пулеметчика куда угодно. Но сперва надо было отбиться от наседавших немцев.

И тут из леса стали выскакивать серые шинели с длинными копьями винтовок наперевес.

— Наши!

Возле болота началась рукопашная. Но Отяпову и его товарищам было не до нее. Куда им в это месиво лезть? И не разобрать, где свои, где чужие. Можно и под свои штыки попасть.

Откуда-то взялась повозка с Лидкой. Лидка, напуганная, в глубоко надвинутой пилотке. Лицо изгваздано в кровавой грязи. В повозке по-прежнему лежал, болтался на ухабах пьяный комбат, бился головой о грядку.

— Постой, Лидушка! Сил моих боле нет! — И Отяпов сгрузил в повозку, прямо на комбата, свою ношу. — Вот тебе на попечение. Вези, доченька. С Богом.

И они всем своим, случайно сбившимся в кучу подразделением, навалились на грядки, чтобы поскорее вытолкнуть повозку из поймы на горку, в спасительный лес.

В лесу комбат пришел в себя и принялся выбираться из повозки. Его мутило. Он садился, поводил по сторонам дурными, ничего не видящими глазами, но его снова откидывало на спину.

— Эх ты, шваль подколесная, — вслух думал о нем Отяпов. — Сколько нынче хорошего народу побило, а тебе хоть бы что... Вон сколько харчей перепортил. А тут маковой росинки во рту не было уже сутки.

Надо было отвернуться, чтобы не смотреть на позор своего командира. И он отвернулся. «Это он сейчас такой, — подумал Отяпов, — а завтра протрезвеет, осмелеет и опять командовать кинется, орлом заходит. Хлюст московский...» Комбат был из Москвы. Как-то в минуту откровения рассказывал им, какая у них в Москве до войны была хорошая жизнь. Семья его не эвакуировалась, что-то не заладилось. Хвалился, какая у него красивая жена, фотокарточку показывал. И правда, с карточки улыбалась молодая женщина с ямочками на щеках, с модно прибранными волосами. Отяпову даже показалось, что комбат их разыгрывает, показывает портрет какой-то артистки.

Из поймы в сторону болота, куда отошли немцы, бежали бойцы. Тащили пулеметы. Ездовые гнали повозки, нагруженные минометными трубами

и ящиками с боеприпасами. Командовал отрядом худощавый капитан, тот самый, который торопил их на рассвете перед переправой. На плече он держал черный трофейный автомат. Теперь в автомате торчал длинный рожок. Капитан подошел к ним, заглянул в повозку.

— Капитан Титков? — взглянул на Лидку, которая ни жива ни мертва сидела, поджав ноги, на грядке. — Что с ним? Ранен? Пьян?

И Лидка, и Отяпов, и бойцы, оказавшиеся рядом, молчали. Словно позор капитана Титкова, будто из отхожего ведра, выброшенного к ногам, обгадил и их.

— А ну-ка, ребята, ставь его к сосне! — капитан резко опустил автомат и оттянул затвор. — Ставь, ставь! Согласно приказу номер двести семьдесят... Как там приказывал товарищ Сталин? — И капитан пронзил холодным блеском остановившихся глаз младшего сержанта Отяпова и хладнокровно продолжил: — А товарищ Сталин приказывал: если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят, продадут за понюшку табаку, за хлебок водки нашу Родину. А потому товарищ Сталин очень правильно приказал: трусов и дезертиров...

Но не успел он договорить, как несколько мин с металлическим хряском обрушились на дорогу и полянку, где накапливались выходящие из поймы бойцы и повозки.

Отяпов и бойцы попадали, кто где стоял. А когда подняли головы, ни капитана, ни его подчиненных ни возле повозки, ни поблизости нигде не увидели. Только голос его, хрипловатый, с тугой и упругой металлической окалиной, рокотал где-то внизу, в стороне переправы.

«Все в лес, подальше от этой проклятой реки, — подумал младший сержант Отяпов. — А этот назад пошел и людей своих повел. Вот кому сам черт не брат. Вот это капитан! С таким и умереть не страшно. Нет, братцы, не все еще пропало, — засмеялся он через силу. — Есть и в нашем войске смелые и гожие для хорошей войны люди».

Волоком и тычками они затащили на повозку своего комбата. Исполнять приговор капитана не стали. Кто стрелять в своего комбата будет? Да и приговор этот чужой, невесть откуда взявшийся, капитан до конца не дочитал. Лидка торопливо, как страшно стыдное, отчищала клоком соломы, выдернутой из-под подстилки, заблеванную шинель своего командира.

— Вези, Лидка, — махнул рукой Отяпов. — Что ж делать. За него ведь, и за такого, с тебя спросят. Да парня не брось. Спасибо за перевязку. Даст бог, выживет. Вези скорей. Выходишь — жених тебе будет. Смотри, какой парняга...

Возле дороги строили вышедших. Командовал лейтенант в кожаной куртке, туго, как на парад, перетянутый ярко-рыжей новенькой портупеей.

Отяпов с ефрейтором и другими, кто не отставал от них, тоже стали в строй. Хорошо, Курносов вынес его винтовку. Сейчас бы лейтенант этот, с рыжей портупеей, и ему тоже постучал бы в лоб наганом:

— Где винтовку бросил, сучье отродье! Бегом марш! И чтоб через десять минут доложил о полной боевой готовности! — Так он внушал тем, у кого при построении не оказалось на руках личного оружия.

Лейтенант ходил перед строем, как ворон, готовый клонуть любого оплошавшего. Револьвер он держал в руке.

— Наша задача — не дать противнику овладеть переправой! Оттеснить в болото... Сейчас подвезут боеприпасы. По банке консервов на брата и по три сухаря. Патронов можно брать до двух боекомплектов.

— Ну вот, Отяпов, эти хоть покормят, — толкнул его ефрейтор Курносов.

Отяпов с облегчением вздохнул. Интересно, какие консервы — мясные или рыбные? В их положении любые хороши, но лучше бы, конечно, мясные: мясные сытнее и, дело проверенное, дольше продержатся в желудке.

Лейтенант командовал «вольно». У кого имелась махорка, сразу закурили. Ждали обещанные консервы и сухари. Продукты действительно вскоре привезли на широкой армейской повозке. Лейтенант принялся делить пайки. А старшина, управлявший повозкой, открыл ящики с патронами и, улыбаясь щербатым ртом, не к месту весело сказал:

— Ну, налетай, кому «пряного посола» не хватило!

«Пряного посола» хватило всем. Скумбрия в масле — тоже вещь хорошая. У связиста Курносова откуда-то взялся немецкий штык-нож. Он тут же ловко, одну и другую, крутанул своим тесаком крышки консервных банок, облизал плоское лезвие, сунул его, чистое, за голенище.

Отяпов ловил пальцем скользкие рыбные кусочки, с тоской наблюдая, как быстро пустеет банка. Вскоре в серебристой посудинке остался только запах, но и пустую ее выбросить было жалко. И только когда Курносов поднес каску, наполненную блестящими патронами, он бросил банку в кусты и расстегнул крайний подсумок. Патроны были уже в обоймах, снаряженные. Это хорошо, меньше возиться с обоймами.

Рассовав боекомплект по подсумкам и карманам, Отяпов осмелел и подошел к старшине.

— Тебе чего, папаша? — спросил старшина.

— Да вот... — И Отяпов указал на свой негожий ботинок, скрученный телефонным проводом. — Обувь сменная на вашем складе, случаем, не имеется?

— Имеется, — живо согласился старшина и шальным глазом указал за сосны, где были сложены в ряд убитые во время минометного обстрела. — Любого размера и фасона. Можно даже подобрать трофейные — с железными подковками. Из самой Германии...

«Эх, в рыло бы тебе, складская душа», — подумал Отяпов, глядя на съеденные то ли махоркой, то ли чифирем редкие зубы веселого старшины. Еще минуту назад Отяпов не прочь был сменить свои ненадежные ботинки на подходящие сапоги, пусть даже с кого-то из убитых, но теперь, когда веселый старшина предложил ему сделать это прилюдно, все в нем воспротивилось и встало дыбом. «Нет, — подумал младший сержант, — лучше босым ходить».

Вскоре начали строиться. И тут прибежал боец, которого лейтенант прогнал за винтовкой. Ему тоже выдали паек и патроны.

— Ну что, Гусёк, нашел свою судьбу? — окликнул бойца лейтенант.

Он все еще держал наган в руке, словно и вправду поджидал посланных за брошенными винтовками.

— Нашел, товарищ лейтенант. Там, возле моста, уронил... Обстрел начался. Ну, я и...

— Молодец! Даже если винтовка не твоя. Становись в строй!

Интересно, Гусёк — это фамилия или прозвище? Отяпов разглядывал бойца: невысокий ростом, длинная, не по росту, шинель. Такие урезают на ладонь — на фитили для коптилок.

Пошли. Гусёк все время держался возле Отяпова и ефрейтора. Связист помог ему откупорить банку с рыбными консервами. Гусёк буквально проглотил ее содержимое. Масло текло по щекам, по дрожащим губам, и тот облизывал их и улыбался счастливой улыбкой. Как-никак, а все же поел перед смертью, — радовался за него Отяпов.

— Расстрелял бы, — кивнул Гусёк на лейтенанта, который шел впереди с наганом в руке. — Если бы винтовку не нашел, как пить дать, расстрелял. Ротный не шутит. Он у нас такой...

— И правильно бы сделал, — не оглядываясь на бойца, угрюмо сказал боец, шедший впереди; лицо его, небитое, бледное, не выражало ничего, кроме крайней усталости.

— Да я ж нашел! Вот она! — радостно оправдывался Гусёк и тряс обеими руками винтовку; он держал ее крепко, даже пальцы побелели, словно боялся потерять ее в другой раз. — За что ж меня расстреливать?

«Да, — подумал Отяпов, — ротный тут личность свирепая. А где вот теперь его, младшего сержанта Отяпова, рота? Где старший лейтенант Безлесов? Почему он с чужим ротным идет куда-то? А куда идет? Видать, в бой. Немцы рядом. Их только отогнали к болоту. Там они. Там, в любой момент, могут появиться и снова атаковать развернутой цепью».

Переправа снова заработала. Это было ясно по тому, как серый поток снова выплеснулся из поймы и несколькими дорогами, должно быть, только что и пробитыми, стал торопливо втягиваться в лес на восточном берегу Ресеты.

А куда вел их этот самоуверенный лейтенант в кожаной куртке? Надо было уходить в лес с Лидкой и комбатом. Сейчас бы, может, уже возле кухни стояли, кашу бы из котелков дергали. Отяпов с неприязнью вспомнил о комбате. И почему таким сволочам все время везет? Вот и капитан его не расстрелял, и на мосту под снаряды не попал, и немцев вовремя от переправы отбили, и сейчас, видимо, благополучно едет в тыл на мягком сене под присмотром этой дуры Лидки. Бабы — они такие... Без разбору мужиков жалеют.

Впереди слышалась стрельба. Тарахтел «максим», делая небольшие паузы. Очереди длинные — такие делает неопытный пулеметчик. Или противника не видит, да и лупит наобум Лазаря, чтобы только командир не бранился, что не ведет огонь по противнику. Или, наоборот, противник весь вот он, перед фронтом, и пулеметчику надо только поспевать.

Из-за деревьев им навстречу выбежал еще один лейтенант.

— Вот, кого смог набрать... Шестьдесят два человека при двух пулеметах. — Лейтенант в кожаной куртке махнул наганом, и Отяпову показалось, что он посмотрел на него. — Все с оружием. Даже Гусёк. Третью винтовку за сутки бросает. Пристрелить — патрона жалко. — И лейтенант засмеялся. Смеялся лейтенант вроде и не зло, но кто его знает, чужого командира.

Гуська трясло. Он водил по прицелу грязной протиркой, продувал намушник и украдкой поглядывал на лейтенантов.

— Сидят, не рыпаются? — спросил тот, которого Гусёк называл ротным.

— Пока сидят, — ответил ему второй лейтенант. — Но, думаю, скоро полезут.

Второй лейтенант был помоложе. И одет попроще — в стеганую телогрейку и буденновку. В руке потертый ПППШ, словно он с ним воевал третью войну.

— Без поддержки минометов или артиллерии не полезут. Ждут усиления.

— Сколько их там, неизвестно. Думаю, не меньше роты. Пленного взяли. Ребята из второго взвода поймали возле болота. Показал, что из полка «Великая Германия», что полк только что переброшен с северного участка фронта, с Варшавского шоссе.

— «Великая Германия»... Все у них великое...

— Хорошо, что погода нелетная.

— Да. Туман. Хотя что-то... Всерьез за нас взялись. «Великая Германия». Сидят в болоте и не рыпаются. Побольше бы людей да пару минометов, и заставили бы эту «Великую Германию» здешнее болото ноздрями выхлебывать...

Немного погода лейтенанты разошлись. Лейтенант в кожаной куртке ушел на левый фланг. Другой, сбив на затылок буденновку, оглянулся на них:

— Приготовиться к атаке! Штыки!..

Какие там штыки... Штыки давно уже побросали — лишний груз. Но Гусёк свой не бросил, прилаживал к стволу. Руки у него дрожали, и штык никак не защелкивался. В конце концов он его бросил на землю и отшвырнул ногой в сторону.

— Дай-ка сюда. — И Отяпов ловко, одним движением, насадил штык на ствол Гуськовой винтовки. — На, воюй по уставу и матчасть куда попало не раскидывай.

— Пошли, — негромко и не по уставу сказал лейтенант, встал и, не пригибаясь, в полный рост пошел вперед.

Отяпов немного повременил, словно дожидаясь, когда немецкий пулемет срежет храброго лейтенанта. Но тот невредимым вошел в просвет между деревьями, оглянулся, сбросил с плеча свой потертый ПППШ. И Отяпова будто сорванная с пазов пружина выбросила из-за сосны и понесла вперед, к болоту.

Такого командира бросать нельзя, к такому надо держаться поближе. Это Отяпов хорошо усвоил по предыдущим боям.

Болото заплывало туманом. Виднелись лишь черные, будто обгоревшие, шесты сухих ольх, как попало воткнутые то ли в снег, то ли прямо в туман. Немцы почему-то молчали.

Лейтенант вначале шел, а потом, поняв, что бойцы поднялись, побежал вперед. Он бежал быстро, как мальчишка, которого невозможно догнать. Куда ж ты, лихой, навстречу своей смерти так спешишь? — хотелось окликнуть лейтенанта Отяпову. Младший сержант едва поспевал за ним.

И тут произошло то, о чем потом вспоминали выжившие и помнили всю войну, потому что такое даже на передовой случается крайне редко.

В тумане начали проступать какие-то столбики. Послышался смутный шум, похожий на движение многих людей.

«Вот они», — понял вдруг Отяпов и, испугавшись, что бежавшие рядом Курносов и Гусёк могут не выдержать и попытаться залечь или как-нибудь

по-другому уклониться от неминуемой встречи, крикнул первое, что пришло в голову:

— Держи строй, ребята!

Немцы шли навстречу — ровной цепью, с поразительно одинаковыми интервалами. Ни выстрела, ни крика команд. Они уже все решили, как разделаться с их отрядом и двумя храбрыми лейтенантами.

Вначале все делалось молча. Потом разом зарычали, завыли на левом фланге. Там, в тумане, видать, схватились с туманными столбиками те, кого повел лейтенант в кожаной куртке. А уже через мгновение вихрем захватило и остальных. Младший сержант Отяпов снова почувствовал, что у него вспыхнули за плечами горячие крылья, и, стараясь не думать уже ни о чем, кинулся вперед.

ВЫШЛА КНИГА

Дмитриев С.

Ратные стихи. М.: Вече, 2024.

Поэты острее чувствуют и оперативно реагируют на изменения, которые происходят вокруг. Именно поэтому так ценны сейчас стихи, которые авторы «выносят» буквально на руках с полей сражений, из горячих точек, так как они наполнены «живыми» эмоциями, а в строчках отражаются судьбы людей, переживших военные события и их последствия.

Но если поэт еще и историк, то параллельно со «свистом пуль» и эхом войны в стихах он тщательно отыскивает и отпечаток ушедших эпох, дней и часов, выстраивая причинно-следственные связи уже в историческом контексте. Эта черта присуща и новому поэтическому сборнику Сергея Николаевича Дмитриева «Ратные стихи. От Рюрика и Бородино до Прохоровки и СВО», в котором он через призму смысла и рифмы разворачивает панораму прошедших событий, связанных словом «война».

Тематически книгу можно поделить на несколько логически завершенных блоков: стихи, рассказывающие о днях Великой Отечественной войне; строки, посвященные войне в Сирии; стихотворения, в которых отражена судьба белой эмиграции после Гражданской войны в России, а также отклик Первой мировой войны.

Одна из тем, которая прослеживается в сборнике — это дискуссия о месте и роли поэтов на фронте «тогда и сейчас», значение в процессе фиксации и отображении моментов истории. Важно, что Сергей Николаевич лично побывал в каждом из мест, о котором он пишет (за спиной поэта — более 80 стран): где-то изучал исторический контекст, где-то знакомился и общался со свидетелями событий. Так произошло и в разделах, посвященных СВО и Крымской весне — автор, главный редактор издательства «Вече», не раз побывал в зоне Специальной военной операции с гуманитарной миссией и литературными десантами.

Дороги ВОЙНЫ

Сергей РАЦ «НЕВСКИЙ ПЯТАЧОК»

Сергей Васильевич Рац — родился в 1951 г. в Киргизии в семье летчика-истребителя, участника Великой Отечественной войны. Прозанк, драматург, публицист, историк спецслужб. Член Союза писателей России. По образованию юрист-правовед, юрист-международник, кандидат политических наук. С 2001 по 2023 гг. преподавал на кафедре конфликтологии Института философии Петербургского госуниверситета, доцент. Автор нескольких документальных монографий, романов, пьес, более 70 научных статей по предотвращению и разрешению конфликтов в XX веке. **Живет в Санкт-Петербурге.**

13 сентября начальник гарнизона острова Валаам, капитан третьего ранга Семенов, получил по телеграфу Бодо зашифрованный приказ. В нем говорилось: «Приказываю немедленно перебросить личный состав гарнизона и школы боцманов и юнг для укрепления сектора правого берега Невы в районе города Шлиссельбурга. О выполнении доложить. Командир фронта Жуков». Семенов откинулся на стуле, впился еще и еще раз в текст телеграммы, не веря своим глазам. Он закурил, и рука опытного бойца, прошедшего еще недавно героический путь с караваном флотилии из Риги в Кронштадт, дрожала. Он ясно представил молодые лица курсантов, их горящие глаза и стройные фигуры. Они как бы с лукавой улыбкой ему говорили: «Батя, мы за любой кипеж, кроме голодовки».

Во избежание потерь из-за ежедневного интенсивного обстрела правого берега Невы уже через шесть дней, 19 сентября, курсанты из Шлиссельбурга были направлены в район маяка Осиновец, находящегося на юго-западном берегу Ладожского озера. Набор в школу боцманов и юнг, созданную по инициативе наркома Военно-Морского флота Николая Герасимовича Кузнецова, начался в 1940 году. Поэтому к 22 июля 1941 г. средний возраст курсантов школы был 16–17 лет. Однако у каждого из них был свой суровый опыт жизни. Большинство будущих курсантов не имели родителей и были подобраны почти в прямом смысле на улице. Мать-Отчизна вскормила их своей грудью, наполнила их сердца героизмом, дала путевку в жизнь в это непростое, суровое время. Им предстояло уже 22 сентября принять бой и продемонстрировать всему миру всю силу молодости и отваги. На боевую под-

готовку им не отвели ни одного дня. Каждый из них выстрелил из винтовки по три раза, израсходовав при этом до десятка патронов за весь период обучения. Однако они прекрасно владели материальной частью винтовок, станковых и ручных пулеметов, приемами рукопашного и штыкового боя. Их наставниками были битые и опытные воины, прошедшие к 1940 г. не одну войну, вселившие в их сердца бесстрашие и желание победить.

С учетом того, что обстановка на фронтах накалялась, враг предпринимал попытки форсировать Неву, рвался к Пулкову и Автово, а бойцов не хватало, смешанную роту курсантов, чуть больше ста человек, отправили на станцию Мельничный Ручей для экипировки. Не могли знать курсанты школы боцманов и юнг, что в это время, напрягая все силы, используя последние резервы, особая группа 115-й дивизии предпринимала отчаянную попытку расширить плацдарм в районе левого берега Невы от поселка Марьино до Арбузова, 2-го поселка. Ей была поставлена задача пробиться к Мге, Синявино, соединиться с 54-й армией Волховского фронта, сорвать смертельную удавку с шеи Ленинграда, спасти не только любимый город, но и всю Россию. Уже трижды эта земля щедро поливалась интернациональной братской кровью, но все без исключения воины Красной армии верили, что она проливалась не напрасно, они верили железной воле командующего фронтом Жукова и шли, сметая противника, словно стальной ураган. Чуть позже этот плацдарм в народе назовут «Невским пятачком».

23 часа 19 сентября.

Командир 115-й стрелковой дивизии генерал-майор Василий Фомич Коньков так вспоминает об этом дне: «Форсирование началось в 11 часов вечера. Наступила темная, туманная, с морозящим дождем ночь. Бойцы первого эшелона осторожно, бесшумно, как тени, перенесли на руках лодки к берегу Невы и спустили их на воду. Где-то в нескольких километрах южнее, в районе поселка Кузьминки, где стоял, как изваяние, как памятник героизму 1-го полка 1-й дивизии НКВД, остов железнодорожного моста, громыхали орудия, часто стучал крупнокалиберный пулемет, вспыхивали и затухали зарницы. Это приняла бой рота 168-го отдельного разведывательного батальона, которая под сильным артиллерийским и минометным огнем сумела форсировать Неву и высадить отряд около 20 человек. Военная хитрость удалась и на какое-то время отвлекла внимание противника. К сожалению, из-за сокрушительного огня и нанесенного удара в 7 утра авиацией люфтваффе она потеряла 57 человек убитыми и ранеными, но выполнила роль отвлекающего удара, приняв жертвенную участь».

Из архивных материалов 39-го моторизованного корпуса 16-й армии вермахта: «В ночь на 20 сентября русские форсировали Неву, пытаясь высадить десанты в нескольких местах, помимо Шлиссельбурга: у Бетона (так в немецких документах называется 8-я ГРЭС) небольшой отряд, который после высадки углубился в лес, был окружен и уничтожен. В районе Кузьминского моста было уничтожено 16 русских солдат, которые в плен не сдавались, израсходовав при этом весь боезапас. План русских на форсирование реки в данном районе был сорван. Для штаба группы армий “Север” переправы через Неву оказались крайне неожиданными и воспринимались как разведка. В течение 20–22 сентября решительных попыток уничтожить плацдарм русских не предпринималось, так как в это время часть 20-й дивизии и 8-й танковой дивизии действовали против 54-й армии, захватив

Погостье, а вторая часть защищала левый берег у Шлиссельбурга. В штабе дивизии царили тревожные настроения».

Однако главный удар немцы все-таки пропустили. Ранним утром 20 сентября 1941 г. группа первого эшелона особого отряда 115-й стрелковой дивизии под командованием генерала Конькова форсировала Неву и закрепилась на плацдарме Московской Дубровки. Группа состояла из красноармейцев 1-й стрелковой роты 576-го стрелкового полка, 2-го взвода роты Отдельного разведбатальона, 6-й стрелковой роты 638-го стрелкового полка — всего, по неполным данным, около 400 военнослужащих.

Генерал-майор Василий Фомич Коньков (1901–1993) в Красной армии с 1920 г., участник советско-финской войны. Дивизия, которой командовал Коньков, прорвала с другими частями линию Маннергейма в 1940 году. За успешное командование Коньков был награжден орденом Красного Знамени. С июля 1940 г. — командир 115-й стрелковой дивизии (в звании генерал-майора), которая с марта 1941 г. прикрывала границу на Карельском перешейке. В октябре 1941 г. освобожден от должности и в дальнейшем проявил себя как незаурядный организатор по снабжению армий. После 1945 г. продолжил службу по снабжению тыла в 1-й Гвардейской танковой армии. В 1949 г. окончил академию имени К.Е. Ворошилова. С мая 1953 г. — заместитель начальника штаба тыла Минобороны СССР. В 1954 г. — советник тыла Войска Польского, с мая 1955 г. — генерал-инспектор тыла Главной инспекции Министерства обороны СССР. Уволен в запас в 1957 году. Жил в Москве, являлся председателем Клуба военных книголюбов московского Дома военной книги. Издал книгу мемуаров. Был несколько лет председателем Совета ветеранов 1-й гвардейской танковой армии. Награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого II степени, двумя орденами Отечественной войны I степени, медалями: «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина». Умер в Москве, похоронен на Ново-Кунцевском кладбище.

17 часов. Станция Мельничный ручей, 21 сентября 1941 года.

На небольшой привокзальной площади, в самом ее центре, стояла группа молодых курсантов в свободных, живописных позах, многие с наслаждением курили взыг. День был на редкость жаркий, большинство из них, сбросив бушлаты, оставались в тельняшках и черных в клеш брюках, подпоясанных ремнями с надраенными пряжками. Бескозырки были надеты на самые брови — тоже особый форс. Часть из них — подростки из флотских семей, потерявших при разных обстоятельствах родителей. Другие прошли и познали изнанку жизни чуть ли не с рождения, хлебнув все запретное с раннего детства. Их собрали таких разных — бесприютных, бездомных, отмыли, вылечили, одели, и они, некоторые не сразу, обрели мать — Отчизну и отца — вождя. Они все с первого дня войны мечтали на нее попасть, некоторые сбегали, но их возвращали, не особенно журуя. Отцы-командиры, глядя правде в глаза, понимали их бродячие души — сами были такими. Еще их объединяла любовь к морю, приключениям и авантюрам. Только трем из всей роты исполнилось семнадцать лет, остальным же было по шестнадцать, пятнадцать лет. Дедовщины не было, за этим строго следили, но замашки к этому подчас прибывались.

Семнадцатилетний смуглый черноглазый курсант по кличке Шалый, с копной выющихся волос, лениво сплюнув, щелкнул указательным пальцем

и, как катапультий, выстрелил окурком, попав в ствол дерева. Все присутствующие оживились, ожидая представления. Он, театрально раскинув руки, пошел чечеткой по большому кругу, звонко отбивая каблуками дробь. Для таких концертов он специально подбил каблуки подковками. Затем плавно, размашисто и все ускоряясь, шлепал ладонями по бедрам, щиколоткам и даже по земле, делая замысловатые коленца. Штырь, его закадычный друг, аккомпанировал на гитаре. Кто-то запел: «Эх, яблочко, куда ты котишься, ко мне в рот попадешь, не воротишься». Круг стал плотнее, раздавался дружный хохот, свист поддержки зрителей. Неожиданно кто-то заметил приближающуюся широким шагом плотную фигуру комиссара капитан-лейтенанта Зеленцова и подал команду: «Смирно!».

Построив рот, тут же на площади, комиссар во всю силу своих мощных легких звонко прокричал:

— Товарищи курсанты, час настал! Многие из вас рвались в бой. Сегодня ваш черед, страна Советов вручает вам оружие, чтобы вы били фашистских гадов. Знайте, многие из вас не вернутся, но вы также должны помнить, что, убив хотя бы одного нациста, вы выполните свой воинский долг. Помните, за вами город Ленина, колыбель революции, и миллионы горожан. Половина из вас уйдет в Новую Ладогу охранять Дорогу жизни, вторая вольется в бригаду морской пехоты и будет сражаться на Невской Дубровке, до нее рукой подать — километров 10, может быть 15. Никого не хочу разлучать насильно, сами разберитесь на две команды, поэтому построение через полчаса. После чего получите оружие и снаряжение. А сейчас — разойтись.

Через час 48 курсантов-юнг, нагруженные вооружением, боекомплектами, питанием, весело шагали на юг по проселочным пыльным дорогам в сторону Невской Дубровки во главе со старшиной Яковлевым. Остальные 51 курсант отправились на север к пристани. У каждого за плечами было не меньше 40 килограммов. Кто-то из них запел: «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”...» — и все дружно подхватили, маша на прощанье друзьям бескозырками. Они, не ведая того, уходили в вечность, и в памяти будущих потомков остались веселыми, бесстрашными, молодыми.

0 часов 30 минут 22 сентября 1941 года. Берег Невской Дубровки.

Правый берег Невы был высокий, и только кое-где его линия прерывалась оврагами, буквально созданными природой, чтобы по их дну можно было проскочить с меньшими потерями для тех, кто пришел в эту темную, туманную ночь форсировать реку и сразиться с врагом. Изредка рвались мины. Враг в ту минуту еще не понял, что это была не разведка, а регулярные части Красной армии, которые пришли, чтобы уложить его солдат в могилы. Кое-где туманную мглу пронизывали осветительные ракеты, которые лениво, словно огромные светлячки, то появлялись, то исчезали. Они освещали тревожные лица новобранцев, суровые — призывников, понюхавших пороху еще в Первую мировую и Гражданскую войны, и беспечность, веселость, какую-то удивительную лихость совсем молодых, которых можно было без ошибки определить по форме как военных моряков флота — это были курсанты школы боцманов и юнг из Валаама.

Высадка на левый берег прошла успешно, без потерь. К этому моменту весь поселок Московская Дубровка был в руках бойцов Красной армии, и дорога, ведущая на север, в сторону Шлиссельбурга, находилась

под контролем красноармейцев старшего лейтенанта В.П. Дубика, которые составляли ядро первого эшелона особой группы 115-й стрелковой дивизии. Старшина Яковлев получил команду вывести учебную роту на восточную окраину поселка и закрепиться, ожидая подкрепления. Настроение бойцов было приподнятым. Все ожидали дальнейшего успешного наступления. Всю ночь курсанты работали лопатками, но к утру так и не сумели вырыть окопы в полный профиль. У каждого курсанта была новенькая винтовка Мосина, в подсумках каждого лежало не менее ста патронов и четыре гранаты. У многих были финки собственного производства. В роте был станковый пулемет с четырьмя лентами боекомплекта и три ручных, по три диска на каждый. Этого было достаточно для одного, но короткого боя.

5 часов 15 минут 22 сентября 1941 года.

— Слушай мою команду, едрена вошь, — проговорил мрачно старшина Яковлев, усатый мужчина лет сорока, участник боев с финнами, обратившись к командирам отделений. — Стрелять только по моей команде, наверняка, метров со ста, не дальше. Немцы полезут в ближайшее время, — он прервал наставление и с упреком резко добавил:

— Артамонов (это был Шалый), что я сейчас сказал?

— Бить врага до последнего гада, — не задумываясь ни на мгновение, искренне выпалил курсант, пыхнув папироской.

— Правильно, товарищ курсант, мыслите, но диспозицию надо знать и не курить без разрешения. Гранаты беречь для танков, пулеметы замаскировать, стрелять только короткими очередями, — после краткой паузы как-то смущенно добавил:

— Братцы, в случае чего меня заменит курсант Артамонов.

— Артём Иванович, ну что вы такое говорите?! — почти хором загалдели курсанты. — Что может случиться с таким опытным командиром?

— Ну хорошо, хорошо, — примирительно и тепло согласился старшина и закончил:

— Станковый пулемет будет у меня, имейте в виду, справа от нас батальон морской пехоты, опытные бойцы, слева — призывники, не стрелявшие ни разу, а теперь по местам. Удачи.

6 часов утра 22 сентября 1941 года. Восточная окраина поселка Московская Дубровка.

Шалый и Штырь лежали рядом в глубоком окопчике, прикрытом двумя срубленными березками. Метрах в трехстах от них темнела опушка леса. Неожиданно, ломая кустарник и сминая мелкие ели, из темного леса выкатилась, лязгая всеми частями, рота танков — машин пятнадцать. За ними рысцой, с винтовками наперевес и с примкнутыми штыками, двигались тени противника, примерно до батальона. Опережая их, на порядки старшего лейтенанта Дубика обрушился огненный вал мин и снарядов батарей 20-й моторизованной дивизии вермахта. С этого мгновения юнги узнали, что такое звон в ушах, отсутствие слуха, контузии и первые потери.

Где-то справа глухо ухнуло орудие, за ним — другое. Это была трехорудийная батарея 45-миллиметровых орудий батальона морской пехоты, и весьма успешно. Ведущий танк на правом фланге неожиданно вздрогнул и запылал, идущий за ним закружился на месте с разорванной гусеницей. Словно почуяв добычу, пять танков развернулись и, лязгая металлом, как дикий страшный зверь зубами, устремились к обнаруженной цели. Другие

продолжили движение на порядки 6-й роты призывников, находившихся в самом центре обороны батальона. Нестройные выстрелы и пулеметные очереди слышались над их окопами. Танки противника приближались на большой скорости к траншеям батальона, видимо, полагая смять их одним ударом. Послышалось нестройное «Ура!». В сторону надвигавшейся стальной волны полетели гранаты, но неопытные красноармейцы тем самым окончательно обнаружили свои позиции, не нанеся врагу никакого ущерба.

Пулемет старшины по-прежнему молчал, от него не поступало никакой команды.

— Штырь, узнай, в чем дело, почему нет команды, может, старшину ранило? — спросил тревожно Шалый.

Напарник, словно ящерица, исчез в окопе, а затем его голова в каске появилась над окопом, и он отчаянно замахал руками: «Мол, открывай огонь, братишка».

Но в следующую секунду застучал пулемет старшины, его дружно подхватили курсанты всей роты. Меткие свинцовые трассы, рвущиеся из стволов курсантов, положили десятки немцев первой шеренги, отсекали их от танков, которые уже приблизились к траншеям 6-й роты. Но вот что показалось странным старшине, глядевшему на танки противника, похожие на стальных опасных монстров: их орудия не произвели ни одного выстрела, и только пулеметы собирали свою кровавую жатву. «Так это огнеметные танки, — мелькнула запоздавшая мысль, — сейчас начнут плевать».

Словно многоголовый огнедышащий дракон выдохнул огненные струи огня по траншеям 6-й роты. Сегодня эту адскую смесь называют напалмом — коктейль из бензина, масла и серы. Его невозможно погасить или как-то смахнуть с тел жертв.

Дикие крики солдат, объятых пламенем, разносились над окрестностями, казалось, по полю метались яркие оружие факелы, напоминающие силуэты бойцов. Но их было много: целая рота молодых солдат, падая в агонии на землю, превращалась на глазах в головешки. Три танка проскочили траншеи первой полосы укреплений, смешивая и прессуя тех, кто пытался залечь на дно окопов. От кровавой и удачной охоты экипажи танков сбавили скорость, приостановили свой напор, с наслаждением добивая раненых из пулеметов и давя их гусеницами.

— Ах ты, фашистская сволочь! — вырвалось у Шалого. С этими словами он сунул ручной пулемет Штырю и выкрикнул: — Прикрой меня, а я пойду рассчитаюсь.

Он скинул бушлат и, сжимая в каждой руке по противотанковой гранате, легко понесся к своей цели, и в этом беге он был неудержим. Он удачно бросил первую гранату под башню танка, наматывавшего на гусеницы остатки тел красноармейцев. Танк вздрогнул, остановился и вдруг мгновенно был объят пламенем огромного костра. Видимо, баки с горючей смесью воспламенились в кабине. Шалый прыжками догнал второй танк, но пуля пронзила его жилистое и тренированное тело. В последнем рывке он метнул гранату, но уже не видел последствий, так как рухнул с пробитым сердцем, обняв руками родную землю. Танк какое-то время еще двигался и затем затих, выбрасывая в чистое небо клубы черного сального дыма. Остальные юнги последовали примеру Шалого, закидав танки гранатами.

Шалый, а его звали Михаил Артамонов, прожил шестнадцать лет, защищая наш любимый город, подбил два танка и уничтожил метким огнем из пулемета 27 фашистов. Светлая память юнге-герою! Бой продолжался до 11 часов утра, немцы были остановлены и отступили, окопавшись в лесу. С 22 по 25 сентября 1941 г. из 48 юнг учебная рота потеряла 6 курсантов.

6-я рота, соседи слева, только в течение 22 сентября потеряла 76 человек сожженными, 6 бойцов, оставшихся в живых, имели глубокие ожоги. Несмотря на то что курсанты были значительно моложе своих красноармейцев-соседей, но, видимо, за счет своей военной и психологической подготовки, жизненного опыта, спортивной закалки, бесстрашия, они выжили в те дни и одержали победу. К сожалению, полного списка курсантов школы боцманов и юнг не сохранилось, а также нет точных данных об их потерях. В данный текст автор включил несколько известных фамилий погибших героев-юнг: Петра Горбачёва, Михаила Артамонова, Виктора Алёхина, Николая Никандрова.

В 1942 г. по приказу Народного Комиссара Флота Николая Герасимовича Кузнецова была создана школа юнг на Соловецких островах. Об их героизме и жизненном пути написал прекрасную книгу Валентин Пикуль, бывший курсант этой школы. Многие из них были награждены орденами и медалями, большинство погибло. Однако только в 1985 г. юнги были признаны участниками войны. Администрация министра обороны Дмитрия Фёдоровича Устинова (1908–1984), маршала Советского Союза (1976), Героя Советского Союза (1978), Народного Комиссара и Министра вооружения (1941–1953), закрыла глаза даже на то, что курсанты-юнги все приняли присягу. Сыграл фактор «политической нецелесообразности».

Возвращаясь к юнгам Валаама, следует заметить, что для энтузиастов-поисковиков открыта по этой теме широкая дорога. 20 сентября 2020 г. на Невском пятачке состоялась закладка памятника юным героям.

Стало доброй традицией 22 июня каждого года на острове Валаам возлагать цветы к мраморному обелиску в честь защитников острова, в том числе курсантов школы боцманов и юнг. На красном граните золотом увековечены имена тех, кто погибли в боях 1941–1945 годов. Юнгам было по пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет. Они очень рано узнали, что такое честь, достоинство, братство. Они всем нам, будущим поколениям, дали урок, как, не жалея своей жизни, нужно защищать свою Родину-мать от надругательства, а народам СССР — сегодня России — сохранить свободу и независимость в смертельную годину. Трудно сказать, насколько каждый из них верил в Бога, но совершенно очевидно: Божественное провидение хранило их и память об их подвиге. Светлая память юнгам — защитникам Отечества!

В тот день артиллеристы батальона морской пехоты уничтожили четыре танка противника, шесть раз поднимались в атаку. Командиром батареи был назначен сержант Игорь Яковлевич Вакутин, 1911 года рождения, работавший до войны инженером в Красноярском речном пароходстве. 24 июня 1941 г. на железнодорожном вокзале Игоря Яковлевича и его брата Александра Яковлевича, 1913 года рождения, торжественно провожали сотрудники Красноярского пароходства и военкомата. К 1941 г., работая в пароходстве, братья заслужили высокий авторитет среди рабочих и служащих, считались квалифицированными специалистами. После объявления о

мобилизации, несмотря на то что находились в особом списке не подлежащих призыву, ушли добровольцами на фронт. Их провожала мать, Мария Варламовна Вакутина, в девичестве Чашина (1888), известный общественный деятель города Красноярска.

Выступая на митинге, она сказала:

— Я провожаю сегодня своих сыновей, но никто не увидит моих слез, потому что я горжусь, что они ушли первыми защищать наше Отечество! Я желаю как мать, как гражданка Союза Советских Социалистических Республик, чтобы они как можно быстрее дошли до Берлина, разгромили коварного врага, посягнувшего на нашу свободу и независимость. Но если будет суждено не вернуться, погибая в бою, знайте: мы будем помнить о вас, о вашем подвиге, пока мы живы, пока будут живы наши дети и внуки!

Невероятно, но судьба хранила обоих братьев. По воспоминаниям Игоря Яковлевича, после трех недель боев в районе Невского пятачка от батальона, имевшего в составе около 350 человек, осталось только 17 бойцов. В дальнейшем Игорь Яковлевич за бои в районе Московской Дубровки был награжден медалью «За храбрость», ему было присвоено офицерское звание. Он принял участие в штурме Кёнигсберга, был тяжело ранен. Войну закончил в звании капитана 3-го ранга в Вене. Возглавил группу саперов по разминированию русла Дуная. Вернулся в Красноярск в 1948 году. После войны стал ведущим инженером Красноярского пароходства, умер в 1984 году.

Его брат воевал в составе батальона морской пехоты на Карельском фронте, был награжден медалью «За отвагу». В наградном листе на имя А.Я. Вакутина говорится: «Сержант Вакутин, являясь связистом батальона, во время боя с финнами в сентябре 1941 г. в течение одного дня восстановил связь 18 раз». Войну Александр Яковлевич закончил в Норвегии, был тяжело ранен. После возвращения на Родину работал в Красноярском пароходстве. В 1949 г., являясь старшим инженером каравана гражданских судов, участвовавших в первом Арктическом походе по Северному морскому пути, был удостоен Сталинской премии и награжден орденом Ленина. В честь его имени назван корабль «Инженер Вакутин», а в честь его отца, Якова Сергеевича Вакутина (1888–1937), — «Капитан Вакутин». Это была династия людей труда и подвига во имя страны, которую они любили, укрепляли как могли ее мощь, защищали от свинцовых нашествий тех, кто пытался и пытается поставить ее на колени.

Из журнала боевых действий 115-й стрелковой дивизии: «За два дня — 20 и 22 сентября — особый отряд 115-й стрелковой дивизии перебросил на левый берег Невы 899 человек, в том числе: 3-й батальон НКВД — 249 красноармейцев, 2-й батальон морской бригады — 328 матросов, 3-я стрелковая рота 3-го батальона морской бригады — 96 человек, минрота 576-го полка — 20 человек, 3-я учебная рота — 48 человек (курсанты школы боцманов и юнг), 1-я стрелковая рота 576-го полка — 32 человека, 6-я стрелковая рота 638-го полка — 70 человек, штаб Менькова — 14 человек, штаб С.П. Седых — 26 человек, санчасть — 26 человек.

Противник потерял за два дня боев 6 танков, 13 офицеров, свыше 200 солдат. Взято в качестве трофеев: 13 станковых пулеметов, 14 автоматов, 15 револьверов. Успех первых дней контрнаступления не был закреплен вследствие отсутствия танков, артиллерии, резервов, поддержки с воздуха.

Подразделения особого отряда с 22 по 23 сентября в боях с противником потеряли до 150 человек».

22 сентября была создана Невская оперативная группа (НОГ) в составе 115-й, 265-й, 177-й, 86-й стрелковых дивизий, 20-й и 1-й дивизий войск НКВД, а также 11-й стрелковой бригады, 4-й морской бригады, 1-го, 4-го, 5-го истребительных батальонов для расширения плацдарма на левом берегу Невы и дальнейшего продвижения на Синявино и Мгу с поставленной задачей уничтожить противника и соединиться с частями Волховского фронта. Начальником НОГ был назначен генерал-лейтенант П.С. Пшенников.

Задача для 1-й дивизии НКВД оставалась прежней: захватить силами до одного батальона город Шлиссельбург, уничтожив противника, и соединиться в поселке Липки с частями 54-й армии Волховского фронта.

В это же время, согласно приказу командующего Ленинградским фронтом Жукова, в спешке заканчивалось доукомплектование 20-й дивизии войск НКВД, которая должна была в ближайшие дни форсировать Неву и заменить остатки 115-й стрелковой дивизии Конькова, продолжить наступление на Мгу. Однако командование группы армий «Север», оценив опасность возможного прорыва частями Красной армии на данном участке фронта, бросило для ее уничтожения свежие батальоны, авиацию, танки, артиллерию. Эта часть израненной русской земли, напичканной свинцом и металлом и густо политая интернациональной кровью ее защитников, стала называться Невским пятачком.

ВЫШЛА КНИГА

Сбитнев В.

Последний день отпуска. Краснодар: Традиция, 2024.

В этой книге есть место подвигу, любви, настоящей дружбе, справедливости, состраданию, подлинной красоте и простым радостям жизни. Вместе с автором повести читатель проходит сквозь будни простых российских бойцов, которые ценой собственной жизни день за днем приближают долгожданное возвращение домой.

Эта книга о жизни обычного молодого человека простого россиянина, ставшего участником СВО. У него есть свои мечты, надежды, планы на будущее, родные, любимая девушка, друзья. Он не подозревал, что завтра ему придется взять в руки оружие, но, когда настанет час действовать, Денис не испугается, не отступит, не станет прятаться. Тысячи таких парней, мужчин станут плечом к плечу и покажут, насколько сильны они вместе и что никто не смеет замахиваться на Россию, на Русский мир. Как их славные предки без сомнения шли в бой, так и наши бойцы сегодня непоколебимо верят в силу и непобедимость русского оружия.

Адам АХМАТУКАЕВ

«И ПАМЯТИ НЕ ЗАРАСТАЮТ ТРОПЫ»

Адам Абдурахманович Ахматукаев — родился в 1961 г. в Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР. Народный писатель Чеченской Республики. Окончил педагогический и экономический вузы. Работал на различных должностях — от сельского учителя до госслужащего. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член правления Союза писателей Чеченской Республики. Пишет на чеченском и русском языках. Основные направления творчества: поэзия, проза, публицистика, художественный перевод. Автор более 10 книг поэзии и соавтор более 20 коллективных сборников. Участник многих литературных форумов и круглых столов международного формата. Лауреат литературных премий и государственных наград. Живет в г. Грозном.

Закрyla горы коршунячья стая,
И каждой жилкой жаждал я ответа:
Неужто жизнь сиротская, пустая —
Лишь подаяние от бела света?

Хрипела гордость
в непокорной песне,
Упрямо отвергая злую долю.
И верил я: моя Чечня воскреснет
И даст мне счастье
на отцовском поле!

Я не бросал в мороз дечиг-пондара¹,
Натягивая солнечные струны.
Наперекор угрозам смертной кары,
Они звенели песней, вечно юной!

Нет злобы в сердце,
в нем рубец навеки
Оставлен горьким временем разбоя.
Горжусь судьбой
остаться человеком —
Не подаянья ждущим сиротою!

Напевы гор не выжжены пожаром,
И потому всегда во имя жизни
Откликнется душа дечиг-пондаром
На зов моей
несломленной Отчизны!

перевод Юрия Щербакова

* * *

Была война. Как много в этой фразе
И правды, и незнания, и вранья.
Звучат о ней по-разному рассказы.
Но ты о той эпохе, — слышу я, —
Выплываешь только комья грязи.

Болтун пустой,
ну как ты смеешь ныне
Глумиться так над памятью отцов?
Оплевывать страдания и святыни,
Ради чего сегодня ты готов?
Боишься, что европак остынет?

¹ *Дечиг-пондар* — чеченский народный трехструнный музыкальный инструмент (аналог русской балалайки).

Война идет? Тебя б туда, в окопы,
Где был решен навек ее исход,
Чтоб посреди родной тебе Европы
Победный стяг наш водрузил народ.
И памяти не зарастают тропы.

Война идет? Ну да, за годом год
С такими вот, как ты, война идет!

перевод Юрия Щербакова

ПУСТЬ ДЕРЕВО СТОИТ

Не запятнайте рук бессовестным и черным.
На дерево топор поднять — позор и стыд.
Когда еще крепки его земные корни,
Оно и без листвы засохшей простоит.

Ведь выжило оно в безвременье лихое
Без помощи людской в разграбленном краю!
И дерево порой становится героем,
Вцепившись в горный склон, как воины в бою,

Как старец, что хранил дух родины в изгнание,
Как сын его седой, что чудом выжил там...
Пришли они сюда предутреннею ранью,
Чтоб поклониться вновь спасительным корням,

Которым засыхать нельзя по воле Божьей,
Как высохла листва страданий и обид!
Поднимется ль рука, чтоб память уничтожить?
Пусть дерево судьбы, как памятник стоит!

перевод Юрия Щербакова

В ГОРАХ

Вступает вечер на отроги тихих гор.
Подобно зверю, тьма крадется по пятам.
...Как тетива тугая, напряжен мой взор,
Я одиноким гостем прихожу к горам.

Ночь черным коршуном нависла надо мной —
Хозяйка хутора, где печи не горят.
Я не желаю быть ослепшим сиротой
И горы пробую отвоевать назад.

Я отбиваю опустевшие дворы —
Детьми забытое наследие отцов.
Объятый холодом полуночной поры,
Я жизнь былую возродить желаю вновь.

Глухая боль пронзает от ступней до плеч,
Терплю кровавые мозоли на руках.
Но мой огонь не в силах очаги разжечь,
Годами стынувшие в брошенных горах.

Вот-вот займется он от искорки живой,
Теснясь в утробе ладно сложенной печи.
Но темень давит неосознанной виной,
И он слабеет в неприкаянной ночи.

Как на пустых дорогах стертые следы,
Он затухает, будто не было его.
А ночь уходит кромкой плачущей воды,
Меня в печали оставляя одного.

Как сирота, в душе заплачу, не таясь,
За ночью следом, отпуская боль и грусть.
Но вспышка в сердце отступить мне не даст —
В забытый горный уголок я вновь вернусь.

перевод Андрея Галамаги

ДОМА

К родимым воротам пришел я сегодня опять.
Нетронутым снегом встречает подворье меня.
Проплачет охрипший звонок: мол, пора открывать.
Металл его сердца ржавеет в холодных сенях.

Оконную занавесь в сторону мать ответит.
Потом отзовется, прокашлявшись, старый отец.
Дороге, что честно вела до скрипучих ворот,
За этою дверью придет долгожданный конец.

Запляшет огонь в сердцевине печной веселей,
Чтоб чайник скорей замурлыкал на жаркой плите.
Затеет беседу отец об учебе моей.
Нет места в ней спешке, и мыслей, и чувств суете.

Все тот же ковер за отцовской спиной на стене.
Уютно подушка свернулась под левой рукой.
На четках болезням, что тлеют пока в глубине,
Отец счет ведет и о милости просит святой

Для нас: для меня и для той, что хранит наш очаг,
Для той, без которой бы стал сиротой этот дом.
Не каждый ли вздох материнский, не каждый ли шаг
Во имя семьи стали вечным заветным трудом!

Гордятся родители сыном! Я нынче обрел
Их вновь и родимого дома уют и тепло!

Мать ставит тоберам¹ с припасом чурека на стол.
Отец приосанился: стал их птенец на крыло!

От зависти вьюга всю ночь будет выть у стены
И в окна стучаться, и в дверь — видно, норов таков, —
Покуда мы, радостью встречи желанной полны,
Смакуем ту встречу до утренних до петухов.

О, снов золотых нескончаемый круговорот!
Душою владеешь, дорогой далекой маня!
...Я снова стою у заветных отцовских ворот.
Но некому встретить в родительском доме меня...

перевод Юрия Щербакова

* * *

Улетают печально опять журавли,
Будто нежные души, пытаюсь, спасти.
О, Отчизна, судьбы твоей тяжки пути.
Только я не покину родимой земли.

На куски раздирает тебя воронье,
Повторяется все в перекрестии лет.
На зловещем пиру победителей нет,
Все терзают по-прежнему тело твое.

Я о мнимой свободе не пел никогда —
Слишком жизнь коротка, слишком правда горька.
Разве может о счастье родиться строка,
Если рядом горячая ходит беда?

Сколько сгинуло разных господ навсегда,
Ненавидевших твердую веру мою
В то, что сладкую ложь о тебе не поют.
Стали прахом и пеплом они без следа.

Да святится великое имя твое!
Сколько добрых сынов твоих в вечность ушли
За грядущую славу родимой земли,
Обретая бессмертье в горниле боев!

Может, это они долгожданной весной
Возвращаются к нам в журавлином строю?
...Снова я в ожиданье тревожном стою:
Может, силой поделятся братья со мной?

перевод Юрия Щербакова

¹ *Тоберам* — кушанье из творога со сметаной.

**Иван
ГОЛОВЧАНСКИЙ**

«ЖИВУТ СЛОВА ЖИВЫЕ»

Иван Васильевич Головчанский — родился в 1958 г. в деревне Митяево Крымской области. Поэт, прозаик. Образование среднее. Работал на Восточно-Сибирской железной дороге. Более двадцати лет — активный член Ангарского литературного объединения. Публиковался в коллективных сборниках. Автор трех поэтических книг. **Живет в Ангарске Иркутской области.**

* * *

Нательный крест

мне батюшка надел,
Когда достал из ледяной купели.
И ангел мой крылами шелестел,
И колыхались свечи еле-еле.
А слева от него, улыбки не тая,
Помахивая черными крылами,
От князя тьмы приставлен для меня
Был тот, другой,

с кошачьими глазами.
И вечный бой меж них всегда идет
За душу от Святого Духа.
И кто, какой ловец, на суд ее снесет?
Когда придет костлявая старуха?
Когда положат душу на весы,
И станет от грехов она чернее ночи.
Ты, темный ангел, сильно не спеши,
Ты проиграл. Твои не видят очи.
Не видно им, что в глубине души
Живут слова святые: «Авва! Отче!»

* * *

Гвозди вбили в Его ладони
И пронзили ноги босые.
Плоть от боли ужасной ноет.
Мать в бессилье рыдает о Сыне.

Муки смертные Назарея
Иудеям безумным в радость,
От Христовой крови шалея,
Не признали небесную благодать.

А Он ведал, что всё так и будет.
Весь народ прокричит:

«Виновен!»

Ранним утром Его осудят
И распнут в перекрестии бревен.

О грехах людей сердце молилось,
Кровь текущая все их омыла.
Предназначенное свершилось,
И душа в бессмертие взмыла.

ТРИ БОГА

Любовь, Сострадание, Милость.
Три Бога с Иисусом пришли.
Любовь, Сострадание, Милость
Спасением стали Земли.

Гвоздями пронзили ладони,
Пронзили ладони Христа.
Три Бога склонились в поклоне,
В слезах у подножья креста.

Три Бога решили остаться,
Спаси этот грешный народ.

И ходят они и стучатся
В сердца, где никто не живет.

Тому, кто им сердце откроет,
Расскажут они о Христе.
И грешную душу омоет
Текущая кровь на кресте.

* * *

Не вечен я, увы, мой друг, не вечен.
Года бетоном давят мне на плечи.
Полоска горизонта у земли.
Летят печально клином журавли.

Да ладно, так задумано Творцом.
Предстанет каждый пред Его лицом
С рассказом о своем житье-быть,
Каким по вкусу было питание.

О женщинах расспросит и друзьях,
О травах полевых и соловьях.
Врагов своих прикажет описать,
И как я хоронил отца и мать.

Любил ли я детей и что им дал?
Жить с совестью в ладу их воспитал,
Чтоб чтили свято свой родной порог.
Для Бога был ли в сердце уголок?

И как бы на себя со стороны
Взгляну с признанием собственной вины
И закричу: «Господь!» — что было сил...
И попрошу, чтоб Он меня простил.

* * *

Всевышний! Спаси и помилуй!
Грехов моих не поминай!
Не бей меня в полную силу,
В крошечную тьму не бросай!
Не знал я Тебя, Вседержитель.
До этой минуты не знал.
В свою городскую обитель
Не звал, мой Спаситель, не звал.
Прорвало плотину сомнений,
Когда в мою дверь постучал

И призрачность зыбких сомнений
С вершины своей показал.
Огнем купины непалимой
Ожгли мою душу слова:
— Пусть склонится низко,
с повинной,
Седая твоя голова.
Белей гладкоствольной березы
Грехи я твои убелю,
Увидев раскаянья слезы
И мертвой гордыню твою...

**Сергей
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ**

**«ОГРОМНОЕ
МОСКОВСКОЕ
ГОСУДАРСТВО БУДЕТ
УНИЖЕНО
И ПРИНУЖДЕНО
К ПРИЛИЧНОМУ
МИРУ»:
ЕВРОПЕЙСКАЯ
РУСОФОБИЯ XVIII ВЕКА**

Сергей Вячеславович Перевезенцев — доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. **Живет в Москве.**

В XVIII столетие Россия вступила с уже сформировавшимся в европейском сознании образом «варварской» и «дикой» страны. Этот образ начал формироваться давно, минимум за триста лет до XVIII столетия, а первый в Европе настоящий взрыв страха перед русскими и одновременно ненависти к ним пришелся на середину — вторую половину XVI века. Предпринятая Петром I попытка включить русский народ в число так называемых «цивилизованных» и облагородить «варварский лик» России изменила в европейском сознании немного. Несомненно, европейские политики и мыслители одобряли направленность петровской политики, но продолжали воспринимать и самого русского царя, и его подданных как «дикарей», обряженных в европейское платье. Даже в годы, когда Россия не проявляла значительной внешнеполитической активности, европейские наблюдатели более чем скептически оценивали любые попытки подданных русской короны «европеизироваться».

В годы правления преемников Императора Петра Алексеевича, несмотря на уже значительное присутствие иностранцев в русском обществе, общеевропейское впечатление о «дикости» русских и России не только не уменьшилось, но и усилилось. Об этом свидетельствовали сами иностранцы. Так, в 1787 г., возвращаясь из поездки на юг России в свите Императрицы Екатерины II, в которой он участвовал по личному приглашению Екатерины Алексеевны, славившийся во всей Европе своей честностью князь Шарль де Линь написал в одном из писем своей постоянной корреспондентке маркизе де Куаньи: «Мне известно, что нет обыкновения верить ни путешественникам, ни придворным, которые хорошо отзываются о Рос-

сии...»¹. Тем самым де Линь зафиксировал важный исторический факт: в конце XVIII столетия в сознании европейских жителей уже окончательно утвердился определенный — отрицательный — образ России, и любая попытка не то что разрушить или поколебать этот образ, но просто произнести или написать о России какие-то хорошие слова, вызывала у европейских слушателей, читателей и собеседников, в России, конечно, не бывавших, в лучшем случае недоверие, а в худшем — страх перед Россией, перерастающий в ненависть, то есть то историко-политическое и социально-психологическое явление, которое мы сегодня именуем «русофобией».

* * *

XVIII столетие началось для России с тяжелого поражения русских войск в сражении под Нарвой, случившегося 19 ноября 1700 г. в самом начале Северной войны. Многие в Европе этот факт восприняли с удовлетворением. Во всяком случае, именно об этом свидетельствуют так называемые «Секретные письма курьезных людей о замечательных предметах политического и ученого мира» — анонимное периодическое издание, которое выходило в 1701—1704/1705 гг. в Лейпциге². В «письмах», вошедших в выпуск за 1701 г., утверждалось, что «шведская победа под Нарвой есть событие, достойное великой славы, заслуживает удивления потомства и должно быть отнесено к числу знаменитейших героических подвигов всех времен»³. Одновременно победа шведов под Нарвой приравнивалась к победе «христиан» над турками под Веной в 1683 г.: «Вена была тогда оплотом христианства против турок; тем же самым служит Нарва в Лифляндии с шведской стороны против Москвы»⁴. В свою очередь, поражение «москвитян» рассматривалось как «Божие наказание», во-первых, за «высокомерие и дерзость» русского царя Петра⁵, и, во-вторых, за то, что «московитяне» «переступили границы, назначенные Самим Богом их государству», а ведь «всякому государству Самим Богом назначены известные границы, через которые они не могут переступить, какие бы труды и усилия они ни употребляли, и если они поступят вопреки божественному определению, то будут наказаны за это стыдом и позором»⁶.

Русский царь Пётр объявляется «тираном», подобным древним и новым тиранам: «Царь мог иметь перед глазами примеры древних и новых тиранов, жестокость которых повсюду доводила их до позорного конца. В этом случае мне никогда не нравились извинения, подобные тому, что царю приходится иметь дело с народом, который только подобными мерами

¹ *Ligne C.-J. de. Lettres et pensées.* Paris; Genève: J.J. Paschoud, 1809. P. 84—85. Перевод с франц. С.А. Немирова, И.М. Снегирёва.

² Первое издание: *Geheime Brieffe, so zwischen curieusen Personen über notable Sachen der Staats- und gelehrten Welt gewechselt worden, bestehend in Zwölf unterschiedenen Posten, über das 1701 Jahr nebst einem vollkommenen Register.* Freystadt, 1701. На русском языке: *Отзывы иностранцев-современников о Великой Северной войне* // Русский архив. 1896. Кн. 1, Вып. 1. С. 7—22. Перевод Ф.Ф. Вестберга.

³ *Отзывы иностранцев-современников о Великой Северной войне* // Русский архив. 1896. Кн. 1, Вып. 1. С. 12.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Там же. С. 7.

может быть удержан в повиновении; подобные объяснения ничего не значат»¹. Под стать царю и возглавляемое им «варварское государство», которое еще доставит много хлопот шведам, прежде чем будет достигнута полная победа над «Московией» и достигнута главная цель: «Огромное Московское государство будет унижено и принуждено к приличному миру»².

Русскому царю-тирану противопоставляется светлый образ смелого юного короля-рыцаря Карла XII, истинного защитника христианства, которому помогает Сам Господь: «Шведский король, несмотря на все убеждения императорского и французского посланников, с неописанной храбростью решился на освобождение (Нарвы), сказав, что он полагается на свое правое дело и надеется на Бога. Он двинулся со своим несравненным войском вперед и напал на огромное и занимавшее выгодную позицию московское войско, окончательно струсившее и растерявшееся, и при всеобщем смятении разбил его и захватил в плен, так что к нему очень хорошо можно применить победное изречение Юлия Цезаря: “*Veni, vidi, vici*”. Одержанная им победа ясно выразилась в его боевом истиннохристианском возгласе: “С помощью Христа!”»³. Кроме того, победа Карла над «варварским государством» — это победа над «диким зверем», к которому приравнивается Россия: «Государь, принужденный иметь дело с варварским государством, похож на человека, намеревающегося убить дикого зверя: он наносит ему один за другим жестокие удары; но животное, почувствовав раны, свирепеет еще более и старается всеми силами отомстить своему врагу, который, таким образом, находится в это время в большей опасности, чем до нанесения раны животному»⁴.

Уверенность в том, что победа в Нарвской битве была Божиим изъяслением, добавляет тот факт, что «трусливыми» «москвитянами» командовали наемные иностранные генералы и офицеры. Иностранные офицеры, «выходцы из известных своею храбростью наций», просто не могли потерпеть поражение, если бы не Божия помощь шведам: «Если бы это были все только одни москвитяне, то никто бы, знакомый с храбростью и военным искусством шведов, этому не удивился; но так как офицеры были большею частью немцы, шотландцы, датчане и из других известных своею храбростью наций, то это еще удивительнее и скорее должно почестся за дело Божеское, чем человеческое»⁵. В действительности, необходимо отметить, что присутствие иностранных офицеров в русской армии было одной из причин поражения в битве, потому что солдаты не доверяли иностранцам, и неожиданное появление шведов возле своих порядков приписали их измене. Согласно легенде, спасаясь от своих собственных солдат, которые начали избивать иностранных офицеров с криками «Немцы — изменники!», командующий русской армией фельдмаршал Карл Евгений де Кроа сломал шпагу и крикнул, глядя на русских солдат: «Пусть сам черт воюет с этой сволочью!».

¹ Отзывы иностранцев-современников о Великой Северной войне // Русский архив. 1896. Кн. 1, Вып. 1. С. 14.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 7.

Именованье Императора Петра I «тираном» и «варваром» было не единственным. Знаменательно, что и другие иностранные современники, видевшие русского государя Петра Алексеевича, довольно критически относились к его стремлению стать «настоящим европейцем». Насколько почти «варварская» личность русского государя соответствует западноевропейским «стандартам», оценила курфюрстина София Ганноверская: «Этот государь одновременно и очень добрый, и очень злой, у него характер — совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинств и бесконечно много природного ума»¹.

Если уж русский государь оставался «варваром», хотя и скрывал свою «варварскую» природу под европейским лоском, то простые русские жители воспринимались иностранцами совершенно однозначно. Об этом, в частности, писал в своем «Общем отчете о русском дворе» Карл Вильгельм Финк фон Финкенштейн, посланник прусского короля в России в 1747–1749 годах². Зато прибалтийские немцы, ставшие русскими подданными в результате петровских завоеваний, по убеждению многих иностранных наблюдателей, в том числе и Финкенштейна, обладали цивилизационным превосходством над русскими. В свою очередь, русские «варвары», по убеждению тех же иностранных наблюдателей, не ценили эти «цивилизационные преимущества» и с радостью бы от них избавились: «Как ни старался Пётр I их воспитать, труды его лишь на внешности отразились: платье переменили и бороды более не носят, но внутри остались русские почти что прежними, и если чему-то у европейцев научились, то от сего старинные их недостатки лишь изощрились и еще более сделались опасны... Русские — пьяницы и лентяи, прежним своим невежеством дорожат, а старания, кои употребил Пётр I, дабы их от него избавить, проклинают»³.

Одним из основных центров распространения русофобии в Европе уже на протяжении двухсот лет оставалась Польша. Связано это было со многими причинами, одна из важнейших — значительная численность православного населения Речи Посполитой. Более двухсот лет польские власти и Римско-католическая церковь стремились сократить влияние Православия в Польше, а в конце XVI в., особенно после принятия в 1596 г. Брестской унии, на православных Речи Посполитой начались настоящие гонения, продолжавшиеся и в XVIII веке. Православными епископами могли стать только лица, имеющие шляхетское происхождение. В 1717 г. было запрещено строить православные храмы и починять ветхие. В 1722 г. у православных было отнято право участвовать в местных сеймах для избрания депутатов на

¹ Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. М.: ОГИЗ, 1941. Т. 2. С. 118–119.

² «Общий отчет о русском дворе» представляет собой записку, подготовленную Финкенштейном для короля Фридриха Великого в 1748 году. Текст записки в 1749 г. был переписан секретарем по-французски и собственноручно подписан Финкенштейном, затем хранился в одном из немецких государственных архивов. Первая публикация на французском языке состоялась в 1998 году: *Liechtenhan F.-D. La Russie d'Elisabeth vue par des diplomates prussiens // Cahiers du Monde russe*. 1998. Т. 39 (4). Р. 445–469. На русском языке: *Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство 1740–1750*. М.: ОГИ, 2000. С. 290–293.

³ *Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство 1740–1750*. М.: ОГИ, 2000. С. 292.

общий сейм. В 1733 г. сейм запретил православным занимать все общественные должности. С 1736 г. поставлять православных священников можно было только с разрешения самого короля, а помещики давали одобрение только тем кандидатам, кто соглашался на принятие унии. Поощрялись фанатические выступления католиков против православных. Православные монастыри грабили, жгли, монахов пытали, часто убивали. Деревенских обывателей и мещан мучили бесчеловечными пытками, принуждая к униатству. В Речи Посполитой осталось одно православное епископство — Белорусское, при этом в 1754 г. папа римский Бенедикт XIV настойчиво требовал не избирать нового православного епископа после кончины его предшественника.

О том, как католики собирались бороться с православием в Западной Руси, ярко повествует иезуитский «Проект уничтожения православной и униатской веры в русских областях, подвластных Польше» (*Projectum de delenda funditus religione orthodoxa nec non unita in Russiae provinciis, regno Poloniae subditis*), свидетельствующий о жесточайшем преследовании русских православных людей в Речи Посполитой по религиозному и этническому признакам. Еще в XIX в., когда текст этого Проекта был впервые опубликован на польском языке, его публикаторы утверждали, что сам Проект был впервые озвучен в 1717 г., но на польском языке сохранился только в поздних рукописях¹. Кроме того, уже в XIX в. были известны несколько вариантов рукописных переводов Проекта с польского на русский язык. Эти разные русские переводы в XIX в. несколько раз издавались². Современные исследования подтверждают мнения, высказанные русскими исследователями XIX в. Так, И.Н. Слюнькова, опубликовавшая недавно данный Проект по рукописи, найденной ею в Российском государственном архиве древних актов, отмечает, что текст «Проекта уничтожения греко-российского вероисповедания», по-видимому, имел широкое хождение: упоминания о Проекте встречаются в литературе по истории Речи Посполитой периода 1717–1773 годов³.

Проект носит яркий антиправославный и антирусский характер. Вот краткое изложение основных методов борьбы с Православием и русским народом Речи Посполитой, предлагаемых в этом документе. Во-первых: «Чтобы нам совершить столь спасительное и вождевленное предприятие, должно стараться хранить некоторую дружбу с Россиею и возводить на польский престол таких государей, к которым бы расположена была сия держава»⁴. Во-вторых: «Дворянство греко-российского вероисповедания, хотя оно и

¹ Дополнения к Актам историческим, относящимся к России, собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1848. № 81. С. 221–226.

² Витебские губернские ведомости. 1858. № 42. С. 2–4; День. 1860. № 15, 16; Киевские епархиальные ведомости. 1862. № 6. С. 170–182; Проекты об уничтожении греко-российского вероисповедания в отторженных Польшей от России областях // Чтения Императорского Общества истории и древностей Российских. 1862. Кн. 4, Разд. 3. С. 1–58; Холмский греко-униатский месяцеслов на 1869 год. Варшава, 1869. С. 126–140.

³ Слюнькова И.Н. Проект уничтожения греко-российского вероисповедания, представленный в 1717 г. государственным чинам Речи Посполитой иезуитом С. Жебровским // Вестник Церковной истории. 2007. № 3 (7). С. 186–195.

⁴ Там же. С. 189.

остается в унии, а тем более отщепенцы, ни к каким не должны быть допускаемы государственными должностям, особенно же к таким, в которых они могут приобрести друзей, нажить имение и снискать какое-либо уважение и таким образом покровительствовать всем своим единомышленникам»¹. В-третьих: «Зажиточнейшие обыватели отечества не должны принимать русских ни в какие услуги, особенно не допускать их туда, где они могли бы сколько-нибудь образоваться, разве в том только случае, когда можно надеяться, что они откажутся от своего вероисповедания, ибо таким образом, пребывая в невежестве, они впадут в крайнюю нищету и останутся в самом презренном уничижении, следовательно, принуждены будут или совершенно пасть от своей бедности, или переменить вероисповедание для какого-нибудь повышения и улучшения своего состояния»². В-четвертых: «Так как в городах и местечках русских находится еще значительная часть зажиточных жителей русских, то и сих нужно довести до нищеты и невежества, чтобы они не могли ни деньгами, ни умом помочь себе»³. В-пятых: «Самый трудный к разрешению узел в сем благодетельном начертании составляют архиереи и священники, коих нужно ослепить, чтобы они не могли ни возвыситься, ни думать, а тем более делать, что захотели бы»⁴. В-шестых: «Епископы наши, все вообще взявшись, так сказать, за руки, должны приводить в действие с особенным тщанием то, чтобы русские архиереи носили титул викарных, оставаясь сами в зависимости и подчиненности, чтобы они и их священники подвергаемы были ревизии наших прелатов, публично наказываемы за преступления, и чтобы им выставляемы были на вид их суеверия»⁵. В-седьмых: «Священники в наши времена большие суть невежды, совсем неучёные, без всякого просвещения, и если они навсегда останутся в таком состоянии, то это не только не будет служить препятствием, но тем более будет споспешествовать к удобнейшему выполнению сего проекта»⁶. В-восьмых: «Семейства священников во всем должны зависеть от местного господина, начальства, и для большего их унижения должны быть строго наказываемы за самые малейшие преступления или неповиновение»⁷. В-девятых: «Но если бы по какому-нибудь случаю (чего, впрочем, не надеюсь) русские достигли надлежащего образования, то надлежит с ними поступить таким образом: уговаривать тех, которые захотят оставаться в духовном звании, чтобы они вели жизнь безбрачную, показывать им более, нежели другим, уважения, давать более свободы, увеличивать доходы и пр.»⁸. В-десятых: «Особенно непреклонен и других в непреклонности удерживать способен простой народ русской, умеющий читать свои Писания...». Поэтому, указывается в Проекте, «нужно устранить причину такового их упорства, и упорство само собою исчезнет, что не трудно нам, полякам, сделать,

¹ Слюнькова И.Н. Проект уничтожения греко-российского вероисповедания, представленный в 1717 г. государственным чинам Речи Посполитой иезуитом С. Жебровским // Вестник Церковной истории. 2007. № 3 (7). С. 190.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 192.

⁸ Там же. С. 193.

если запретить детям своих крестьян учиться в находящихся при церквях школах»¹. В-одиннадцатых: «Чтобы удобнее погубить со временем русских, для сего не худо бы записывать в особую общую книгу все случающиеся в их обрядах неблагопристойности, срамные слова и поступки против римлян (то есть против католиков. — С.П.) и частные приключения священников, в которых при столь великом их невежестве не будет недостатка, дабы, когда этот проект начнет приходить в действие, светский видел основательные причины таковых поступков со стороны поляков»². В-двенадцатых: «Когда все сие в продолжение известного времени будет приготовлено, то к самому делу должно приступить не вдруг, не везде в одно и то же время, даже и не во всех местах». Нужно начать, указывается в Проекте, «с тех удаленных мест, где более католиков, нежели русских... Таким образом, постепенно, с осмотрительностью и благоразумием, когда успеем в некоторых местах то поощрением, то обманом, то укоризною привести русских на римлян, то все останутся в той мысли, что при помощи Божией во всей стране Русской, к общему всех желанию, будет процветать римское вероисповедание»³.

Знаменательно и то, что автор Проекта призывает бороться в первую очередь не столько собственно с православными, которые в польском оригинале названы «схизматиками» (в оригинале — schyzmatysy, в переводе — «отщепенцы»), сколько преимущественно с униатами, именуемыми последователями «русского», «греко-российского» обряда. Кроме того, из содержания Проекта ясно видно, что польские католики, в особенности поляки-иезуиты, рассматривали унию не только как способ принуждения православного и греко-католического населения Речи Посполитой к переходу в католичество, но и как средство своеобразной этнической чистки русских. В тексте прямо говорится о возможности физического уничтожения на территории Речи Посполитой русского населения, в полное духовное «исправление» которого автор явно не верил. Именно поэтому в качестве «последней меры» предлагается «ревнителей» православия из русских «отдать в услугу татарам», то есть отправить все православное русское население Речи Посполитой в рабство к крымским татарам, а освободившиеся территории заселить «правильными» поляками: «Поелику народ украинский, подольский и волынский, держась своего вероисповедания, готов произвести мятеж, то в таком случае, ежели трудно будет предавать смерти и по малочисленности польских войск удержать мятежников, Республика не должна жалеть о том пожертвовании, если всех таковых ревнителей отдать в услугу татарам (они скоро приберут их в свои руки), а оставшийся после них край заселить народом польским и мазовецким»⁴.

Только в 1768 г. под сильнейшим нажимом России, когда были арестованы и отправлены в Москву основные противники Православия, польский сейм возвратил православным все их гражданские и церковные права и имущества (права были также возвращены и протестантам, но римско-католическое вероисповедание продолжало оставаться господствующим в Польше).

¹ Слюнькова И.Н. Проект уничтожения греко-российского вероисповедания, представленный в 1717 г. государственным чинам Речи Посполитой иезуитом С. Жебровским // Вестник Церковной истории. 2007. № 3 (7). С. 193.

² Там же.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же.

Однако польская шляхта и католическое духовенство не собирались признавать эти решения. Раздавались призывы к крестовому походу против православной России. Даже после первого раздела Польши в 1772 г. в Малороссии, оставшейся под польским владычеством, положение православных не изменилось. Лишь после третьего раздела Польши положение проживающих в западнорусских землях православных нормализовалось.

Приверженность русских людей православному вероисповеданию вызвала заметные опасения практически у всех европейцев. К примеру, поступившего на службу к Петру I протестантского пастора из Нарвы, Симона Дитриха Геркенса, привлекало в царе его критическое отношение к православным традициям: «Говорят также, будто его величество желал бы по-доброму реформировать и улучшить русское вероисповедание, как он уже для людей, переходящих в русскую веру, отменил в обряде крещения погружение в воду, прежде требуемое. Кроме того, он разрешил не соблюдать в своей армии принятые у русских долгие и строгие посты, во время которых им совсем нельзя есть мясо...»¹.

Удивительно, но даже те иностранцы, которые пытались изменить общие русофобские настроения других европейцев и подчеркивали многие положительные изменения, произошедшие в России в ходе петровских реформ, не могли удержаться от странных заявлений по поводу исторических перспектив русского народа. Так, другой прусский дипломат, Иоганн Готтгильф Фоккеродт, почти четверть века проживший в России и хорошо выучивший русский язык, в 1737 г. по поручению тогда еще прусского кронпринца Фридриха (будущего прусского короля Фридриха II Великого) составил для французского мыслителя и писателя Вольтера записку о положении России в начале XVIII века². В отличие от многих иных иностранных авторов, Фоккеродт в своем сочинении демонстрирует вполне хорошее знание России и ее истории, любезно отзывается и о стране, и о ее жителях, а особенно высоко он оценивает Императора Петра I и его деятельность по преобразованию России. Однако при всем том Фоккеродт, будучи сам немцем-протестантом, уверен в полном превосходстве протестантизма и немецкого, а шире — западноевропейского образа жизни над русским православным вероисповеданием и традиционными принципами бытия. Поэтому на протяжении всего сочинения Фоккеродт выражает уверенность, что Россия сможет стать по-настоящему «цивилизованной» страной, только усвоив западноевропейские правила и, в лучшем варианте, отказавшись от своей веры. Но при всей расположенности к России, русскому народу, лично к Петру I и петровским преобразованиям, Фоккеродт, как и большинство европейцев, крайне опасался возрастания могущества Российского государства и увеличения численности русского народа. Поэтому с одобрением воспроизвел мнение «некоторых неглупых, впрочем, врачей» о том,

¹ Цит. по: *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 66.

² Неизвестно, воспользовался ли Вольтер материалами Фоккеродта, но установлено, что несколько позднее записку Фоккеродта использовал в своих «Записках о России» адъютант Фридриха II Христофор-Герман Манштейн. Первая публикация записки Фоккеродта на немецком языке состоялась в 1872 году: *Vockerodt J.-G.* Russland unter Peter dem Grossen. Leipzig, 1872. На русском языке: *Фоккеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом: пер. с нем. А.Н. Шемякина // *Неистовый реформатор: мемуары.* М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 12–105.

что было бы хорошо, если бы различные болезни приняли среди русских характер эпидемии и не дали бы возможности возрасти русскому населению: «Если только можно дать веру мнению некоторых неглупых, впрочем, врачей, то Провидение поставило уже преграду подобным предприятиям и послало русскому народу внутренний вред, который не только мешает его размножению, но должен заметным образом убавить и настоящее его число и привести его в невозможность решаться на сколько-нибудь значительные предприятия»¹.

Как и немцы Финкенштейн и Фоккеродт, довольно критически относились к России англичане и французы. При этом, если англичанин Натаниел Рэкселл, автор «Путешествия через северную часть Европы, в частности, в Копенгаген, Стокгольм и Петербург в серии писем»², смотрел на Россию всего лишь холодным, высокомерным взглядом, то француз Шарль Массон в своих «Секретных записках о России времени царствования Екатерины II и Павла I» был гораздо более эмоционален и пристрастен³. Мелкий подмастерье швейцарского часовщика, Массон, оказавшись в России в 1786 г., был обласкан российскими властями, получил сначала место преподавателя в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, затем оказался произведен в капитаны драгунского полка, преподавал математику великим князьям, а в 1795 г. был назначен секретарем Великого князя Александра Павловича с зачислением в Екатеринославский гренадерский полк. В России Массон удачно женился. Однако воцарение Павла I Петровича оборвало карьеру Массона в России: по повелению нового Императора он был вывезен из Петербурга в Курляндию. Видимо, столь неожиданно прерванная удачная карьера повлияла на то, что Ш. Массон написал на редкость едкое сочинение, в котором не пощадил никого: ни Императрицу, ни ее сына-наследника, ни придворных, ни русских людей.

В самом деле, вроде бы Массон жалел русский народ, пребывающий, по его мнению, под властью «тиранов» и «варваров». Однако вина в том лежит на самом русском народе, потому что ему, несмотря на то что он сохранил «много достоинств», свойственны «варварство» и «скотство»:

¹ Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом: пер. с нем. А.Н. Шемякина // Неистовый реформатор: мемуары. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 101–102. Стоит заметить, что немецкий наблюдатель ошибся: за XVIII в. население России возросло с 10,5 до 37 млн человек, то есть более чем в три раза; в XIX в. — еще почти в 3,5 раза (в 1897 г. в стране проживало 128,2 млн человек, а удельный вес населения России к общей численности населения всего мира вырос на 2,5% — с 5,3 до 7,8%); в 1914 г. население страны составляло 163 млн человек, соответственно, доля жителей России в мире возросла до 8%.

² Первое издание путевых дневников Н. Рэкселла, посвященных его путешествию по Дании, Швеции и России, вышло в 1775 году: *Cursory remarks made in a tour through some of the northern parts of Europe, particularly Copenhagen, Stockholm and Petersburg by N.L. Wraxall jun.* London, 1775. Последующие издания носили название «A Tour through some of the northern parts of Europe, particularly Copenhagen, Stockholm and Petersburg in a series of letters, by N.L. Wraxall jun.»

³ Книга Ш. Массона первым изданием вышла в двух томах в Амстердаме в 1800 г.: *Masson de Blamont Memoirs secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I.* Amsterdam, 1800. Затем она несколько раз переиздавалась на французском, немецком, английском и датском языках. Перевод на русский язык см.: Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I: наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

«Русский человек — раб; он следует внушению, он то, чем его хотят сделать». Так, рассуждая о характере русского солдата, Массон хоть и согласен с тем, что на войне русский солдат «начинает обнаруживать мужество и верность своим генералам; чувства эти заменяют ему патриотизм», однако при этом сравнивает русского солдата с «хорошо выдрессированной собакой», которая «из послушания проявляет мужество льва». Больше того, француз уверенно заявляет, что, хотя «постоянные войны закалили русских», но одновременно «придали их заслугам самый жестокий и варварский характер». Виновницей этого Массон в конечном итоге называет Императрицу Екатерину II: «Впрочем, таков характер их генералов, и, пожалуй, даже скорей характер Екатерины, всегда поощрявшей их... Гению Екатерины нужна была такая молодая податливая нация, о которой она может сказать то же, что лафонтеновский ваятель говорил о своей мраморной глыбе: “Что выйдет из нее? бог, стол или лоханка?” Екатерина не могла сделать из русского — бога, но человека — несомненно; ее величайшее преступление, что не в этом она полагала славу свою: она сделала из него себе лоханку. Вытерпев царствование Екатерины и ее двенадцати фаворитов, русский народ доказал, что он самый униженный из народов. Если же он вынесет до конца тиранию Павла, он окажется и самым подлым из всех»¹.

Но более всего от Ш. Массона досталось великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову, для создания образа которого автор «Секретных записок о России...» не пожалел самых черных красок и самых черных эпитетов: «палач», «пресытившийся тигр», «старый сумасшедший», у которого «свирепые, угрюмые глаза, ужасные уста, на которых выступает пена», «воинственный варвар», «чудовище», «живодер» и т.д. «Приезжающий в Россию иностранец, слышавший громкое имя Суворова, — начинает свое повествование о русском полководце Ш. Массон, — желает увидеть этого героя. Ему указывают на маленького старика с худым и сморщенным лицом, каковой прыгает по апартаментам дворца на одной ножке, бегаёт и скачет по улицам в сопровождении толпы детей, которым он кидает яблоки, чтобы заставить их драться, и кричит самому себе: “Я — Суворов!”». И продолжает немного дальше: «Если иностранец и затруднится признать в этом старом сумасшедшем победителя турок и поляков, то его колебания исчезнут, когда он увидит его свирепые, угрюмые глаза, ужасные уста, на которых выступает пена, и поймет, что перед ним убийца жителей Праги. Суворов был бы всего-навсего смешным шутком, если бы не показал себя самым воинственным варваром. Это чудовище, которое заключает в теле обезьяны душу собаки и живодера. Аттила, его соотечественник и, вероятно, предок, не был ни столь удачлив, ни столь жесток... Ему присуща врожденная свирепость, занимающая место храбрости: он льет кровь по инстинкту, подобно тигру»².

Упомянув Прагу, Массон имеет в виду предместье польской столицы Варшавы, которое взяли штурмом полки Суворова в ходе подавления польского бунта в 1794 году. Массон в данном случае повторяет распространенное

¹ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I: наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 136–139.

² Там же. С. 136–137.

в западноевропейской публицистике и литературе обвинение А.В. Суворова в устройстве «резни в Праге», выдвинутое сразу же после событий польскими эмигрантами и подхваченное в Западной Европе, где Суворова стали называть «полудемоном». Особенно этим отличались французы и англичане. Основой такого обвинения послужила массовая гибель во время штурма не только восставших, но и мирного населения этого варшавского предместья. На самом деле, в приказе А.В. Суворова на штурм Праги было специально указано: «В дома не забегать, просящих пощады — щадить, безоружных не убивать, с бабами не воевать, малолетков не трогать»¹. Однако ожесточенное сопротивление польских мятежников (один из русских участников штурма отметил, что поляки «дрались с остервенением и без всякой пощады») вызвало ответное ожесточение русских солдат, помнивших, как поляки расправились с солдатами русского гарнизона Варшавы в апреле 1794 г. (тогда из 8 тыс. русских солдат было убито разными способами от 2 до 4 тыс. человек). Русские солдаты стали убивать всех подряд. Суворов призвал польских жителей скрываться в русском лагере, и те, кто успел это сделать, остались в живых. Сразу после штурма Праги польские источники объявили о более чем 20 000 невинных жертв, погибших от рук «русских варваров». Стали распространяться страшные слухи, в частности, о том, что Суворов якобы приказал отрубить кисти рук у 6 000 пленных польских шляхтичей. Но официальные данные о потерях сторон совсем другие. По данным реляции Суворова, поданной по итогам сражения, было убито 13 340 поляков, взято в плен 12 860 человек, утонуло в Висле больше 2 000 человек. Потери русских войск составили свыше 1 500 человек, из них 580 убитых. Вскоре Суворов отпустил до 6 000 пленных из ополчения, около 4 000 поляков из регулярных войск были отправлены в Киев, кроме того, по просьбе польского короля были отпущены все польские офицеры². Сохранилась недовольная запись одного из приближенных Екатерины II: «...Граф Суворов великие оказал услуги взятием Варшавы, но зато уж несносно досаждают несообразными своими там распоряжениями. Всех генерально поляков, не исключая и главных бунтовщиков, отпускает свободно в их дома, давая открытые листы...»³.

III. Массону, как и всем французским скептикам-атеистам, естественная для русского человека религиозность Суворова казалась суеверием, следствием варварской дремучести, поэтому Массон был уверен, что русский фельдмаршал буквально «заставляет начальников произносить вслух молитву перед походом...». Конечно, Массон не мог понять, что А.В. Суворов был искренним религиозным человеком, понимавшим значение традиционной православной веры в жизни русского воина. Именно поэтому в его знаменитой книге «Наука побеждать» присутствуют и такие поучения русским солдатам: «Умирай за Дом Богородицы, за матушку, за пресветлейший дом! — Церковь Бога молит...»; «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву. Молись Богу! От Него победа. Чудо-богатыри! Бог нас водит — Он нам генерал!»⁴.

¹ *Суворов А.В.* Документы. М., 1952. Т. 3. С. 398.

² Там же. С. 399, 403, 430.

³ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 12. С. 398.

⁴ *Суворов А.В.* Наука побеждать. М.: Русский мир, 2000. С. 47, 50.

Как видно, победы Суворова во славу России вызывали у Массона, как и у многих других европейцев, даже обласканных российскими властями, просто животный страх и ненависть... И Массон объясняет свою ненависть к русскому полководцу: он опасался, что именно Суворов возглавит русские войска в борьбе с распространившейся по всей Европе революционной заразой, которую несли на своих штыках французские солдаты: «Известно, как и почему Павел отставил его по восшествии на престол. Ропот солдат вынудил его потом снова вызвать Суворова. Говорят, он намерен воспользоваться им как бичом для наказания французов»¹. Надо признаться, Ш. Массон не ошибся в своем паническом прогнозе.

Наверное, квинтэссенцией русофобских настроений европейцев XVIII столетия стал миф о «потёмкинских деревнях», то есть о бутафорских деревнях и городах, которые якобы были выстроены по указанию князя Г.А. Потёмкина вдоль маршрута Екатерины II во время ее поездки в 1787 г. в Северное Причерноморье. Напомним, что в 1786 г. Г.А. Потёмкин уговорил Императрицу Екатерину Алексеевну посетить новые области на юге России — Новороссию и Крым, им управляемые. В январе 1787 г. Императрица, окруженная свитой и иностранными послами, отправилась в путешествие. Чуть позже к ней присоединились польский король Станислав Понятовский и австрийский император Иосиф II. Зрелище, представшее перед путешественниками, поразило их воображение: города, крепости, селения, сады, дороги, храмы, дворцы, училища, верфи, корабли. По лугам паслись многочисленные стада, по берегам рек и вдоль дорог располагались толпы поселян. Более же всего впечатлили путешественников, и в особенности иностранцев, мощная русская армия и великолепный Черноморский флот.

Иностранные послы были столь поражены увиденным, что не поверили своим глазам. Точнее — не захотели верить. Зато они были уверены в другом — в отсталости России. Уже во время самого путешествия некоторые из иностранных участников поездки засомневались: а на самом ли деле существовали все эти города и деревни или это были только красивые декорации, обман, мистификация, очередная проделка князя Потёмкина? В частности, рассказ французского посла Л.-Ф. Сегюра об императорской поездке позволяет сделать заключение, что, с одной стороны, сам Сегюр был восхищен увиденным, но, с другой стороны, сомневался в реальности увиденного им масштаба осуществленных Г.А. Потёмкиным мероприятий. Так, в письме Потёмкину, написанном 25 августа 1787 г., то есть сразу после крымского вояжа, Сегюр отмечал: «Я с большим удовольствием опишу там все те великолепные картины, которые вы нам показывали: торговлю, привлеченную в Херсон, несмотря на зависть и болота, чудом созданный в два года флот в Севастополе, ваш Бахчисарай из тысячи и одной ночи, вашу Темпейскую долину, ваши почти сказочные празднества в Карасу-Базаре, ваш Екатеринослав, куда в три года вы собрали более монументов, чем сколько могли их собрать в течение трех веков многие из столиц, пороги, расчищенные вами как бы для того, чтобы вводить в заблуждение историков, географов и журналистов, и ту гордую Полтаву, где вы атакою 70 батальонов отвечали на

¹ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I: наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 124.

те нападки, которым подвергалось ваше устройство Крыма со стороны невежества и зависти. Если мне не поверят, то это будет ваша вина: зачем вы сделали столько чудесного в столь короткое время, ни разу не похвалившись, пока не показали всего разом. Согласитесь, что моя повесть будет несколько походить на сказку о гениях, и вы даете мне новые доказательства, подкрепляющие знаменитое изречение, что истинное иногда может не быть вероятным»¹. Но, вернувшись во Францию, в своих мемуарах Сегюр не только высказал сомнение в истинности увиденного когда-то на юге России, но и сообщил о сомнениях иных участников путешествия. По свидетельству французского посланника, именно такие сомнения высказал в разговоре с ним австрийский император Иосиф II:

«— Вы видите, — сказал император, — что здесь ни во что не ставят жизни и труды человеческие, здесь строятся дороги, гавани, крепости, дворцы в болотах, разводятся леса в пустынях без платы рабочим, которые не жалуются, лишены всего, не имеют постели, часто страдают от голода...

— Всё здесь начинается, — отвечал я, — и ничего не оканчивается.

*Генералиссимус Суворов.
Художник Филипп Москвитин*

*Князь Григорий Потёмкин показывает
Императрице Екатерине II Черноморский
флот. Художник Филипп Москвитин*

¹ Сегюр Л.-Ф. де. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 184–185.

Князь Потёмкин часто оставляет то, что только что было начато, ни один проект не составляется солидно, ни один не исполняется до конца. В Екатеринославе мы видели начало города, который не будет обитаем, начало претендующей на большее величие, чем собор святого Петра в Риме, церкви, в которой никогда не будет службы, место, избранное для Екатеринослава, безводное, Херсон окружен опасной болотистой атмосферой. В последние годы степи опустели хуже прежнего, Крым лишился двух третей своего прежнего населения. Город Кафа разорен и никогда не поднимется более. Один Севастополь — действительно великолепное место, но пройдет много времени, пока там будет порядочный город. Все украшения временные, для Императрицы. Я знаю Потёмкина, его пьеса сыграна, занавес упал, князь теперь займется задачами или в Польше, или в Турции. Настоящая администрация, требующая постоянства, не согласуется с его характером.

— Я согласен со всем этим, — сказал император, — нас вводили в заблуждение, вели от иллюзии к иллюзии»¹.

Из этих сомнений Сегюра и других участников императорского вояжа и родились уже во время самого путешествия слухи о «намалеванных на картоне деревнях» и «подсадных» крестьянах. О том, что такие «басни» стали передавать друг другу участники экспедиции, сообщает и упомянутый в самом начале статьи князь Шарль де Линь, который, в отличие от многих, наоборот, был уверен в подлинности всего, что показал им Г.А. Потёмкин: «Даже и те россияне, кои соболезнают, что не находились с нами, будут утверждать, что нас обманывали, и что мы обманываемся. Распустили уже смешную басню, что при нашем проезде приказывали переносить картонные деревни на сто миль в окружности; что корабли и пушки были нарисованы, конница — без лошадей, и проч.»².

Но в реальности увиденного стали сомневаться и некоторые русские участники поездки, Впрочем, в основном из зависти к Потёмкину или из желания ему навредить. Среди таких недоброжелателей Г.А. Потёмкина А.М. Панченко называет П.А. Румянцева и А.А. Безбородко³. В результате, видимо, совместными усилиями иностранных и русских dobroxотов Потёмкина, в европейской прессе сразу же были запущены публикации о якобы грандиозной мистификации, устроенной светлейшим князем: мол, все деревни и города, представленные Императрице, — это и в самом деле были бутафорские декорации, нарисованные на холстах или деревянных щитах. Первые публикации появились в одной из голландских газет⁴, а затем перекочевали на страницы книг и даже воспоминаний.

Об этом в своих мемуарах написал, к примеру, Юхан-Альбрехт Эренстрем, шведский дворянин, офицер, дипломат, который в 1786–1787 гг., сопровождая шведского политического деятеля и дипломата Г. Спренгт-портена, вместе со своим патроном оказался в свите Императрицы

¹ *Séjour L.-Ph. de. Mémoires ou souvenirs et anecdotes.* Paris, 1827. Т. 3. Р. 180–182. Перевод с франц. А.Г. Брикнера в редакции С.В. Перевезенцева.

² *Ligne C.-J. de. Lettres et pensées.* Paris; Genève: J.J. Paschoud, 1809. Р. 84–90.

³ *Панченко А.М.* «Потёмкинские деревни» как культурный миф // *Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте: XVIII век.* Л., 1983. С. 93–104.

⁴ См. об этом: *Бильбасов В.А.* Князь де Линь в России. Ч. III. // *Русская старина.* 1892. Т. 74. С. 17.

Екатерины II в путешествии на юг России: «От природы пустые степи, по которым она (то есть Императрица Екатерина II. — *С.П.*) проезжала, были распоряжениями Потёмкина населены людьми; на большом расстоянии видны были деревни, но они были намалеваны на ширмах; люди же и стада пригнаны фигурировать для этого случая, чтобы дать самодержице выгодное понятие о богатстве этой страны. На ночлегах в этих пустынях она для себя находила большое множество великолепнейших шатров в виде домов, богато меблированных. Везде видны были магазины с прекрасными серебряными вещами и дорогими ювелирными товарами, но магазины были все одни и те же и перевозились с одного ночлега на другой. Рассказывали, что владельцев этих магазинов выписали из Москвы и что они получили плату за свой труд — сделать все это путешествие и выставить свои товары на показ. В городах, через которые следовала Императрица, она зато находила более существенные предметы для удовольствия глаз, а именно: прекрасные триумфальные ворота, широкие улицы, много красивых домов и между ними настоящие деревянные дворцы, выстроенные нарочно для нее»¹. Впрочем, нельзя исключать тот факт, что сюжет о деревнях, нарисованных по приказу Потёмкина «на ширмах», появился в воспоминаниях Эренстрема уже под влиянием многочисленных рассказов об этой якобы махинации Потёмкина, опубликованных в начале XIX в. в различных изданиях².

Слухами и сплетнями о «потёмкинских деревнях» поделился и французский дворянин, офицер, путешественник, писатель, критик Альфонс-Туссен-Жозе-Мари-Марсель Форсия де Пилес, который в России побывал, скорее всего, только в первой половине 1791 года. Уже в 1796 г. появилась на свет его книга «Путешествие двух французов в Германию, Данию, Швецию, Россию и Польшу, учиненное в 1790—1792 годах»³. В частности, в этой книге утверждалось: «Свойство государей есть всегда быть обманутыми. Ее Величество (то есть Екатерина II. — *С.П.*) дороги нашла превосходными, хорошо содержимыми, деревни многочисленными и обитаемыми. Она еще не ведала того, что дороги были починены тогда только, как сделалось известно об ее отъезде; что оные многочисленные деревни, предмет ее восхищений, были созданы для проезде ее и разрушены в тот же день, и несчастные крестьяне, пришедшие за тридцать и сорок лье, чтоб стать по сторонам пути и жить в оных домах в продолжение нескольких дней, были отосланы восвояси. То было изобретение гения Потёмкина, который сумел таковою хитростью нового рода убедить свою монархиню, что страна, считающаяся пустынею, процветает»⁴.

¹ Из исторических записок Иоанна Альберта Эренстрема // Русская старина. 1893. Т. 79, № 7. С. 12.

² Мемуары Ю.-А. Эренстрёма были написаны в начале XIX в., а первая публикация на шведском языке состоялась в 1882 году: Statsrådet Johan Albrekt Ehrenströms efterlemnade historiska anteckningar utgifna af S.J. Boëthius, Docent vid Upsala universitet. Upsala, 1882.

³ Первое издание: *Fortia de Pile, A.T. de. Voyage de deux Français en Allemagne, Danmarck, Suède, Russie et Pologne fait en 1790—1792*. Paris: Desenne, 1796. Перевод на русский язык: *Форсия де Пилес* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой: записки французского путешественника. СПб.: Паритет, 2014.

⁴ *Форсия де Пилес* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой: записки французского путешественника. СПб.: Паритет, 2014. С. 285—286.

Нередко в литературе можно встретить мнение, что автором мифа о «потёмкинских деревнях» был немецкий дворянин, секретарь саксонского посольства при императорском дворе Екатерины II в 1787–1795 гг. Георг Адольф Вильгельм фон Гельбиг. На самом деле, как уже было показано, этот миф родился в ходе самого путешествия, однако Гельбиг сыграл значительную роль в его распространении. Сам он в поездке Императрицы на юг России в 1787 г. не участвовал, поэтому рассказы об этой поездке в его статьях и книгах в очередной раз были основаны на различных слухах и сплетнях. Так, в анонимной публикации в журнале «Минерва» в 1798 г. Гельбиг заявил: «В некотором отдалении как будто бы виднелись деревни, но дома и церковные колокольни были лишь намалеваны на досках. Другие, близлежащие, были только что отстроены и заселены, но жители, по-видимому, поселялись в них временно, а по вечерам им приходилось покидать свои жилища и ночью в величайшей спешке добираться до других деревень, где они проводили только несколько часов до тех пор, пока Императрица не проплывала мимо них»¹. Эту же фразу он повторил немного позже, в 1804 г., в первом издании своей книги о Потёмкине на немецком языке². Зато в 1813 г., в английском издании книги о Потёмкине, Гельбиг уже не стеснялся в красочных описаниях того, что сам он видеть не мог: «Это был прекрасный день в начале весны, когда Императрица поднялась на борт со своим двором. Абсолютный штиль, ясное небо, покрытый зеленью берег усиливали эффект великолепных декораций, которыми Потёмкин решил восхитить свою государыню. Теперь он привел в движение все колеса грандиозной машины, которую он создал с такой тщательностью, и представил глазам путешественников искусное зрелище, самое необычное и оригинальное, что когда-либо было задумано. На больших или менее отдаленных расстояниях по берегам реки виднелись довольно изолированные жилища и хорошо построенные деревни, размеры которых заставили бы созерцателя ожидать многочисленного населения, а их внешний вид, казалось, свидетельствовал о богатстве и комфорте обитателей. Многие из этих частных домов и деревень были только что построены. Утверждалось даже, что самые отдаленные здания были не достроены и имели только фасад... Поскольку населения страны было недостаточно, чтобы оживить пейзаж, из нескольких частей Империи послали за крестьянами; их последовательно перевозили из одного места в другое (часто ночью), чтобы придать дорогам, по которым Императрица должна была проехать на следующий день, видимость суеты и оживления. Так же сообщалось, что многочисленные стада крупного рогатого скота всех видов были вывезены подобным образом, чтобы оживить виды берегов реки и создать впечатление богатства, комфорта и процветания этих мест»³.

Распространение мифа о «потёмкинских деревнях» продолжалось и позднее. В результате во многих языках, в том числе и в русском, словосо-

¹ Potemkin der Taurier (Fortsetzung) // Minerva, ein Journal historischen und poitischen Inhalts. Hamburg, 1798. Bd 2. Mai. S. 30. Перевод С.В. Перевезенцева.

² Helbig G. von. Potemkin, Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharina's der Zweiten. Leipzig, 1804. S. 115, 116, 125. Перевод А.Г. Брикнера в редакции С.В. Перевезенцева.

³ Helbig G. von. Memoirs of the Life of Prince Potemkin. London: H. Colburn, 1813. P. 115–116. Перевод С.В. Перевезенцева.

четание «потёмкинские деревни» стало устойчивым выражением, идиомой, означающей обман, попытки скрыть за благопристойным фасадом какие-либо неблагоприятные явления. Как считают исследователи, «в своем нынешнем виде, причем уже вне связи с Россией, в качестве универсальной метафоры, “потёмкинские деревни” появляются в 1840-е гг. во французской и немецкоязычной печати»¹. В частности, в одном из французских журналов в 1848 г. это выражение использовалось уже как общепринятое, всем понятное, метафорически означающее иллюзию, обман: «Она (политическая экономия) не показывает нам общество в виде оперных декораций <...>; она бесполезна для тех, кому видятся эфемерные монументы и фантастические пейзажи наподобие потёмкинских деревень (les villages de Potemkin)»; «наскоро созданные потёмкинские деревни (schnell geschaffenen Potemkin'schen Dörfern)»². К сожалению, эти слухи обрели популярность не только в Европе, но и в России. Может, пора прекратить использовать выражение «потёмкинские деревни» и не оскорблять память Григория Александровича Потёмкина?

* * *

Европейская русофобия XVIII в. продолжила начатый задолго до того противоречивый путь от удивления и непонимания русской действительности и русского православного миропонимания до страха перед всем русским и ненависти к России и русскому народу. Конечно, далеко не все иностранцы, побывавшие в России, возненавидели ее «всем сердцем». Скорее даже наоборот, многие, может быть, даже большинство иностранных наблюдателей оставили вполне благозвучные или, в худшем случае, нейтральные описания русской жизни, русской веры и русских характеров. Однако в политической реальности европейских государств чаще всего возобладали те, пусть и немногие, идеи и настроения, которые мы сегодня можем назвать русофобскими. К сожалению, в последующие столетия эти идеи и настроения только усилились. Видимо, прав был князь де Линь, утверждая, что в Европе «нет обыкновения верить ни путешественникам, ни придворным, которые хорошо отзываются о России».

¹ См. об этом: Душенко К.В. «Потёмкинские деревни» и «фасадная империя» // Вестник культурологии. 2018. № 3. С. 97–101.

² Fonteyraud A. La vérité sur l'économie politique // Journal des économistes. Paris, 1848. T. 21, № 85. 1er août. P. 1–15.

Сергей ПОРОХОВ

РОЙТЕ ЯМУ, ГОСПОДА! РОЙТЕ ЯМУ ДЛЯ СЕБЯ!

Сергей Юрьевич Порохов — родился в 1957 г. в Орске Чкаловской (ныне Оренбургской) области, прозаик, публицист, журналист. Окончил Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное училище, служил командиром разведвзвода, заместитель командира разведывательно-десантной роты. Окончил редакторское отделение Военно-политической академии. Член Союза писателей России и Союза журналистов, действительный член Петровской академии наук и искусств, председатель правления Ленинградского областного отделения Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Нет ни одной Божественной заповеди, которую бы не нарушили представители западных элит.

Все познается в сравнении. Чтобы приблизиться к пониманию происходящего на Украине (и вокруг этого конфликта), следует сопоставить нынешние события с тем, что происходило 170 лет назад в ходе Русско-Османской или Восточной (Крымской) войны 1853—1856 годов.

КРОВАВЫЕ ВРАГИ, СОЕДИНЯСЬ, ИДУТ ПРОТИВ РОССИИ

В июне 1854 г. организатор литературных сил России середины XIX в., поэт и публицист Николай Алексеевич Некрасов опубликовал стихотворение без названия, преварив его строками из знаменитого пушкинского предостережения «Клеветникам России». «Вы грозны на словах, попробуйте на деле!»

*Великих зрелищ, мировых судеб
Поставлены мы зрителями ныне.
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идут против России.
Пожар войны полмира обхватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых...
Обращены в позорище¹ вражды.
Моря и суша... Медленно и глухо
К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель.
И наконец приблизились — стоят
Пред укрепленной
русскую твердыней...
И ныне в урне роковой лежат
Два жребия... и наступает время,
Когда решитель мира и войны
Исторгнет их всесильною рукой
И свету потрясенному покажет.*

Николай Некрасов

¹ Позорище — зрелище.

Пушкин написал свое стихотворение в 1831 г., в связи с вмешательством иностранных государств во внутренние дела России, которое привело к восстанию 1830—1831 гг. в Польше.

Некрасов был впечатлен событиями Восточной войны. Его стихотворение посвящено одному из ошеломивших Россию эпизодов. Английская эскадра — 31 судно, в том числе 18 линейных кораблей и 8 фрегатов — в середине июня 1854 г. появилась вблизи Кронштадта. Она угрожала не только главной базе Балтийского флота, но и столице Империи. Некрасов отдыхал на даче под Ораниенбаумом и вместе с друзьями совершил поездку к морю. Многие петербуржцы выезжали в те дни на побережье Финского залива, чтобы взглянуть на Англию, незвано пожаловавшую в Россию.

Противник был настроен весьма решительно. 13 февраля 1854 г. адмирал сэр Чарльз Нейпир был назначен командующим эскадры, к которой впоследствии должны были присоединиться еще и французские корабли. В конце февраля на прощальном банкете в присутствии высшей английской знати он заявил, что с божьей помощью через три недели возьмет Петербург, «завтракать будет в Кронштадте, а обедать — уже в Петербурге!» Нужно отметить, Великобритания официально вступила в Восточную войну лишь через месяц. Льды Финского залива, судя по всему, не позволили британскому адмиралу столь скоро утолить свой аппетит и свою жажду.

Наконец наступило лето, и льды растаяли.

После измерения глубин в Финском заливе и нескольких разведывательных вылазок английские флотоводцы сделали вывод о невозможности захватить Кронштадт, прикрытый фортами и несколькими линиями оборонительных сооружений, крупнокалиберными орудиями и новейшими гальваническими минами. Вражеская эскадра вскоре убралась восвояси. Британские заявления о скором уничтожении русского Балтийского флота и о разрушении Кронштадта оказались несбыточными.

Даже после прибытия на Балтику в августе французов, когда соединенная эскадра насчитывала уже 11 винтовых и 15 парусных линейных кораблей, 32 пароходофрегата и 7 парусных фрегатов, множество вспомогательных судов — противник не решился идти на приступ Кронштадта и других военных портов России на Балтике. И это несмотря на превосходство союзников над Балтийским флотом по количеству кораблей и их совершенству.

«Орешником» того времени стали гальванические мины академика Бориса Якоби. Впервые в мировой военно-морской истории русские массово применили морские мины для обороны побережья. На подступах к Кронштадту было установлено 1 865 мин, у Свеаборга — 994 мины. Мины русского физика и изобретателя сделали Кронштадт и Свеаборг недоступными для противника даже в случае, если бы тому удалось прорваться сквозь заградительный артиллерийский огонь и подойти к берегу. Минные заграждения были установлены также у Ревеля и Усть-Двинска.

Провалился и план поднять восстание против российского владычества в Финляндии. Англичане полагали, что Финляндия — это своего рода русская Индия, в которой население ненавидит колонизаторов. Союзный флот несколько месяцев находился в Финском и Ботническом заливах. Британцы высаживались на побережье и острова, проводили разведку и беседовали с местными жителями, подстрекали их взяться за оружие. В итоге был сделан

неутешительный для Запада вывод: Финляндия не собирается поднимать восстание, чтобы вернуться в состав Швеции.

Война Западных держав с Россией назревала давно. Западный капитал постепенно усиливал свое влияние на Ближнем Востоке. Внимание к этому региону объяснялось также планами строительства Суэцкого канала для сокращения маршрута из метрополии в Британскую Индию и Австралию. К строительству канала приступили в 1859 г., через три года после окончания Восточной войны. А пока к этому строительству готовились. В том числе и зачищая логистические маршруты от конкурентов. В том числе и военными методами.

Начиналась Восточная война как религиозная, как очередной «крестовый поход» Запада к христианским святыням Палестины. Поводом для войны послужили претензии Ватикана, желающего взять под свой контроль храм Рождества Христова в Вифлееме. Он требовал, чтобы ключи от храма, многие века принадлежащие православной общине, были переданы католикам. Этим бесцеремонно попирались интересы православной России и ее единомышленников. Россия возражала: все должно оставаться по-прежнему. Но фактическое вытеснение России из региона, в котором у британских элит появились интересы, продолжалось.

3 июля 1853 г., не сумев решить Балканский вопрос дипломатическим путем, Россия привела в движение свои войска. Они перешли реку Прут с целью освобождения от османского владычества Дунайских княжеств (присоединения их территорий к России не предусматривалось). Любопытно, но Британское адмиралтейство в мае 1853 г., за два месяца до этого события, отдает приказ об отправке эскадры королевского флота в Средиземное море.

26 сентября султан Абдул-Меджид, подстрекаемый европейскими державами, в ультимативной форме потребовал от Николая I вывести войска из Дунайских княжеств. Россия отказалась отвечать на ультиматум. 4 октября 1853 г. Турция прервала дипломатические отношения с Россией и объявила ей войну.

В свою очередь, 4 ноября 1853 г. Россия Высочайшим манифестом Николая I объявляет войну Турции. Действия русских войск на Кавказе были успешными. К тому же 18 ноября 1853 г. эскадра под командованием адмирала Нахимова полностью уничтожила турецкий флот в Синопском сражении всего за три часа.

Опасаясь полного поражения Османской империи, английские и французские политики приняли решение вступить в войну. К середине XIX в. Османская империя оказалась в фарватере политики европейских государств, поставивших перед собой задачу руками давнего противника России ослабить ее позиции в международных делах, отторгнуть от нее Крым, Кавказ и другие территории. Турцию снабжали современным оружием, английские военные инструктора появились в армии султана. Российское правительство безуспешно пыталось договориться с Великобританией о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке. Но англичане опасались расширения влияния России, позволившего ей контролировать не только сухопутные пути в Индию, но и район, где предполагалось построить Суэцкий канал.

Религиозное прикрытие реальных экономических и геополитических целей — спор католиков с православными, которым дирижировали протестанты-англикане, а разрешить его должны были мусульмане — создавало

хаос, мешало непосвященным в политический пасьянс понимать цель и причины надвигающейся войны. Во Франции общественное мнение выступало против вмешательства страны в войну между русскими и турками, и даже военные, обсуждая конфликт на Востоке, в первую очередь искали возможности его мирного урегулирования. В газетах писали: «Все удивлены, видя наш союз с англичанами, которых они считают врагом почище русских».

А в Великобритании, в свою очередь, войну с Россией называли «французской затеей», желанием реванша за поражение в войне 1812 года. На островах говорили, что Россия, получив отпор на Балканах, усилит активность в Средней Азии, а потому под угрозой окажутся британские владения в Индии.

23 декабря 1853 г. Великобритания и Франция ввела соединенный союзный флот в Черное море. Протест России против нарушения Международной конвенции о проливах был отвергнут. Российское правительство разорвало дипломатические отношения с этими странами.

27 марта 1854 г. Англия объявляет России войну. На следующий день это делает Франция. Они вступили в конфликт на стороне Турции, заявив, что Россия является агрессором — заняла Дунайские княжества и не выводит свои войска по требованию Турции. Будущие союзники в тот момент еще оставались геополитическими противниками, но на фоне русофобии Англия и Франция 10 апреля, через две недели после вступления в войну, заключили между собой союз. Державы всячески обостряют российско-турецкий конфликт. Россия, уступая дипломатическому давлению, исполняет требования союзников и 7 июля выводит войска с придунайских территорий. Этим она, по сути, предавала только что освобожденных единоверцев. Оставленные Россией княжества тут же занимает Австрия. Религиозные притеснения православных приобрели иные формы.

Война, однако, вследствие этой уступки русским не завершается, а становится полномасштабной. Уинстон Черчилль по поводу политики уступок однажды высказался: «Кто при выборе между войной и позором выбирают позор, в результате получают и войну, и позор».

Премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон так изложил цели Восточной войны министру иностранных дел лорду Джону Расселу: «Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции; Прибалтийский край отходит к Пруссии; королевство Польское должно быть восстановлено как барьер между Россией и Германией [не Пруссией, а Германией]; Молдавия и Валахия и всё устье Дуная отходит Австрии, а Ломбардия и Венеция — от Австрии к Сардинскому королевству; Крым, Черкессия и Грузия отторгаются от России; Крым и Грузия отходят к Турции, а Черкессия становится или независимой, или связанной с Турцией отношениями сюзеренитета».

Вот вам вся суть религиозного спора по поводу ключей от Вифлеемского храма!

Программа Пальмерстона была составлена таким образом, чтобы приобрести новых союзников — Швецию, Пруссию, Австрию, Сардинию. Поощрялись восстания в Польше и поддерживалась война Шамиля на Кавказе. Британский статс-секретарь по иностранным делам лорд Кларендон в парламентской речи 31 марта 1854 г. подчеркивал, что Англия ведет «битву цивилизации против варварства». Лондонская «Таймс» подводила итог всем этим планам: «Хорошо бы вернуть Россию к обработке внутренних земель, загнать москвитов вглубь лесов и степей».

Знакомясь с событиями, связанными с Восточной войной, убеждаешься, что современным политехнологам ничего изобретать не нужно — все инструкции в отношении России для них изготовлены по меньшей мере 170 лет назад.

Боевые действия Восточной войны разворачивались на Кавказе, на Балтийском, Черном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, в низовьях Амура, на Камчатке и Курилах. Россию планировалось лишить абсолютно всех портов, превратить в сухопутную державу. Да уж, Западу потребовались ключи вовсе не от Вифлеемского храма — от всех приграничных крепостей и морских баз России.

Однако Пальмерстон переоценил потенциал Англии и недооценил возможности России, а главное — патриотизм россиян. После того как Османская империя пропустила через свои проливы эскадру франко-британского флота, она стремительно направилась на российские портовые и судостроительные города Одессу, Очаков и Николаев. 10 апреля 1854 г. началась бомбардировка Одессы — главного южного порта Российской империи. После стремительной и интенсивной бомбардировки планировалось высадить десант в районе Северного Причерноморья. Однако несколько дней обстрела город выдержал. Более того, защитники Одессы смогли нанести точные удары по флоту союзников. План англо-французских войск провалился. Союзники вынуждены были отступить в сторону Крыма и начинать битву за полуостров. Севастополь англичанами планировалось взять всего за неделю, но тот успешно оборонялся почти год.

Аналогичным образом развивались события в Восточной Европе накануне Специальной военной операции на Украине. Продвижение НАТО на Восток, антирусская идеологическая обработка населения стран-союзников по Варшавскому Договору и республик бывшего СССР, накачка оружием стран Балтии, попытка создания военных баз Великобритании и США на Украине. Неудавшаяся попытка сломить мужество Новороссии...

Обращаясь к событиям 170-летней давности, удивляешься тем параллелям, которые обнаруживаются в связи с современным Российско-Западным противостоянием и Специальной военной операцией на Украине. Накачка Турции (Украины) вооружением, поддержка повстанческого движения Шамиля на Кавказе (неонацистов Правого сектора и бандеровцев на Украине), взращивание сепаратизма в Польше (сегодня попытки оторвать от России Беларусь и Казахстан, в январе 2022 г. Армении). И тогда осуществлялась блокада морских портов, вводились торговые санкции. Яростной была и информационная война, которую начали ведущие газеты держав.

Россия обвинялась в стремлении оккупировать Турцию, хотя русский ультиматум февраля 1853 г. не содержал никаких территориальных претензий и открытых угроз в отношении Турции. Подтверждалось, что оккупация османской территории осуществляется «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России».

Сразу после Синопского сражения английские газеты в отчетах о сражении живо писали, что русские достреливали плававших в море раненых турок. И общественное мнение в Англии и Франции стало склоняться к поддержке вступления в войну против России на стороне Османской империи, что и произошло вскоре. А английская либеральная газета «Дейли ньюс» в 1853 г. уверяла читателей, что христиане в Османской империи

пользуются большей религиозной свободой, чем в православной России и католической Австрии.

И все-таки блицкриг провалился. Потерпев неудачу на Балтике, в Белом море и на Тихом океане, объединенные англо-французские войска сосредоточили военные усилия на захвате главной базы Черноморского флота. Обширно задуманная глобальная война по периметру России свелась к борьбе за обладание Севастополем и расположенными рядом городами. Размах Восточной войны сузился до войны Крымской, в которой усилиями пропагандистов и политиков якобы победили союзники (в том числе и Турция).

В победы союзников в Восточной войне можно зачесть сожжение и разграбление нескольких деревень на Белом море, безответную бомбардировку Соловецкого монастыря, взятие недостроенной русскими крепости на Аландских островах, захват южной части Севастополя.

Парижский мирный договор, заключенный 6 марта 1856 г. между Россией с одной стороны и Великобританией, Французской, Австрийской и Османской империями, Пруссией и Сардинским королевством, оставлял Крым за Россией. В обмен на это Россия возвращала приобретенные в ходе войны турецкие территории на Кавказе. Все, в общем-то, остались при своих интересах.

Участникам антироссийской коалиции не удалось добиться своих целей в отношении России. Они лишь ослабили на какое-то время ее позиции на Балканах, да на 15 лет лишили Россию ее Черноморского флота.

Другими последствиями этой якобы «провальной» для России войны стали:

- расстроенная финансовая система России. Она была восстановлена через 14 лет;
- военные действия на Дальнем Востоке подтолкнули российское правительство к дипломатическим усилиям по ускоренному присоединению к России Приамурья и Приморья (1858–1860);
- война стала толчком к реформам (экономической, военной, судебной, административной и т.д.) и отмене крепостного права в России, что объективно усиливало страну и ее армию;
- еще до окончания войны правительство Российской империи пересматривает свою политику в области железнодорожного строительства. Стало понятно, что державу железные дороги оберегают лучше перовклассных крепостей;
- в ходе Восточной войны Россия активизирует свою деятельность в Средней Азии. В 1854 г. основывается укрепление Верное (будущая Алма-Ата) и присоединяется Заилийский край, строятся укрепления по нижнему течению Сыр-Дарьи. Таким образом была создана линия для защиты от набегов из Коканда, Хивы и Бухары. Эта линия впоследствии стала исходным рубежом для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию;
- западные союзники на Парижском конгрессе 1856 г. пожертвовали интересами закубанских горцев, которых они побудили на враждебные выступления против России (как сегодня западные политики бросили на произвол судьбы своих союзников в том же Афганистане), а потому продолжился их массовый отъезд в Турцию. Это позволило России завершить в 1864 г. Кавказскую войну и надежно закрепить на Северном Кавказе.

УРОКИ НА БУДУЩЕЕ

Очень много параллелей можно обнаружить между событиями Восточной войны 1853—1856 гг. и Специальной военной операции на Украине. В обоих случаях речь шла о защите граждан — единоверцев или соотечественников, проживающих на территории другого государства. Вмешательство извне мешало урегулировать конфликт мирным путем. Накачка оружием и побуждение к войне было способом ослабить Россию и по возможности подчинить ее интересам закулисных организаторов войны. И даже когда речь шла о завершении конфликта, находились причины и поводы ее продолжить.

Именно поэтому внимательное изучение событий 170-летней давности поможет извлечь уроки, которые могут пригодиться для скорейшего завершения конфликта на Украине. Ведь война была и остается бедствием для всех стран и народов, втянутых в нее.

Остановлюсь только на одной стороне противостояния — на участии в войне Имама Шамиля, которого султан даже произвел в генералы.

После пленения в 1859 г. Имам Шамиль обосновался в Калуге, познакомился с жизнью России. Через несколько лет он написал Царю: «Ты, Великий Государь, подарил мне жизнь... покорил мое сердце». После близкого знакомства с русскими подданными он заявлял: «Если бы знал, никогда бы не воевал против». Вскоре он обращается к Царю с просьбой принести присягу на верноподданство, заявив, что он готов принести ее всенародно. 26 августа 1866 г., ровно через шесть лет после пленения, Имам Шамиль с сыновьями приносит присягу на верность России. По сути, он признал бессмысленность той борьбы, которую вел против России, призвал свой народ разделить с Россией ее судьбу.

Кто бы мог подумать в середине 50-х годов XIX в., что чеченцы, ингуши, кабардинцы и черкесы — народы через полвека с начала Первой мировой войны потребуют отправить их воевать за Россию. Они создадут Кавказскую дивизию, в составе которой за Россию будут мужественно сражаться потомки воинов Шамиля.

Этот факт не является каким-то исключительным. Это скорее правило — жить в союзе и единстве, вместе сражаться за сохранение империи.

Кто бы мог подумать на излете XX в., что чеченцы, поверившие религиозно-криминальным вождям, ослепленным идеями сепаратизма и национализма, через 20 лет будут отчаянно сражаться за интересы России в Специальной военной операции на Украине. Но это случилось.

И подобное в истории России случалось неоднократно. Беглые крестьяне сбивались в ватаги на южных окраинах России, ходили за «зипунами» в Персию и Турцию, казаковали, даже воевали с царскими воеводами. Но в конечном итоге три года в отбитом у турок Азове ждали царя-батюшку, поклонились России Кавказом, Сибирью и Украиной. А потом заступили на охрану сухопутной границы России от Уссурийского края до Кубани и Дона.

Казалось бы, с татарами у русских складывались сложные отношения. Однако для решения политических задач татарские войска активно использовали уже Василий I и Иван III. А Иван Грозный доверился им при взятии Казани и Астрахани, в Ливонской войне и в опричнине.

В XII в. вслед за ганзейскими купцами на восточный берег Балтики пришли крестоносцы для завоевания и крещения языческих народов.

Ливонский орден на долгое время станет одной из главных угроз для западных рубежей Руси. Потомки ливонских пленников Ивана Грозного с начала XVII в. активно привлекаются для формирования «полков иноземного строя», верно служат России и в дальнейшем. Прусская дисциплина, вышколенность и доведенная до автоматизма выучка вдохновили Павла I на военные реформы. Многие из остзейских немцев на русской службе делают славную карьеру. Генералу Карлу фон Толлю принадлежит план войны с Наполеоном, он разработал оперативный план Бородинского сражения. Генералу Барклаю-де-Толли принадлежит «тактика выжженной земли», которая вызывала протест у русского помещичьего дворянства, но именно она во многом предредила исход военной кампании. Накануне Первой мировой войны среди 169 «полных генералов» было 48 немцев (28,4%), среди 371 генерал-лейтенанта — 73 немца (19,7%), среди 1034 генерал-майоров — 196 немцев (19%). Балтийскими немцами в русской армии и флоте были генералы Ренненкампф, Миллер, адмирал фон Эссен, барон А. Будберг, генерал Н. Бредов. Знаменитый философ Иммануил Кант во время кратковременного захвата Кенигсберга русской армией принял русское подданство. Он отказался возвращаться в прусское и умер подданным России.

Верно служили России ее финские, среднеазиатские, кавказские, прибалтийские подданные. Немцы, поляки, представители многих других народов, которые вошли в состав империи. И украинцы вместе с Богданом Хмельницким, когда влились в строй российского воинства.

Напрасно думать, что данная тенденция ушла в прошлое.

Депутат Верховной рады Анна Скороход в октябре прошлого года заявила, что число дезертировавших солдат ВСУ уже превысило 100 тыс. человек. Депутат Верховной рады Руслан Горбенко, в свою очередь, ранее сообщал о возбуждении более 80 тыс. уголовных дел за самовольное оставление воинской части.

В 2023 г. в составе российской армии появился батальон имени Богдана Хмельницкого — первое подразделение, состоящее из бывших украинских военнопленных, принесших присягу России. Подразделение поступило на службу в состав оперативно-боевого тактического формирования «Каскад». Добровольцы батальона имени Богдана Хмельницкого уже доказали преданность российской присяге на самых опасных участках фронта.

Аналитик сербского Центра геостратегических исследований Лукас Лейрос в начале ноября 2024 г. в статье для портала infoBRICS констатировал: «Отсутствие веры в победу не только заставляет украинцев дезертировать, но и побуждает многих из них переходить на сторону России — сдаваться в плен, вступать в ряды российской армии и возвращаться на фронт, чтобы бороться с режимом, который ведет страну к гуманитарной катастрофе».

По словам Лейроса, Киеву не удастся убедить население в том, что Украина стоит того, чтобы рисковать ради нее жизнью. Кризис охватил страну не только на военно-политическом, но и на психологическом уровне.

«Интересно что ни Украина, ни НАТО не в состоянии понять, что такая безответственная политика лишь приближает поражение. В будущем этот кризис неизбежно обострится и вызовет бурную ответную реакцию. Солдаты и их родственники будут сопротивляться диктатуре Владимира Зеленского», — заключил Лейрос.

24 февраля 2022 г. Президент России Владимир Путин объявил о начале Специальной военной операции в Донбассе с целью «защиты людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима». Он также сообщил, что Россия будет стремиться к «демилитаризации и денацификации Украины». В том же обращении Президент России призвал украинских военных сложить оружие и «идти домой», а также пообещал, что они смогут беспрепятственно покинуть зону боевых действий.

25 февраля 2022 г. на срочном заседании с Советом Безопасности Владимир Пути призвал военнослужащих ВСУ брать власть в Киеве в свои руки. «Еще раз обращаюсь к военнослужащим Вооруженных сил Украины: не позволяйте неонацистам и бендеровцам использовать ваших детей, жен и стариков в качестве живого щита, берите власть в свои руки. Похоже, нам с вами будет легче договориться, чем с этой шайкой наркоманов и неонацистов, которая засела в Киеве и взяла в заложники весь украинский народ».

Почти три года было на раздумье у политиков, военных, всех граждан Украины. Пришло ли время прислушаться к этому совету Президента России? Американские и европейские политики вместе с их украинскими подопечными тоже имеют еще возможность остановиться. Им не удалось ни санкциями, ни военной силой разрушить единство России, встречающей агрессора сплоченностью и укрепляющейся экономикой, армией, получившей опыт ведения современной войны.

Президент России несколько раз заявлял, что наша страна еще не начала воевать, не дала адекватный ответ агрессору. Хотя, каким будет этот ответ, нам всем ясно. Еще Великий князь Святой земли Русской заповедовал: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

Каким может быть ответ агрессору, указывает нам история нашей страны.

Обманутая Украина прозреет. К людям приходит осознание, что истоки большинства проблем их родины находятся в Америке, Германии, Франции, Польше, странах Прибалтики и т.д. Именно эти страны, прикрываясь личиной миротворцев, осуществляют агрессию против Украины. Из этих стран поступает оружие, которое убивает их родину, их родных и близких. Именно эти страны и Евросоюз в целом совершили государственный переворот в стране, создают для Украины ситуацию искусственного банкротства, навязывают кредиты, которые можно отдать, лишь распродав землю, богатства недр, оставшиеся промышленные и сельскохозяйственные предприятия. И уже многое передано в собственность иностранцев. Нет, не в собственность народов Запада, а бриллиантовому ожерелью того самого «золотого миллиарда».

РОЙТЕ ЯМУ, ГОСПОДА!

В русской национальной традиции существует поговорка-предостережение людям неразумным или незрелым, ослепленным яростью и злобой, а потому неспособным осознавать пагубного последствия своих действий. Завет народной мудрости советует им остерегаться от действий, чтобы не наделать глупостей. А звучит он так: «Не рой другому яму — сам в нее попадешь». К сожалению, этот добрый совет не идет впрок глупцам, и они с остервенением продолжают рыть на своем пути ямы, которые впоследствии

оказываются их собственными могилами. А еще они рубят ветки, на которых сидят... Плюют в колодезь, к которому возвращаются испить водицы... Вновь и вновь наступают на грабли... Предают друзей и множат врагов...

Пророчил им незавидную долю Александр Пушкин.

Николай Некрасов, один из многих литераторов, был уверен в Божием возмездии тем, кто «хвастливо предрекал нашу гибель».

Предостерегали неразумных великие мыслители, философы, литераторы, духовные лидеры и народные мудрецы.

Глупость в предлагаемом рассуждении обозначает не отсутствие ума и сообразительности, не проблемы с адекватностью мышления или отсутствие логики. Все это у человека может присутствовать. В качестве доказательства своей разумности он может даже предъявить диплом о высшем образовании, о наличии ученой степени доктора наук, звания профессора или академика. Кто-то выставит в качестве показателя собственной мудрости богатство, состоятельность, статус. При этом может поерничать: «если вы умные, почему бедные».

И все-таки главным признаком мудрости человека следует считать не только образование, полученное им, а этические нормы, которым он следует. Высокая нравственность — это и есть признак мудрости.

Сократ полагал: «Высшая мудрость — различать добро и зло».

Отсутствие этих качеств многократно демонстрировали политики западных держав. Вероломность и нарушение договоров, нарушение законов и обычаев войны, шизофрения (двойные стандарты) в политике, обман, злоупотребление доверием, воровство — нет ни одной Божественной заповеди, которую бы не нарушили представители западных элит.

«Ройте ямы, господа!» Готовьте революции и народно-освободительное движение. Ведь разрубить гордиев узел Украины можно только одним способом — вернуть власть в стране народу, отказаться от всех долгов Западу, навязанных режимом Зеленского и предшествующими узурпаторами. А для этого нужно всего лишь повернуть оружие против тех, кто захватил власть в стране в 2014 году. Как это сделали ополченцы Новороссии. Это могут сделать сохранившие честь и достоинство военнослужащие Украины. Да и беглые украинцы могут тоже подключиться к восстановлению справедливости. И в тылу европейских стран развернется нешуточное противоборство.

Откровенно говоря, мне бы не хотелось увидеть объятую пламенем гражданской войны Европу и Соединенные Штаты. Лучше худой мир, чем добрая ссора. Да вот только приходят неутешительные известия. Радикальные движения на Западе уже обретают националистический окрас желто-синего цвета.

Экс-разведчик американских ВС Скотт Риттер в первых числах Нового года рассказал, что украинские беженцы в США, которые придерживаются бандеровской идеологии, создают угрозу для страны. Они создают иллюзию обычной жизни, пользуются поддельными документами и при этом хранят оружие, чтобы применить его в нужный момент. Он предположил, что из чувства мести бандеровцы могут попытаться лишить жизни американского президента. Он рассказал, что в Элленвилле (штат Нью-Йорк) существует «огромный детский тренировочный лагерь, где они готовят следующее поколение бандеровцев и тренируют их прямо здесь».

А может быть, сакральное предназначение народа Украины заключается в том, чтобы разрушить экономику Западного мира, посеять там хаос. Сделать со странами капитала то, что их элиты сотворили с цветущей недавно страной.

Народ Украины для Запада — разменная монета в грязной политике. Главная цель — богатства страны, а также возможность создания плацдарма для смертельного удара по России. Так было и в Восточной войне, Турции была уготована роль разменной монеты, которой не жалко пожертвовать для обретения богатств России.

ВЫШЛА КНИГА

ZOV Победы. Краснодар. 2024.

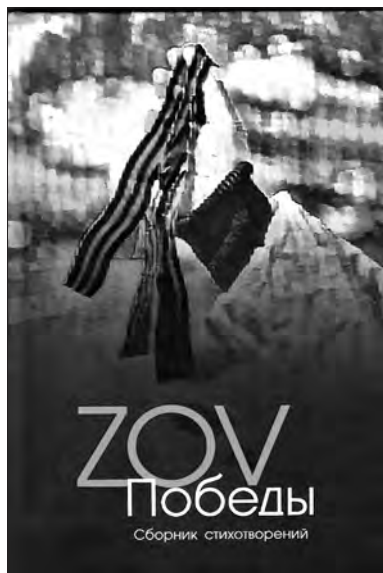
В кубанской столице вышел в свет уникальный сборник стихов «ZOV Победы», посвященный героям СВО. В нем собраны патриотические произведения членов Союза писателей России, известных журналистов, а также начинающих литераторов.

По словам председателя Краснодарского регионального отделения СПР Светланы Макаровой-Гриценко, одной из авторов книги, изданию предшествовала серьезная работа по отбору стихотворений, был организован ряд тематических мероприятий.

«ZOV Победы» — это посильный вклад живущих на Кубани поэтов и всех безразличных к судьбе страны литераторов в общее дело уничтожения поднявшего голову нацизма.

Активное содействие в издании сборника оказали депутаты Государственной Думы РФ и Законодательного Собрания края, краснодарской Гордумы.

Тираж направят в библиотеки Краснодарского края и, непосредственно, нашим воинам, кто с оружием в руках находится сейчас на передовой в зоне Специальной военной операции.

Точка ЗРЕНИЯ

Владимир ИЛЯШЕВИЧ

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ (ПОД)СОЗНАНИЕ, ИЛИ О ЧЕМ МОЛЧИТ «БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ»

Владимир Николаевич Иляшевич — родился в 1954 г. в Таллине. Русско-прибалтийский писатель-прозаик, историограф Русской Прибалтики, секретарь Союза писателей России (с 1998) и председатель Эстонского отделения СПР. В прошлом — журналист-международник (возглавлял Эстонское отделение, а затем Региональный корпус АПН в странах Северной Европы), политолог. Живет в Таллине.

...Прошло 18 лет с публикации первой версии этой обширной темы о сущности происходящих в Прибалтике и на «западе» в целом событий в региональном прибалтийском журнале Союза писателей России — «Балтика» за № 1/2007 года (Таллин, Эстония). Неожиданно для автора, по материалам было множество обзоров в солидных российских изданиях. Время доказало, что изложенные тогда видение событий, аналитика и прогнозы оказались верными, что, признаться, льстит профессиональному самолюбию международного историка и философа, но, увы, совсем не радует как человека и писателя... Что же происходит там, за западными границами нынешней России, на протяжении последних 35 лет?

Хроника (вместо предисловия)

Осень 1944 года. В боях за освобождение Эстонии погибли 280 тысяч советских солдат и офицеров, в том числе множество эстонцев («Известия», 16.01.2007). Павших в боях за Таллин хоронили в центре города, напротив церкви Каарли; тогда же в их память была установлена фанерная надгробная доска с именами 11 из 13 похороненных под ней солдат.

1945 год. Таллинский горисполком провел конкурс на лучший эскиз надгробного монумента, в результате которого среди 20 кандидатов победил эскиз памятника Скорбящего солдата эстонского скульптора Энна Рооса и архитектора Арнольда Аласа.

1947 год. Памятник был установлен в центре Таллина, в сквере на холме Тынисмяги, где расположена братская могила 13 советских солдат.

1974–1975 годы. Из-за расширения дороги была изменена планировка прилегающего сквера. В 1979 г. на доломитовой плите с именами были установлены бронзовые таблички с названиями вошедших в Таллин войск.

1990-е годы. После распада СССР эстонские власти убрали «Вечный огонь» и стали поднимать вопрос о сносе или переносе монумента, мотивируя это тем, что расположенный в центре города монумент мешает движению автотранспорта. Были убраны бронзовые плиты с именами похороненных военнослужащих.

Май 2006 года. Премьер-министр Эстонии Андрус Ансип заявил, что «стоящий в центре Таллина памятник советскому Воину-освободителю уже давно следовало бы убрать в другое место, так как он является символом оккупации страны».

Июль 2006 года. Власти эстонской столицы официально отказали премьер-министру республики в демонтаже мемориала. Мемориал был взят под охрану таллинской молодежной организацией «Ночной дозор».

Январь 2007 года. Парламентом Эстонии был принят закон «Об охране воинских захоронений», согласно которому решение о судьбе воинских захоронений и памятников принимают не муниципальные власти, а министерство обороны Эстонии и специальная комиссия этого ведомства.

15 февраля 2007 года. Парламент Эстонии принял в заключительном чтении законопроект «О сносе запрещенных сооружений», который позволяет эстонским властям на законном основании демонтировать памятники советским воинам, в частности, монумент Воину-освободителю в центре Таллина.

26 апреля 2007 года. В Таллине состоялся митинг защитников «Бронзового солдата», протестовавших против нарушающего международные нормы решения властей начать работы по эксгумации и идентификации захороненных рядом с памятником останков советских воинов. Участники митинга были разогнаны полицией с применением слезоточивого газа, водометов, резиновых дубинок и пуль, а также шумовых и световых гранат. В ночь на 27 апреля 2007 г. во время массовых беспорядков один человек погиб (гражданин РФ Дмитрий Ганин, 1987 года рождения, постоянно проживающий в эстонском городе Муствеэ, 27 апреля был доставлен в больницу с ножевым ранением, в 2 часа ночи он скончался) и 44 получили ранения.

В ночь на 27 апреля памятник был негласно демонтирован и спрятан по распоряжению правительства А. Ансипа.

27 апреля 2007 года. Акции массового протеста продолжились. Пострадало несколько десятков человек. Арестовано всего более 1000 человек и пострадало 153. Полиция действовала беспрецедентно грубо, применяя резиновые дубинки и пули, слезоточивый газ, шумовые и световые гранаты, водометы. Члены правительства Эстонии в публичных выступлениях старательно подчеркивали, что никто из них не несет личной ответственности, а «решение было коллективным».

28 апреля. Беспорядки продолжились и перекинулись на другие города, в которых проживает русское население (Кохтла-Ярве, Нарва, Тарту).

После переноса памятника

«Получив из рук Ельцина независимость, власти Эстонии пытаются самоутвердиться, как подростки, которые наконец-то почувствовали себя

взрослыми. И здесь они явно перебарщивают в части дистанции с государствами, сотрудничество с которыми выгодно и необходимо. Второй момент: власти явно не ожидали такого жесткого ответа со стороны собственного населения. Борьба за памятник и могилы русских солдат стала поводом для высказывания недовольства в части гражданских прав или отсутствия таковых у русскоязычного населения страны. И, на мой взгляд, даже при всей невозможности разрешения споров по этой части, можно и нужно было выбрать другое время, ведь очень скоро День Победы. Безусловно, все эти события значительно осложняют отношения между нашими государствами», — сказал российский политолог **Андрей Патралов**.

«Мы получили расколотое общество. Это общество надолго теперь расколется по национальному признаку. Расширятся ли беспорядки или им удастся положить конец — здесь больше ничего не поможет. Такие вопросы нельзя решить силой», — говорится в заявлении городского головы Таллина и лидера крупнейшей в Эстонии Центристской партии **Эдгара Сависаара**.

Эдгар Сависаар (1950–2022) — эстонский политик, родившийся от русской женщины (отец неизвестен), бывший член КПСС, один из организаторов событий 1989–1992 гг. в Эстонии, которые привели к развалу СССР в части Прибалтики. Сценарий по развалу страны, не имевший для этого объективных, непреодолимых предпосылок, был тиражирован по всем республикам СССР практически по одним лекалам: с «народными фронтами» и с настойчивым усилением русофобской риторики, без исключения. Лишь позднее в Белоруссии, благодаря здоровому ядру во главе с А.Г. Лукашенко, нынешним президентом Республики Беларусь, удалось локализовать деятельность русофобов, выстоять в 1990-е годы, сохранив промышленность и сельское хозяйство своей страны. Лидер Центристской партии Эстонии Сависаар, при поддержке иудейского лобби в Прибалтике и в основном в Москве, выдавался чуть ли не за «пророссийского политика», что совершенно не соответствует действительности, а ЦПЭ являлась своего рода обманкой для манипуляций, в первую очередь, русскоговорящими избирателями в Эстонии. Так, руководители-эстонцы из ЦПЭ неоднократно публично высказывали в эстонской инфосреде соображение, что «Центристская партия нужна Эстонии только для того, чтобы не дать русским создать свою». Все это управлялось из Москвы антироссийскими силами, включая министра иностранных дел А. Козырева, также иудея и русофоба, которому лишь в 2025 г. МИД РФ в лице директора департамента информации и печати Марии Захаровой дал подобающую оценку, назвав Козырева, проживающего ныне в США с 2006 г., предателем, а период его управления министерством до 1997 г. — «козыревищиной».

В настоящее время вряд ли вызывает у кого-то сомнение, что Козырев был связан с западными и израильскими спецслужбами. Естественно, после ухода Козырева в самом конце 1997 г. должностные лица, расставленные по влиятельным местам в министерстве, продолжали какое-то время прежнюю политику «недопущения формирования дееспособной политической организации русского и разделяющего его позиции русскоговорящего и иного населения» (так сформулировал эту «задачу», которую ставили «козыревцы» перед тогдашней российской дипломатией, в нашей частной беседе один из дипломатов руководящего звена в МИД РФ в 2000-х годах...).

**Открытое письмо председателя Фонда
Андрея Первозванного, Центра национальной славы России,
главы ОАО «РЖД» В.И. Якунина
премьер-министру Эстонии А. Ансипу. 2007 год**

Господин премьер-министр, сегодня ночью в Таллине произошли трагические события, повлекшие за собой гибель людей и арест сотен человек, выразивших свой протест в связи с демонтажем памятника советскому Солдату-освободителю, эксгумацией останков советских воинов, погибших в борьбе с фашистами.

Возглавляемые мной общественные негосударственные фонды Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и Центр Национальной Славы России всегда выступали в поддержку развития диалога цивилизаций, толерантности и веротерпимости. Такая позиция в современном мире является признаком цивилизационной зрелости и ответственности людей за будущее — свое и своих детей.

Однако фашизм, по определению международного трибунала, заклеивает как преступление против человечества и не может подпадать ни под какие сроки давности и моральные амнистии. В этой связи позиция эстонских властей, принявших решение о разрушении памятника и переносе останков погибших воинов, не может расцениваться иначе, как посягательство на историческую память поколений, как грубое пренебрежение общепринятыми нормами международного права и мнением мирового сообщества.

Тяжел суд современников, но страшнее суд истории, который безжалостно оценит действия политических лидеров и определит их ответственность за совершенные деяния.

Члены Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и Центра Национальной Славы России выражают протест в связи с принятыми эстонскими властями решениями и предупреждают Вас о том, что ответственность за насаждение ненависти и подстрекательство к противостоянию между гражданами Вашей страны и за пролитую в результате кровь ложится на правящую элиту современной Эстонии».

«Думаю, что бороться с мертвыми — это самое последнее дело, — сказал 2 мая 2007 г. уроженец Таллина, самый выдающийся эстоноземелец за всю историю Эстонии, Святейший **Патриарх Московский и всея Руси Алексей II**. — Нужно с уважением относиться к подвигу тех, кто защищал наше единое Отечество и отдал самое дорогое — свою жизнь — за освобождение от фашизма. Поэтому считаю, что бороться с покойными воинами, которых десятилетиями почитали как освободителей, недостойно. “Нет больше той любви, как если кто душу свою положит за други своя”, — это слова Христа Спасителя. Надругательство над памятью умерших — аморально. На Руси говорится: о мертвых — или хорошо, или ничего. Когда из уст политиков звучат слова, что солдаты Великой Отечественной войны — это пьяницы и мародеры, такие речи недостойны государственных деятелей».

**Апокалиптическое (под)сознание,
или о чем молчит «Бронзовый солдат»**

«Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями людей, и газетный

листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем не уважающего его человека. Что значат все эти незаконные законы, которые, видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством!». Н.В. Гоголь.

«Только правда, чистая правда и беззаветное следование своему незапятнанному инстинкту пробивается до здоровой сердцевины, которую книжный разум и общение с неправдой как бы спрятали в грязные лохмотья». Ф.И. Тютчев.

В конце 1980-х годов болгарская предсказательница Ванга предрекала, что «в Эстонии прольется кровь»¹. Пролилась-таки. Во время массовых беспорядков в вечер 26 апреля (2007) был убит русский юноша, гражданин России Дмитрий Ганин, студент, который учился и мечтал стать архитектором. Он был родом из причудского городка Муствеэ (историческое название: Посад Черный). В середине мая по подозрению в нападении на юношу Дмитрия были задержаны два эстонских парня, два «панка» — Янек, по кличке «Виннету», 27 лет, и Яак, по кличке «Длинный», 23 лет. Всего арестовано было и потом отпущено семь молодых эстонцев, сидевших на момент события в таллинском бапе Woodstock. Некоторые из них связаны с полувоенной гражданской организацией «Кайтселийт», наподобие «штурмовиков Рема» в нацистской Германии 1930-х годов... Один из них задолго до того уже имел дело с полицией за то, что орудовал молотком в одной из драк...

Утром 27 апреля Эстония проснулась другой. Всем стало очевидно, что разговоры о межнациональной интеграции в стране годами служили лишь пропагандистским целям. Эстонские политики-этнократы русофобского толка из года в год вели дело в одном направлении — к завышению уровня собственного достоинства, гордыни, самомнения, чванства и, главное, материального и социального благосостояния через унижение русского и русскоговорящего населения, путем вытеснения его на более низкие социальные ступени. Вместо интеграции работала программа ползучей ассимиляции, о чем говорилось публично не один раз. Сейчас это носит характер неприкрытого гонения и принуждения. Во многом им это удалось, но далеко не во всем. Да, общий уровень жизни эстонцев примерно на 40% выше, а наркоманов и асоциалов больше среди неэстонцев, что говорит о большем социальном неблагополучии русскоговорящего населения. Финансирование культурных потребностей русского и русскоговорящего населения на порядок меньше, нежели финансирование эстонской культуры, и это без всякого учета пропорционального вклада русских и русскоговорящих налогоплательщиков в бюджеты государства и местных самоуправлений. Полным ходом осуществлялся и сейчас завершается навязанный процесс «мягкой»

¹ Ванга предсказала «большую, длинную и кровавую войну на Украине», фактически гражданскую, «добра против зла, в которой победит добро в лице России». Она, видимо, обладала, способностью метафизического свойства, при котором когнитивные средства и возможности наличествуют из арсеналов вне формально-логических (рацио) казуистических. Говоря об общественном сознании и интеллекте, обладающих свойствами субстанциональными (не есть просто сумма сознаний отдельных личностей), известны такие формы, как «народная интуиция», «интеллектуальная интуиция» (Рене Генон), «умное сердце» (традиционное христианское богословие, исихазм, индуистские практики йоги и т.д.), персонифицированные уникальные связи и рефлексии «ноосферы Земли» (Вернадский-старший) и т.д. (Примечание автора — апрель 2025).

фактической ликвидации школ и прочих образовательных учреждений с русским языком обучения. Таков итог политики скрытого этносоциального апартеида, этноцида, политики разделения общества с использованием этноязыкового фактора с целью обеспечить «своим» более высокое социально-экономическое положение¹.

Однако же расчеты на ассимиляцию без реакций протеста оказались пустыми. Какова же разница между декларируемой в Эстонии интеграцией и реальной интеграцией? Формула реальной интеграции очень проста: для всех должны действовать гражданско-правовое и социально-экономическое равноправие, равные стартовые условия вне зависимости от национальности и прочих индивидуальных характеристик.

Согласно основам римского права, созданного еще в виде «Кодекса Юстиниана» в период правления императора Юстиниана в православно-христианской Римской империи первой половины VI в. н.э., никто не может быть лишен прав, которыми обладал ранее на определенной территории юрисдикции, вне зависимости от актуальной формы правления (то есть государственности), иначе кроме как по решению суда в порядке частно-правового судопроизводства. Другими словами, основы римского права, являющиеся базой для всей европейской правовой системы, утверждают, к примеру, что никто не может быть лишен гражданства и гражданских прав, если таковыми он пользовался до смены формы правления (государственности) на одной и той же территории проживания/юрисдикции, в нашем случае, в ЭССР/Эстонской Республике. Основой такой правовой системы является ГРАЖДАНСКОЕ, а не национальное общество, что есть основополагающий принцип, грубо нарушенный всеми республиками Прибалтики. Таким образом, лишение всех, кто проживал в Эстонии на основании гражданской прописки до провозглашения отделения Эстонии от СССР и, таким образом, был гражданином ЭССР, не мог быть лишен гражданства Эстонской Республики вне частного судебного производства даже на основании Основного закона (Конституции). Все иные решения такого рода запретительного порядка, принятые законодателем или высшей администрацией исполнительной власти (правительством), являются НЕПРАВОМОЧНЫМИ и расцениваются как НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА и как РЕПРЕССИЯ, а в случае множественности носят МАССОВЫЙ характер, что имеет также принципиальное значение (массовое нарушение прав человека есть признак тоталитаризма и диктатуры). Кстати, та же норма действует и в отношении лиц определенных профессий. Противоправно было ограничивать права бывших чекистов вне частных судебных уголовных производств, то есть на основе

¹ В международном праве выделяются ясные признаки апартеида. Первое, сегрегация (разделение) населения на группы по расовому, национальному и/или языковому признакам. Второе, создание преимуществ, преференций и льгот по этим признакам для одной части населения и за счет другой или других частей населения. Третье, этноцид, то есть запреты, «отмена» культурно-языкового, образовательного-просветительского, религиозного, научного и т.п. самоопределения, применяемые в отношении эксплуатируемой части населения по указанным выше признакам. Утверждение состояния неравноправия происходит в трех главных сферах гражданского и общественного состояния: гражданско-правовой, социально-экономической и культурно-языковой путем введения ориентированного на неравноправие законодательства и с использованием репрессий, включая внесудебные. (Примечание автора — апрель 2025).

законов или административных распоряжений. Если основной закон не позволяет ограничивать права человека даже решением уголовного суда, то любое ограничение являет собой репрессию. В отношении сотрудников спецслужб ЭССР было введено репрессивное «телефонное право» с целью ограничить их активное избирательное право (быть избранным в органы власти) и право на трудоустройство (запреты на профессии = любые руководящие должности в государственном и муниципальных аппаратах).

Но в культурно-языковой среде для этноязыковых сообществ предпочтителен своего рода «культурный национализм» и взаимообмен, а не сращивание. Увы, пятнадцать лет проводилась политика диаметрально противоположная. Русское и русскоговорящее население было лишено гражданско-правового равноправия, осуществлялась его социально-экономическая геттоизация, фактическое подавление культуры, языка и образования. Вспоминается, как в 1996 г. один очень известный и влиятельный эстонский политик на мой частный вопрос в коридорах Рийгикогу при случайной встрече (сегодня укажу на это лицо — Сийм Каллас (примечание автора — 2025)), когда же будет обеспечено для русской части народа Эстонии равноправие в гражданско-правовом смысле, ответил, смеясь, что, мол, когда все нажитое Эстонией «поделим между собой, без русских». Мол, «пирог» и без того небольшой. Вот так, откровенно и цинично. При этом, надо отметить, бывший комсомольский деятель и член КПСС Каллас вовсе не отличался какой-то русофобией, но считал сказанное им с улыбкой какой-то веселой присказкой... За краткий исторический период мы увидели, что и это была ложь, так как за минувшие 25 лет, с того времени разговора в Рийгикогу, уже не раз ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЯЛОСЬ то, что «надо поделить», и каждый раз снова за счет русского и русскоговорящего населения...

А что, таким образом проявляет себя радикальный национализм? Именно так считает подавляющее большинство аналитиков до сих пор, в том числе российских, характеризуя правящую корпорацию прибалтийских республик и ведущие политические силы этих стран как «радикально-националистические». Тем временем, смею предположить, что обвинение в адрес эстонцев или латышей в сугубом национализме, если хотите, в трайбализме, все же не является вполне обоснованным, по большому счету. Достаточно будет лишь задать вопрос: а куда исчезает этот радикальный национализм, когда речь заходит о взаимоотношениях прибалтийских республик с «западом», да и вообще с любым государством и народом, кроме русского и братского ему белорусского? На поверку оказывается, что весь радикализм неприятия и даже, порой, зоологической ненависти сосредотачивается лишь на одной национальной фобии — в отношении русских и России. Словом, речь идет о русофобии, и только о ней. Причем на бытовом уровне среди национально мыслящих эстонцев откровенных русофобов надо постараться найти. Эстонцы, как и другие народы уральской языковой семьи или иные славянские этносы, в целом весьма миролюбивы и терпимы. Не странная ли «избирательность» для национализма? Здесь, в справке, приводятся новейшие сведения из палеогенетики с 2008 г. (это биологические факты!), доказывающие абсурдность расизма, любого проявления шовинизма и национализма как явлений сугубо социокультурных, включая религиозные, как у иудеев, ставших для них основой не этнических, а религиозно-общественных образований (такой политической нации не существует).

Справка: По новейшим данным палеогенетики (с 2008 г. специалисты научились определять ДНК (секвестировать) из множества скелетных останков, накопанных археологами в мире не за одно столетие), балтские этносы — нынешние литовцы, латыши и, как оказалось, эстонцы — мутационно сформировались ок. 3000 лет назад из населения балтийских праславяно-ариев (экзонимы — венеты, энеты, анты — происходят от эндоэтнонимов славенеты, словенаты и т.п.), и это произошло с приходом первой волны уральцев (не финнов), которые были ассимилированы. Напомним, что в Прибалтике и широко за ее пределами, по всей Восточной Европе, уже 5000–4500 лет назад царила археологическая культура «боевых топоров» и «шнуровой керамики», однозначно праславянская, генетически выделившаяся уже 6000 лет назад из общей арийской Y-ДНК R1a Z645. Вторая волна уральцев (финнов) прибыла в Прибалтику через север ок. 2000–1500 лет назад уже в нашу эру, и была еще более минорной, но также была ассимилирована балтами нынешних Эстонии (пришельцы были урало-финские водь и вепсы) и Латвии (пришлые ливы). При этом будущие эстонцы переняли язык пришельцев-води, который позднее, за 1000 лет распространился по всей нынешней Эстонии, а в Латвии язык остался прежний, балтский (ныне латышский), имеющий, как и литовский язык, на 72% совпадения лексической базы с русским, то есть с архаичным праславянским истоком.

Уральские гаплотипы гаплогруппы ДНК N1a1 являются минорными в генетическом портрете трех прибалтийских этносов, по сравнению с доминантной праславяно-арийской гаплогруппой/гаплотипом Y-ДНК R1a Z645-Z280, Z458, при этом больше всего этой минорной уральской N1a1 фиксируется у латышей (ливы были крупнейшим уральским этносом), а водь и вепсы (носители языка, из которого появился современный эстонский язык) еще сохранились в Ленинградской области до сегодняшнего дня.

По данным исследователей Института генома Тартуского университета (д.б.н. Тыну Эско, 2010 год), ближайшими генетическими родственниками эстонцев являются: 1. русские, 2. латыши, 3. литовцы, 4. поляки... а финны лишь на 12 месте. Таким образом, самыми прямыми и, так сказать, генетически «чистыми» потомками праславяно-ариев Прибалтики оказываются русские Причудья и латгалы Латвии. Не случайно на эстонском языке экзоним русских — «венелане», как и у финнов — «веняляйнен», происходит от более древнего экзонима праславян — «венеты», венецы, как и эстонское слово «венд» (брат). Здесь следует отметить: термин «арии» не имеет отношения к нацистской евгенике и к расовой интерпретации «арийцы», а предки латино-германских этносов и вовсе оказались генетически не ариями, а так называемыми «эрбинами» (R1b, по основному гаплотипу — U-106), которые вторглись в Европу через Испанию всего лишь 4800 лет назад, и все их языки, кроме реликтового баскского, получили начало от праславяно-арийского/венетского языка (язык-основы вместе с индоарийским санскритом) в регионе Центральной Европы прим. 3000 лет назад, как и культура «кельтов» (праславянские: клт, клд, «колдуны») с поклонением священным дубам («древам», «древу» = друидизм). Приобщившись к друидизму, западноевропейские «эрибины» (скотты, гэллы, галлы, пикты, баски) приняли самоназвание «кельты» и привнесли свои совершенно отвратительные традиции человеческих жертвоприношений, которые, увы, обратным влиянием просочились в среду куда более высокоразвитых ариев-праславян в

центральноевропейском и дунайском порубежье. В конце XIX в. британцы навязали использование вместо арийского языка-основы очень неудачное определение «индоевропейская языковая семья». Отметим здесь также, что к семье этносов, выделившихся из ариев на Восточно-Европейской равнине прим. 4500—3200 лет назад, принадлежит также множество этносов Прибалтики, а также Великой Степи (позднее перешедшие на тюркские языки, например, казанские татары), в том числе поздние скифы-степняки (ранние скифы были праславянской «веткой» из ариев, «Малая Скифия», 3600 лет назад), многие этносы Центральной и Средней Азии, Северного Кавказа, Индостана, Среднего Востока и даже митаннийские арабы (12% арабов, хранители Мекки и Каабы, так называемые «курайшиты»). (Примечание автора — апрель 2025).

Тем временем среди правящей верхушки и в управляемых ею эстонских СМИ, включая изрядную часть русскоязычных, русофобия стала нормой поведения и образом мысли. Дело доходит до анекдотичности, до абсурда. К примеру, когда американские астронавты прибывают на российскую космическую станцию, то, согласно эстонским СМИ, они прилетают на «международный» орбитальный комплекс. У «лапотной» России, дескать, не может быть космонавтики. Когда на Эстонию надвигается непогода, то эстонские синоптики в публичных выступлениях оперируют сторонами света. Кроме одного случая — когда ненастье идет с востока, то оно приходит... из России. А вот хорошая погода — именно «с востока». Нагнетая ужасы по поводу «русского тоталитаризма и империализма», народу поясняют, что «даже рецепты тортов диктовались Москвой». Правда, о том, что советские ГОСТы требовали, чтобы в креме было масло, а не маргарин, а в колбасе не менее 40—60% мяса, а не соевых и прочих добавок, умалчивается. При этом этих господ ничуть не удручает сегодняшнее тотальное навязывание «евросоюзовских» стандартов. Например, пару лет назад Брюсселем всем приказано было считать овощ-морковку фруктом (!), потому что где-то в средиземноморских странах из этого корнеплода варенье делают. В Эстонии с готовностью и к вящему удивлению исконно эстонского крестьянского народа объявили морковку фруктом, и никаких гвоздей. Все согласны без возражений. Не положено было при вступлении страны в ЕС иметь излишки сахара, но они оказались в эстонских частных фирмах. Плати штраф на многие десятки миллионов. И платят! Конечно, не фирмы, а государство за счет налогоплательщиков, то есть из кармана всего народа Эстонии, без различий в национальности и без малейшего ропота. Говорят о «советской оккупации прибалтийских стран», не задумываясь о том, что теперь нет на это у них никакого морального права, в особенности после того, как по сигналу западных покровителей с готовностью приняли участие (конечно, посильное, по малости сил своих) в агрессии против Ирака и Афганистана, в оккупации этих стран. За что гибнут эстонские парни в далеких южных пустынях, какое им дело до того, как живут неведомые доселе потомки древних шумеров, никто толком объяснить не в состоянии. При этом утверждается, что участие в оккупации далеких от Балтики стран есть пресловутое приобщение к европейству, равно как и лакейское подобиострастие перед всем, что исходит с Запада. Такое вот утешение и признание. Нет, не так себя ведут настоящие нацио-

налисты, коих в Эстонии не так много, тем более тех, кто радикален в своей гипертрофированной любви к отечеству.

Одной из причин удаления памятника Освободителям Таллина стало то, что советский мундир этого эстонского бойца ассоциировался с Россией, с русскими и победой восточноевропейской державы над нацистским монстром, порожденным Западной Европой, ибо основные тяготы освобождения всей Европы от нацизма вынес на своих плечах все-таки русский солдат. Об этом сугубо русофобском мотиве официальный Таллин предпочитает помалкивать. Словом, о России и русских либо ничего, либо плохо. Такая повседневная и нескончаемая «промывка мозгов» населению и тотальная обработка молодежи с самых ее младых ногтей продолжается с конца 80-х — начала 1990-х гг. до наших дней. И все же спросим себя: мы имеем дело с национализмом? Вряд ли. Ведь в ведущих западных странах весьма схожая картина. Но там царствует вовсе не националистическая, а либеральная идеология с ее мондиалистской концепцией и апологетикой махихейства. Действительные правители Европы, строящие очередную «вавилонскую башню», вне-религиозны и даже антирелигиозны в широком, цивилизационном смысле слова. Именно здесь, в апофеозе идеологии «личного успеха», ради которого «все позволено», прячутся корни двойных стандартов, лжи и обмана, которыми кормят общество тотально подконтрольные СМИ. В прибалтийских республиках у власти стоят их младшие братья по разуму — местные радикал-либералы, надевшие на себя национальные одежды. Либеральному радикализму сопутствует низкий уровень религиозности в широком смысле этого понятия. Любопытно отметить, что степень религиозности эстонцев очень низка. Верующими себя считают примерно 10% от всех эстонцев. Нынешняя нерелигиозность эстонцев — предмет для особого разговора. Здесь же скажем лишь, что такое состояние душ стало хорошим подспорьем для возрастания уровня маргинальности. Отказ от традиционных ценностей ведет к возникновению вакуума, который начинает заполняться привносимыми извне иными ценностями. Русофобия же является собой не просто инструмент, своего рода оружие, ибо важно при этом иметь в виду, что именно русофобия выражает принципиальную несовместимость традиционных цивилизационных ценностей (в лице России с ее соборностью и православной парадигмой), с одной стороны, и идеологии воинствующего либерализма — с другой. Национализм используется только как побудительный мотив и эффективное средство манипуляции общественным мнением. И средство, надо сказать, действенное. Однако же, думается, что мыслящей части общества следует сосредоточиться не на теме прибалтийского национализма, а на исследовании влияния идеологии радикал-либерализма, избравшей на сегодняшний день русофобию в качестве политического и пропагандистского кредо.

Стремление обеспечить себе более выгодные условия существования по сравнению с «чужаками» родилось вовсе не как реакция на несуществовавшие (со стороны России и носителей русской культуры) угрозы национальной культуре, языку или выживаемости нации как таковой. (Я готов полемизировать с любым оппонентом, утверждая, что эстонская культура и язык достигли истинного расцвета именно в советский период, и что никакой «оккупации Эстонии» в международно-правовом смысле не было и в помине. Оккупация имеет совершенно определенные признаки и характери-

стики, о чем знает любой профессионально подготовленный правовед. Речь, следуя правилам юридической корректности, может идти об инкорпорации прибалтийских республик в СССР.) В действительности мы имеем дело с куда более серьезными и протяженными во времени процессами — денационализацией народа на основах радикал-либерализма и его маргинализацией в силу нарастающего влияния последствий глобализма.

Маргинализация затронула не только большую часть русскоговорящего населения (массовая миграция из других регионов СССР, отрыв от родной почвы, рождение новых поколений на «чужой» почве и длительный процесс укоренения). Иным образом, но маргинализация затронула также эстонцев. За ничтожные с исторической точки зрения 60 последних лет эстонцы из преимущественно сельского населения превратились в результате интенсивной индустриализации в городское население. На уровне подсознания эстонцы и латыши испытывают страх перед грядущим, ибо они оказались вырванными из своего привычного крестьянского уклада жизни, в котором формировались как этнос и гармонично бытовали вплоть до середины XX века. Стремление к преимуществам родилось от страха потерять свою национальную идентичность сначала с утерей естественного уклада жизни (маргинализация), а затем это желание усилилось с нарастанием процессов глобализации и системным кризисом, а затем и крахом советской системы. Страх — основа агрессивности. Для выхода этих настроений необходимы удобный объект и причина «всех бед». Как правило, именно «чужие» наиболее подходят на роль «виноватых». В нашем случае неизбежно «виноватыми» представились русские и вообще русскоязычные или «иностранцы». Однако же в конечном итоге конфликт по поводу памятника Освободителям Таллина стал ясным выражением, очевидным симптомом раскола общества не только по этноязыковому признаку, но и по социальному, то есть внутри самой эстонской среды. Ведь большинство жителей Эстонии были против его сноса (в Таллине — 57% жителей), хотя было немало и сторонников. Тартуские университетские социологи еще в середине 2006 г. пришли к выводу, что проблема раскола проявляется не только в диаметрально противоположных оценках прошлого и, конкретно, смыслового значения «Бронзового солдата», но, что куда более тревожно, эти оценки имеют отношение к видению будущего народа и страны, перспектив и путей дальнейшего развития эстонского общества. Этот последний фактор имеет системное значение с точки зрения перспектив выживаемости эстонской нации как таковой в новых условиях, складывающихся во всем мире.

Ломка национального архетипа не проходит бесследно. Среди финно-угорских народов всегда был несколько повышенным уровень суицидности, самоубийств. В последние годы Эстония по самоубийствам заняла в Европе третье место, но и первое место имела. *В целом «лидируют» все три прибалтийские республики. Согласно последним данным статистического бюро Eurostat, Литва является абсолютным лидером в Европе по количеству суицидов среди мужчин (71 самоубийство на 100 000). На втором месте находится Латвия (45 на 100 000), на третьем — Эстония (44 на 100 000).*

Как это ни странно, но уничтожение, снос или «перенос» на унизи-тельных для части общества условиях памятника Освободителям Таллина («Бронзовый солдат») оказался очередной акцией самоунижения именно для эстонской нации. Ведь «Бронзовый солдат» — типичный эстонец, класси-

Памятник «Бронзовый солдат».
Фото: СК РФ / <https://life.ru/p/1490425>

ческий эстонский архетип. Памятник был создан самими эстонцами (скульптор Энн Роос, архитектор Артур Алас), и символизирует он не что иное, как скорбь простого эстонского парня по погибшим друзьям, пришедшим на его землю, чтобы помочь освободить его же родину от нацизма, предвещавшего эстонцам отнюдь не радужное будущее, а неприкрытое намерение нацистов лишить их отечества, а значит, и уничтожить эстонцев как нацию. В определенном смысле символическое устранение

памятника и места захоронения погибших солдат — это акт символического самоубийства нации. Следует помнить при этом и то обстоятельство, что памятник и могилы находились на месте исторического, древнего Свято-Антониевского кладбища (эст. Тынис = Антоний; Тынисмяги = Антониева горка), начало которого приходится на XIII век. Здесь же, рядом с горкой, находилась до начала XVIII в. церковь во имя Святого Антония Падуанского (сгорела в 1710), а в середине XIX в., прямо на горке, она была восстановлена. То есть могилы и поминальный солдатский памятник находились на сакральном месте, ибо храмы и кладбища возникают на определенной территории не случайно и не по чьему-то личному капризу.

В известной мере с подсознательным стремлением общества к самоубийству, как выражению страха и протеста перед неизвестностью будущего, связаны также нынешние трактовки прошлого — восхваление и почитание нацистов как «освободителей Эстонии», то есть как раз тех сил, которые откровенно планировали переселение (депортацию) 2/3 эстонского народа, «представителей неарийской расы», на территории северо-востока европейской части России. Немецкие нацистские идеологи прямо говорили о том, что эстонцы как народ должен исчезнуть. Печальнее всего то, что трактовка роли эстонцев, воевавших в мундирах СС на стороне нацистских оккупантов, в качестве «борцов за свободу» является официально принятой политической и идеологической верхушкой (корпоративной группой) концепцией государства, что само по себе носит тотально ущербный характер, ибо провозглашает уничтожителей «освободителями». Строить государство и общество на доктринах «против» вместо «за» — контрпродуктивное занятие и ведет в тупик. Нельзя построить гармоничное общество на ненависти и разрушительном начале (говоря о прибалтийских республиках, речь идет о русофобии как доктрине «против» и об отрицании собственной истории на том основании, что в ней есть нелюбимые страницы), тем более, если это касается оценки собственной истории и исторического самосознания.

Эстонский этнос имеет древние корни, от балтов (не урало-финнов! См. выше справку об этом), в свою очередь, пошедших от балтийских праславяно-венетов, то есть из одного корня вместе с русскими, но однако эстонская нация — политически молодая: сформировалась она лишь в первых десятилетиях XX века. Нет у эстонцев сколько-нибудь значительного опыта государственного строительства и вообще государственности, что позволяет говорить о слабом присутствии государствообразующего начала (функции) в нации. Оттого и бросились ее лидеры в объятия «брюсселей» и США, увидев в них новых покровителей, а главное, гарантов сохранения собственной власти для «кучки избранных». Препроводив Эстонию, кстати, без согласия народа в НАТО (референдум не был проведен), эстонская политическая верхушка, конечно же, исходила прежде всего не из соображений безопасности перед лицом мифической «восточной угрозы», а из совсем других мотивов. Отданная западным капиталам экономика страны рано или поздно наполнится взрывоопасным протестным духом. За содеянное надо будет отвечать, чего делать, естественно, никак не хочется. Вот и необходимо членство в НАТО, с помощью военной машины которой, при необходимости, можно подавить любое открытое проявление социального недовольства. Логика предельно проста. Президент США Эйзенхауэр когда-то сказал о маленьком и грубом никарагуанском диктаторе, генерале Сомосе-старшем (позднее президент Джеймс Картер повторил в отношении Сомосы-младшего): мол, да, мы знаем, что Сомоса — сукин сын, но он — наш сукин сын. Конечно, Эстония — не какая-нибудь латиноамериканская диктатура. Но на уровне отдельных личностей своего рода роль «сукина сына» ведущих западных стран и есть гарантия сохранения власти, в чем Эстония, как известно, далеко не одинока. Более того, такие политики кровно заинтересованы в такой роли, в том, чтобы их покровители находились в перманентном конфликте интересов с «внешним врагом», то есть с Россией. В противном случае «сукины сыны» просто перестают быть нужны сверхмеркантильным и эгоистичным хозяевам положения. В конечном итоге, именно из этих соображений политическая верхушка вряд ли заинтересована, осознает она это или нет, в укреплении государствообразующего фактора в самосознании собственного народа. Во всяком случае, внешняя и внутривнутриполитическая практика Эстонии кардинально расходится с истинными национальными интересами народа. (Теме национальных интересов нации как основам легитимности государственной власти можно посвятить целое исследование, что не является целью этой статьи.) Для ясности приведу лишь одну иллюстрацию.

В конце 1980-х гг. мне привелось иметь небольшую беседу с известным финским государственным деятелем Мауно Койвисто. На вопрос о сути главного национального интереса Финляндии мудрый Койвисто ответил предельно лаконично: главное, чтобы враги были как можно дальше, а друзья — как можно ближе к границам Финляндии. Если провести аналогии с Эстонией, то здесь важнейший принцип внешней политики оказался шизофренически искажен: заокеанские США оказались в лучших «друзьях», а мощный и грозный сосед, с которым наличествует самая большая сухопутная граница, Россия, — в лютых «врагах». У меня совершенно нет намерения не то чтобы обидеть кого-либо, но даже и убеждать в чем-нибудь. Речь идет о попытке понять истоки конфликта внутри эстонского общества. Поэтому свое мнение все же стремлюсь высказать по возможности предельно

бесстрастно. Дело в том, что приведенные аргументы в части поведения политической верхушки Эстонии (скорее, корпоративной группы, нежели элиты) отчетливо поясняют еще одну ипостась маргинальности — лимитрофность эстонского государства (другими аналогами могут служить Латвия и Литва). Термином «государство-лимитроф» в современном политическом смысле принято обозначать страны, находящиеся в зоне междивиллизационного пограничья, государства и территории с этнически смешанным населением, обладающие сложной политической и культурной идентичностью, а также зависимые от покровительствующих им внешних центров силы. Лимитрофам характерны отсутствие самодостаточной национальной банковской системы, собственной промышленности (производственной структуры), полноты национального суверенитета, значительная часть которого делегирована наднациональным центрам (Евросоюз, НАТО). Маргинальность общества, лимитрофность государства, утеря чувства духовно-идеального самостояния и внерелигиозность, уход в радикал-либеральный антропоцентризм, агрессия, страх и подсознательное стремление к суициду становятся главными признаками апокалиптичности общего, доминирующего настроения общества. Понимают ли это представители творческой и научной интеллигенции, призванной быть определенного рода индикатором неблагополучия в обществе, ресурсом идей по его обновлению?

Увы, сложившееся положение дел, к сожалению, не осмыслено на уровне общественного сознания Эстонии и в основном лишь угадывается на уровне ощущений, то есть находится на уровне подсознания. Именно последнее обстоятельство становится еще одним признаком, подтверждающим подсознательный характер апокалиптичности в эстонском общественном менталитете. Отсутствие осмысленного понимания (рациональной самооценки) апокалиптичного характера реакций и мотивов поведения эстонского социума позволяет говорить именно об уровне подсознательного, а не сознательного, об апокалиптическом подсознании, а не о сознании. Этот вывод подтверждается также интеллектуальной и нравственной беспомощностью национальной интеллигенции в целом, большая часть которой сейчас скорее находится в услужении у власти и бизнеса, вместо того чтобы быть инструментом выявления и каналом выражения нарождающихся в обществе проблем, а также инициатором и творцом моделей для преодоления возникших противоречий, конфликтов и проблем. Подобная немощь интеллигенции также присуща апокалиптичности актуального состояния, характеристикам общественного подсознания. Эстонская интеллигенция практически не участвует в анализе процессов и в поиске решений. Конечно, в лице отдельных интеллектуалов и небольших локальных групп есть исключения (например, профессор Рейн Вейдеман, писатель Яан Каплинский и ряд других, пытающихся найти системные ответы на возникшие проблемы), но влияние таких аналитиков на общественное мнение и на политические «верхи» мизерно.

Скрытые неразрешимые противоречия и разрушительность, свойственные апокалиптическому сознанию и подсознанию, в отличие от эсхатологического сознания¹, проявляются в том, что истинная суть официально провозглашенных ценностей диаметрально противоположна декларациям.

¹ В широком религиозном смысле необходимо различать понятия: эсхатология — это устремленность к Новому Небу и Новой Земле, к горнему миру, к запре-

Для иллюстрации этого парадокса обратимся еще раз к интерпретациям судьбы Эстонии во время Второй мировой войны. Официальным Таллином провозглашается, что Красная армия, в том числе ее эстонские национальные части, «оккупировала» Эстонию, а не освободила. Напротив, добровольцы и мобилизованные в подразделения Ваффен-СС эстонцы объявляются «борцами за свободу». Это утверждение преподносится как объединительное начало для всей эстонской нации. Однако со всей очевидностью обнаруживается, что именно такая декларация не объединяет нацию, а, напротив, раскалывает и разрушает. Таким образом, политическая верхушка в лице высших органов власти и ведущих политических партий в течение 15 лет собственными руками осуществила раскол эстонского общества и народа. Вроде бы артикулируется желание единства, а на деле — раскол углубляется.

На сегодняшний день напрашивается вывод, что в рамках Второй мировой войны в прибалтийских республиках произошла гражданская война. Как известно, социально активная часть общества составляет примерно 12–15% от всей численности населения. В военное противоборство в Эстонии было вовлечено примерно 120–150 тысяч человек, что и составляет этот социологически требуемый процент социально активной части всего эстонского народа. Причем в рядах Красной и немецко-фашистской армий, на стороне советской власти и нацистского оккупационного режима, участвовало примерно по половине от численности непосредственных участников тех событий (по 5–7% населения на каждой стороне). Вооруженное противостояние в социально активной части эстонской нации (примерно равные части) и дает нам право утверждать, что произошла гражданская война. Очевидно, что с приходом советской власти в Эстонию в 1940 г. кардинально изменился социально-экономический строй, что больно задело интересы правящей части общества и дало преимущества другой части. Естественно, что правящая часть не могла примириться с таким положением дел (лишением власти и собственности), но выступить против советской военной машины самостоятельно она была не в состоянии. Только с установлением нацистской оккупации появилась возможность свести счеты. В Эстонии, Латвии и Литве произошли классические гражданские войны, что в конечном итоге стало выражением неразрешимости конфликтного тогдашнего состояния об-

дельному; апокалипсис же описывает трагедию конца мира сего. Если эсхатологическое сознание сосредоточено на зарницах преображенного мира, оно устремлено к началу Нового Бытия, то апокалипсическое сознание заворожено неизбежностью абсолютной смерти всего в мироздании, оно зафиксировано на конце старого мира. Поэтому декларируемые «высшие цели», как правило, чрезвычайно размыты и носят предельно дискретный характер. Целостное религиозное сознание органично охватывает обе перспективы — и конца времен, и начала вечности. В безрелигиозном сознании, которое лишено ощущения вечности, общество ограничено мирскими понятиями, отчего безысходно пессимистическими становятся и представления о конце времен. Все духовные чаяния, вся слепая религиозная энергия «безбожного» человека концентрируется в узких мирских границах и порождает фантомы. Секулярно-эсхатологическое сознание рождает «утопизм» — учения о тысячелетнем царстве Божием на земле, что само по себе продуктивно с точки зрения гармоничного развития. Напротив, секулярно-апокалипсическое сознание маниакально зафиксировано на перспективах смерти. Если первое — это «утопия» созидания, то второе — это мания всеотрицания и всеуничтожения, зачастую с формальным провозглашением самого общего «светлого будущего». Причем проявление этих состояний отнюдь не линейно, не прямолинейно.

щества, достигшего определенной зрелости. Гражданские войны сопутствуют истории достаточно зрелых, сложившихся народов и обществ. Однако после завершения таких войн рано или поздно наступает период национального примирения, если народ и общество не поражены апокалиптическим сознанием или подсознанием. Именно на пути к единству оказалась послевоенная Испания, когда генералиссимус Франко сумел примирить нацию. Был построен храм с алтарем в центре, где по обеим сторонам похоронены республиканцы и франкисты; приходящие в храм люди поминают жертвы с обеих сторон.

Вместо того чтобы признать факт свершения гражданской войны в Эстонии в 1941–1944 гг. и декларировать стремление к общенациональному примирению (гражданская война — единственный вид войны, в которой нет национальных героев и которая является внутренним делом нации), властная корпоративная верхушка поступает с точностью до наоборот. Результат известен: раскол общества становится еще более глубоким и трагичным — как собственно эстонского социума по социальным признакам, так и всего народа по этническому признаку, то есть раскол между эстонской и русской частями народа Эстонии. Вот таким причудливым образом проявляет себя апокалиптическое подсознание сегодняшнего эстонского общества.

Поскольку процессы и явления воспринимаются на уровне чувств и ощущений, а не рационального осмысления, то возникает потребность в соответствующих компенсаторных механизмах. Апокалиптичность подсознания автоматически вызывает противоположные тенденции, в частности инстинктивное стремление сопротивляться саморазрушению. Часто это выражается в желании общества и его членов (личностей) самоутвердиться любыми средствами, порой негодными. Своеобразным проявлением этого мотива стал пресловутый «комплекс неполноценности» у правящей корпоративной группы и большей части рядовых членов общества. Отсюда рефлексией исходит и эффект так называемого «подросткового поведения» политических «верхов» Эстонии и ряда других лимитрофных государств на международной арене — исполнение роли «гадкого мальчишки», постоянно задирающего «взрослого дядю» и провоцирующего того на вполне естественную реакцию протеста, а затем «подставляющего» его под гнев других «взрослых дядей», покровительством которых он пользуется. Возникновение конфликта между «взрослыми и сильными» по поводу «мальчишки-провокатора» дает последнему шанс самоутвердиться. Тем не менее «комплекс неполноценности» есть все же выражение разрушительного начала, апокалиптичности, а не «молодости», «неопытности» государства, незрелости общества, как это часто видится со стороны.

Акт самоуничтожения в форме отрицания права эстонского солдата, воевавшего против нацизма, быть «своим», и последовавший скандал вокруг «Бронзового солдата» (эстонца!), думается, связан с этим определенным свойством сегодняшней эстонской нации — с ее апокалиптическим подсознанием. Толкование недавнего прошлого (Великая Отечественная война и пребывание в СССР), создание образа «чужака» (русские «инородцы») или приписывание соседям образа «внешнего врага» (Россия) стали всего лишь поводом, формальным и ложным объектом. Кстати, для небольшой части политической верхушки Эстонии, видимо, это не является каким-либо откровением и целенаправленно используется ею как инструментарий для

манипуляций собственным народом, ибо политические манипуляторы, на самом деле, оказались, по сути, сами денационализированы в своем сознании и в приоритетах ценностей. Манипуляции необходимы для достижения других целей. К примеру, для обеспечения своих меркантильных интересов и для придания себе свойств особой «избранности» с целью будущего обещанного вхождения в сонм вненациональной «мировой элиты».

Апокалиптическое подсознание эстонского народа требует агрессивного выхода, реализации в элементах саморазрушения, самоуничтожения, отрицания всего того, что, по его обманчивым ощущениям (о рациональном осмыслении говорить не приходится), препятствует самосохранению в прежнем укладе жизни, представления о котором отложились в исторической памяти. Естественно, комфорт и удобства образа жизни, создаваемые развитыми обществами, к сути этого уклада прямого отношения не имеют. Речь идет о среде обитания и привычных нормах взаимоотношений, в том числе характерных для так называемого «хуторского мышления» в хорошем смысле этого понятия, то есть для ощущения собственной самодостаточности, испокон веку сложившейся структуры взаимосвязей и дозированной обособленности семейных кланов («свои» и «нам подобные»). Естественным проявлением желания возвратиться «к истокам», неприятия негативных последствий глобализации стал процесс ухода населения из городской среды обитания, что выражается в строительном буме индивидуального жилья за пределами городской черты. Особенно ярко это проявляется в Таллине, где проживает около трети всего населения Эстонии.

Глубокий раскол общества проявляется также в процессе отчуждения власти от главного носителя суверенитета — народа. Естественно, что власть ищет возможности канализировать агрессию недовольства в сторону от себя, на ложные цели.

Раньше, в незапамятные времена, прообразом конца света могла послужить массовая эпидемия, чума, например, или холера. Также за удачный в этом смысле прообраз могли сойти природные катаклизмы: тайфуны, землетрясения и наводнения. Намного большую «ценность» в этом смысле представляют собой разного рода опустошительные войны. У войн и погромов есть автор. Творятся они не слепой природой. В дидактически-пропагандистском смысле наличие автора разрушительного действия или разрушительной тенденции является очень важным моментом.

Решающим для формирования массового апокалиптического сознания оказался двадцатый век: ухудшающаяся экологическая ситуация, исчезновение множества видов животных и растений, а также целого ряда малых европейских народностей и этносов. Как это ни странно, но, в отличие от России, где практически все этносы сохранились на протяжении двух последних веков, Европа — настоящее кладбище народов. За минувший век здесь исчезли навсегда десятки небольших этносов, и борьба за выживание некоторых из них носит перманентный характер, к примеру, баски в Испании, ирландские католики в Ольстере и прочие. История века, начавшаяся с «воспитания под Верденом», благополучно продолжилась истреблением турками армян, нацистским геноцидом в отношении европейского еврейства, преступлением США против японского народа и человечности — сбросом атомной бомбы на Хиросиму и Нагасаки, истреблением миллионов вьетнамцев, групповым бандитским изнасилованием и разгромом некогда цветущей Югославии.

Апокалиптический миф XX в. подкармливается и всячески углубляется таким сильным орудием, как средства массовой информации. Невиданный рост информационного потока привел к многократному умножению в пространстве сознания удельного объема фиксируемых катастроф. Как хорошо известно, благополучные обстоятельства жизни народов отнюдь не являются так называемым «информационным поводом». Телевидение и газеты живут сводками о разного рода конфликтах, войнах, катаклизмах, авариях, преступлениях...

Однако ни конец света, ни смерть искусства так и не наступают, несмотря на многочисленные высказывания на этот счет. Отсутствие результата не смущает авторов такого рода прогнозов. Нетрудно предположить, что и дальше апокалиптический дискурс будет пользоваться особым спросом в силу его исключительной привлекательности для авторов, которые его продуцируют. Дистанция между какой-нибудь истеричкой и солидно-размеренным знатоком всяческой «культур-мульти» невелика. Без сомнения, со всем этим связано некое нетривиальное удовольствие и искушение.

В чем же состоит эта привлекательность? Удовольствие от ощущений предстоящего апокалипсиса на подсознательном уровне связано с вполне определенными желаниями. В структуре психоаналитической парадигмы, если пользоваться этой формулой, эти желания проходят по разряду Танатоса, так называемого влечения к смерти, и, таким образом, коренятся в деструктивно-садистических инстинктах. Невольный провозглашатель апокалипсиса, порой сам того не до конца осознавая, осуществляет в воображаемом пространстве дискурсивное уничтожение всего, что он считает нужным или был бы рад уничтожить. Причем происходит это как в случае предполагаемого и ожидаемого, так и свершившегося апокалипсиса. Таким образом, носитель апокалиптического сознания или подсознания ощущает себя вершителем судеб конкретных личностей, группы людей и даже всей страны или планеты. При этом апокалиптический дискурс обладает сверхпритягательностью, ибо оправдывает деструктивные наклонности.

Апокалиптизирующий рвется к власти над адресатами своих действий и деклараций. Однако провозгласители «свершившихся апокалипсисов» («конец истории», «смерть литературы» и прочее) тоже могут извлекать из своей позиции вполне реальные полемические выгоды. Здесь «конец» и «смерть» обозначают завершение некоего пути. Новый путь уже будет строиться по иным направлениям. «Смерть литературы» может означать переход от литературоцентричной культуры к кинематографоцентричной истории искусства, а «конец истории» подразумевает новый, вполне детерминированный, способ толкования истории, которая все же, тем не менее, «продолжает продолжаться».

Пробуждение апокалиптического сознания или активизация апокалиптического подсознательного состояния — это всегда симптом кризиса. Потребность в провозглашении грядущего или состоявшегося конца чаще всего — болезнь перехода. Конец эпохи, исчезновение какого-либо уклада вполне может ощущаться как конец всего сущего. Существует большое искушение приравнять исчезновение моего мира к концу света либо к неизбежному переделыванию своей среды под выгодные условия и преимущества. Думается, что именно это сейчас переживает Эстония и другие общества и государства, находящиеся в подобных же исторических условиях.

Наличие и доминирование апокалиптического подсознания в эстонском обществе, неспособность осмыслить нынешнюю апокалиптичность душевного состояния общества вызывает тревогу: то ли это предвещает распад и исчезновение нации (эстонский народ в своем нынешнем виде пополнит европейское кладбище народов, станет комком гумуса для новой мировой наднациональной элиты, кирпичиком фундамента «вавилонской башни», которую ее архитекторам все равно не построить), то ли разрушение обернется новым импульсом к возрождению и трансформации народа в новых качествах. Гадать насчет будущего вряд ли стоит. Нужно честно и хладнокровно продолжить изучение феномена, который столь ярко проявился на печальном примере погрома, преднамеренно, к сожалению, устроенного в отношении памятника Освободителям Таллина на Тынисмяги, а также продолжения этого погрома, стихийно учиненного протестующей молодежью.

Рассматривая многодневные беспорядки в Эстонии, связанные с устраниением «Бронзового солдата», следует иметь в виду ряд обобщений. Во-первых, массовость беспорядков всегда является признаком наличия назревших, но загнанных «в подполье» социальных конфликтов. Во-вторых, беспорядки имели выраженную этническую окраску («русский бунт»), что говорит о несостоятельности национальной, межэтнической политики политических «верхов» Эстонии с момента провозглашения ее независимости. Рассуждения о том, что «русскоговорящая молодежь не получает от эстонского государства в достаточной мере правильной информации и живет в российском информационном пространстве», обвинения российских СМИ в «антиэстонской пропагандистской войне» являются, конечно же, просто самооправданием и попыткой закрыть обществу глаза на реальное положение дел в нем самом. Информация лишь отчасти влияет на формирование настроений, но не способна привести к широкомасштабному социальному недовольству, если для этого нет глубинных причин. В-третьих, в беспорядках участвовала фактически только молодежь, что отнюдь не говорит о сугубо демографических конфликтах («конflikте отцов и детей»), так как в последующие дни свою массовую солидарность с молодыми выразило среднее поколение, когда на двадцать минут в городах блокировалось движение: водители легковых автомашин снижали скорость до 5 километров в час, включали аварийный световой и звуковой сигнал, требуя отставки правительства во главе с премьер-министром А. Ансипом. А как известно, подростки и студенты в подавляющем большинстве не владеют личным автотранспортом. Автовладельцы — достаточно благополучные представители «среднего класса». Стало быть, молодежь просто вынесла на поверхность, со свойственной ей бескомпромиссностью и эмоциональностью, куда более глубокое и широкое социальное недовольство. По совершенно конкретным, назревшим проблемам? Да, это так, но не только по ним.

Недовольство вызывает куда более фундаментальное. Размышляя о постыдном скандале вокруг таллинского «Бронзового солдата», на ум приходит поговорка: выпущенная в прошлое пуля может обернуться артиллерийским залпом в будущее. По большому счету, в прибалтийских странах, на территории исторического пограничья, сретения двух цивилизационных моделей мира сталкиваются два миропонимания — выросшего из недр Западной Европы бездуховно-антропоцентричного, воинствующего либерализма и восточно-европейской традиционной христианской системы ценностей.

Осквернение «Бронзового солдата». 11 мая 2025 г. Таллин. Источник фото: (news-pravda.com/img/20250511/e431258670a4c40f8f71c13f854eb170.jpg)

Выдержат ли Эстония и другие прибалтийские страны цивилизационное давление двух «титанов», двух «миров»? Сможет ли им гарантировать самосохранение и виды на благополучное будущее западная парадигма развития или она погребет нации, прежде всего малые, под основанием пирамиды, вершину которой собираются увенчать те, кто мнит себя «человекобогами» современного мира? Опытные в геополитических изысканиях специалисты достаточно ясно понимают, что идеи «Соединенных Штатов Европы» всегда получали сильный импульс к воплощению при одном условии — при резком ослаблении России, при драматическом снижении уровня влияния этого особого, уникального цивилизационного пространства. На сегодня становится очевидным и то, что саморазрушения России не произошло, что разрушить Россию (например, как цели, высказанные З. Бжезинским) не удалось и вряд ли удастся. Восстановление мощи восточного колосса со всей неизбежностью предполагает размывание основ паневропеизма в том виде, в котором он видится ее сегодняшним идеологам. Страны Западной Европы вернутся к традиционным и достаточно конкретным программам взаимодействия, а ведущие крупнейшие европейские государства наверняка пойдут на развитие двусторонних отношений с восточным гигантом. Тем более что в настоящее время отнюдь не противоречия между Россией и США или Россией и Евросоюзом, а американско-европейские противоречия являются доминирующими, хотя публично об этом говорится лишь вскользь, едва артикулируя их суть. Все это — на фоне усиливающегося азиатско-тихоокеанского центра (центров) силы. При осуществлении какой долго-

срочной национальной программы Эстония и прибалтийские республики смогут обрести статус государств, территория которых окажется местом межкультурных сближений, а не войн и конфликтов? Найдутся ли в Эстонии интеллектуальные силы и политическая воля увести ее из парадигмы лимитрофности и привести свою страну к самодостаточности, то есть к тому международному положению, которое в оптимальной степени будет служить собственным национальным интересам (хотя бы наподобие Финляндии, Швейцарии и т.п.) и органично соответствовать интересам сопредельных государств, чтобы те были кровно и неизбежно заинтересованы в независимой и стабильной Эстонии, предлагающей удобную и естественную, по своему геополитическому преимуществу, площадку для политического диалога и торгово-экономического обмена? Для этого необходимо прийти к внятному осмыслению актуального состояния общества. Насколько способны интеллектуалы Эстонии уяснить для себя положение дел и сформулировать для общественного сознания характеристики апокалиптичности настроений, скрытых в подсознании, хотя бы с тем, чтобы выявить пути адаптации народа и государства к новому миру? С тем, чтобы апокалиптичность самосознания или самоощущения стала не предтечей исчезновения самобытной эстонской (латвийской или литовской) нации с лица земли, а предвестником, исторически осознанным мотивом к трансформации и возрождению в новом, конструктивном качестве и со своим уникальным местом в мире. Или высказываемые критические взгляды на наше бытие, на историческую катастрофичность поведения «верхов» в очередной раз свалят на чью-то «антиэстонскость», «антилатвийскость», «тоталитаризм», «имперскость» и т.д. или на прочие «происки врагов народа» и Кремля, словом, на все то, что порождает лишь ленивая на мысль, утилитарная и беспринципная политкорректность? Является ли молчание эстонской интеллигенции признаком угодливости, интеллектуального бесплодия и, следовательно, надвигающегося вырождения нации или симптомом ее сосредоточения и поиска, покажет ближайшее будущее. Исторического времени же осталось совсем мало.

Андрей РОДОССКИЙ

ЧЕТЫРЕ РУССКИХ СТЫГА

Андрей Владимирович Родосский — родился в 1957 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет ЛГУ (1982) и заочное отделение СПбДА (2015). Кандидат филологических наук. Магистр богословия. Автор десяти поэтических сборников и более десятка книг переводов стихов и прозы со всех романских языков. Награжден тремя медалями, в том числе «За заслуги в сохранении русской культуры». Живет в Санкт-Петербурге.

Сын промолвил: «*Papa!*
Вот стихи... *Pourquoi pas?*»¹
И одернул он китель.
Но во гневе родитель
Дал суровый ответ:
«*Mort plutôt que poute!*²
Стань-ка лучше бывалым
Генерал-адмиралом!
Будь владыкой стихий
И забудь про стихи!»

«Да, отец недоволен,
Что стихами я болен, —
Размышлял Константин,
Оставаясь один, —
Мне знакомо смирение —
Я любое веленье
Дорогого отца
Исполнял до конца.
Но всему есть граница:
Не могу я смириться
С тем, что я — не поэт,
И греха в этом нет.
Я служить буду музе —
Она будет в союзе
С бахромой эполет —
И греха в этом нет!»

Окрыленный отвагой,
У стола над бумагой
Чуть заметно склоняясь,
Сел великий наш князь.
Миг — и ровные строчки,
Запятые да точки
Всё бегут... Всё скорей,
Точно волны морей.

На священные лики
Смотрит князь наш великий:
«Дай мне, Господи, сил,
Чтоб я стих сочинил!
Ниспошли вдохновение,
Чтобы стихотворенье

¹ Папа!.. Почему бы и нет? (фр.)
Произносится: Папа!.. Пуркуа па?

² Лучше умереть, чем стать поэтом!
(фр.) Произносится: Мье плюту кё дёв-
энир ун поэт!

Мой одобрил отец —
Ты ведь Сам же Творец!»

И услышал Спаситель —
Августейший родитель
Позабыл про свой гнев,
Суету одолев.
Сочиняет? Прекрасно!
Для него стало ясно:
Если пушки палят,
Разве музы молчат?

2.

Великий князь далекий держит путь —
От суеты поехал отдохнуть
Он в пустынь Оптину, где отпущенье
Разбойник получил за прегрешенья.

К паломнику подходит генерал
И, запинаясь, робко он сказал:
«На вас, увы, готовят покушение.
Установить за домом наблюденье?»

Не верит Константин своим ушам.
«Откуда же известно это вам?»
«А сделал злоумышленник признание
Духовнику во время покаянья».

Великий князь сказал ему в ответ:
«Я верю, что опасности здесь нет.
Меня расстроило не покушение,
А исповедной тайны разглашение».

Вот, братья! Благочестия пример
В ту пору подал нам поэт К.Р.

3.

Константина она обожала —
Так не всякий умеет любить,
И по-русски, коль надобно стало,
Научилась она говорить,
И при этом совсем не желала
В Православие переходить.

Обладала характером кротким,
Ограждала супруга от бед,
Но на перекрещенье коротким
Отвечала решительно: «Нет!»
Что ж! Церковные перегородки
Не разделят любовный обет.

КУМИР НА БРОНЗОВОМ КОНЕ

Последний русский царь и первый император,
Он, унаследовав престол своих отцов,
Жестоко подавил восстание стрельцов,
Как это сделал бы отъявленный диктатор.

Да, был наш государь отнюдь не консерватор
И за границу слал боярских молодцов,
Чтоб воспитать из них ученых и бойцов —
И плотник, и кузнец, и даже литератор.

Да славится в веках славянский кесарь Пётр —
Телесно крепок был, и русским духом бодр,
И Северную нам он заложил Пальмиру.

И, петербуржец, я, не тратя лишних слов,
Петру Великому отдать поклон готов,
Как славному царю, хоть вовсе не кумиру.

* * *

Век двадцатый, год восьмидесятый.
Помню тот благословенный год,
Что преславною отмечен датой,
Всколыхнувшей дремлющий народ.

Годовщина Куликовской битвы!
Восхваляя славный русский меч,
Кто читает жаркие молитвы,
Кто с восторгом произносит речь.

Церковь... Что ж — гоненья чуть ослабли:
Мало кто страдает за Христа.
Память Пересвета и Осляби,
И святого Сергия — чиста.

Ныне православный и безбожник,
И агностик — все восхищены.
И поэт, и скульптор, и художник
Славной датой вдохновлены.

Время... Были новые сраженья,
Было много радостей и бед.
Знали мы и горечь поражения,
Знали мы и торжество побед.

Ныне кровь мы проливаем снова,
Озверелых не щадя врагов...
Повторись же, поле Куликово,
Через множество пройдя веков!

* * *

Семнадцатый, позорный,
 гнусный год.
Май месяц. Александровский дворец.
Низложенный российский император,
Подвергнутый постыдному аресту,
Записывает кратко в дневнике:
«Сегодня детям я читал своим
“Собаку Баскервилей”
 на английском».

Какую твердость надобно иметь
И нежную заботу о семье,
Чтоб от недугов и невзгод отвлечь
Затравленных, запуганных детей
Полусерьезною литературой
На языке возлюбленной супруги
И Виндзорского своего кузена,
Рекомого «собратом по оружию»,
Что отказал в убежище монарху,
Его превосходившего во всем!..

* * *

Четыре русских стяга:
Есть бело-сине-красный —
Введен Петром Великим,
Похожий на голландский,
А может, на французский,
Чьи орды разгромили
При Александре Первом!
Есть бело-желто-черный,
Похожий на немецкий,
Что Царь-Освободитель
Державной волей ввел —

Но мы и немцев били,
Хоть не всегда успешно.
Потом был красный флаг,
Введен большевиками —
Хоть многим он не люб,
Зато прославлен тем,
Что веял над Рейхстагом...
Но я хочу сказать:
Все флаги равноценны,
А все же всех милей
Мне стяг с пречистым ликом
Спасителя Христа!

ПРИЮТ УБОГОГО ЧУХОНЦА

Царь Александр¹ сделал выбор,
Не до конца понятный нам:
Ведь финнам подарил он Выборг,
А вместе с ним и Валаам.

Но разве мог монарх предвидеть —
Хотя был умный человек —
Что финны станут ненавидеть,
Когда придет двадцатый век,
Россию, что дала свободу
От шведов финскому народу?

Народ наш, не жалея сил,
Из дрёмы вывел полудикой
Финляндию и приобщил
К культуре истинно великой.

Так повелось между людьми:
Благое мало кто помянет...
Ну, что ж! Как волка ни корми,
Он в лес глядеть не перестанет!

¹ Император Александр I Благословенный.

1

Ясна МИЛЕНОВИЧ

АХМАТОВА

*Отрывок из поэтического
цикла «Ахматова»*

Ясна Миленович — родилась в 1962 г. в Нови-Саде. Окончила Высшую школу профессионального педагогического образования. Опубликовала несколько сборников стихов. Имеет награды и литературные премии, в том числе за духовную поэзию. Отмечена также премией «Извор» за самое красивое стихотворение о Родине. Является членом Союза сербских писателей. **Живет в Сремской Каменице, Сербия.**

Страсти и грезы рвут душу в клочья,
Бабочек битва — с цветка на цветок,
Дикая и нежная татарская дочка —
Из поэзии и из тревог...

Тебе, прозрачной, все смотрят вслед,
Когда расцветаешь в Царском Селе...

Божественным стихам даешь толчок,
Ты, самобытная, непокорная,
Поэмы — твоё спасение и рок,
И взлет в небо, и бездна черная...

Покорять Париж дыханием новым
Бросаются, как в омут, Гумилёвы.

2

Любовь всегда идет с тобой в ногу,
В груди — жажда тысячи сердец.
Страстью гореть будешь,
Горенко, ей-богу,
И растаптывать поцелуев венец.

Ограждая тебя от светской брани,
Розой рисует тебя Модильяни.

В галопе тебя не остановишь,
У всех на виду, ты всем — мишень.
С тобой лишь стихи, когда ловишь
Своего сердца распущенного тень.

Между двумя выстрелами, в цезуре,
Дрожишь, как оморочка среди бури.

3

Пуля стиха летит по России,
Нанизывая сердца, как в браслет...
Так соединяешь, в симметрии,
Конец — начало, бессонницу —
рассвет...

А любовь вихрем, то тут, то там,
По бесконечным советским степям...

Крест жизни блестит посреди лба,
Стальное платье твое накрахмалено.
Кисть художника — кисть божества,
Платье застегнуто рукой друга Сталина.

Твою храбрость иногда знобит,
Березкой в поле она дрожит...

4

Ты сбрасывала кожу стихов.
Были тосты. Было молчание.
Летела в бездну. До облаков.
Как перчатки, меняла желания.

Как часто судьба над тобой издевалась,
Когда ты лущилась, когда отдавалась.

Туда — сюда, как в крепкой сетке,
Узлы завязаны по всем углам.
Так тесно сердцу в грудной клетке.
Растешь, как Цветаева, как Мандельштам.

Верно и преданно, как собака,
За тобой ступает тень Пастернака.

5

С тоскою ты целый мир обретала,
Стихами дралась, стихами дерзала,
Стихом леденила, стихом обжигала,
Стихами болела, стихом восставала.

Безразличию вызов дерзко бросала.
Стихи, словно ласточка гнезда, свивала.

Рифмы покоряла, и виртуозно,
И вдохновенно словами владела.
Слову служила религиозно,
На этом кресте распиная тело.

Точно комета, струила пламя —
Одаренная и проклятая стихами.

6

Стократно изранен ахматовский гений —
Считаешь в корзине за блином блин...
И кровное зернышко звездных мгновений
В застенке стучит твой единственный сын.

И каждый удар, что в темнице плачет, —
Кусочек стиха — капля крови горячей.

Как раны, кричащие окна темны,
Дальнее — голосом сына стонет.
Через него подаешь ты блины
Из боли, что добросовестно кормит.

И словно стихи в откровениях новых,
Судьбы проходят в гремящих оковах.

13

Кольшутся облаков балдахины,
И постель — вечности волнением,
А Херувимская песнь — голубиной,
И минувших грез исполнением.

Развеваются флаги примирения,
После всех слез, после унижения.

Ты улыбнись заре новой, беспечной,
Она теплом и правдой успокоит.
Там сын на тебя будет смотреть вечно
Из окна, которое тебе откроет.

Ангелы навстречу тебе прилетят,
Облекут тебя в песню, в белый наряд.

14

Возносимая по лестнице-лествице,
Ты сердцем ходила, и им упала.
Страстей и болей была наперсницей,
Из них ожерелье плела, надевала.

Стихи были канонадой вышней.
Ты была обожаемой или была лишней.

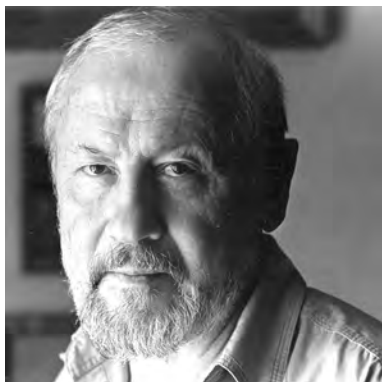
По воле Божией, крепкой, как скала,
Ты была осью и себе, и нам.
Тяжесть имени со смирением несла,
Была звездой всем именам.

Ты создана из слова — агата,
И блистешь, как агат, семя Ахмата.

Перевод с сербского Милены Алексич, Николая Ерёмину

Редактор русского перевода Николай Ерёмин

Родная РЕЧЬ

Юрий ЛОЩИЦ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Юрий Михайлович Лошиц — родился в 1938 г. в селе Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 г. окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России (до 2025 г.), лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

Пушкин краток

«Пушка оставила нас. Мы отправились с пехотой и казаками. Кавказ принял нас в свое святилище. Мы услышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям. Мы поехали по его левому берегу».

Не правда ли, такая проза по простоте своего синтаксического устройства, по прозрачности смысла вполне сгодилась бы для диктанта где-нибудь в четвертом классе?

Пушкинское «Путешествие в Арзрум», откуда взят отрывок, почти все можно разобрать на школьные диктанты.

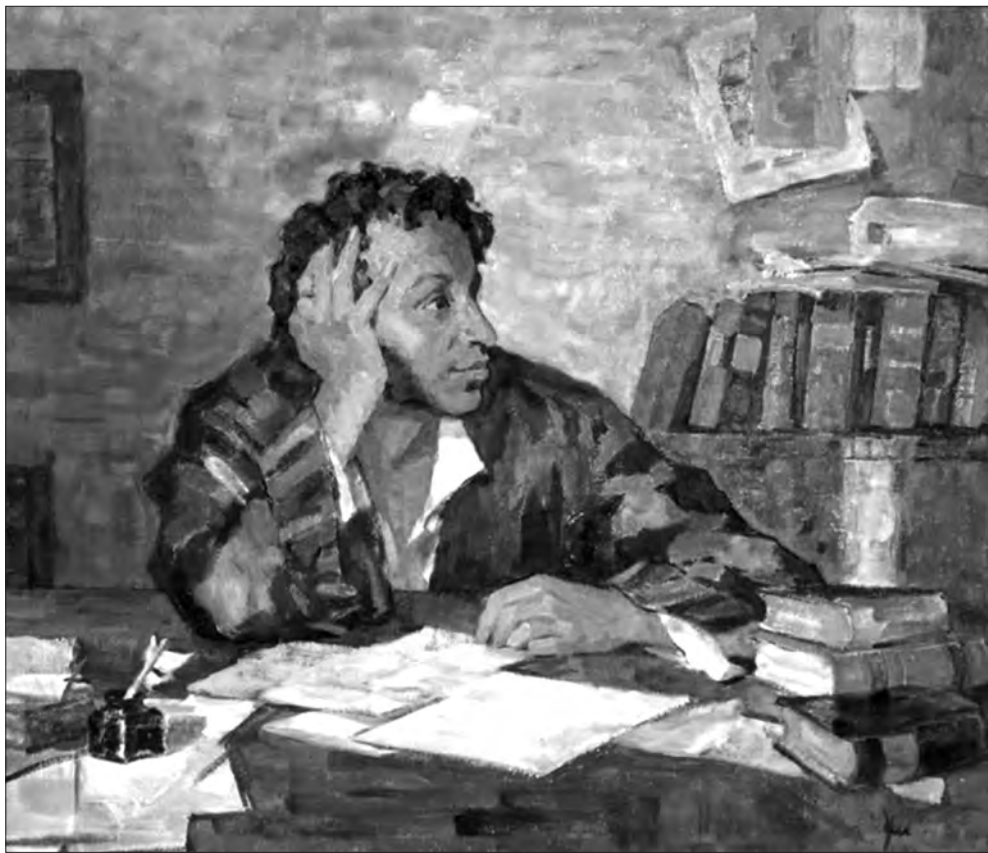
«Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” — спросил я их. “Из Тегерана”. — “Что вы везете?” — “Грибоеда”. — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

Вот она, особой ясности проза. Школьнику понятно в ней все, даже если он еще не знает, что такое святилище, кто такой Грибоедов.

Или что произошло на склоне Арарата:

«Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. “Что за гора?” — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни, — и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...»

«Как сильно действие звуков» пушкинской речи! Читатель, сам не замечая, начинает иначе дышать.

*Пушкин за рабочим столом. 1936–1937 гг.
Холст, масло. Художник Николай Павлович Ульянов*

И у ребенка, и у старика крепче бьется сердце, голова освобождается от ватных ленивых полумыслей. Будь моя воля, ежегодно устраивал бы по радио всероссийскую неделю пушкинских диктантов — для всех, для всех, даже в больницах. Устраивали же у себя поляки — не так уж и давно — ежегодные всенародные конкурсы на лучший перевод стихотворения Пушкина... Ну, а у нас хотя бы диктанты для начала. Но так, чтобы по крайней мере взрослые участники определяли, откуда именно взят диктуемый отрывок.

Вот этот, к примеру:

«...воздвигнут был высокий намест. На нем сидели палачи и пили вино в ожидании жертв. Около намоста стояли три виселицы. Кругом выстроены были пехотные полки. Офицеры были в шубах по причине жестокого мороза. Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг все заколебалось и зашумело; закричали: везут, везут! Вслед за отрядом кирасир ехали сани с высоким амвоном. На нем с открытою головою сидел Пугачев, насупротив его духовник».

Ловишь себя на желании цитировать еще и еще. В воображении собираются сокровенные «Диктанты по Пушкину». Ведь отрывок, цитата есть, по сути, текст мистический. Цитата — часть от целого, но такая часть, что мгновенно дает узнавание всего целого.

«Кавказ принял нас в свое святилище». Разве это не тайна, не тайнопись? Разве дух не замирает от молнийного разряда всего нескольких слов, вдруг разверзающих перед нами колоссальную панораму поднебесного алтаря? «Как сильно действие звуков!» Но — одновременно — какая намеренно будничная, почти протокольная констатация. Где восторги, восклицательные знаки, казалось бы, вполне уместные? Пушкин скупится на них. Можно без усталы бормотать: магия, магический кристалл... Но она не видна. Можно ходить вокруг да около одного-единственного предложения, недоумевая, в чем же его секрет. Совершенно очевидно, что тут какая-то особая смысловая нагрузка пушкинского слова. Но как определить ее с помощью наших языковых средств?

«Кавказ принял нас в свое святилище». Целые исследования написаны о Пушкине-стилистe, о языковом мастерстве Пушкина, но как подступиться к одной-единственной молекуле пушкинской речи — прозаической или стихотворной? Скажут: образ Кавказа в этой фразе автор дает через метафору, причем метафору из торжественно одического, сакрального лексикона, чем и обеспечена впечатляющая экспрессивность образа... Но тогда:

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагви предо мною.*

Тут-то что? Ведь ни одной сильной метафоры, ни одного «священного» слова. Все проще некуда, слова из обычного разговорного ряда, и единственный эпитет «ночная» — разве можно его без натяжки назвать художественным? А между тем, перед нами — одно из чудесных событий всей мировой поэзии. Реальность, для объяснения которой приходится прибегать к понятиям сверхреальным: чудо, волшебство, магия, тайна. То есть к понятиям, которые сами по себе нуждаются в объяснении, что нам здесь не под силу.

И все же нельзя не пытаться. Иначе навсегда останешься при своем блаженно-косноязычном мычании.

Начать с самого простого: и в том, и другом случае (холмы ночной Грузии и святилище Кавказа) Пушкин вручает нам словесный пейзаж. Причем пейзаж, почти лишенный зрелищных подробностей. Да, мы знаем, что при надобности он может представить пейзаж подробнейший, как в стихотворении «Кавказ» («Кавказ подо мною. Один в вышине...»). Но на сей раз он как бы себя самого хочет испытать в том, «как сильно воздействие звуков». Всего нескольких звуков, нескольких слов. Он дает часть вместо целого. Но часть, способную для читателя заменить неведомое ему целое.

Итак, еще раз: «Кавказ принял нас в свое святилище»... «На холмах Грузии лежит ночная мгла». И там и здесь мы видим чрезвычайную словесную стяжку, концентрацию. Видим впитывающую, сжимающую, фокусирующую силу слова. Догадываемся о предельном мускульном напряжении слов, даже если звуковая поверхность безмятежно-музыкальна. Обобщающая мощь пушкинского слова прямо воздействует и на синтаксический строй его речи. Любимое предложение Пушкина — и в прозе, и в стихах — простое, короткое. «Тайные совещания происходили по степным уметам и отдаленным хуторам. Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался».

Или:

*Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь, как божия гроза.*

Пушкинское предложение стремится к подтянутости, собранности. Оно мускулисто, от него исходят бодрость и здоровье. Ритм предложений у Пушкина — ритм хорошо, звонко работающего сердца. Но это — от природы, от глубины творческого естества, а не от формального приема времен литературного авангарда: стану, мол, писать рублеными фразами, «телеграфным» стилем.

Когда ему хочется, синтаксис у Пушкина позволяет себе отдыхать на длинных периодах. Но если все же говорить о ведущей тенденции, пушкинское предложение как бы стремится к идеальной цельности отдельного слова. Слова желают стать одним словом. Эта жажда необыкновенно увеличивает смысловую и энергетическую емкость слова у Пушкина... «Он весь, как божия гроза»... Такой смысловой емкостью слово обладало лишь в библейские времена, во времена поэтов Псалтыри и Евангелия.

Вот почему важно почаще вспоминать, что именно говорит Пушкин о Евангелии: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов*: она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».

И чуть ниже: «...мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились к простоте духа, сладости красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя».

Здесь, как видим, говорится о недостижимом образце «божественного красноречия». Но говорится не в общих чертах, а с особым вниманием к характеру воздействия Евангелия на того, кто его читает либо слушает. Воздействие же таково, сразу замечает Пушкин, что книга эта обладает необъяснимым запасом новизны, всегда покоряющей даже тех, кто знает ее, казалось бы, наизусть. «Вечно новая прелесть», по словам Пушкина (а «прелесть» в его лексиконе, заметим, чтобы не было недоразумений, понятие с безусловно положительным, высоким смыслом), этой книги состоит в том, что она всегда читается как бы впервые, свежим взглядом. Ею невозможно пресытиться, и это объяснимо лишь тем, что красноречие ее по своему происхождению божественно, будучи проповедью «небесного учителя». Вечно новым запасом содержания Евангелие обладает при том, что каждое его выражение стало крылатым, вошло в нравоучительный обиход народов, сделалось «*пословицею народов*». Пушкинский курсив подсказывает, что пословичность Евангелия поэту как-то особенно важна.

Но это и понятно: у пословиц, поговорок, у крылатых изречений, у всего, что называют народной мудростью, и, далее, в книжной афористической культуре слову свойственна самая высокая степень смысловости.

Внимание Пушкина к пословичному красноречию общеизвестно. Об этом много писалось, в том числе о сборниках пословиц в его домашней библиотеке. Или о пословичной и притчеобразной манере говорить его героев из народной среды — от бродячего монаха Варлаама в «Борисе Годунове» до Емельяна Пугачева в «Капитанской дочке».

В «Замечаниях о бунте» Пушкин прямо называет «народное красноречие» Пугачева его победой в словесном поединке с противной стороной: «Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или *публикации* Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов».

Тут, в противопоставлении двух речевых складов, как бы подразумевается народное одергивание: «Не говори обиняком, говори пряником». И Варлаам в «Годунове», и Пугачев в «Капитанской дочке», как мы помним, говорят по преимуществу иносказаниями, притчеобразно. Народная притча, в ее равнении на евангельскую, не уводит в околичности. Наоборот, она решительно наращивает смысловость сказанного слова. Обиняк же — иносказание мнимое, трусовато ускользающее от прямого смысла. Рейнсдорп, по Пушкину, в своих «публикациях» просто-напросто мямлил, говорил вяло, казенно-книжными оборотами с инверсиями, так, чтобы глагол непременно оказывался в конце фразы.

Замечательна интуиция поэта, когда он подчеркивает пословичность евангельских изречений. Современная библейская филология свидетельствует, что в своем устном арамейском протооригинале большинство из этих изречений носило ярко выраженный характер поговорок, оснащенных стихотворным ритмом и рифмой. Став книжной речью христианского мира, изречения эти проделали затем обратный путь — вернулись в пословичный обиход, но уже многих народом мира, частично утерев в переводах признаки изначальной фольклорности. На слух и по смыслу Пушкин уловил «простонародные» черты «божественного красноречия». Но слово «небесного учителя» и не могло быть никаким иным, как только народным. Он ведь обращался прежде всего к «труждающимся и обремененным», к сеятелям и пастухам, ремесленникам и бездомным нищим, рыбакам и батракам. К тем, кто сам был наделен «младенческою простотою сердца» и обрел ее в евангельской проповеди.

* * *

«Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова», — говорит о Пушкине Николай Гоголь. Особенная меткость этого наблюдения еще и в том, что обозначены, хотя и не названы по именам, соперники самого скупого на слова. Пушкин для своей эпохи стал безусловным законодателем краткословия, а его творения — эталонным образцом явления, которое можно определить как большой литературный стиль эпохи.

По сути весь наш девятнадцатый век насчитывает всего два больших литературных стиля. И один из них, первый по времени, достоин называться Пушкинским. Хотя одновременно это был стиль-слог еще и Крылова, Грибоедова, Баратынского, Языкова, Тютчева, Лермонтова и многих-многих, кто тоже был «скуп на слова».

Едва ли не убедительней всех общее участие в создании большого литературного стиля эпохи удалось тогда осмыслить Евгению Баратынскому:

*Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум?
На высоте всех опытов и дум
Что? точный смысл народной поговорки.*

Следующий за Пушкинским большой литературный стиль, определяемый именами Толстого, Достоевского, Гончарова, Некрасова, Тургенева, Лескова, невозможно обозначить родоначально-законодательным именем, хотя во многом он исходит из пространно-повествовательной стилистической традиции именно Гоголя.

Поскольку большие стили диктуются потребностями самих эпох, было бы наивно их противопоставление друг другу по принципу «лучше — хуже».

Своей емкой поэтической формулой «скупословый» Баратынский бросает вызов рассудочному веку: на иерархической лестнице людской мудрости верховное место принадлежит вовсе не силлогизму ученого «надменного ума». И даже не творению поэта. Но то, что именно поэт решается на такое обобщение, то, что оно оказывается доступно именно поэзии, — говорит о глубинном ее родстве с пословичной мудростью.

Тут, естественно, приходит сразу на память и другой стихотворный афоризм Баратынского («Сначала мысль, воплощена // В поэму сжатую поэта...»), где также намечена иерархическая зависимость, но уже сугубо в мире индивидуального литературного слова и по нисходящей линии: от поэзии — к романной прозе — затем к болтливой «полюмке журнальной». Трудно усомниться в том, что Пушкин, более чем за десять лет до этого стихотворения писавший Л. Бестужеву «Роман требует *болтовни*...», разделял поэтический вывод Баратынского. И тот и другой не могли не знать, что у древних народов поэзия всегда исторически первенствовала, предваряла прозу. Не зря же, по свидетельству Геродота, мыслители стоической школы считали прозу выродившейся поэзией.

Но как быть, если сама поэзия то и дело оказывается чересчур много-речивой? Тут пушкинская суровость не знает ограничений, даже когда речь заходит о самых ближних, безусловно чтимых: «У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь»... «И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова...». Из письма К. Рылееву (напрямик, в лоб) — о его «думах»: «Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест*...».

А. Дельвигу (тоже напрямик, в лоб): «...добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало».

Но с другой стороны — всегдашняя бескорыстная радость Пушкина, когда читает кого-то из своих современников-соперников и находит в их сочинениях образцы того слога, к которому и сам стремится. Общеизвестный отзыв о языке «Горя от ума», может быть, наиболее ярко запечатлевает щедрую природу пушкинского «сорадования истине»: «О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу». Чаще всего в связи с этим как бы на лету, небрежно брошенным, но при том сознательно афористичным предсказанием исследователи говорят, что оно вскоре же начало сбываться. Нужно лишь помнить, что письмо А. Бестужеву, откуда взята эта оценка грибоедовской комедии, пишется в январе 1825 г., и Пушкин в эти дни и недели продолжает работу над главами «Евгения Онегина». И тогда увидим, что похвала Грибоедову не до конца бескорыстна. «Войти в пословицу» автор «Онегина» подсознательно (но отчасти, как видим, и осознанно) желает и своим стихам. И эта подспудная творческая целеустановка — по мере печатания и распространения глав романа — так же стремительно начинает осуществляться, как в случае с «Горем от ума».

Совершенно очевидно при этом, что ни Грибоедов, ни Пушкин не ставят себе задачу литературной стилизации под народную пословицу. Мы и сегодня без особого труда различаем авторское происхождение таких изречений, как «Счастливые часов не наблюдают», «Шел в комнату, попал в другую» или «Мы все глядим в Наполеоны», «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» и так далее. Филологически точнее отнести такие изречения не к пословицам, а к книжной афористике. Когда тому же Пушкину нужно, он запускает в обиход пословицы, совершенно неотличимые от народных. Но какая бы частная цель ни ставилась, главная забота вовсе не в том, чтобы безостановочно производить изречения — афоризмы, максимы, пословицы, крылатые слова, фразеологические обороты. И не в том вовсе, чтобы ему вместе с литературными соратниками и единомышленниками создать некий большой законодательный стиль эпохального звучания. Забота об особой смысловомости слова — в крови у самой Пушкинской эпохи. И в иных временах, подчас отдаленных от нее многими веками, его эпоха ищет единомышленников, исповедующих краткословие: среди евангелистов и пророков, среди античных мыслителей, поэтов и историков; в пословичном красноречии многих народов, но, прежде всего, конечно, русского: в народных сказках и песнях; в «Слове о полку Игореве», которое вовсе не случайно открывается читающему миру почти в год рождения Пушкина...

Всем своим существом, когда осознанно, когда и бессознательно, Пушкин устремлен к предельно экономному слововыражению. Не во имя самой по себе сжатости и емкости, но во благо смысла, очищающего себя от всего лишнего, громоздкого или пошлого. И так — всегда, во всем, за что бы ни брался: в стихотворении, в поэме, в романе, в письме, в дневниковой записи, в конспекте статьи... На каждой странице: «Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут», <...> «Мы ленивы и нелюбопытны», <...> «Блажен, кто молча был поэт», <...> «Здравствуй, племя младое, незнакомое!», <...> «А пред нею разбитое корыто», <...> «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный»...

Этот перечень из воображаемого «Краткого Пушкина» приходится превращать в самом начале, — он неминуемо может разрастись до размеров целого тома. А скорее, и не одного тома. Потому что, в конце концов, весь Пушкин — Краткий Пушкин.

Да, наш Пушкин краток. Пусть для кого-то это звучит сегодня как нечто, само собой разумеющееся, почти банальность. Но для многих событие пушкинского краткословия едва-едва брезжит. А для кого-то и вообще остается неведомым.

Может быть, с наибольшей силой идеал художественной выразительности, вожделенного слова-смысла запечатлен Пушкиным все же в его «Пророке». Потому что, во-первых, «Пророк» есть, но сути, сжатый художественный конспект всего корпуса библейских пророческих книг. Кажется, это единственная во всей мировой литературе победно завершенная попытка «законспектировать» смысл, дух и стиль пророческого слова-поступка. Всеслышащая, всеразумеющая, всеведущая мощь преображенного в пророка поэта невероятно сжата в слове-кристалле, в жгущем огненном Глаголе.

Итак, тем самым Пушкин как бы подсказывает нам: слова поэта существуют лишь для того, чтобы устремляться к Слову.

Поэтический образ славянского мира

Пушкиноведение советских десятилетий методично замалчивало в пушкинском наследии его православное содержание, его русскость, его славянский дух.

Сама постановка вопроса о славянофильстве Александра Сергеевича Пушкина может показаться неучливой, даже агрессивной по отношению к укорененной в пушкиноведении традиции говорить о просвещенном европеизме поэта. Да и по отношению к общеизвестному высказыванию Достоевского о «всемирной отзывчивости» Пушкина. Действительно, «всемирная отзывчивость» трудно согласуется с преобладающим и по сей день представлением о славянофильстве как о доктрине этнической замкнутости. Сам же поэт неоднократно свидетельствует о своей распахнутости всему миру, всем языкам и временам.

Можно составить список упоминаемых им народов и племен, и перечень этот неумолимо разрастется в этнологический словарь впечатляющего объема. Пушкин поразительно любопытен по отношению к людям самых разных языковых семей и рас. Это у него в крови, любопытство прибывает по мере роста созерцаемого им собственного генеалогического древа. В конце концов, мы убеждаемся, что имеем тут дело с поистине царственным любопытством, как если бы поэт-царь в свою придворную читательскую челядь набирал не только «по всей Руси великой», а, говоря про «всяк сущий в ней язык», зрел в уме да и наяву уже целую землю, вселенную.

Но «всемирная отзывчивость» вовсе не есть распыление в беспредельном. Она предполагает устойчивый центр, рабочую меру отсчета, наконец, иерархию ценностей. Продолжив цитату из «Памятника», мы тут же и увидим, что первым в перечне языков упомянут все же «гордый внук славян», а за ним уже «финн и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык»... То есть перед нами не какая-то беспаспортная служба всему миру, не эхо, беспере-

бойно экранирующее любой звук. Эта «всемирная отзывчивость» изъясняется по-русски.

Ей нет нужды стесняться своего происхождения и своих естественных предпочтений.

Сегодня отовсюду слышен ропот об опасности превращения Пушкина в икону. Вполне справедливое опасение. Но тем более неуместны попытки канонизации общих мест пушкинистики XX века.

Это в первую очередь касается нашей «домашней» пушкинистики, с ее устойчивым предпочтением всего интернационального всему национальному. К примеру, в правилах такой пушкинистики до сих пор брезгливо относиться к стихотворению «Клеветникам России», укорять поэта в реакционности высказанных здесь политических мнений о славянском мире и о западноевропейских ненавистниках России. Даже нет смысла ссылаться на кого-либо из пушкинистов той формации. Здесь в течение многих советских десятилетий почти все были заодно в защите общегуманистических ценностей от «националиста» Пушкина. Так же как почти все были заодно в молчании или в снисходительной рассеянности, когда приходилось упираться глазами в пушкинские тексты, посвященные славянскому миру. Никто как-то ни разу не заметил, даже скороговоркой, что славянская тема — одна из ведущих у Пушкина, одна из доминант всего его творчества. В гигантской по количеству названий пушкинской библиографии недавно ушедшего века мы не встретим, кажется, ни одной монографии или монументальной статьи, которая бы называлась «Пушкин и славянство», «Пушкин и славянский мир», «Славянская тема в творчестве Пушкина». Пушкинистика шарахалась от пушкинского славянолюбия как черт от ладана. В том числе, она сквозь зубы цедила о личных симпатиях, которые связывали поэта со славянофилами первого поколения — Хомяковым, Шевыревым, братьями Киреевскими.

Конечно, строго говоря, педантически говоря, Пушкин не был (или не успел стать) единомышленником своих приятелей-славянофилов на доктринальном уровне. Но взаимоотношения прервались именно в час, когда поэт в наибольшей степени подошел к осмыслению идеи-образа славянского всеединства (имеется в виду начатая им работа над «Словом о полку Игореве»). Какое-то уже обозначилось тогда в воздухе знаменательное решение для Пушкина: и в отношении к Петру I, к которому он, по мере знакомства о архивами, заметно охладевал, и в отношении к западническим передержкам Чаадаева, и в отношении к Западу вообще, и, наконец и во-первых, в отношении к православной домашней традиции («Отцы пустынноики и жены непорочны...»).

Позволю тут себе одно сугубо личного свойства отступление. На последних курсах филологического факультета МГУ, в начале 60-х годов, я сильно увлекался поэзией и личностью Велимира Хлебникова (хотя диплом писал по творчеству Пушкина). Однажды меня пригласил к себе домой, для более подробного знакомства, известный тогда знаток русского литературного авангарда.

Наш с ним разговор о Хлебникове коснулся ранней смерти поэта, и я заметил собеседнику, что, может быть, несмотря на свои тридцать семь, Хлебников все же вовремя умер: никак ведь он не вписывался в царство эпманов, тогдашних «молодчиков-купчиков»...

— Да, вы правы, — быстро отозвался собеседник. — Он именно вовремя умер. — И тут же добавил. — Так же, кстати, как и Пушкин вовремя умер... А то ведь мог стать... славянофилом. Все к тому шло.

При этих его словах я как-то весь внутренне сжался: Пушкин... у-м-е-р? Это после лермонтовского «Погиб Поэт! — невольник чести... Убит! — к чему теперь рыдания... Его убийца хладнокровно нанес удар...»

Оговорился мой собеседник, что ли? Или намеренно смягчил, на всякий случай, свой укор поэту, вовремя «умершему», да нет же, убитому! Убитому для того, чтобы не стал славянофилом?

Вот так поворот! Получается, что он сейчас приглашает меня в соавторы своего, по сути, приговора Пушкину, — ради того, чтобы тот не стал славянофилом. И как-то сразу до меня дошло, что если он говорит сейчас так доверительно и спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, то, значит, это не сиюминутное откровение. Значит, так по поводу Пушкина давно обдумано и определено. И, похоже, не одним им. Я не отвечал на это его «вовремя умер» слишком долго, да так и не ответил, и до него, думаю, дошло, что он не найдет в молодом собеседнике соучастника. Разговор наш как-то скис и вскоре закончился. Мы никогда больше не встречались. (Если спросят, почему не называю имя собеседника, то ведь речь не о личности, а о тенденции, живучей, увы, и по сей день.)

На ту пору я, к стыду своему, почти ничего не знал о сущности славянофильского учения. Кроме обязательного для нескольких поколений студентов-филологов минимума, состоявшего в том, что учение сие реакционно, ретроградно, консервативно, так что к нему и прикасаться-то нежелательно. И лишь много позже, лет через двадцать после той беседы, я вспомнил приговор своего собеседника Пушкину и подумал: а ведь он с этим своим приговором опоздал, промахнулся, как промахнулся и убийца Дантес. Потому что Пушкин уже был славянофилом. Все они, кто думали так же, как он, получается, проморгали Пушкина, потому что Пушкин был славянофилом всегда, всю свою жизнь, начиная с «Воспоминаний в Царском селе», с «Руслана и Людмилы», со стихотворения «Дочери Карагеоргия», с замысла поэм о Вадиме и Мстиславе. Так и пошло дальше — через украинофильство Пушкина, через его «Полтаву», через дружбу с Мицкевичем, через покровительство Гоголю, через «Песни западных славян». Пушкин всю жизнь был природным славянофилом, какими были до него митрополит Иларион и Кирилл Туровский, автор «Слова о полку Игореве» и Епифаний Премудрый, протопоп Аввакум и Тредиаковский, Ломоносов и Державин, какими были при нем, Пушкине, и после него Рылеев, Грибоедов, Александр Одоевский, Языков, Дельвиг, Даль, Лермонтов, Тютчев, Некрасов... Русский поэт, если только он не отрещивается от своего природного естества, не может не быть славянофилом. Это естественное славянофильство, такое же всенепременное, как воздух, как кровь в жилах.

Это славянофильство не деклараций, манифестов и доктрин, а живого, подвижного, образного мироощущения. Славянофильство духовных прозрений, пророческих предчувствий, а не интеллектуальных конструкций.

Нельзя не обратить внимания на то, что пророческое начало в творчестве Пушкина заметнее всего именно в его славянской тематике. Здесь поэт закладывает сюжеты и коллизии, которые вдруг обнаружат свою горячую, воспаленную злободневность через сто и более лет. Разве иудин

грех измены внутри славянской семьи (поэма «Полтава») не проступил сегодня снова в выходках самостийных президентов Украины, в церковном отщепенстве, в том, что на десятигривенной купюре новейшие мазепинцы намалевали парсуну гетмана-предателя? Разве гражданская и духовная доблесть архиепископа Георгия Конисского в защите народа белорусского от посягательств с Запада, так восхитившая когда-то Пушкина, не служит и сегодня образцом верности славянскому миру? И разве не современен укор, высказанный в стихотворении «Он между нами жил...» польскому поэту, еще недавно другу?

Поэтическое пророчество, в отличие от предсказаний с календарными претензиями, как правило, не метит в какую-то определенную дату. Оно по духу ближе завещанию или заповеди на все времена. Таково пушкинское пророчество о славянской семье, о старом славянском споре, который нужно и можно решить только в семейном кругу, без постороннего вмешательства. Эта семейная мысль широко разлита буквально по всем творениям поэта, объединенным славянской темой. Она центральна и для «Полтавы», и для стихотворения об Адаме Мицкевиче, она звучит поистине программно в стихотворении «Клеветникам России», в «Песнях западных славян».

Пушкиноведение советских десятилетий методично замалчивало в пушкинском наследии его православное содержание, его русскость, его славянский дух. Особое старание было приложено к таким шедеврам поэтической публицистики как «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», а заодно и к «Песням западных славян». Если в связи с первыми двумя стихотворениями Пушкину, как уже было сказано, инкриминировалась реакционность, даже великодержавный шовинизм (несмотря на восторженный отзыв П. Чаадаева: «Вот, наконец, вы — национальный поэт; вы, угадали, наконец, свое призвание <...> Стихотворение к врагам России в особенности изумительно; это говорю я вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране <...> вот, наконец, явился наш Дант...»), то по отношению к «Песням западных славян» широко применялась тактика иронических ухмылок. Пушкин, мол, попал тут впросак, приняв за подлинные сербские песни ловкую мистификацию Проспера Мериме, вышедшую в Париже в 1827 г., под названием *La Guzla...* (Гузла, или Сборник илирийских стихотворений, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине). Промах поэта не извиняло-де и то, что в предисловии к «Песням...» он огораживал себя мнением Мицкевича: «Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славянской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию».

Нет, поэт вовсе не думает извиняться за мнимый промах. Более того, он в предисловии дает высокую оценку изобретателю «странных сих песен» Просперу Мериме: «острый и оригинальный писатель, автор... произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы». А фактом переложения на русский почти дюжины песен из «Гузлы» дает высокую оценку и их содержанию. Кроме того, он добавляет в свод «Песен...» два собственных стихотворения на сюжеты из современной сербской истории: «Песня о Георгии Черном» (то есть, о вожде первого сербского восстания против османского ига Карагеорги) и «Воевода Милош» (вождь второго восстания). Наконец, добавляет сюда же

и два перевода, сделанных на основе фольклорных публикаций сербского просветителя Вука Караджича. В итоге в «Песнях западных славян» все составляющие, несмотря на свою разнородность и разновременность, так гармонично согласованы, так дополняют, взаимонасыщают друг друга, что собирается в итоге совершенно органичный поэтический образ всего славянского мира, а не только «западного» (либо, что было бы географически точнее, южного).

О жизненности этого пушкинского образа говорит страшная достоверность исторических прозрений, наполняющих «Песни...», прозрений, уже востребованных и подтвержденных жестокой явью XX и самого начала XXI веков. Залитая кровью «по щиколотку» православная церковь в «Видении короля», — что это как не сербские храмы, в которых во время Второй мировой войны хорватские и мусульманские усташи устраивали массовые заклания местного православного населения?

Жуткий вурдалак в балладе «Марко Якубович», — что это как не злое видение «нового мирового порядка», устроившего под самый конец XX в. образцово-показательное кровопускание рассеченному несправедливыми границами сербскому народу?

И разве не к нынешним сербам, насильственно вытесненным из своего прародительского Косово обращается пушкинский воевода Милош:

*Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть опеухи?*

Хочу повторить, славянская тема в творчестве Александра Пушкина еще ждет своего будущего исследователя. В такой чаемой суммирующей работе отдельными главами могли бы стать творческое соревнование мало-российских сюжетов у Пушкина и Рылеева, не убывающий с годами интерес поэта к словарным и филологическим публикациям серба Вука Караджича, драматические подробности взаимоотношений Пушкина с Мицкевичем, классификация обширной славянской составляющей в личной библиотеке поэта, наконец и богатейшая рефлексия его произведений в творчестве известных поэтов и прозаиков XIX в., принадлежащих к разным славянским народам Европы.

Могут сказать: уж сейчас-то время самое неблагоприятное для таких обязывающих исследований. Не скажу про время. Сам Пушкин благоприятен всегда.

Игорь ИЗБОРЦЕВ

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА: СВОБОДА И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Игорь Изборцев (Игорь Александрович Смолькин) — родился в 1961 г. в г. Пскове, окончил Ленинградский Политехнический институт, работал в строительстве. С конца 80-х начал журналистскую деятельность. Председатель Приходского совета храма Воскресения Христова в Орлецах. Член СП России. С 2005 г. — председатель правления Псковского регионального отделения СП России, член Всемирного Русского Народного Собора, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного Государства России и Белоруссии. Автор многих книг прозы. Действительный член Академии Российской словесности, Петровской академии наук и искусств. **Живет в г. Пскове.**

Патриарх Фотий однажды сказал, что в человеке заложена «загадка богословия» и что человек обязан богословствовать. Чем вызвано такое утверждение? Главным образом богоподобием человека, тем, что он создан Творцом по своему образу и подобию. И этот дар роду человеческому настолько велик, что, по мнению многих отцов Церкви, достоинство человека простирается много выше ангельского. «Ангелы суть служебные духи, „литурги“, — утверждает святитель Григорий Палама. — Человек же по самому существу своему и назначению призван занимать положение господствующее. Он предназначен к царствованию над этим миром».

А вот еще одна тайна, которую открывает нам патристическая антропология: «Все человечество — это единая природа, как если бы это был один человек, первочеловек Адам, из которого все и произошли». Таким образом, все множество человеческих личностей имеют общую природу, как и Три Ипостаси Святой Троицы... В отличие от людей, от «человеческого рода», ангелы не имеют общей природы, то есть нет «ангельского рода», в понимании, относимом к людям...

Не правда ли, удивительно звучно словам Достоевского о том, что назначение русского человека «есть бесспорно всеевропейское и всемирное... стать братом всех людей, всечеловеком... Что русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способны из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, сни-

мающего противоречия?». На мой взгляд, это онтологическое прозрение человеческих корней и предназначения человека.

Но вернемся к патристической антропологии, которая утверждает, что главная причина превосходства человека над всякой тварью и даже над Ангелами кроется в том, что именно человеку дана величайшая, доступная только ему одному способность к творчеству. Именно творческий дар роднит человека с его Творцом. Если Бог — Творец из ничего, то и мы, созданные по образу Творца, являемся тоже творцами не существовавших до того предметов и образов. Конечно, есть и разница: Бог творит из совершенного небытия, мы же вызываем к жизни нечто уже существующее в умопостигаемом мире, но отсутствующее в эмпирической реальности.

Итак, вот он, высший дар Бога человеку — быть в этом мире Творцом, познавать неведомые доселе сущности и создавать новые, преобразать и приукрашать мир...

*И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Разве эти пушкинские строки — не проникновение в умозрительные высоты, полет ума в сферы инобытия?

*Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!*

Поразительно столь точное понимание поэтом и цели средства своего служения. Ведь человеку в его богоподобии не только многое дано, но и очень многое задано. Это как бы некое послушание от Бога — продолжать дело Божие на земле. Послушание очень ответственное, сопряженное с высокими требованиями к себе, к своему нравственному состоянию, к освобождению от всяческой нечистоты.

*Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Удивительно понимание поэта, что именно такое состояние сердца и души необходимо для преодоления пустого, суетного, земного, наконец.

Да, это непросто, это нелегко дается: в борьбе с искушениями, с миром, с собой. Но, как отмечает Ильин, в итоге мы получили «прозорливый и свершающий гений Пушкина, — пророка и мыслителя, поэта и национального воспитателя, историка и государственного мужа... который пришел к вере через очевидность вдохновенного созерцания» и исполнился, по определению Достоевского, “всоединением”, “всемирной отзывчивостью”, “всечеловечностью»».

Русские писатели-классики

Воплотил ли Пушкин в своем творчестве божественный о нем замысел? В полной ли мере раскрылся его Божий дар и состоялся его талант? Об этом может знать только сам Творец всего сущего. Для нас же невозможно однозначно судить о художественном делании поэта. Но если с позиций патристической антропологии расценивать цель творчества как создание высоких нравственных ценностей, то значение творчества Поэта, его художественные откровения в познании мира поистине непреходящи. «Не было бы Пушкина, — утверждает Достоевский, — не было бы и последовавших за ним талантов». «И древнее освятилось, и светское умудрилось. И русский дух познал радость исцеленности и радость цельности», — восклицает Иван Ильин.

Итак, главная цель творчества — это создание моральных, нравственных ценностей, делание добра, собирание его в ризнице духовных богатств. Это и будет, по определению патристической антропологии, высшим проявлением творческого начала в человеке, нашим приближением к Богу Творцу и к Богу Любви, раскрытием в нас этого порыва творческой любви. Только такое творчество способно оставлять бессмертные и нетленные плоды. Поскольку любовь (естественно, в возвышенном понимании этого слова) и является единственной созидающей силой. А зло, грех, анархия всегда разделяют и разрушают.

Сегодня мы воочию можем видеть разрушающую силу апостасийного «творчества», уничтожающего нравственную основу человека, его внутренний духовный стержень. Разваливается фундамент нравственности, цело-

мудрия, смирения, и человек теряет свою цельность, разделяется сам в себе. Такая личность способна лишь на духовное буйство, она обречена на «сон разума», который, как известно, рождает чудовищ.

Недавно сообщалось, что в некоем провинциальном русском городке семнадцатилетний юноша с чудовищной жестокостью убил свою мать и двух старших братьев: он зарубил их топором. И как же он объяснил цель такого немислимого поступка? «Я хотел убить и убил», — спокойно объяснял он следователю. Оказывается, этот юноша был страстным поклонником фильмов ужасов и некоторые из них смотрел по множеству раз...

Вот они — плоды современного лжетворчества. Такими же плодами являются и нынешние природные катаклизмы, техногенные катастрофы, бесконечные аварии и катастрофы, беспримерные акты терроризма и вандализма... Мы используем данную Богом творческую силу во зло и себе, и миру в целом. Извращая возможности дарованной нам Богом свободы, мы создаем ложные разрушительные сущности, которые искажают всю картину мироздания и нарушают нормальный порядок вещей...

Безмыслие и безверие, и, как итог, — край пропасти... Наша духовная сокровищница оскудела, но стоит ли стремиться наполнить ее, по сути, чуждым нам иноземным скарбом? Ведь и сегодня, не рядом ли с нами художественный гений Пушкина, разве отнято от нас его творческое наследие, и не светит ли так же ярко солнце его поэтического дара?

Да, все это тут, все это с нами, промысел Божий сохраняет этот великий дар России, и поэтому по-прежнему есть и остается надежда...

Вышла КНИГА

Игорь БАЗИЛЕНКО

О КНИГЕ МИТРОПОЛИТА КОНСТАНТИНА «БИБЛЕЙСКИЕ АРХЕТИПЫ ВОЙН»

Игорь Вадимович Базиленко — родился в 1961 г. в г. Тбилиси (Грузия) в семье армейского офицера. Доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Служил военным переводчиком в Демократической Республике Афганистан. Награжден медалью «За боевые заслуги», медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации. Живет в Санкт-Петербурге.

Митрополит Константин (Горянов). Библейские архетипы войн. — Санкт-Петербург: Родная Ладога, 2025. — 472 с.

Каждая книга митрополита Константина (Горянова) является событием в литературном и научном российских сообществах. Новая его книга, посвященная 80-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, раскрывает связь ее причин с библейскими архетипами. В книге показаны непрерывность мировой истории, непреходящее значение ветхозаветных и евангельских смыслов и сюжетов, позволяющих понять трагические события бытия. Это шестая книга в библиографии профессора богословия, историка, кандидата медицинских наук, действительного члена Российской академии естественных наук, члена Союза писателей России. Словом правды митрополит Константин борется за душу человека в постнтологический век, когда избывается само понятие духа, когда христианство вновь возводится на крест. Книга является компетентным ответом на важные, безотлагательные вопросы нашего времени. Она состоит из глав, содержащих рассмотрение современных духовных, политических, социальных проблем посредством архетипов, уходящих корнями в библейские времена. Пафос убеждения, своеобразная спиралеподобная композиция книги свидетельствуют о желании автора приблизить читателя к правдивой библейской истории, к реальности божественного мира Книги Книг. Богослов не обходит стороной трудные и малоизвестные сюжеты Библии, поныне актуальные, особенно в связи с осмыслением причин, сути и последствий Великой Отечественной войны.

Книга будет интересна и познавательна для читателей разных возрастов, профессий, но потребует интеллектуальной сосредоточенности и непредвзятого отношения к Библии.

* * *

Понятие духовности в мире на протяжении предыдущего века подверглось глубокой эрозии. Процесс, кажется, достиг необратимого состояния, особенно в пространстве культуры, философии, психологии. Спасительным ответом на запрос современности о возможной реставрации духовного мировоззрения человека остается богословие, и сегодня в России оно становится онтологическим базисом, на котором формируется «начало дальнейшего». Это понятие принадлежит христианскому богослову святителю Григорию Нисскому (335—ок. 395). Выдающийся мыслитель говорил: «Актуальная бесконечность Божественного бытия определяет динамическую бесконечность человеческого пути и подвига, в котором всегда есть начало дальнейшего — даже за пределами земной жизни и самого времени»¹.

В книге «Библейские архетипы войн» известного богослова, писателя, ученого — митрополита Константина (Горянова), пронизанной оптимизмом веры в христианскую победу и посвященной современным проблемам человечества, целесообразность ведущего к Богу пути доказывается на основе богословско-философской теории архетипов. Она разработана выдающимися мыслителями: священником Павлом Флоренским (1882—1937), швейцарским философом и психотерапевтом Карлом Юнгом (1875—1961) и православным русским философом Алексеем Лосевым (1893—1988). С учетом фактов библейской истории в современном контексте в книге рассматриваются события новейшей истории. Используя некоторые общие положения теории архетипов Юнга, автор в целом критично подходит к его философии.

В качестве современного контекста митрополит Константин (Горянов) выбрал войны минувшего и нынешнего веков, за основу взял духовные смыслы Великой Отечественной войны и Великой Русской Победы.

Размышления о жизни и смерти в условиях новейших мировоззренческих и технологических вызовов и военного противостояния, актуальность исторического понимания жертвоприношения и самопожертвования, антагонизм власти Помазанника Божия и претендующих на нее приверженцев Золотого тельца, современное преступное возделывание сорняков «Вавилонского дела» и психологическая трансформация отпрысков Сильного зверолова, безнаказанное покушение зла на детские души, взаимосвязь религиозного сознания и культурологической ответственности человека — лишь малая часть вопросов, затронутых в книге. Она необходима именно сегодня, когда одержимые ненавистью ко Христу выступают против Бога и Его творения — человека (теория «золотого миллиарда», трансгуманизм и пр.).

Убежденная надежда на всемирную христианскую победу пронизывает все, даже самые зловещие сюжеты повествования. Эта убежденность возникает не только в результате искренней веры автора книги в силу Господа, в законы Божественного бытия, но и вследствие доказанной тысячелетиями

¹ Цит. по: *Флоровский Г., протоиерей*. Восточные Отцы IV века. 2-е изд. Париж: YMCA-PRESS, 1990. С. 129—130.

правдивости Книги Книг — Библии. Настоящая книга важна тем, что в ней на реальных примерах раскрывается взаимосвязь греховности, нравственного разложения народа и, как следствие, гибели государства.

В России мы научены горьким опытом «апокалипсисов революций» и переворотов, когда духовная инфантильность интеллигенции, легкомысленность ее «богоискательства» были результатом более серьезных вековых процессов и ошибок предшествующих поколений, приведших к смертоносному идеологическому разделению русского общества. Это максимально проявилось в то время, когда Россия вступила в Первую мировую войну. Помимо смуты, которую сеяли внутри Российской империи германские и австро-венгерские спецслужбы, используя для этих целей антигосударственные подрывные элементы любого толка — от уголовников-налетчиков до революционеров-радикалов и террористов, — генеральные штабы Германии и Австро-Венгрии рассчитывали нанести поражение русской армии на поле боя и вывести Россию из войны.

Тогда, когда был виден явный враг, надо было бы русской «лучшей и умнейшей» интеллигенции поддержать свой народ. Но вместо этого «умнейшие», какими они себя считали, в разгар войны ставят вопрос о реформе Церкви, о ненужности монархии, понимая, что этим ослабляются все государственные институты, приветствуют террор и в конечном итоге провоцируют революцию. Опасное разложение проникло и в среду духовенства, появились «прогрессивные» священники, роптавшие на монашествующих и на иерархию (впоследствии именно такие «прогрессисты» составили ядро «обновленчества»). Таким образом «черви осуждения» подтачивали и столп государственности, и столп духовности — и вскоре великая держава обрушилась в безумный и кровавый хаос жесточайшей Гражданской войны. Впоследствии, во время эмиграции, многие представители интеллигенции заплатили за это, но еще больше прозрело. Горький опыт способствовал тому, что именно в эмиграции расцвели русская православная художественная литература и религиозная философия. В самой России была принесена огромная искупительная народная жертва на фронтах Великой Отечественной войны.

Современная интеллигенция еще более легкомысленна, как явствует из размышлений автора, развращена до губительного предела, за которым следует предательство государственных интересов. Безбожность, граничащая с сатанизмом, части современного западного и российского общества, потрясает и озадачивает. Для того чтобы разобраться в причинах проис-

БИБЛЕЙСКИЕ АРХЕТИПЫ ВОЙН

ходящего, следует, не пугаясь ни духовных вершин, ни адских бездн, поразмышлять о корнях проблемы и психологии носителей богоборческих настроений. Здесь, по мнению владыки Константина, наш верный путеводитель — Библия, содержащая многочисленные и поныне актуальные архетипы поведения.

Обращение к сюжетам библейской истории, обильное использование цитат Священного Писания способствует пониманию их исторической достоверности и реальности метафизической концепции, что помогает лучше проникнуть в вечный мир Библии. Это условие понимания святости веры — на основании исторического знания и богословского обоснования истины. Как говорил А.Ф. Лосев, вера и знание «не только не разъединимы, но даже и не различимы»¹. Богословие — это сфера словесного воплощения глубокого религиозного опыта, присущего автору — иерарху Русской Православной Церкви, митрополиту Константину (Горянову). Сама жизнь живописна и красноречива, и ее перипетии являются ступенями, ведущими во Храм Божий. Без этого пути, на котором нужны не только вера, но и знания, невозможно спастись ни человечеству, ни нашей планете. Еще одна важная цель данной книги — заинтересовать читателя самой Библией. Вследствие этого автор не только подробно освещает заявленные темы, но и обильно цитирует библейский текст. Читатели, впервые прочитавшие эти отрывки, должным образом смогут оценить могучую выразительность библейского слова, его своеобразную поэтику, актуальность древних сюжетов и захотят самостоятельно познакомиться с Ветхим и Новым Заветами.

Заметная особенность книги — ее спиралевидная архитекtonика, выражающаяся в повторениях, в возвращении к ранее изложенным фактам и сюжетам на более высоком уровне их осмысления или под другим ракурсом и в ином, непривычном контексте. Этот известный в литературе прием способствует запоминаемости и определяется желанием автора приблизить читателя к правдивой библейской истории, убедить в реальности Божественного мира Библии. Сознательно использовано расширенное цитирование библейских текстов для того, чтобы убедительно показать истинность постулируемого положения. Автор является явным противником того, чтобы краткие библейские цитаты произвольно вырывались из контекста, что способно привести к вариативности или искажению смысла, недопустимых в данном объективном повествовании.

Новая книга митрополита Константина (Горянова) является источником уникальных и необходимых для современного человека знаний, особенно в наше конфронтационное время. Знаменательный юбилей — 80-летие Победы в Великой Отечественной войне — мы отмечаем, находясь в новой войне, отражая новые атаки руководства современной Европы, которое поставило своей приоритетной целью нанесение стратегического поражения России. Книга «Библейские архетипы войн» митрополита Константина (Горянова) со свойственными автору широтой мышления, видением стратегических замыслов противоборствующих сторон, доказательностью оригинальных суждений и сопоставлений, направлена на выявление духовно-нравственных основ воинского служения и защиты православного Отечества и создана во имя торжества христианской Победы.

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 134.

Точка ЗРЕНИЯ

Борис ПОДОПРИГОРА ВОССТАНИЕ В БАДАБЕРЕ. ПОСТСКРИПТУМ

Борис Александрович Подопригора — родился в Ленинграде. Политолог, литератор, сценарист. Имеет три высших образования — Военный институт иностранных языков (китаист и специалист по Афганистану), Санкт-Петербургский госуниверситет. Полковник запаса, проходил службу в семи кризисных зонах. Аттестован по пяти иностранным языкам. Заслуженный военный специалист России. Награжден 2 орденами и 20 медалями. Перед увольнением в запас занимал должность зам. командующего федеральными силами на Северном Кавказе. Работал на госслужбе. Преподаватель СПбГУ — специалист по международным конфликтам. Член Эксп.-аналит. Совета при Комитете по делам СНГ ГД РФ. Член СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Нет, я не забыл о 40-летию восстания пленных шурави в пакистанской крепости Бадабер. Тогда полтора десятка советских и афганских узников разоружили охрану и приняли последний бой. Он длился около 12 часов — с вечера 26 до утра 27 апреля 1985 года. Незадолго до 30-летия восстания мы с Андреем Константиновым посвятили этим событиям роман — «Если кто меня слышит. Легенда крепости Бадабер». Инициатива в его написании принадлежала Андрею, который нас покинул в декабре 2023 года.

Эта оговорка существенна, потому что этически не всегда уместна ссылка на совместное произведение, если главный автор свое слово уже не скажет. Кроме того, внимание к СВО, а также 80-летию Великой Победы отводит на второй план события 40-летней давности. Даже 50-летие победы Вьетнама, для американцев завершившейся тем же, что и в Афганистане три года назад, на мой взгляд, более актуально. Хотя бы потому, что это был едва ли не единственный неоспоримый морально-политический и военно-технический успех Москвы за всё послевоенное время.

О бадаберском восстании за последние десять лет ничего нового в публичном поле не появилось. Может, и не появится: те, кто знал что-то конкретное, тогда были в возрасте не младше 40–45 лет: вряд ли они все сегодня живы. Да и то, что и как происходило в апрельскую ночь 1985 г., прояснить в принципе невозможно: живых свидетелей остаться не могло. Осколки боеприпасов разлетелись на шесть километров от крепости. Кстати, в 2015 г. наш с Андреем *весьма осведомленный* собеседник, проявивший внимание к книге, ничего не подтверждая и не опровергая, тем не менее признал, что по поводу произошедшего в Бадабере у него остались вопросы.

Повторю: о доказательном обновлении фактуры речи не идет. Можно, конечно, предположить, что Бадабер был не только базой для подготовки моджахедов, но и отправным пунктом в транзите наркотиков, прежде всего в Европу. Но существа дела это не меняет. Как и рассуждения о роли при этом Усамы бен Ладена.

К теме Бадабера обращусь вот почему. На фоне 40-летия этого события появилась целая подборка материалов, в которых под сомнение поставлен сам факт восстания. Сквозная мысль такова: всё, что вы прочли или посмотрели (имеется в виду сериал «Крепость Бадабер»), — это вымысел, ибо никакого официального расследования не проведено.

О фильме подробно говорить не буду. Сам его выход выглядел странно: Андрей Константинов заключил договор с известным кинодеятелем — тот с энтузиазмом отнесся к экранизации романа, но потом уступил место коллеге, по-видимому, не симпатизировавшему Андрею. Более того, при выходе фильма была допущена бестактность, вроде медийного противопоставления «киноправды» роману. Причем один из консультантов фильма — мой коллега-переводчик — потом признался, что не говорил ничего, что было опубликовано в качестве рекламы фильма. Хотя с чего бы вдруг этого консультанта назвали Героем Советского Союза? Неужели все это из ревности? Свое мнение о фильме я высказал в опубликованной на «Фонтанке» (18.02.2018) рецензии «Крепость Бадабер. Киноверсия. Лайтиссимо».

Наша с Андреем Константиновым легенда «сплетена» из тесно спаянных кусочков правды, представленных в виде многочисленных (свыше 200 источников на четырех языках) публицистических и мемуарных оценок, и откровенный тех, кто что-то слышал. Как, например, офицер службы радиоперехвата, зафиксировавший панические доклады пакистанских вертолетчиков на рассвете 27 апреля 1985 г., а чуть позже — вылет к месту событий пакистанского президента Зия-уль-Хака. Если мы не правы, почему уже 29 апреля 1985 г. «альянс семи» основных душманских группировок решил впредь не брать шурави в плен? Здесь же — недоумение нашего дипломата: его уже в 2012 г. пакистанские власти попросили не задавать вопросы о Бадабере.

О чем наша легенда? О том, как в «рубиконном» 1984 г. у противников лишь намечавшейся перестройки возник политически актуальный план разоблачения «врагов социалистического Отечества» и их внутренних пособников;

...и о заброске в пакистанский лагерь специально подготовленного разведчика;

...и о его миссии — вскрыть факт подневольного пребывания граждан СССР в якобы нейтральном Пакистане, повторим, превращавшемся в полигон набиравшей силу Аль-Каиды;

...и о том, что операция, несмотря на незаурядные способности исполнителя, сорвалась из-за череды накладок и смены политических приоритетов.

А сам разведчик исполнил свой долг. Он, по нашей версии, поднял советских и афганских узников на восстание достоинства с временным наведением уставного порядка в нигде не учтенном советском гарнизоне Бадабер. На большее ему не хватило ни сил, ни времени.

Но совсем не легендарен итог «выступления обреченных»: уничтожение лагеря подготовки моджахедов и крупного склада боеприпасов, что, повторим, неоспоримо. Как и пример, способный на поколения вперед конденсировать память и электризовать совесть, даже если мы не узнаем, как там было в деталях...

Много поможет в этом наш с Андреем Константиновым роман «Если кто меня слышит. Легенда крепости Бадабер».

ВЫШЛА КНИГА

Протоиерей Александр Шаргунов

Без царя. Православная монархия и новый мировой порядок. М.: Отчий дом, 2024.

Издание «Без царя» перекликается с предыдущей книгой отца Александра Шаргунова «Царь», которая была посвящена в основном многочисленным чудесам по молитвам святого царя Николая II. Почему эта книга так названа — «Без царя»? Есть прекрасное русское выражение — «без царя в голове». Оно означает отсутствие в человеке нравственного стержня и главной жизненной цели. Это выражение может относиться и к целому обществу — к народу, теряющему нравственные и духовные ориентиры, вследствие утраты веры в Бога.

Тема царского креста раскрывается главным образом через противопоставление строящегося «нового мирового порядка» христианской государственности и христианской нравственности. Речь идет не только о том, чему мы являемся свидетелями сегодня, но и о том, как в течение веков подготавливалась утрата здравых ориентиров.

Эта книга — о любви и о Кресте, которому дано была приобщиться святому царю, и потому произнести самые главные слова, как Символ веры, во все времена освящающий жизнь и смерть каждого верующего человека. Недостаточно нам любить наше Отечество и недостаточно любить даже православное Отечество, недостаточно любить царя и царя православного. Мы должны любить больше всего на свете Бога, и только в Боге может быть крепость нашего православного Отечества и нашего православного царя. Были люди, которые любили и православное Отечество, и православного царя не потому, что они любили Бога, а потому что хорошо было им жить в таком Отечестве. Мы говорим, что все призываются сегодня к покаянию в цареубийстве. Но прежде мы должны покаяться не в предательстве царя, не в цареубийстве, а в предательстве Бога и в богоубийстве. Наш святой царь-мученик Николай II принял великие страдания именно тогда, когда стало ясно, что нельзя никакими экстраординарными мерами, никакими репрессиями остановить утрату самого главного, что должно быть в народе.

Роман КРУГЛОВ

«РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА XII в.: “СИМФОНИЯ КОНЦЕПТОВ”»

*Рецензия на монографию
Г.В. Скотниковой*

Роман Геннадьевич Круглов — поэт, литературовед, кандидат искусствоведения. Автор шести поэтических книг, семи монографий о литературе и об искусстве. Руководитель секции критики Санкт-Петербургского отделения СП России и Санкт-Петербургского отделения Совета молодых литераторов, секретарь СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В открывающей монографию главе «К читателю» заявлен философский подход к изучению древнерусской культуры, которым обеспечивается актуальность и новизна исследования. Художественное наследие Руси XII в. трактуется как корневой, а потому важнейший элемент русской культуры (системы ценностей). Постигание древнерусского искусства требует взгляда, адекватного материалу, — с позиции этой системы. Вне ее понимание Древней Руси обречено как минимум на неточность или вовсе на полное искажение, интерпретацию материала в изначально не свойственных ему категориях, искусственное встраивание его в чужеродный или даже ценностно противоположный контекст. В сущности, это ведет не к пониманию транслируемой в искусстве системы ценностей, а к ее опровержению; это свойственно изучению не только древнерусской культуры (к примеру, советологический взгляд на культуру СССР). К сожалению, путь искусственного встраивания русской культуры в иные парадигмы долгое время оставался наиболее востребованным в науке.

Известная мысль о том, что кризис современной культуры обусловлен оторванностью от культурно-исторических корней существования народа и государства, закономерно предполагает, что гуманитарное знание должно измениться. При этом художественная культура XII в. мыслится в монографии как источник русского мироощущения, «родник наших сил». Проблема понимания (и непонимания) древнерусского искусства в этом свете становится

Скотникова Г.В. Русская художественная культура XII века: «симфония концептов» / Г.В. Скотникова. — СПб.: Аргус СПб, 2022. — 296 с. : ил.

остро актуальной, ее решение связано с выработкой национальной идеологии, необходимость которой для выживания народа и государства в наши дни очевидна.

Для изучения художественной культуры Руси XII в. необходимо выработать соответствующую материалу методологию, категориальный аппарат и язык анализа. Целью изучения становится осознание смыслов, воплощенных в художественных образах древнерусского искусства; их осознание мыслится как часть самосознания. Г.В. Скотникова утверждает, что самосознание — личное и национальное — это «всегда живой процесс духовно-душевного движения, искания, вопрошания, связанный с личным внутренним усилием, раскрывающим че-

рез углубление в существо национального духа общечеловеческие духовные смыслы и ценности». В разделе «Вместо введения» представлены научные основания такого взгляда. Это современная концепция русской философии профессора Н.П. Ильина, предполагающая чрезвычайное значение личности в русской философии (зادолго до европейской философии открывшей персонализм), а также наследие мыслителей XIX в., чье творчество стало проявлением «ума как части души», «философско-культурологические заветы Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, П.Е. Астафьева являются фундаментальной интеллектуально-духовной опорой для самостоятельного, творческого философского пути, углубления и развития намеченных ими идей». Эта методологическая основа подразумевает соприродный русской культуре способ ее изучения, соответствующий ей набор понятий, а также язык, свободный от распространенных в науке об искусстве «модных» терминов. Опора на труды перечисленных философов при изучении древнерусской культуры также предполагает учитывание ее византийских истоков. Именно относительно них становится возможным выявление и постижение ее национального своеобразия и самостоятельного значения.

Преемственностью по отношению к Византии обуславливается симфония концептов как идейная основа русской художественной культуры XII века. Концепт предполагает «глубинный смысл, потенциально содержащийся в слове и прорастающий на благоприятной культурной почве, превращая простое слово в ключевое, фундаментальное для византийского и древнерусского мировосприятия». Пришедшие из Византии концепты: *Истина, Красота, Литургия, Аскетика, Филокалия, Синергия, «Симфония вла-*

*Святой благоверный князь
Андрей Боголюбский. Современная икона*

стей» — в русской традиции своеобразно осмысляются в свете концепта *Русская земля* и связанных с ним концептов *Царство Марии* и *Дом Пресвятой Богородицы*. Византийским по происхождению является и сам принцип созвучия смысловых элементов культуры, предполагающий их взаиморазвитие в гармонии.

Симфонию обозначенных концептов автор усматривает в сакральном замысле князя Андрея Боголюбского, которому посвящены основные три раздела монографии. В первом из них раскрывается история возникновения и распространения концепта русской земли как святыни, государственно-политический аспект взаимоотношений Руси и Византии, а также спектр культурных контактов Руси и Запада в XII столетии. Второй раздел посвящен фигуре Андрея Боголюбского как создателя Владимирской земли: монографическим исследованиям о нем и культуре его времени, личности и мировосприятию князя, проблеме происхождения его прозвища, канонизации и почитанию Андрея Боголюбского; завершают раздел главы «Город Владимир и его основатели» и «План Владимира XII века». Третий раздел, самый объемный, исследует художественное воплощение симфонии концептов. Рассматривается рождение архитектурного образа русского храма в XII в., византийская традиция в храмовой архитектуре Руси и проблема топографических истоков традиции фасадного убранства храмов Владимира, отличительные черты русских храмов XII века. Значительное внимание уделено наиболее значимым в сакральном замысле князя Андрея Боголюбского явлениям — чудотворной иконе «Богоматерь Владимирская», исторической судьбе Боголюбской иконы Богородицы (вехи хранения и реставрации), литературической деятельности Андрея Боголюбского, его храмоздательной парадигме, храмам Владимирской земли, посвященным Богородице, собору Рождества Богородицы в Боголюбове, церкви Покрова на Нерли, Золотым воротам Владимира, Успенскому собору, резному фасадному убранству Дмитриевского собора. В приложении представлены хронограф Владимиро-Суздальской земли XII — начала XIII в., а также перечень сокращений и обозначений, именной указатель.

Основное сущностное достоинство монографии, как нам представляется, состоит в том, что русская культура в ней не рассматривается со

Святой благоверный князь Андрей Боголюбский. Фрагмент фрески на юго-восточном столпе Архангельского собора Московского Кремля, 1653–1666

стороны. Приятие ее необходимо для погружения и постижения, методология и язык должны соответствовать теме и материалу. Кроме того, в исследовании поднимается одна из ключевых проблем современного знания об истории культуры западного полушария, состоящая в забвении первостепенного значения Византии в истории Средневековья. Действительно, богатейшее наследие

самого развитого государства своего времени почти не освещается в рамках как среднего, так и высшего гуманитарного образования. Это ведет к системному искажению распространенных в обществе представлений как о мировой истории, так и о культуре России — главной наследницы Византии. Однако решение обозначенной проблемы — дело будущего. В монографии есть погружение в художественную культуру Руси XII в., есть выявление ее сущностных связей с византийской традицией и ее русской самобытности. Однако, как справедливо отмечает автор в начале книги, для современного человека истоки русской культуры скрыты, их присутствие в жизни не очевидно. Чтобы читатель мог осознать их как «родник наших сил», нужно, как нам представляется, проследить проявление обозначенных истоков в культуре нынешней или, как минимум, в более близкой к нам культуре Нового времени. Это значит, что наиболее полезным в деле дальнейшего освещения самобытной русской культуры было бы выявление связи Византии и Древней Руси с художественной культурой XIX, XX, XXI веков.

ВЫШЛА КНИГА

Филиппов Д.

Собиратели тишины: Роман в рассказах / Серия «Русская Реконкиста». — М.: АСТ, 2024.

Роман «Собиратели тишины» Дмитрия Филиппова имеет все шансы стать эталонным текстом складывающегося корпуса новой русской военной литературы, рожденной СВО, которую по аналогии с «лейтенантской» можно назвать «прозой добровольцев». Филиппов уходил на войну сложившимся писателем, а вернется — классиком.

Во всяком случае, «Собиратели тишины» свидетельствуют о значительных потенциях художника: здесь и продуманная архитектура текста, и логически выстроенная композиция, и гремучая смесь эпоса и репортажа. Яркий и убедительный в своих поступках главный герой, достоверные персонажи под психологическую ему стать, нерв и драйв.

Иногда, особенно во второй части, хронотоп которой — штурм Авдеевки, книга напоминает стремительно смонтированные кадры от киногруппы, которая знает, что может погибнуть в любой момент, и ей категорически важно этот материал после себя оставить. Ценна фиксация совершенно новой технологической реальности войны с подробным описанием воинских профессиональных навыков, знаний и умений в боевой работе. Замечателен повествовательный эффект, при котором события Великой Отечественной войны и Донбасского конфликта встают рядом — и уходят напрямик в вечность. Принципиальна и экспозиция двух реальностей: войны и сытого, прежнего, сонного быта российских мегаполисов, «мира», да и «мира» в толстовском понимании.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

«ТО БУДЕТ КАЖДОДНЕВНАЯ ВОЙНА...»

Николай Владимирович Переяслов — родился в 1954 г. Работал шахтером в Донбассе, геологом в Забайкалье, журналистом в Тверской обл., директором Самарского отд. Лит. фонда РФ, помощником мэра Москвы. Автор 40 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и др.; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад — милость для миров». Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалями св. кн. Даниила Московского, св. кн. Александра Невского, а также Мусы Джалиля и другими наградами. **Живет в Москве.**

Книга избранных стихотворений и поэм известного русского поэта Владимира Скифа «Страдающий пламень» (СПб.: Маматов, 2025) — как новогодняя елка, вся сплошь украшенная именами известных всему миру поэтов и писателей, красующихся на своих строчках-ветвях. Ну просто россыпь поэтических имен перед глазами! Тут тебе и Александр Проханов, и Юрий Кузнецов, и Алексей Прасолов, и Анатолий Передреев, и Николай Рубцов, и Василий Шукшин, и Владимир Набоков, и Александр Межиров, и Виктор Астафьев, и Владимир Набоков, и Михаил Вишняков, и Осип Мандельштам, и Владимир Соллогуб, и Николай Гоголь, и Сергей Клычков, и Саша Черный, и Петр Орешин, и Иван Приблудный, и Алексей Ганин, и Демьян Бедный, и Константин Бальмонт, и Марина Цветаева, и Георгий Кольцов, и Василий Жуковский, и Евгений Боратынский, и Валентин Распутин... При этом перед нами не просто возникают имена некоторых писателей и поэтов, упоминающихся по ходу того или иного стихотворения или же цитирующихся строчками из них в качестве эпиграфов, но многим из этих поэтов посвящены буквально целые поэмы! Так, например, одна из этих поэм, которая первой после двух подборок стихотворений идет в книге Владимира Скифа, так и называется — поэма «Валентин Распутин». И в четырнадцатой главке этой поэмы, которая называется «Публицист», он отчаянно пишет:

...Сбита планка небес.

Сбита планка

*Не сравнимой ни с чем высоты,
Оттого мир похож на подранка:
Он — такой же несчастный, как ты.*

*В бездну сброшены ориентиры
Верных мыслей и важных забот.
Правят бал нынче анти-кумиры
Под знаменами мнимых свобод...*

Являясь жителем великой и бескрайней Сибири, обитая на берегу знаменитого озера Байкала (в народе его называют морем), поэт мог бы сыпать с высоких небес, словно легкий белоснежный снежок на наш мир, строки лирических стихов о любви и природе, а он, хоть и умеет все это прекрасно делать, со страницы на страницу сыплет на нашу несчастную землю свои горькие строчки о беде и горе. «Я живу бедою жгучею, / Посреди родных высот. / В проволоку расколую / Превращается осот», — пишет вместо

Владимир Скиф

красивых метафор и ярких поэтических образов поэт Владимир Скиф. Не случайно он сравнивает нашу Россию с трагическим кораблем «Титаником», который однажды раскололся напополам, напоровшись на острый айсберг. Но поэт все-таки верит в силу своей великой Родины и своего друга Распутина, о чем и говорит читателям пятнадцатая глава из его поэмы «Валентин Распутин», которая называется «Мир железа»:

*Кто нас полюбит, кто разбудит,
Заставит выбраться со дна?
Быть может, Валентин Распутин?
А может, новая война?..*

*Наш мир и вправду неуютен,
Бессилен заново расцветать.
Но если рядом есть Распутин,
То значит, и надежда есть.*

Каждый настоящий поэт — это обязательно отчасти пророк и ясно-видец, который из дня сегодняшнего может увидеть многое из того, чему суждено совершиться только завтра-послезавтра. Грядущую войну с Россией предчувствовал еще за несколько лет до сегодняшней поры Владимир Скиф, но о ней также писал и Валентин Распутин.

Практически у каждого русского человека живут в душе образы многих литературных героев или просто персонажей, а также самих писателей, включая любимого нашим народом Валентина Григорьевича, и поэтому он ощущает себя не одиноким на земле и верит, что Россия однажды непременно восстанет из праха и окрепнет. «Все несбыточное сбудется, / И низри-

нутя враги. / Боже праведный, Распутину / И России — помоги!» — так, нисколько не опасаясь многочисленных недругов нашей страны, во весь голос говорит перед всей нашей страной и миром Владимир Скиф.

Спросите себя, каким должен быть русский поэт, о чем должны говорить всему миру его стихи? Подумайте, какие тайны должна открывать людям его поэзия. И вы поймете, что правда — это и есть тот самый главный стержень поэтического творчества, который пробуждает собой совесть всего нашего народа, совесть самой нашей Родины. «Неужто этот русский голос / Уже навеки отзвучал? / Молчун Распутин, беспокоясь / О русской доле, не молчал. / Ему внимали грады, села, / Родная церковь, темный лес. / Звучит его бес- смертный голос, / Как голос совести с небес», — так писал в своей поэме о Валентине Григорьевиче Распутине его друг Владимир Скиф. И подхваченное из рук Валентина Распутина знамя Русской Правды перетекает из стихотворения в стихотворение, из поэмы в поэму, из рассказа в рассказ и из одного произведения в другое, чтобы не погасла вовеки вера людей в Русское Слово и продолжала длиться в столетиях наша отечественная литература. Ведь литература — это не просто развлечение и баловство словами, литература — это дух народа, сама душа его. И с каждой новой поэмой возрастает любовь русского народа к литературному творчеству, крепнет сила духа россиян, и все мощнее становится наша держава. Вот и в поэзии Владимира Скифа все гуще встречаются имена наших любимых русских поэтов, и все чаще возникают на страницах его книги адресованные им стихотворения и поэмы.

Так, например, следующая его поэма из книги «Страдающий пламень» посвящена известному сибирскому писателю-драматургу Александру Вампилову, которая так его именем и называется — «Александр Вампилов». В восьмой главе этой поэмы, которая называется «Открытие памятника в Иркутске», Владимир говорит:

*Век оступился, задохнулся
От боли острой, ножевой,
Когда Вампилов не вернулся
С Байкала в грустный город свой.*

*Как коршуны, кружили ветры,
Стучала молния в крови.
Он не доплыл четыре метра
До жизни, славы и любви...*

Так же отчаянно, с искренней любовью и болью Владимир Скиф выводит в своих поэмах «Николай Крюков», «Лермонтов», «Пушкин» и ряде других работ блистательные поэтические строчки, посвященные великим русским поэтам. Посмертную высокую хвалу Николаю Крюкову воздает в своей поэме о нем Владимир Скиф, и ничуть не меньший почет воссылает он в другой своей поэме, посвященной поэту Михаилу Лермонтову.

Стихи Владимира Скифа хочется бесконечно цитировать; они то текут, словно урчащие ручейки или реки, а то рокочут, как дробь армейских барабанов, но если мы хотим постичь ритмику и музыку его поэзии, то нужно переносить сюда все его стихи и поэмы. А пройти мимо них, не процитировав хотя бы одну-две строчки из его замечательных поэм, просто невозможно,

Валентин Распутин и Владимир Скиф

настолько они музыкальные и поэтичные: «Неповторима Болдинская осень: / Желтеют полушарья тополей, / И снова небо сквозь века проносит / Пульсирующий угол журавлей...». Подобные стихи хочется слушать и слушать, радуя себе душу и сердце, но мир сегодня до предела перенасыщен злом и враждой, натравливая народы один на другого. И потому сегодня в стихах все меньше и меньше слышится слов о любви, и все больше и злее грохочут за окнами танки и пушки. Война, как туман, расплзается по миру. Но эта война идет с нашей стороны не за богатства — она за мир, за счастье и за Россию.

«Клубится море многоликое, / Над Машуком — кровавый свет. / Стихотворение великое / Не умирает двести лет. / Но также землю жгут неверные, / И души ходят босиком, / И мне все кажется, что Лермонтов / Стоит живой под Машуком».

Читая стихи Владимира Скифа, невольно чувствуешь себя в солдатском окопе посреди Донбасса, улавливая свист пролетающих над головой снарядов или же слыша, как стрекочут в небе беспилотники самолетного типа. «Я был в Донецке, — говорит в своем стихотворении “Донбасс” Владимир Скиф, — Господи, помилуй! / Там было все другое. Благодать. / А нынче, став большой Саур-могилой, / Донецк разгромлен Гернике под стать. / Мне всякий раз становится все горше, / Когда представляю нынешний Донбасс. / И душу мне расклеывает коршун, / И падает во тьму иконостас...»

Но стихи русских поэтов не сдают своих позиций, и Донбасс никогда не встанет на колени.

* * *

Одной из лучших поэм Владимира Скифа является его поэма «Пушкин», представляющая собой поэтический роман в рифмах. В ней соедине-

ны воедино история России, лица друзей и врагов Пушкина, Анна Родионова и Натали Гончарова, дуэль на Чёрной речке и целый ряд других событий печального рода, горького рода: «Еще у Пушкинского лба / Печаль не накричалась, / А у дорожного столба / Уже пурга качалась... / Разлука колокол поет, / По снегу длятся тени. / В ночи пред Пушкиным встает / Россия — на колени».

Книга поэм Владимира Скифа «Страдающий пламень» — это не просто его воспоминания о судьбе гениальных русских поэтов, но и погружение в бездну всей истории нашей России. Владимир чувствовал, что из своего глубокого далека Пушкин видел грозящие нашей стране опасности и, стараясь предупредить нас о поджидающей впереди лет грозной беде, в тридцать первой главе своей поэмы «Пушкин» он писал:

*Звенит в веках старинная подкова,
В бездонном море плещется волна.
И оживает пушкинское Слово,
Предупреждает — близится война.*

Еще одна поэма Владимира Скифа в его книге называется «Сергей Есенин». Хотя она и написана в память о знаменитом русском поэте Есенине, она встречает читателя богатой россыпью ярких женских имен, таких, в частности, как Анна Изряднова, Айседора Дункан, Августа Миклашевская, Галина Бениславская, Лидия Кашина. И вся эта гирлянда имен, прошедших через судьбу Есенина, свидетельствует не о распутстве, а исключительно о его щедром и любвеобильном сердце, а точнее — о распахнутой всему окружающему миру душе.

И как же наш современный сегодняшний поэт может равнодушно относиться к окружающей его жизни, к людям, к природе, к нашей отечественной культуре и родному краю? Есть в нашем мире политика, а есть — поэзия, и никто еще не может с уверенностью сказать, что политика важнее поэзии. Поэзия — это красота, а красота — это самая главная сила в мире.

*В Константинове тихо. Вселенская грусть
То и дело Россию крылом задевает.
В небеса, словно зеркало, смотрится Русь
И взглянется в себя на земле забывает.*

*В Константинове осень. Покой. Тишина.
Всенародная память молитвы читает.
С неба ликом Есенина смотрит луна,
И поэта душа, словно клен, облетает.*

Поэт Владимир Скиф неотрывно связан с русской литературой, с нашей великой поэзией. Его собственные стихи и поэмы, словно цветы из родной почвы, вырастают из поэзии великих русских поэтов. Поэмы Владимира Скифа воспринимаются порой как продолжение творчества больших русских поэтов и прозаиков, которые так и называются, «Валентин Распутин», «Александр Вампилов», «Николай Крюев», «Лермонтов», «Пушкин», «Сергей Есенин», «Марина Цветаева». Но даже те поэмы Скифа, которые

связаны не напрямую с именами классических русских поэтов, все равно не могут писать ни чем другим, кроме нашей великой Родины, которая несет в себе силу русской поэзии. Такими входят в книгу Владимира Скифа поэмы «Месяцеслов», «Пускай жучок живет на свете», «Поэт, Некто и Толпа», а также равноценные его поэмам пять полновесных венков сонетов: «Байкал», «Родина», «Под знаком Водолея», «Деревня» и «Меж звездой и елью». Он пишет в венке сонетов «Деревня»:

*Моя деревня, ты — моя судьба,
Я о тебе и помню, и болею,
В душе слова о Родине лелею,
Где вдоль дорог колышутся хлеба.*

А вот еще две поэтические главы из этой книги: стихи 2005 г. «На краешке судьбы» и стихи 2024 г. «Полынная звезда». А также еще одна глава, которая включает в себя стихи о травах и цветах, — «Цветов пыланье невозможное».

Сила поэтической красоты была бы народу, наверное, намного приятнее, чем красота силы политической, к чему, собственно говоря, люди во все тысячелетия и тянулись. Но есть довольно немалая часть людей, которые во все века стремятся столкнуть народы лбами, поджечь мирные государства и устроить великую международную бойню. Вот против таких мировых «поджигателей», существующих под безликим коллективным именем Некто, и выступает Толпа, постепенно становящаяся Народом. И на последних страницах своей поэтической книги «Страдающий пламень» Владимир Скиф пишет от имени Русского Народа и, стало быть, от себя самого тоже, следующие слова:

*Эй, Некто! Червоточина миров!
Зубило злобы в оболочке мрака.
Любовь и правда твой разрушат кров,
Но то не будет скорая атака.*

*То будет каждодневная война,
То будет всегражданская тревога.
И в той войне окажется нужна
Певца-поэта верная подмога.*

*Безумный мир становится войной,
И русским людям надо знать отныне,
Что это будет битва с сатаной,
Где превратятся пастбища в пустыни...*

Читая стихи и поэмы Владимира Скифа, кажется, что мир все-таки устоит под натиском темных сил, и пастбища останутся зелеными пастбищами, и над ними будут гудеть не смертоносные снаряды и губительные беспилотники, а радостные песни людей и счастливая музыка. Ну и, конечно же, прекрасные русские стихи и поэмы, такие как в этой книге Владимира Скифа...

Алексей ШОРОХОВ

СВЕТ И ГОРЕЧЬ ЕВГЕНИЯ ЮШИНА

Алексей Алексеевич Шорохов — родился в Орле в 1973 г. Предки — донские казаки и вятские крестьяне. Первые присоединяли к России Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию, защищали Веру, Царя и Отечество. Вторые: дед, Флегонт Анфилович, охранял последнего русского Царя, служил в лейб-гвардии Семеновском полку, заслужил Георгиевскую медаль в Первой мировой войне; отец, Алексей Флегонтович — ветеран ВОВ. А.А. Шорохов окончил Литературный институт им. Горького. Зам. гл. редактора журнала «Отечественные записки». В качестве поэта и военного корреспондента ездит на Донбасс с 2015 г., выступает перед бойцами НМ ЛДНР. Организатор и участник волонтерского проекта «Буханка» для Донбасса». Член Сенаторского клуба Совета Федерации РФ. Доброволец СВО. **Живет в Москве.**

Большой русский поэт, называя свою книгу, дает определение времени. Того самого времени, которого не существует для вечности, но которое выпало на его долю.

*Время движет, снега несутся,
Рвут столетия, в прах круша.
Но не может душа проснуться,
Как не может уснуть душа...*

Свое поэтическое время Евгений Юшин назвал «Полынь и звезды». Полынная горечь погрома русской культуры и затянувшейся Гражданской войны и неизбывный свет степного звездного неба над нами.

Практически знаменитая формула Иммануила Канта, только без сухой академической отстраненности.

Хотя к чести кенигсбергского философа надо сказать, что, приняв российское подданство при Елизавете Петровне, он от него уже никогда не отрекался, даже тогда, когда чередой измен и дворцовых переворотов Восточная Пруссия оказалась на полтора столетия оторгнута от России.

У Евгения Юшина вопрос поэтического и нравственного подданства никогда не возникал. Представить себе сегодня более русского поэта в нашей блистательной литературной современности сложно.

Русскость поэтического мира Евгения Юшина не манифестируется «словами» и «заявлениями».

Его слово напоевается родниками отчей и дедовой земли, проступает алыми ромбиками брусники в петлицах осенних болот, обдает горячим степным воздухом, пропитанным тысячелетними битвами просторов, всматривается голубыми материнскими глазами в подступающую вечность:

*Я навек полюбил эти заводы, эту осоку,
Эти серые избы с певучим печным говорком.
Эти сосны шумят надо мной широко и высоко.
Говори со мной, лес, первобытным своим языком:*

*Торфяным, глухариным, брусничным, зеленым, озерным,
Хороводным — в распеве сырых земляничных полян.
Ой, туманы мои! Ой, вы, жадные вороны в черном!
Скоморошьи дороги и ратная кровь по полям.*

*Я прикрою глаза и услышу кандальные звоны,
Безысходный, по-бабьи, горячечный плач у берез.
Как скрипучи дороги! Как мертвенно бледны иконы!
Как селенья ужались, и как распростерся погост!*

У Осипа Мандельштама есть сравнение поэтического произведения с истребителем, который может лететь лишь тогда, когда из одного образа рождается другой, из того — следующий. И так — в бесконечность.

Это про Юшина, при всей несхожести их поэтик и генеалогии.

* * *

Кстати, о схожих поэтиках. Классики отечественного литературоведения давно и совершенно точно подметили, что в литературе процесс наследования идет не от отцов к детям, а от дедов к внукам.

Поэтому — несмотря на эпитафии из Рубцова и даже нарочито общие темы с корневым направлением в русской поэзии 60–70-х гг. XX в., получившим название «тихой лирики», — поэтика Евгения Юшина однозначно далека от творческой манеры Передреева, Жигулина, Тряпкина, Решетова и других поэтов этой плеяды.

Он скорее ближе к новокрестьянским поэтам начала XX в., безошибочно и безжалостно выкошенным из литературы и жизни троцкистами в кожанках и штатском (а зачищены были все, в два приема: Ганин и Есенин в 1925-м, Клюев, Орешин, Клычков, Васильев — в 1937–1938-м гг.).

И слово (литературное направление), придуманное Есениным, как нельзя более точно объясняет саму суть юшинской поэтики: имажинизм. От латинского *imago* — образ.

Это то, что щедро дарит поэт миру; то, что двигает вперед его стихотворения — образ, рождающийся из образа и рождающий образы.

Как любил подчеркнуть наш великий современник, филолог и мыслитель С.А. Небольсин: яркий поэтический образ — единственное, что способно во всей полноте схватить и передать сущность явления в этом мире, в отличие от однобоких понятий и монотонных описаний.

Только вслушайтесь!

Там береза в ливне бьется, словно жерех...

Или:

По-женски вскрикивают чайки...

Или:

В мохнатой шубе комариной

Июнь по берегу идет...

Совершенно неверно будет сказать, что это «рассыпано» по стихам Евгения Юшина, это и есть его стихи, это их природа. Из этого они вырастают, и этим растут.

Но есть еще одно, что роднит стихи из новой книги Юшина с двумя нашими великими поэтами, вставшими в бронзе друг напротив друга на Тверском бульваре в Москве.

Это интонация. Та просветленность, которая несет слово Пушкина и Есенина сквозь злобу века сего прямо в русское сердце, любящее и доверчивое.

Не сказать, что раньше за нашим поэтом не замечалось такой интонации — она часть его поэтического дара, несущая конструкция, да простят мне это строительное сравнение.

Но в книге «Полынь и звезды» голос Евгения Юшина достигает какой-то уже дождевой прозрачности и солнечной доверительности.

«Будьте как дети», — слышится мне в его голосе.

Оттого и образ матери неразлучен с поэтом и проходит через все страницы этой книги.

Можно много было бы еще сказать и написать о Юшине и его новом творении.

Но зачем?

Поздравляю нас всех с этим полынным млечным светом над неусыпающими полями нашей Родины!

И имя этому свету — Евгений Юшин.

Евгений Юшин

Евгений Юшин

К БОГУ ИДУ Я, ПОКУДА ШЕВЕЛЯТСЯ НОГИ

Из новой книги стихов (к 70-летию поэта)

* * *

От деда пахнет медом, туманом, огородом,
Рыбацкою лодчонкой, копченым рюкзаком,
От бабушки — стогами, вареньем, пирогами,
От матушки — малиной и теплым молоком.

От бати — пот и порох, и дней суровый ворох.
Жена рассветом пахнет и щебетом детей.
Стоим и замираем, а в церкви пахнет раем,
А в церкви пахнет раем и родиной моей.

Россия начинается с дороги,
С бурана, бурелома и берлоги,
С разбойников, узорочья берез,
С молитвы светлой и горячих слез.

Россия начинается с тревоги.
Кто наши не притаптывал пороги?
Ордынцы и тевтонцы — всё разбой.
...Узорный плат, наличники — резьбой.

Россия начинается с надежды.
То рядит европейские одежды,
А то китайский примеряет шелк.
И щелкает клыком тамбовский волк.

Распевом красок инока Рублёва
Россия начинается со Слова.
Веди судьбу — душою не криви.
Россия начинается с любви.

С разгульной песни тракториста Сашки,
С горячего глотка из тертой фляжки,
С горячей, горькой правды в мире лжи,
И с васильков, мерцающих во ржи...

В ГРОЗУ

Сквозь блин коровий лето проросло.
Перед грозой парит, над лугом — сырость.
Кивнув причалу, скрипнуло весло,
И лопухи у берега столпились.

И громыхнуло так, что дух смело!
И дали потеряли очертанья.
И над кипящим полем понесло
Горы небесной гулкое рыданье.

Так полило, что света не видать!
Летели воды и свивались в свитки.
И скрылся мир. И стали прорастать
В смятенной мгле ордынские кибитки.

Из гнезд высоких падали грачи.
Летел табун, века пересекая.
И звонко харалужные мечи
Щиты рубили, искры высекая.

Колокола и пушки — гром внахлест!
Приветим всех седой слезой политых.

Плыла Россия в небе мимо звезд —
В крови, пожарах, песнях и молитвах.

Ей слышен голос каждого села,
Ручья и поля, леса и оврага.
Весь русский мир она с собой несла
Среди просторов космоса и мрака.

И все менялось, грудилось, тряслось:
То гунны пролетали, то гусары...
Но как-то разом всё оборвалось,
Как струны надорвавшейся гитары.

Гроза прошла. Проселком ночь спешит.
Березы в лужах зябкие, босые.
И сумрак звездной матрицей прошит.
И всё плывет под звездами Россия.

У БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ

...И прикрыл свои очи святой Иринарх,
Тонкий сон посетил его тело.
И привиделось: скачет завистливый лях
Грابتь милые сердцу пределы.

А и вправду — разор и пожары вокруг,
А и впрямь за набегом — набеги.
Поле вспахано пламенем, выжжен и луг.
Ухмыляется шляхтич Сапега.

Вопрошает: «Что скажешь, суровый монах?
Что так взоры твои не учтивы?»
И к литовцам, и к ляхам воззвал Иринарх:
«Убирайтесь! Останетесь живы!»

Узловатые пальцы сложились в щепоть.
Вскинул старец тяжелые руки:
«Вижу я, как мечом отправляет Господь
Души пришлых на вечные муки».

Монастырские стены строги, как набат,
Грозным эхом сквозь годы и нивы
К тем, кто сеет разор и чужого хотят,
Не угаснув, слова Иринарха летят:
«Убирайтесь! Останетесь живы!»

У ЦЕРКВИ

Есть при церковке маленький город.
И друзья уплывают туда.

Годы-годы. Я тоже не молод.
Холода на губах, холода.

Не седой я ни капельки. Просто
Темный волос мой стал невесом.
На виски мне рязанские звезды
Осыпаются спелым овсом.

Всё угаснет, пройдет, но пока-то
Не теряй ни любви, ни тепла.
Разве в чем-то зима виновата,
Что полмира она замела?

Вот и реки закованы в цепи,
И леса. Холода претерплю.
Вот стою я у старенькой церкви
И синицу с ладони кормлю.

Суется пичужка, мелькает,
Золотится пушок на груди.
То ли свистом весну окликает,
То ли зиму торопит уйти?

Было счастье, и дни ликовали.
Жгли утраты — сгорал без огня.
Но уплыть за церковные дали
Не пускает синица меня.

* * *

Листья слетают с деревьев — свобода, свобода!
Остановилась. Покоя желает природа.

Оторопели, свиваются желтые листья,
Рыжим хвостом заматают дорогу по-лиси.

Смотрит старуха. Глаза голубы, словно вёсны,
Чавкает под сапогами удрёмная осень.

Заговорила старуха: — Я все уж видала.
Было и больно, и сладко, а все-то мне мало.

— Хочешь пожить?
— А и как не хотеть-то? Весёло!
Эко скуласта картошка, укропны рассолы!

— Будет зима. Как прожить-то тебе в одиночку?
— В печке урчит огонек, что мой котик в носочках.

Я напеку пирогов — по соседям, по дали...
Там и весна уж, а с солнышком нету печали.

Так вот иду, и лежат под стопою моею
Скифский кафтан и потертый колчан Челубея,

Жгучий палаш бородинского дымного ада
И черепа уцелевших домов Сталинграда.

— Ну и куда ты идешь по разбитой дороге?
— К Богу иду я, покуда шевелятся ноги.

КВШАА КНИГА

Корытин С.Н.

Поле битвы. Стихотворения. СПб.: Родная Ладога, 2024.

Книга санкт-петербургского поэта посвящена в основном «единому на потребу», то есть сокровенной жизни души человека. И это не случайно: автор считает, что первоначально все события, как в личной, так и в мировой истории, совершаются в сердечной глубине и только затем выплескиваются наружу и приводят либо к радости и светлому созиданию, либо к трагедии и разрушению. Задача любого человека, получившего литературный дар, напоминать человечеству с помощью художественных средств об его особой ответственности как за свою бессмертную душу, так и за весь окружающий мир.

Книга может быть интересной тем, кто разделяет мировоззрение автора и понимает, что духовная жизнь многотрудна, требует напряжения всех сил и протекает, по выражению Святителя Тихона Задонского, «Не от победы к победе, а от поражения к поражению».

Дмитрий СИЛКАН

СВОБОДА ВНУТРЕННЕЙ ВОЙНЫ

О романе

Ярослава Каурова

«Миры проходят сквозь миры»

Дмитрий Викторович Силкан — родился в 1966 г. в Томске. Прозаик, литературный критик, редактор, член Союза писателей России, Союза журналистов России. Публиковался во многих популярных периодических изданиях. В издательстве «АСТ» вышли две авторские книги: о С.А. Есенине и о В.С. Высоцком. Рабочий секретарь Центрального аппарата Союза писателей России, член Приемной комиссии, главный редактор официального сайта Союза писателей России, руководитель Пресс-службы Союза писателей России. **Живет в Москве.**

«Свобода выбора — вот основа свободы человека...» Данная фраза идет в романе первой. А дальше — все оставшиеся 400 страниц! — подается авторская расшифровка в общем-то привычного тезиса, чью справедливость едва ли кто станет оспаривать.

Но вот сам стиль расшифровки уже может вызвать возражения: от робких возражений до яростной полемики. Любой афоризм — что авторский, что исторический, пришедший из глубин веков, — может звучать довольно изящно... Но при внимательном рассмотрении (при попытке анализа: что он, собственно, в себе несет?) часто оказывается лишь расхожим клише. Жизнь упорно оказывается гораздо более непредсказуемой в своих проявлениях. Потому и никак не хочет подчиняться красивым и лаконичным сентенциям, выраженным в художественной форме.

А чаще всего — просто отвергает красивые лозунги философов и литераторов. Увы, так случается довольно часто (так и подмывает написать «практически всегда», но *что-то...* возможно, комплексы, возвращенные детскими добрыми сказками... останавливает).

А ведь именно это «неуловимое **что-то**» и является главным героем книги Каурова. Лирических героев хватает. Неожиданных поворотов сюжета, перипетий и метаморфоз — также. Но нечто за строками — как тень незримого Провидения, не проявляющего себя явно, — не просто присутствует в тексте, а порой буквально нависает над тканью повествования.

Ну, раз уж начал с первой строки романа, то есть смысл сразу же привести и последнюю. Что с учетом

Публикуется в сокращении.

концепции самого романа может восприниматься прямо-таки зловещим пророчеством: *«Вот в таком состоянии страна встретила /.../ начало великой, постепенно охватившей весь мир ВОЙНЫ!»*.

И тогда становится понятно, в какой вселенской суперпозиции развивается действие Каурова, в каком именно временном отрезке Вечности.

Первое слово произведения — «Свобода». Последнее — «ВОЙНА» (именно так, аббревиатурой... вероятно, чтобы подчеркнуть, что в данном понятии много зашифрованных смыслов, а не только то устоявшееся значение, что можно отыскать в словаре).

...А вот теперь есть смысл познакомиться с концептуальной подоплекой произведения поближе, чтобы понять авторский замысел: где и свобода — не совсем «свобода», да и война — не только привычные боевые действия, но глобальное вселенское противостояние всего всему. Но прежде всего — борьба с самим собой... за себя самого!

Арена для борьбы в столь широко понятом плане — всевозможные миры: как реальные, которые можно отметить в привычном социуме, так и субъективные, рожденные разумом автора-творца.

«Миры — материальные и идеальные, воинственные и релаксирующие — проникают друг в друга, сплетаются гордиевыми узлами. На многие вещи люди смотрят по-разному, с разных точек зрения, из разных миров», — отмечает Кауров. Пожалуй, это вполне можно считать и главным посылом романа, и квинтэссенцией его содержания.

Гордиевых узлов накапливается столь много, что и «рука... рубить устала», да и сам меч гарантированно затупится. И тогда, не полагаясь на заточенный клинок, автор начинает терпеливо распутывать данные узлы — с тем невозмутимым достоинством, с каким испокон веков плетут свою нескончаемую нить Парки-Мо́йры. А миры в данных узлах — все сплошь многослойные, витиевато-причудливые, да с обилием закоулков сознания, всплывающих к месту и не к месту с завидной непредсказуемостью.

...Таков закон литературы как таковой — мир открывается посредством героев произведения. Сам по себе он обычно тих и нем — точь-в-точь как та самая библейская «бездна». И только привнесенный дух лирического героя (не важно, какого свойства и вида) начинает парить над ней, неуклонно приходя к единственному возможному решению: «Да будет Свет!».

Свет героев Каурова — несколько приглушенный, не слепит глаза. Но оттого не менее захватывающий.

В большинстве разворачивающихся перед читателем картин лирические герои романа проявляют себя на фоне знакомых — если не сказать обыденных! — картин социального и политического мира России последних лет. Тут и чиновники, и политики, и бизнесмены — весь говорливый спектр работающих персоналий постзастоечной и постперестроечной эпох.

Хотя все герои, как мне показалось, связываются воедино каким-то неувлимо общим восприятием реальности, вероятно, являясь всего лишь различными аспектами одной авторской личности, в том числе и довольно неожиданными — таких принято стыдиться... и даже скрывать на приеме у высокооплачиваемого психоаналитика! Но отраднo, что автор набрался изрядного мужества, чтобы обнажиться «настолько рьяно».

Да, отдельные персонажи воспринимаются как идеализированный «образ себя» автора в чистом виде. Но большинство все же подается читателю

без излишних пафосных наслоений — Кауров склонен к самоиронии, и, что важно, подаваемой позитивно, без вымученного нытья.

Жизнеутверждающая ирония — возможно, один из главных ключей к прочтению произведения. Хотя порой ирония внезапно теряет ожидаемую мягкость, начиная настойчиво отдавать сарказмом. Да и чисто в идейном отношении автор «ходит на грани»: то по тонкому льду, то по краю пропасти. Как вам такое: *«У старого профессора были очень тяжелые свинцовые четки. Их подарил один монах, когда профессор в отпуске работал трудником в Высоковском Успенском монастыре. “Тебе они обязательно пригодятся!” — сказал древний монах. И в один “прекрасный день”, исчерпав все иные аргументы, профессор просто опустил четки на голову заведующего кафедрой...»*

На первый взгляд, персонажи романа вполне ожидаемые: успешные, волевые, как говорится — «реализовавшие себя», «self-made». Ну, тут уж ничего не попишешь: примета времени! В наш стремительный век параноики, раскольничьих или шукшинские «чудики» давно уже, увы, не котируются в широких читательских массах.

Поэтому без лишних вопросов встречайте: *«знаменитый юрист Юрий Станиславович Кстовский»* и *«луноликая Мира, с внешностью слегка подросшей Мэрилин Монро и характером полковника ФСБ»*.

Но сопоставить себя со столь «красивыми да знаменитыми» едва ли получится надолго. Потому что по мере развития романа у героев будет находиться все больше и больше, хм... «странностей», непонятных в современном меркантильном мире. А в конце романа — так вообще все социальные регалии потонут в бурных волнах психоделической фантазмагии: *«Юрию Станиславовичу позволили взять несравненную Миру в Подземное царство»*.

Так что разумнее, для сохранения психического здоровья, не отождествлять героев романа не только с собственной читательской персоной, но даже и просто с рядовыми земными жителями. Тут что-то уже «из-за грани».

Хотя любителей конспирологии да ценителей «тайного мирового заговора» подобные персонажи, без сомнения, ни на шутку воодушевят!

...Ладно, оставим персонажей в стороне. Даже не представляю, какого уровня апокалипсис должен случиться на нашей планете, чтобы в школьные сочинения Юрия Кстовского». Хотя... Полагаю, что в данном случае вокруг настанет и будет яростно цвести довольно интересный, необычный мир!

Попробуем разобрать саму мотивацию деятельности — сначала более узко, лирических героев романа, и если брать шире, — творческую сверхзадачу самого автора.

Тут все довольно запутанно. Во всяком случае, она не открывается при первом приближении...

Например, Кауров смело, не экономя особо место, внедряет в роман стихи собственного сочинения. Что не просто дань поэтике как изящному жанру, а попытка акцентировать внимание читателя на ключевых точках повествования, чтобы написанное воспринималось во вполне определенном ключе.

*Зачем мы начали играть?
Не хватит ли игры и в жизни?
С безликих маску не сорвать...*

Вот так, пусть и несколько завуалированно, почти что в самом начале сюжета автор определяет представленный текст как **роман-игру**. Но игру серьезную — «для обучения, а не развлечения». Тем более что уж больно заманчива цель, обозначенная автором:

*Услышать истинную речь,
Увидеть истинные лица...*

Насколько удачно автору удалось осуществить задуманное? Тут каждый читатель сделает для себя вывод сам. Но, согласитесь, сам замах — довольно впечатляющий!

Да и предлагаемое решение не назовешь тривиальным. Автор работает не просто с философскими обобщениями, а прямо-таки с глобальными ментальными смыслами, особо распахивая забытую современными авторами гробницу вечных онтологических максим. Прежде всего — соотношения духовного и материального, профанного и сакрального: *«Человек — как электрон, имеющий свойства волны и частицы, энергии и материи. Именно человек объединяет миры материальный и идеальный»*.

Соотношение зыбкое, прямо скажем. А хуже всего — доступное для осмысления исключительно высоколобым индивидам с неумеренно философским складом ума.

Чтобы приблизить подобные вечные вопросы к широким массам — нужен нестандартный подход. Те же приемы Михаила Булгакова в его загадочном «Мастере...». На мой взгляд, некое «взаимодействие тонких смысловых полей» с бессмертным булгаковским романом чувствуется постоянно, вплоть до отсылок к балу Воланда и прочим ярким фантазиям, ставшим для многих поколений читателей чуть ли не задокументированным описанием тайных ритуалов.

Смотрите, как звучит: *«Гелий спрятал Кстовского в темном маленьком чуланчике... /.../ Зал стал наполняться гостями самого экстравагантного вида. /.../ Каждый пришедший был одет в костюм определенной страны и эпохи, но носил его так естественно, как лиса носит свою шубку. Беседы негромко велись на неизвестном наречии, производившем впечатление праязыка»*.

Далее объяснение от самого Гелия, которого автор явно не случайно именует «Великим мастером Иллюзий»:

«Я пригласил вас на крайне секретное собрание бессмертных как носителей еще более запретных тайн, которые, я надеюсь, вы так же оставите при себе. Да! Это клуб Бессмертных!».

Да уж, тут не ЛИТО, как безобидный пенсионерский клуб по интересам, и не «Клуб самоубийц», как сборище отчаявшихся лузеров, а очень жирный намек на нечто, лежащее даже «по ту сторону» разного рода Бильдербергских клубов!

Соответственно, не вызывает удивления и то, чем развлекаются в таком Клубе Бессмертных. Сначала рационально звучащие обоснования, на первый взгляд вполне себе логично звучащие. Например, из уст Бронислава, сына Гелия. Его автор описывает следующим образом: *«Талантливый поэт и импровизатор, актер и музыкант, к точным наукам молодой прохиндей испытывал гадливое чувство. По его мнению, они ничего не*

дали человечеству, кроме возможности многократно уничтожить самое себя...».

(Как тут не вспомнить бессмертную классику от несравненной интеллектуалки Леси Рябцевой: «Да я ж гуманитарий!»)

Ну а дальше, как принято у всех либеральных «леваков», — парадоксальное решение, никоим боком не связанное с первоначально заявленной проблемой. Например, как показано в романе Каурова: *«...своеобразный научный эксперимент — отделение демона от человека, далее его можно было клонировать и пересадить в новое тело. Тело младенца, которое технически будет связано со всеми доступными информационными полями...»*

Ну и техника исполнения — также иезуитская: «Высокая цель оправдывает грязные средства». А, впрочем, кого сейчас удивишь вкрадчивым либеральным дискурсом, готовым каленым железом безжалостно выжигать все, что не укладывается в красиво продекларированную «человеколюбивую» повестку?

«Жертва кричала страшно, до хрипа, до визга, до воя, до детского скулежа. Внутривенные вливания не давали человеку, а ведь это был обыкновенный человек, умереть сразу от травматического тока...»

Благо, подобных «деятелей прогресса» автор описывает с нескрываемой желчью, где *«молодой прохиндей»* — еще очень мягкое определение.

В какой-то момент автор перестает стыдливо прятать персонажей за вывесками разного рода презентабельных «клубов» и прямо указывает на инфернальный характер подобных «поисков»: *«Сами шабашники выглядели настолько же отвратительно, насколько и притягательно... Они проходили в зале, в глубоком подземелье... Стены представляли собой текучий маслянистый раствор, черный, как гудрон или битум, который порой как будто изнутри освещался темно-красным, синим, гнойно-желтым цветами. Нестерпимо медленно наплывающие друг на друга складки и волны воплощали диковинные узоры, орнаменты, иероглифы, что казалось творением Гауди, но ожившим, воплощенным в реальность...»*

Заявленная в романе «свобода выбора» у средневековых схоластов и писателей-моралистов часто сводилась к пресловутому «процессу продажи души». Отмечалось, что коварный Враг Человеческий не просто предлагает какие-то мирские блага в общепринятом их понимании, но именно *искусшает*, то есть запутывает сознание лживыми сентенциями, «сбивает с пути истинного».

«Шабашам предшествовали долгие разговоры-исповеди со “Вселенской сущностью” Гекатой» — отмечает автор.

Но только если инквизиторам былых веков при выдвижении обвинений приходилось копаться в голых плясках у ночных ведьминских костров, снабжая в бутылках да заговоренных метлах, то нынешним уже явно придется быть в курсе самых последних достижений технического прогресса: *«Бизнесвумен раздевали и укладывали на жесткое ложе, полностью повторяющее линии ее тела. Это <...> создавало возможность плотного контакта с тысячами электродов, снимающих потенциалы с тела и подававших любые электрические токи, любую температуру, вибрацию...»*

Хотя результат один и тот же: человеческий индивид начинал исправно служить Вселенной Ада.

В результате сладких велеречивых разговоров с якобы «вселенской сущностью», многочисленных посылов и обещаний обманутые Лукавым индивиды «...овеществляли своих демонов, делали видимыми уже существующие тайные сущности. Так воплощались, оживали демоны...»

И тут, конечно, демоны не идеализируются, не романтизируются, как в том же «Мастере и Маргарите». Тут самая что ни на есть сермяжная духовная правда. Автор не раз удивленно вопрошает: а с чего вы вдруг решили, что, заигрывая с демонами, можно достичь своих интересов? Человек в любом случае и при любом раскладе останется лишь жертвой, использованным в корыстных целях «материалом».

...Что до структуры романа, то тут едва ли применимы какие-то канонические оценки. Структуры как таковой просто нет. «Увы» или «к счастью» — тут сугубо дело вкуса. Вам же заявляли в начале: «...Миры, сплетающиеся друг с другом». А какая даже у привычного мира как такового может быть структура? Разве что жалкие потуги вписать его туда. А когда возможных к осмыслению миров набирается великое множество?

Отсюда и авторское решение: повествование струится во все стороны ручейками разной интенсивности. Лирические и концептуальные отступления уводят вдаль, вглубь, вправо, внутрь, в прошлое... и во все мыслимые и немыслимые изгибы Бытия.

Редактор старой школы скрипя зубами жестко бы настаивал на сокращении произведения хотя бы раза в четыре: с четырехсот страниц — до ста с хвостиком. Мол, не отвлекайте читателя изысками поиска глубинного смысла — по делу нужно, по делу! И почетче!

Но тут уж — на любителя. Тем, кому импонируют классические «завязка-кульминация-развязка», лучше к книге Каурова ближе чем на сто метров не приближаться. Во избежание...

А вот если любопытно, как в описании вроде бы обычных реалий отображается суровая правда творящегося социального хаоса (за надежно сдерживающим забором социальных надстроек) — тогда пожалуйста! Предполагаю, самое оно пойдет...

Но вообще критику тут раздолье: можно за многое автора всласть покрикивать. И прежде всего за отход от канонов, за непривычную оригинальность текста (что при желании всегда можно объявить за сумбурность...). Повторюсь: тут уж все решают личные читательские пристрастия. Но едва ли можно найти автора, кто бы сумел «угодить всем»!

Пожалуй, Каурову тут даже сложнее: его читателя «массовым» и в страшном сне не представить. Тут требуется настоящий ценитель, с особым философским складом ума — прежде всего не зануда и не педант, потому как четко выверенной структуры в данном случае от текста не допросишься.

...Поймал вдруг себя на мысли, что книгу Каурова или вообще лучше не читать (чур меня, чур!) — или нужно прочитать несколько раз. Каждое новое прочтение будет уводить в новые пространства, ранее спрятанные за камуфляжем привычного повествования.

Такой вот нетрадиционно-литературный «дзенский коан», где все последующие размышления станут открывать новые, ранее незамеченные концептуальные обертона.

Думаю, и не случайно автор так густо вводит в прозаический строй стихотворения. Тут не дань памяти незабвенному Борису Пастернаку с его

бытийным страдальцем Живаго. Скорее, использование свойства стихотворной строки как таковой — многоплановость и многозначность образов, возможность «снятия информации» разными способами, прежде всего эмоциональным.

*В кромешной тьме горят костры,
Слепые бродят со свечами...
Миры проходят сквозь миры,
Порою их не замечая...*

Любой анализ произведения Каурова видится мне неблагоприятным делом, коль исчерпывающей картины нельзя дать по определению! Само название — «Миры проходят сквозь миры» — довольно однозначно на это намекает. Мир читателя проходит сквозь мир Каурова, сталкивается то тут, то там с призывно горящими смысловыми факелами, но вполне может и «ничего не заметить» или увидеть лишь то, что готов «признать своим». Благо, что в столь разноплановом (и, не побоюсь этих слов, расхристанном и разножанровом!) произведении практически любой найдет, что отметить.

Тут же и любовная линия, скажем. Авторские анима и анимус устраивают особые трансцендентные игры в стандартно-бытовом антураже... На поверхности — все очень даже привычно-эротично: «...изобразив на лице сладострастную муку, раскрыла коралловые губки. Ее малиновый маленький язычок задрожал и запрыгал между этими нежными лепестками...»

Данный фрагмент мог бы восприниматься довольно затертым, лишенным какой-то особой оригинальности, если не читать роман до конца. После открытия завуалированных смыслов, когда вдруг начинаешь подозревать, что использованные автором герои отображают, скорее, не типажи или психотипы, а ни больше ни меньше — онтологические архетипы. Выше я уже отмечал, что герой утащит дражайшую возлюбленную в царство Аида. Но даже такой вот «экстрим» — всего лишь только один план их любовных утех.

Ой, не знаю, не знаю... Дайте роман как сценарий деятельному продюсеру — тот вполне себе сварганит расхожий сериальчик со столь модной нынче мистической чертовщинкой в сердцевине. Принесите андеграундному режиссеру — тот создаст туманно-эфемерную кинорапсодию, так что и адепты Тарковского перевозбудятся.

Авторский мир Каурова проходит через все иные миры, ему не принадлежат, сугубо на собственных правилах. А там — кто что сумел ухватить, исключительно по разноплановым пристрастиям читающего. Так-то и бравурный водевиль можно снять на представленном материале!

И все же не покидает ощущение неожиданной многомерности авторской концепции. При том, что авторская линия «Свобода — Война» надежно цементирует расползающийся во все стороны событийный и бытийный хаос (вспомним первое и последнее слова в тексте!).

Свобода, неизменно ведущая к хаосу, ограничивается космосом борьбы, усилия, преодоления — «войны» в самом широком смысле слова! Прежде всего, с внутренним «метафизическим иждивенцем», жаждущим уютенько пожить за счет мистических сил любого порядка. А еще — нещадной битвы с обстоятельствами, с жестокой предопределенностью судьбы... И, по большому счету, с холодом и отчужденностью лишенного челове-

ской души мироздания. И тогда «ВОЙНА» автора уже воспринимается как нечто очищающее, созидающее, утверждающее, уничтожающее всю мнимую видимость, последовательно отвергающее иллюзорность и без обиняков *срывающее маски с близких.*

И останется лишь повторить вслед за индусами: «Ом намах Шивайя!»
Жги, Шива!..

P.S.: Возможно, кто-то возразит: мол, душа настоятельно просит художественные тексты «об актуальном». А тут про «что-то туманное».

Но чья вина, что теперь вся окружающая реальность порой проявляет признаки эфемерной фантазмагии? И разного рода политологи да социологи рано седеют, начинают заикаться и уходят от реальности куда подальше — в абстрактную «чистую науку»?

Описанное в романе Каурова, на мой взгляд, имеет прямое отношение ко всему тому, что сейчас нещадно творится и вытворяется на нашем любимом Земном шарике.

Приведу последние строки романа. Они не взялись ниоткуда — прочитай роман, читатель, возможно, получит хотя бы часть ответов...

«А тем временем Европа отрицала клыки. В нашу страну тянулись нити английских и американских научных концернов. На русской сцене выступали нелюди, открыто ненавидящие и презирующие Россию.

Вот в таком состоянии страна встретила 24 февраля 2022 г. — начало великой, постепенно охватившей весь мир ВОЙНЫ!»

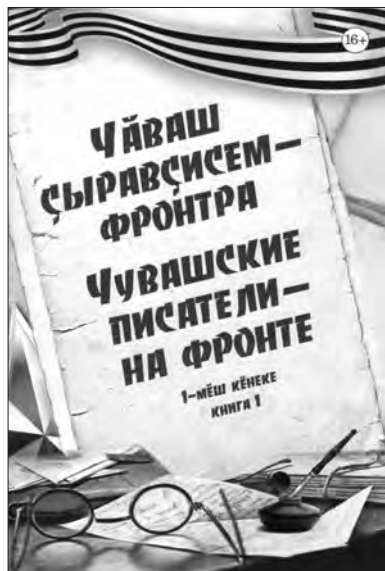
ВЫШЛА КНИГА

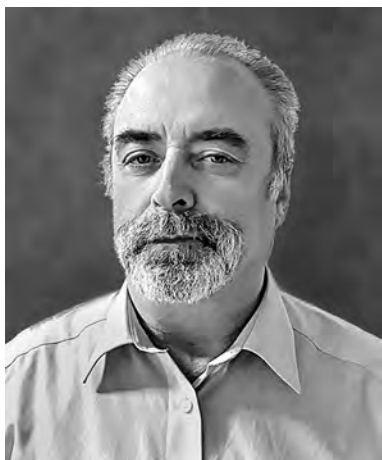
Чувашские писатели-на фронте. Книга 1: поэзия, проза/Сост. Э.Н. Малеева, О.Л. Федорова, Т.Ф. Захарова, А.Г. Кузьмин; художник Д.В. Литаврин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2024.

В 2025 году исполняется 80 лет, как российский народ одержал победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Одна из книг, посвященных этому знаменательному событию, уже поступила в Национальную библиотеку Чувашской Республики.

Сборник «Чăваш сыравсисем — фронтра. Чувашские писатели — на фронте» (Чебоксары, 2024) состоит из двух книг. В 1-ю книгу вошли поэтические и прозаические произведения на чувашском и русском языке.

В ней читатель найдет стихотворения, рассказы и повести на военную тему классиков чувашской литературы: Леонида Агакова, Александра Алги, Александра Артемьева, Якова Ухсяя, Петра Хузангая, Петра Ялгира и многих других. Также в сборник включены произведения поэтов и писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны: Марка Аттая, Василия Васькина, Ивана Викторова, Ильи Думилина, Константина Кольцова и других.

Вячеслав УЛЫБИН

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ И ВЕРА ИНБЕР

*«Февральский дневник»
и «Пулковский меридиан»*

Вячеслав Вячеславович Улыбин — родился в Шверине (Восточная Германия), окончил Суворовское военное училище и юридический факультет СПбГУ. Автор книги об Ольге Берггольц «И лжи заржавеет печать...». Лауреат премии Сергея Нилуса, главный редактор газеты Санкт-Петербургского завода АТИ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Сравнивать две поэмы двух поэтесс — дело заведомо неблагодарное. Все помнят, к чему привел суд Париса... Даже самый проникательный советский знаток литературного Ленинграда в дни блокады А.И. Павловский не рискнул взяться за эту проигрышную тяжбу. И все-таки тяга «погреться у блокадного костра», разожженного этими поэтессами, оказалась сильнее доводов разума. И да простит меня читатель за это.

Итак, начнем.

До 1941 г. литературные пути Ольги Берггольц и Веры Инбер не пересекались. Лично они также не были знакомы. Все изменилось с началом войны. Инбер прибыла в Ленинград в августе 1941-го, Берггольц же вовсе не выезжала из него.

Кто послал Инбер в Ленинград? Возможно, ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей). По линии ВОКСа Инбер периодически посылала материал о блокаде в Америку (по телеграфу). Из этого можно предположить, что в «Центре» (то есть в Москве) считали, что Ленинград надо усилить серьезной поэтессой, которой на тот момент в городе не было.

На внешнюю аудиторию работала также и Берггольц, но только не на дружественную, а на враждебную (немцы, контрпропаганда).

Были ли какие-либо отклики (американские либо немецкие) на Инбер-Берггольцевские призывы? Этого мы не знаем.

Первая, упоминаемая в дневнике Инбер, встреча с Берггольц состоялась в конце августа 1942 г., когда они, а также В. Кетлинская и Г. Макогоненко (новый муж Берггольц) отправились в Кронштадт выступать перед моряками-балтийцами.

Обе стали работать над блокадными поэмами зимой 1941–1942 гг., обе стали читать их перед аудитори-

Вера Инбер

ей примерно в одно и то же время; обе весной 1942-го были «на большой земле»: в Москве (а Инбер и за ее пределами) в попытках пристроить свое литературное детище. У обеих это увенчалось успехом: летом 1942-го «Пулковский меридиан» Инбер опубликовали в «Правде», «Февральский дневник» Берггольц — в «Комсомольской правде». В столице чуть позднее, но в том же 1942-ом был издан «Февральский дневник» вкупе с иными стихами — отдельной книжкой под названием «Ленинградская тетрадь».

В Ленинграде эти поэмы были подписаны в печать почти одновременно: 20 декабря — поэма Инбер, через пять дней, 25-го, — поэма Берггольц. Тиражи были одинаковы — 10 000 экземпляров, а разница в объеме составляла всего десять страниц (правда, в книжке Берггольц под названием «Ленинградская поэма» помимо «Февральского дневника» были и другие стихи).

И редакторская рука, правившая поэмы, тоже была одна: это был Б.В. Папковский (впрочем, Берггольц упоминает и Маханова). Редакторская рука эта безжалостно отделяла Гитлера и фашизм от немцев (слово же «нацизм» тогда вообще не употреблялось). Далее та же рука удалила из первоначальной редакции «Февральского дневника» пассаж о Сталине.

О чем эти произведения?

Предметом этих поэм являются жизнь и быт блокадного Ленинграда, а также борьба его жителей с врагом.

Объемы произведений весьма различны: у Инбер — почти 650 строк, у Берггольц в три с половиной раза меньше, около 180. Можно сказать

и так: любая из частей «Пулковского меридиана» на порядок превышает главы «Февральского дневника», а вторая глава «Меридиана», к примеру, больше, чем весь «Дневник». Уже тогда у некоторых современников возник вопрос: а поэмы ли это? И если да, то где сюжет? Некоторые полагали (особенно применительно к Берггольц), что это — большие стихи. Мы считаем, что как «Февральский дневник», так и «Пулковский меридиан» — циклы стихов... однако военное время требовало романтического героизма, отсюда, вероятно, и название — поэмы...

В обеих поэмах у обеих поэтесс есть воистину великие строки.

У Инбер:

*И правда, в этом городе, в котором
Больных и мертвых множатся ряды,
К чему эти кристальные просторы,
Хрусталь садов и серебро воды.
Закреть бы их!.. Закреть, как зеркала,
В дому, куда недавно смерть вошла.*

У Берггольц:

*Мы выйдем без цветов, в помятых касках,
В тяжелых ватниках, в промерзших полумасках,
Как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
Над нами встанет бронзовая слава,
Держа венок в обугленных руках.*

Кстати: финальные строки «Февральского дневника» были исправлены (под влиянием того же Папковского, верно) — и от этого только улучшились.

Обе поэмы обеих поэтесс в ноябре 1942-го одновременно были выдвинуты на Сталинскую премию, и, согласно выписке из протокола № 28 заседания Президиума ССП СССР, на премию был рекомендован «Пулковский меридиан» Инбер (тогда как «Февральский дневник» был дан для ознакомления Н. Асееву).

Берггольц записала в дневнике 15 марта 1943 г.: «...Сталинскую получает Инбер, а не я. Это... по существу, несправедливо — я пишу лучше, несравненно больше дала городу...» Вскоре, однако, выяснилось, что Инбер тоже не получила Сталинскую премию. Берггольц откликнулась на это следующей дневниковой записью (21 марта 1943 г.): «Вчера опубликовали список сталинских лауреатов по литературе и искусству — мне, конечно, премии не дали. <...> Но довольна, что не дали премии и Инбер, — не из зависти, а из ревности к теме, — нехорошо, досадно и грустно было бы, если б ее эстетские, холодные стихи о Ленинграде стали популяризироваться, как наивысшая правда о Ленинграде... Воображаю, как убита старуха! Поехала ведь в Москву явно для того, чтоб обеспечить премию и затем пожинать лавры».

Ольга Берггольц

Возможно, до Инбер дошло мнение Берггольц о ней как об эстетствующей старухе (а были выражения и посильнее — об этом чуть ниже). Иначе чем объяснить ее статью «Разговор о поэзии» в газете «Литература и искусство» за 28 августа 1943 года? Вот что она писала:

«Разве до войны были у Берггольц такая глубина и бесстрашие в трактовке темы? Насколько я знаю, Берггольц писала лирические стихи очень небольшого звучания. Теперь ее поэмы и стихи знают не только в Ленинграде, но и далеко за пределами его. Лучшие ее вещи не только глубоко волнуют читателя, но и обогащают его познавательно. Они рисуют перед ним с большой точностью картины блокированного Ленинграда, особенно зимы 1941—1942 годов. Но вот наступил 1943 год. А у Берггольц реакция на него замедленная. Под любым предлогом возвращается она к потрясшим ее картинам грозной зимы 1941—1942 года. При описании страданий нас подстерегает опасность: вольно или невольно впасть в душевное самоистязание, в жажду мученичества, в пафос страданий. И тогда из-под нашего пера могут выйти строки, не закаляющие сердца, а, наоборот, расслабляющие их».

Летом 1943 г. одним указом и Инбер, и Берггольц были награждены медалью «За оборону Ленинграда» — и даже их фамилии расположены недалеко друг от друга на одном наградном листе.

Конечно же, были не только сходства, но и различия: Инбер — ровесница Ахматовой (то есть была старше Берггольц на 20 лет) и так же, как и Ахматова, родилась в Одессе.

В чем-то Инбер была даже большей ленинградкой, чем сама Берггольц: к примеру, она пересекала Ладогу, на которой Ольга Федоровна не была ни разу.

К 1943 г. (январь) относится и первое перекрестное упоминание друг о друге: Инбер пишет, что слушала Берггольц в ночь прорыва блокады; Берггольц сообщала, что «надо написать стихи для Веры Инбер, для альманаха, приставшей ко мне, как банный лист».

Читаем дальше «Почти три года» (Инбер): 15 апреля 1943 г. «...были у меня Тихонов, Вишневский, Крон, Азаров, Берггольц, Макогоненко. “Докладывала” о Москве. Было приятно и весело. Разошлись во время тревоги».

Берггольц (дневник, май 1943 г.): «...были у Веры Инбер. <...> У Инбер было довольно мило. Пили». Апрель 1943 г. «Надо Верочке Инбер написать для Информбюро...».

О своем дневнике и о дневнике Инбер (декабрь 1945 г.): «Нет, я не переоцениваю и этой тетради, а все же это не Верочка Инбер с ее поистине жутким «Ленинградским дневником». И название-то у меня украла, стерва».

После войны сходство судеб продолжилось: обе получили Сталинские премии.

Инбер получила ее в 1946-м (вместе с А. Прокофьевым) — «за Ленинград».

Берггольц получила Сталинскую премию в 1951-м (то есть была причислена к лику святых от искусства — ее собственная формулировка), но не за блокадные стихи, а за поэму «Первороссийск».

Заключение

Почему «Пулковский меридиан», несмотря на несомненную несравненность некоторых своих строк, а также московское признание, «проиграл» (в глазах ленинградских читателей) «Февральскому дневнику»? Почему именно Берггольц эти самые читатели/слушатели присудили народное звание «Блокадной музыки» (или, как она писала, «блокадной богородицы»?) — а ведь, кроме Инбер, были еще и Прокофьев, и Тихонов... да мало ли кто еще. Точного ответа на этот вопрос мы не знаем. Однако можем предположить, что этому поспособствовал ряд обстоятельств.

Первое — малый объем дневника, как ни странно. Как мы писали выше, одна из глав «Меридиана» (а их было целых пять) была больше всего дневника. Главы печатались в разное время (в газете «Правда»), что препятствовало целостному впечатлению от этого произведения. «Февральский же дневник», напротив, был напечатан «одним куском» в «Комсомольской правде». «Мал золотник, да дорог», — так можно было бы сказать про дневник. «Сокровища в пяти ящиках» — это уже про «Пулковский меридиан».

Второе — в «Меридиане» отсутствовала доверительно-исповедальная интонация (как в «Дневнике»). Инбер рассуждала и описывала (поэма написана будто бы со стороны, чересчур рассудочно, с «грациозностью эстетки»), а Берггольц описывала и беседовала. К этой самой интонации привязывалась и сердечная гиря, или, как теперь бы сказали, ключевая фраза: «Я тоже ленинградская вдова». Фразу сию могли бы повторить десятки тысяч ленинградских женщин, то есть Берггольц была своей, разделившей

общую женскую трагедию, ленинградской. Инбер такого про себя написать не могла.

Третье — подвиг ленинградцев приравнивался к подвигу воинов (чего не было у Инбер).

Предчувствовала ли Инбер то, что не она будет первой музой Ленинграда? Может быть.

В 4 главе «Пулковского меридиана», стих 16 и далее, читаем:

*Я знаю, что в грозовой этой чаще
Другим удастся осветить крупней
Весь этот год, вплоть до его корней.
Но и светляк был точкою светящей,
И он в бореньях тьмы не изнемог.
Он бодрствовал. Он сделал все, что мог.*

И действительно, Вера Инбер сделала все, что могла. Низкий поклон этой храброй, хоть и немолодой женщине, за «Пулковский меридиан»!

Были ли в советское время попытки сопоставления этих произведений? Как минимум, одна была.

А.И. Павловский в очерке творчества Ольги Берггольц «Стих и сердце» (1962) писал:

«“Пулковский меридиан” Веры Инбер, с его выверенной стройностью, с его неукоснительными симметричными нарядными строфами, с его тщательно взвешенной остроумно-изящной рифмовкой, производит впечатление обдуманного во всех частностях обширного поэтического ансамбля. И все же в этом Капитолии поэзии как-то уж слишком все торжественно и соразмерно, так что вскоре чувствуешь потребность выйти из его гулких, холодноватых стен, украшенных мрамором и бронзой, чтобы услышать обыкновенные уличные голоса. <...>

В стиле poem и стихов Ольги Берггольц немало шероховатостей, падают фразы угловатые и даже неуклюжие, ее композиции, кажется, неведомы строгие законы поэтической геометрии. “Февральский дневник” и “Ленинградская Поэма” могли бы начинаться иначе, чем они начинаются, и кончаться где-нибудь в другом месте или быть продолженными, все равно — ведь они не что иное, как лирический поток, вызванный данною минутою, данным положением и отражающий в своем течении все состояние исторгнувшей его души: то обессиливающей в горе, то обретающей вдруг грозную, торжественную звучность, и все это совершенно стихийно, очень искренне, без оглядки, без жеста, без преднамеренной заботы о внешней красоте выражения».

Подытожим вышесказанное.

Несмотря на имеющиеся противоречия, в конце жизненного и творческого пути, в 1970-х годах, поэтессы «примирились» и в периодической печати отзывались друг о друге со взаимным уважением. И их блокадные произведения также заняли в читательском пантеоне заслуженные места: Берггольц — на первом, Инбер — на втором.

Анна ПЕТЕЮМ

«...БЕЗ ЛЮБВИ ДУША ОБРЕЧЕНА»

Анна Ретеюм — родилась в г. Балашове Саратовской области, филолог, окончила аспирантуру Московского педагогического государственного университета и Московский государственный университет печати. Работала в издательствах, преподавала, имеет многие публикации в периодической печати и на сайтах. Лауреат всероссийских поэтических конкурсов имени А.С. Грибоедова, С.А. Есенина, Международной премии имени А.П. Платонова «Умное сердце». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

Изящества зимой мне не хватает —
всей этой острой выделки живой,
что трепетно сверчит, благоухает
над тонкой фосфорической травой.
Цветная степь и бабочки-картинки
годны для Эрмитажа и Орсе,
прожилки света, гибкие тычинки
и крапинки причудливые все...
Склоняется весной Творец Вселенной
до самых мелких, ювелирных дел,
как будто указуя прикровенно:
смотри, Я ничего не пожалел!

* * *

«Всё так» и «всё не так»,
«приемлю», «не приемлю» —
две партии людских,
когорты, расы две:
одна благодарит
приветливую землю,
целуя небеса
в таинственном родстве,
другой — не угодить,
ей холодно, постыло,
и ежится она
в своей неправоте...
Но любит нас Господь,
куда б ни угодила
душа твоя,
Ему —
нужны и те, и те.

ДОРОГА

Мне открыта прямая дорога Твоя,
самый лучший на свете маршрут;
не петляет лукаво она, как змея,
и столбы верстовые не лгут.
И чеканна твердыня ее, и бела —
сквозь разъятое чрево зыбей;
и взлетает ее молодая стрела,
и взыскует: иди, не робей!

* * *

А любовь — словно нить золотая,
словно пряжа небесного льна,
что, в клубочек сердечный мотая,
я протягивать ближним вольна.

И шумит в небесах веретенце,
запасая дражайшую нить,
чтобы в сердце у каждого — солнце
мы могли, не скупясь, сохранить.

* * *

Что есть время? Измена, коварство,	разметало века, поколенья,
всех и вся предавая, оно	и знакомого нет здесь лица...
запустенье венчает на царство,	Только верному сердцу возможно
безысходность утраты земной;	побороться с разладом любим,
не узнаешь былого селенья,	и поэтому ты непреложно —
ни приветных садов, ни крыльца,	против времени — мною любим.

* * *

Лишь одно — посреди суеты —	и пытаться не стоит, зане
нужно мне сокровенное «ты».	драгоценно, чтоб сердце носило
Я к другому привыкнуть не в силах,	твой единственный взгляд в глубине.

* * *

Мы с тобой до такого дожили —
так держались мы, напряжены,
что железные, грубые жилы,
словно гулкие струны, нежны...

* * *

Зову тебя по имени, зову,
как будто издалека — Анна, Анна,
натягивая ветра тетиву,
листву перебирая осиянно...
Но ты вершишь какой-то свой обряд —
выходишь замуж, сердца не жалея,
и пестуешь несмысленных ребят,
имуществом скудельным тяжелея.
В растерянности крутишь головой —
и слыша и не слыша голос мой.
Зову тебя, зову через года —
неужто ты забыла, Анна, Анна:
Я белый снег, я вешняя вода,
Я жизнь твоя — вовеки, непрестанно.

* * *

Ты плачешь, словно брошенный котенок —
в какой-то бесконечной темноте,
и голос твой и жалобен, и тонок,
и жизнь вся тут, а смерть — она везде.

Ты плачешь, почему, не зная, право, —
никто тебя не бросил, но сполна
ты ощущаешь темный мир кровавый,
где без любви душа обречена.

ПОСЛЕ ВЕЧЕРНЕЙ

Еще ты слышишь небеса,
и взгляд лишь тайну созерцает,
но улица — движенье, вся —
жестикულიрует, толкает.
Еще в тебе церковный хор
парит сквозь крики площадные,
ты, будто храма, собор —
вмещаешь выси неземные.
И сумерек прощальный пляс,
как старое кино немое,
ты любишь, любишь в этот час,
и все земное... неземное...

* * *

Что вносишь ты в большой поток времен,
который дикой злобой осквернен?
Впадая в ядовитую волну —
любовь одну неси, любовь одну!

ВЫШЛА КНИГА

Шорохов А.

Бранная слава. Военная проза. Фронт-
вой дневник. Стихи. М.: Вече, 2024.

На трехстах восьмидесяти четырех страни-
цах уместилось пять коротких рассказов, две по-
вести, одна из которых — военная — и дала назва-
ние всей книге. Также в «Бранную славу» вошли
статьи и очерки 2015–2022 годов, посвященные
Новороссии. Чуть меньше ста страниц книги за-
нимает фронтовой дневник Алексея Шорохова,
собранный из постов, написанных в личном те-
леграмм-канале с января по октябрь 2023 года,
когда писатель в качестве добровольца воевал на
СВО в составе отряда специального назначения
«Вихрь». Стихи Шорохова, посвященные воен-
ному конфликту на Украине, являются заключи-
тельной точкой повествования.

Войислав КАРАДЖИЧ

...УВИДЕТЬ ЛИЦО НОВОГО ДНЯ

Войислав Караджич — сербский поэт, литературовед, переводчик. Окончил филологический факультет Белградского университета. Переводил на сербский язык многих русских поэтов. Опубликовал 10 сборников поэзии и две книги мыслей-афоризмов. Стихи получили наивысшую оценку литературных критиков, публикуются в престижных литературных журналах, газетах и монографиях, переведены на русский, польский, белорусский, китайский языки. Организует Вечер поэзии в деревне Петница у памятника Вуку Стефановичу Караджичу, реформатору сербского языка, при участии поэтов из России. Член СП Черногории. **Живет в Никшиче (Черногория).**

ОТСВЕТЫ ПАМЯТИ

Тот, кто в груди родники не сберег,
Жаждет рассветов и новых дорог.
Тот, кто не греб среди бурных пучин,
Сути не знал океанских глубин.
Кто не испытывал голода, тот
Вряд ли страдальцев голодных поймет.
Кто не изведал удела бойцов,
Тот не касался зудящих рубцов.
Тот, кто в тюрьме никогда не бывал,
Скорби не пил за бокалом бокал.
Тот, кто не целился в брата, не смог
Сердце свое запереть на замок.
Кто в свою жизнь не впускал божество,
Солнце, прищурясь, слепило того.

РАСКАЧИВАНИЕ МЫСЛЕЙ

Я бродяга бездомный,
И моряк без штурвала,
И озябшее утро,
И шаг, запряженный ветрами,
И сеть, с которой ловлю слова,
И фонтан памяти,
И бунтующий день,
Мечтающий отомстить ночи,
И песня, которая лучше всех песен,
И любовник на глыбе льда,
И неисцелимая рана,
И снегом занесенная дорога,
И надежда над бездной тленности,
И горн, играющий гимн победы!

ЦВЕТЫ БЕССОНИЦЫ

Пока густеет ночь
И свищет ветер в проливне дождя,
У очага собравшихся сироток,
Окутанных тенями,
Клонит в сон.

С поленьями сражается огонь,
И угли в звездной пляске зажигают
Таинственные знаки.
Танцуют вереницы искр
На закоптелых щечках у детей.

Под крышкой хлеб уж начал созревать.
Когда оденется он коркою душистой,
То парус сна им будет чем наполнить.

НЕОПЫТНЫЕ ЗОРИ

Юный взгляд все время манит
В тайну омута взглянуть
И его постигнуть суть —
Чем прельстит он, чем обманет?

Что искать душе — неясно,
Чтобы выдержать искус.
Сердце зря желает страстно
Юный плод познать на вкус.

МЕДАЛЬОН

Капля упала на василек
С неба внезапно.

Хлынули слезы,
Как водопада поток.

Сладкие эти жемчужины
Выпью я залпом.

РАСПУСТИ ВЯЗАНИЕ

Очисти сон,
Сотри ночную паутину
И приручи рассвет.

Зажги песню,
Чтоб жажду утолила,
И золотая капелька упала.

В сердце бутона
Вдень улыбку солнца,
Чтоб роза не ослепла.

Пристрой горизонт,
Чтобы не спотыкаться.

Дай укорениться надежде
Благодаря нежности садовника.

Распусти вязание ласточке,
Чтоб озарялось лазурное ожерелье.

ПЕЧАЛЬНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ РАН

У родника, испытывая муку,
Бинтует воин раненую руку,
Пытаясь кровь текущую унять.

А вождь в роскошных
каменных палатах
Целует руку чужеземцу в латах,
Чтоб сумки жемчугами наполнять.

ПАРАДОКСЫ

Ты можешь пережить кораблекрушение,
В тебя может попасть пуля,
Тебя может ударить молния,
Ты можешь пережить ужасы холокоста,
Тебя может выбросить море
На песчаные отмели,
От лютых сибирских морозов ты можешь окоченеть,
Ты можешь умирать от жажды в Сахаре,
И все же ты можешь остаться в живых
И увидеть лицо нового дня.

Удивительно, но ты можешь пострадать
От острого рыбного плавника,
Разрезающего вспыхнувшее море
Вдоль и поперек,
От медоносной пчелки,
За которой ты ухаживал,
Чтобы получить минутное удовольствие,
Напившись медовухи.

ОСЕННЕЕ

Цвет умирающий прекрасен,
И нам не зря ты предназначен:
Целуешь землю, на нее упав.
Пчела и птица смерть твою оплачут.
Что делать, грешный цвет? Ведь неизменно
Твой поцелуй — подарок тлену.

*Стихи с сербского на русский язык
перевел Игорь Елисеев*

ВЫШЛА КНИГА

Муравлёв А.

Космические орбиты. Серия «Неизвестный Алтай».

Анатолий Муравлёв разыскал наших земляков, судьбы которых связаны с космосом. Все эти люди имеют удостоверения летчиков-космонавтов. На топчихинском аэродроме учились летать курсант Сталинградского военного авиационного училища под Новосибирском, будущий космонавт Борис Волинов, а Геннадий Стрекалов работал на одном из оборонных предприятий Бийска. Предки космонавта Юрия Лончакова жили в городе Чесноковка, который в 1962 году переименован в Новоалтайск.

Еще восемь человек, судьбы которых связаны с Алтаем, прошли отбор в отряд космонавтов, имели удостоверение летчика-космонавта, но по разным причинам так и не слетали в космос. Это, например, жители края Виктор Чиркин — Герой России, удостоенный этого звания за испытания самолетов, и Николай Пушенко. Они готовились к полету на «Буране». А еще члены «гагаринского набора» Валентин Варламов и Валентин Филатьев, военнослужащий Алейской ракетной дивизии Вячеслав Кочемасов, выпускник Барнаульского ВВАУЛ Константин Вальков, имевший алтайские корни Сергей Жуков, водитель «Лунохода» Андрей Калининченко.

В книге также рассказано об ученых и конструкторах, «работавших на космос», начиная с Юрия Кондратюка, рассчитавшего трассу полета на Луну; «главного радиста СССР» Михаила Рязанского, заканчивая еще десятком людей.

Михаил ЗАРУБИН

ПОСТИЖЕНИЕ ПОЭЗИИ

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н.С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

Однажды, в разгар сенокоса, к нам на зимовье из деревни прискакал верховой. Когда такое бывает, все знают: что-то случилось. Какая-то радость или, чаще, чье-то горе. Война — не война, но какое-то очень нерядовое событие. Что случилось на этот раз, ломали голову недолго, послали за мной:

— Мишка, собирайся в деревню, тебя посылают в «Артек».

Я знал про «Артек», я был пионером, а вот в бригаде, я так думаю, знали не все.

— А где этот «Артек» находится? — спрашивают мужики.

Друг Гошка отвечает за меня:

— В Крыму.

Косари задумались... Крым? Чего-то это, кажется, далеко будет. Гошка докладывает:

— Это на Черном море.

— Вот! — обрадовались мужики, глядя на меня. — Мы же говорили — это далеко. А чего ему там делать?

— Там лагерь есть, — отвечаем хором мы с Гошкой.

Тут все зафыркали от смеха:

— А то у нас их нет.

— Там другие! — обиделся мой друг.

— Другие — это какие?

— Пионерские лагеря.

— Так и мы о пионерских...

А ты о каких подумал? — улыбаясь, переглянулись мужики. Довольны, что срезали Гошку.

На самом-то деле лагерей — как исправительно-трудовых колоний — у нас тут хватало еще с незапамятных времен. Но, понятно, были в Иркутской области, а как же иначе, и пионерские лагеря. Хотя «Артек» — это больше, чем пионерский лагерь. За все время, до 1959 г., пока я жил в деревне, из нашего Нижнеилимского района в «Артек» попали только двое, включая меня. Другим артеков-

цем стал сын учителя. Не подвергаю сомнению, что это был достойный выбор. Но почему другой раз выбор пал на меня — это вопрос. Скорее всего, дело было не в моих школьных успехах и не в том, что я был командиром пионерского отряда. Судьбой управляла, как часто бывало в подобных случаях, разнарядка — послать мальчика такого-то возраста, деревенского, из таких-то краев, из семьи невысокого материального достатка. За этой разнарядкой, я так думаю, стояла не одна несбывшаяся надежда, и было немало пролитых слез других претендентов, а более — их родителей. Словом, сложная, деликатная система.

В деревне нас встречали как победителей: по улицам бежали мальчишки и кричали:

— Мишку отправляют в «Артек»!

И я в себе чувствовал какой-то подъем, хотя еще не успел понять, какое счастье мне привалило.

Дома мать предупредила, что назавтра надо быть в райкоме комсомола. А дальше повела разговор о том, что, дескать, боюсь я, Мишенька, всей этой поездки. А чего бояться-то? Ну, как же — все-таки далеко, на поезде ехать надо, а поезда могут с рельсов сойти, у нас о крушениях много говорят. Тут надо понять, что об авариях на железной дороге и вообще о поездах мало кто имел реальное представление: ни поездов, ни железной дороги у нас не было, и попасть в большой город можно было только с аэродрома, о котором я уже рассказывал. Поэтому всякие жуткие истории о том, как поезда давят людей, сопровождалась безмерным ужасом, как если бы речь шла о потусторонних силах.

В райкоме комсомола нас принял первый секретарь. Начал он примерно так:

— Есть решение, Анна Савельевна, наградить Михаила путевкой во всесоюзный пионерский лагерь «Артек», но, если, конечно, вы не будете против.

— Да как же он, — отвечает мама, — один поедет в такую даль? А если отстанет от поезда?

И дальше начинает говорить про крушения — словом, все то, что я слышал уже вечером и чему знаю продолжение. Я в отчаянии дергаю ее за рукав, пытаюсь остановить, шепчу:

— Что же ты, мама, ведь сейчас откажут.

Глядя на нас, секретарь говорит:

— Вы успокойтесь, Анна Савельевна, Миша поедет не один, а с группой, под присмотром взрослых, и он обещает не выходить из поезда. Правда, Миша, не будешь?

— О чем разговор! — бойко откликнулся я, понизив голос, чтобы придать себе солидности. — Да я все сутки, сколько идет поезд, буду сидеть на одном месте, честное пионерское.

Чувствую, на этом моем «честном слове» все самое страшное осталось позади.

Но были и другие вопросы, правда, полегче. Секретарь сказал, что сама путевка уже оплачена, но за что-то там еще надо доплатить — и это будет стоить 170 рублей.

— Да где ж взять такие деньги! — сокрушается мама.

Секретарь тут же, при нас, позвонил председателю колхоза, и на вечер было назначено заседание правления. Чтобы понять, что тогда, еще до хрущевской денежной реформы, значили 170 рублей, попробую перевести это на хлеб. В городе буханка черного хлеба стоила порядка одного рубля. Значит, 170 рублей — это 170 буханок. Если сегодня цена буханки около 10 рублей, то 170 буханок — это 1700 рублей, деньги, которые по сегодняшним меркам большими не назовешь, но все же сумма не малая. Впрочем, в те годы в городе обычными были оклады полторы-две тысячи рублей, то есть доплата за мой «Артек» могла равняться всего десятой части месячного заработка. Но это — в городе, а для деревенского жителя 170 буханок черного — целое состояние.

Впрочем, все арифметические выкладки, безусловно, менее красноречивы, чем сам факт вечернего сбора правления колхоза. То есть цена денег была такой, что иначе, как собрав правление, решить вопрос было невозможно. В конечном итоге, все получилось даже лучше, чем мы могли предполагать: на правлении постановили, что, поскольку сын Анны направляется в «Артек», выделить ей 400 рублей.

Из колхозных денег часть в размере 170 рублей ушла на доплату, о которой говорил секретарь райкома. А оставшиеся 230 рублей мне зашили в трусы, то есть был пристроен к трусам специальный карман и выдана к нему булавка. А иначе никак нельзя — там воруют, то есть не у нас, а в городе или за пределами Сибири. Экипированного таким образом, меня усадили в самолет, и вскоре я уже шагал по Иркутску. Надо ли говорить, что город меня поразил — я ведь не видел прежде ни высоких домов, ни машин в таком количестве, ни трамваев. Да у нас в Погадаево и улица-то была одна, как и положено, вдоль реки.

Тогда я впервые вволю походил по иркутским улицам — транспортом пользоваться не решался, не знал, где садиться и где выходить. А с другой стороны — ходить интересней: все в новинку, все восхищало. Так, разглядывая город, добрался до обкома комсомола. Меня уже ждали и определили на постой. День или два я прожил в Иркутске, пока собиралась вся группа. Потом был поезд, и семь дней мы ехали через всю страну в Крым, в Симферополь.

«Артек» тогда восстанавливался после войны. Напоминаю, что Крым был оккупирован немцами. Многие из довоенного — дворец пионеров, например, — еще стояло в строительных лесах. Было немало руин, но жизнь уже налаживалась. Нам показывали Ливадию, дворец «Ласточкино гнездо». В этих же местах снимали фильм «Овод». Я читал этот роман, и мне была особенно интересна экскурсия на съемочную площадку.

Меня определили в 3-й отряд, который имел свой профиль — туризм. С этим отрядом я, будучи избранным физоргом группы, поднимался на разные окрестные горы, на самую высокую вершину — Роман-Кош, мы выполняли различные нормативы. В итоге мне присвоили высокое звание и выдали значок «Турист СССР».

Но одной из самых удивительных, прямо-таки экзотических страниц моей биографии можно считать участие в духовом оркестре. «Артеку» нужен был свой оркестр. Но поскольку шло постоянное обновление обитателей лагеря — одни уезжали, другие им на смену приезжали, — то руководителю музыкального коллектива приходилось заново подбирать испол-

нителей. Вот и ходил руководитель — его звали Вольт Григорьевич — от отряда к отряду, выспрашивая каждого, кто на чем умеет играть. Мне тоже был задан вопрос, и я ответил так, как было:

— Ни на чем никогда не играл.

Тогда он сказал:

— Научим.

Очень скоро я понял, почему меня, необученного, взяли в оркестр, хотя нашлось бы немало учеников музыкальных школ. Был я в ту пору не по годам рослый, кряжистый, издали заметный. Это не прошло мимо взгляда Вольта Григорьевича, а по его понятиям, мое телосложение удачно вписывалось в общую картину с бас-бейном. Этот бас-бейн уступал, конечно, в размерах и по тяжести своему старшему собрату геликону, но геликон все же надевается через плечо, мой же «бас» полагалось держать в руках, то есть постоянно на весу. Зато в музыкальном отношении проще этого инструмента вряд ли можно что-либо придумать: его партия практически — одна нота, некое «ту-ту», поэтому исполнителю достаточно только попадать в ритм.

В общем, на роль такого музыканта я вполне годился. Но оказалось, что ритм — это не все подвохи моей музыкальной карьеры. Помимо того, что эту огромную дуру надо было таскать повсюду, так ее еще надо было и чистить. Оркестр играл на линейках, сопровождал слеты на Пушкинской горке, по вечерам на костровой поляне дудел «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры...». Это, что называется, для внутреннего пользования. Но кроме того, оркестр еще был парадным или, как бы теперь сказали, решал представительские задачи. В «Артек» постоянно приезжали почетные гости, которым всегда готовились пышные встречи. Нас посетил лидер французских коммунистов Морис Торез — и духовой оркестр исполнял марши. К нам приезжала мать Павлика Морозова и рассказывала про своего сына, мы встречали Ворошилова и Поля Робсона. И я всегда был в рядах встречающих, и моя медь всегда торжественно сверкала.

Это и было постоянной головной болью — как добиться сверкания моего «баса». Очень скоро личный мой зубной порошок, который я использовал для придания блеска моему инструменту, кончился, и тогда я начал во время обеда бегать в спальный корпус и понемногу отсыпая порошок из других коробок. Кто-то обратил внимание, кто-то начинал скандалить — все знали, что это Мишка Зарубин отсыпает, а ведь кому-то еще трубу чистить надо было. Я оправдывался или отпирался, словом, ничего страшного вроде бы и не случилось, но и веселого было мало. Пробовал ли я отказаться от своей музыкальной карьеры? Еще как пробовал. Но бесполезно, и это понятно: кто ж еще будет эту груды металла таскать, а без бас-бейна оркестр — не оркестр. Более того, мне было предложено, в порядке исключения, остаться в «Артеке» на второй сезон! Я понимал, что такое не каждому предлагают, мне очень приятна была та атмосфера простой и открытой дружбы, которая соединяла нас, артековцев, но меня уже тянуло домой.

Много лет спустя я рассказывал своим внукам о той поездке в лучший пионерский лагерь мира — «Артек», пытался передать свои ощущения о незабываемой атмосфере дружбы, веселья, доброго озорства. Потом внуки подросли, и мы их отправили в «Артек» — уже, как в новой жизни принято, за деньги. Они вернулись — и можно не сомневаться, что море и Крым

оставили у них хорошее впечатление, но что касается светлой артековской дружбы, дети тактично промолчали, заметив только:

— Чего-то не то, дед, ты нам рассказывал.

Кстати, о зашитых в трусы 230 рублях. Они позволили мне купить значки, открытки для себя, и кое-что в подарок своим деревенским друзьям. А когда вернулся, смог еще купить себе все учебники и кирзовые сапоги. Приобретение кирзовых сапог имело такое исключительное значение в моей жизни, что даже слов, чтобы передать мое счастье, я не мог найти — и до сих пор не нахожу.

* * *

В 1960 г., перед самой своей смертью, мама договорилась с моим старшим братом, которого я еще не знал, что он возьмет меня к себе. Брат Николай тогда жил под Иркутском, в городе Черемхово, работал на шахте бригадиром молотоотбойщиков, был человеком уже известным и заслуженным — депутатом Областного совета, членом Иркутского обкома КПСС. Меня тогда отправляли на слет в областную столицу — то ли по комсомольской, то ли по линии художественной самодеятельности. Поэтому был повод, чтобы заехать к брату и остаться.

Доучиваться в восьмом классе я стал в Черемхово. Школа, конечно же, никакого беспокойства не доставляла, но все же дискомфортное ощущение скоро возникло, и я понял — это оттого, что жить надо было на квартире у брата. Сам Николай — то в шахте, то в общественных делах; мы с ним дома и не виделись толком. А для невестки я — чужой, и, по всему было видно, не очень-то ей и нужен. Словом, становилось ясно: надо думать о себе самому.

И тут я начал замечать, что ребята, мои новые знакомые, нацелились в Иркутск, поступать в техникум. Для меня техникум означал, прежде всего, общежитие — как раз то, что и надо. Правда, мои друзья учились на класс или на два старше меня. Но я уже говорил, что был рослый и крепкий не по годам, поэтому мне было ясно — я тоже с ними, в техникум.

Так как друзья уже решили учиться на геологов, то мы все вместе направились в геологоразведочный техникум. Но то, что не смутило меня, вызвало смущение приемной комиссии.

Когда до меня дошла очередь, спрашивают:

— Ты сколько классов закончил? Восемь? Тогда приходи будущей весной.

— Как это весной? — говорю. — Я ж геологом хочу быть. Я же с ними! — и показываю на ребят.

Вот какой несокрушимый аргумент нашел для приемной комиссии! Но что бы я ни говорил, как бы ни доказывал, что это несправедливо, комиссия не сжалась.

А дело было еще и в том, что всех, кто окончил восемь классов, зачисляли и сразу отправляли на практику. После нескольких недель жизни в тайге половина тех, кто считали себя прирожденными геологами, разбегались по домам. Оставшиеся садились за парты. Таков был порядок. А если по-другому, если бы практика начиналась после первого курса, произошло бы то же самое, только половина оставалась уже от второго курса. С позиции техникума — большие необоснованные затраты. Ход, наверное, сам

по себе правильный, только я всего этого не знал и бился до последнего. Дошел до директора, долго что-то ему объяснял, но, как ни уговаривал, получал в ответ железное «нет».

Начал искать, куда еще можно подать документы. Оказалось, есть такой техникум, где тоже идет набор, и называется он — Иркутский строительный техникум транспортного строительства. Прихожу по адресу, спрашиваю:

— А на какую специальность принимаете?

Отвечают:

— На ПГС.

— А что такое ПГС?

Объясняют:

— Промышленное и гражданское строительство.

Делаю вид, что мне это подходит — звучит уж точно солидно, но на всякий случай спрашиваю:

— А что это за строительство такое?

Объясняют:

— Ну, это здания строить, жилые дома или заводы.

Самое то! И раздумывать нечего — пойду! Сдаю документы.

Меня спрашивают:

— На ПГС?

— А куда же еще!

— Нет, — говорят, — не можем, — на эту специальность принимаем только практиков, тех, кто работает на стройке, — группа всего одна, и только для них. У вас есть стаж?

И добавляют, заметив, должно быть, мое недоумение:

— Вы когда-нибудь работали на стройке?

— Куда же мне идти? Где могут принять без практики?

В ответ я слышу, что есть еще другая специальность, и называется она — строительство и изыскание железных дорог.

— А это что надо делать?

Отвечают:

— Изыскать и потом строить.

— Годится!

Решение мое было мгновенным, чтобы они не успели передумать.

Вот примерно так все и получилось. Я подал документы, сдал экзамены, был зачислен, и через 4 года и 10 месяцев окончил техникум.

* * *

Мечта стать летчиком, о которой я уже вспоминал, была для меня по значимости второй, как бы запасной. А первым и главным было желание, или даже стремление, быть поэтом. Здесь даже слово «мечта» не очень подходит. Я твердо решил поступить в Литературный институт имени Горького, обязательно его окончить и обязательно стать поэтом.

Диплома поэта, как диплома врача или строителя, я это понимал, не бывает. Но институт я все равно для себя планировал, знал, что должен быть обязательно большим поэтом, только так — на иное я был не согласен. Это почти по тексту, написанному о Некрасове: «Жизнь в столице представля-

лась ему прекрасной и счастливой: там он будет учиться в университете, там станет настоящим поэтом».

Я с детства читал стихи, участвовал во всех смотрах и конкурсах, во всех мероприятиях, где нужно было приветствовать гостей или давать концерт. На конкурсах я всегда занимал первые места по художественному чтению. Декламировал я громко, мне нравились громкие стихи. Особенно привлекал Маяковский. Он просто не мог мне не нравиться, поскольку позволял развернуться:

*Улица, словно рана сквозная,
так болит и стонет так...
Здесь каждый камень Ленина знает
по грохоту первых октябрьских атак...*

Позднее я открыл для себя Есенина, — а надо понимать, что в те годы, известные как оттепель Хрущева, этого поэта открывали для себя многие. Он не был под официальным запретом, но его лирику в периодике печатали очень скупо, а получить томик его стихов в библиотеке, да еще школьнику, было непросто. Библиотекари тогда знали, что и кому лучше читать сверх школьных хрестоматий.

— Есенин? Тебе, мальчик, еще рано.

Наверное, это обычное дело — когда читаешь чужие стихи, то начинают складываться и свои. Они могут быть наивными, в них много подражательного, но исподволь, как-то плавно и не всегда заметно для самого себя, стихосложение захватывает. У меня были разные произведения. Среди них и те, что рождались «при участии» Маяковского — пафосные, совсем не детские строки, словно сошедшие с передовиц газеты «Правда»:

*Руки прочь от Конго — не лезьте,
куда не следует.
Конголезский народ хочет жить вольно
— так не мешайте ему!..*

Лет в двенадцать или тринадцать, но уж точно до того, как исполнилось четырнадцать, вдруг появилась у меня страшная мысль соединить лирику Есенина с публицистикой и маршевым напором Маяковского. Что это за чудо должно было получиться — до сих пор сам понять не могу. Подумайте только: публицистике Маяковского придать лиричность или, наоборот, напевную лирику Есенина снабдить чеканным ритмом, позволяющим под нее маршировать. Маршевая лирика — это уже нечто...

Но как бы теперь ни рассуждать, а было огромной силы желание сделать такое «соединенное» стихотворение или даже стихотворный цикл. Когда я все это задумывал, еще жив был Николай Асеев, тот самый, который написал о себе и о Маяковском, видимо, желая как-то обосновать или оправдать свои подражания: «Каждый из нас ощутил революцию как праздник». Мне откровенно нравился Асеев, я знал о его стихотворных опытах, очень похожих на то, что собирался совершить я, как знал и то, что из всего этого ничего толкового не получилось. Но я так хотел. Разве может четырнадцатилетнего остановить чужой опыт и чужая история?

Школьный период моего стихотворчества окончился совершенно естественным образом. В техникуме, хотя по годам особой разницы вроде бы незаметно, все пошло по-другому руслу — там была уже иная, более взрослая жизнь.

Студенты избрали меня в комитет Комсомола. И там, как бы в продолжение моих побед, а я к тому времени был и лауреатом, меня назначили ответственным за художественную самодеятельность и непременно ведущим концертов, на которых часто я объявлял и свои выступления. Между номерами звучало: «Михаил Зарубин, стихи».

И я читал свои стихи. Темы были разные, но до определенного момента. В техникуме я познакомился со своей будущей женой Ниной, влюбился до беспамятства, и до сих пор люблю нисколько не меньше. С этого момента, как и положено влюбленному поэту, изменились и темы моих стихов. У меня есть стихотворения, которые посвящены ей, среди них и то, что написано специально ко дню ее рождения. Это стихотворение прозвучало на концерте и стало сюрпризом для Нины. Она сидела в зале со своими подругами, когда я вышел на сцену и воодушевленно начал:

*На улице ветер,
На деревьях иней,
А тебе в этот вечер
Шестнадцать, Нина.*

*Шестнадцать — это жизни начало,
Шестнадцать — это ты стоишь у причала,
Шестнадцать — это вперед
Сердце и юность зовет.*

*Шестнадцать — это первая любовь,
Любовь романтиков.
Шестнадцать — это косы,
Косы без бантиков.*

*В шестнадцать лет
Юность входит в свои права,
Несет свой расцвет
И дарит свои слова.*

*На улице ветер,
Как будто он радости нашей причина,
Я поздравляю тебя в этот вечер
С шестнадцатилетием, Нина.*

8 февраля 1963 г.

Что в этот момент происходило в зале! Незабываемые овации. Первые золотые минуты моей литературной славы. Рассказать о своих эмоциях не могу. Но верно то, что мы оба, я и Нина, с самой нашей юности — всю жизнь вместе.

В те времена были и другие стихи. Вот несколько примеров из моей ранней лирики.

* * *

*Мое поколение сороковых годов,
Мое поколение военных лет,
Мы не помним наших отцов,
Строчки скупых похоронок — вот их привет.*

*Мое поколение быстро взрослело,
Мое поколение бралось за любое дело.
Мое поколение! — я говорю не без гордости это,
Хоть гордость большая,
Я другим поколениям счастья желаю.*

*И тем, за морями за синими,
Нас никогда не сломить.
Мы с миром, как с самым священным, — именем
Будем работать и будем любить.*

1960 г.

* * *

*Как стремился сюда,
Сколько дум передумал,
Сколько слов подобрал,
Чтобы себя оправдать.
Приехал, стою над твоей могилой...
Не нужны оправдания —
Здесь моя мать.*

1961 г.

* * *

*Бывает, от радости слова не вымолвить,
Бывает, от радости плачешь, как маленький.
Я в детстве радовался, когда брали обновки:
Рубашку новую или валенки.*

1962 г.

* * *

*Он погиб, мой ровесник,
Погиб в одной из атак.
А как любил он песни
И красный душистый мак.*

*Национальность — русский,
Добр и смел,
И цель эту узкую
Он грудью закрыть сумел.*

*Он погиб под Минском,
Погиб в одной из атак,
А родом с Илимска —
он мне земляк.*

1963 г.

* * *

*Поезда стучат колесами
Убегая в ту синюю даль.
Разве вам, поезда, с берегами
Расставаться не жаль?*

*Поезда, не мчитесь так быстро,
Не летите в ту далью даль,
Оборвите вы желтые листья
И возьмите вы нашу печаль.*

1963 г.

ВЫШЛА КНИГА

Макаров Н.

Писатели-туляки — участники Великой Отечественной войны (1941—1945). Тульское Региональное отделение Союза писателей России, 2025.

В преддверии 80-летия Победы тульский писатель, член СП России Николай Алексеевич Макаров выпустил книгу «Писатели-туляки — участники Великой Отечественной войны (1941—1945)»

В книге собраны биографии писателей-фронтовиков (42 биографии): рожденных, живших и трудившихся на Земле Тульской, а также — писавших в своих произведениях о Туле.

Раздел про каждого писателя состоит из собственно кратких биографических сведений (обязательно — с упоминанием боевого пути, боевых наград), фотографии писателя, списка произведений писателя, списка книг о жизни и творчестве писателя, фотографий некоторых обложек их книг, а также других фотографий, отображающих жизнь и творческий путь представленных персоналий.

Великая ПРОВИНЦИЯ

**Дмитрий КАРАЛИС
КАНДАЛАКША
(1959–1963)**

*Из дневниковой повести
«Записки
советского шалопая»*

Дмитрий Николаевич Каралис — родился в 1949 г. в Ленинграде. Советский, российский писатель, автор двадцати книг прозы, нескольких киносценариев. Лауреат многих литературных и кинопремий. Член Правления Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«Дневник советского шалопая» — начальная часть дневниковой прозы автора, которая в полном объеме готовится к публикации в издательстве «Петрополис».

@ Photo Pavel Markin_Karalis Дмитрий_20-11-2006_IMG_1678

1975 г. Октябрь.

Сегодня разбирал на диване фотографии и думал о разном.

В моей жизни была заполярная Кандалакша! Сопки, Белое море, каменная река Нива. Мы прожили там с родителями неполных пять лет — отец зарабатывал повышенную северную пенсию. Меня возили на полгода, год, но чаще — на несколько месяцев. Мой родной ленинградский класс под руководством первой учительницы Ольги Константиновны встречал-проводил меня на Московском вокзале.

Сначала жили в деревянном коттедже на две семьи в Соцгородке. Печка, дрова, деревянный клуб через дорогу, куда ходили со своими табуретками. Орсовский¹ магазин, пропахший рыбой, двухэтажное здание треста, где в двух комнатках располагалась редакция отцовской «Стройки». Потом нам дали двухкомнатную служебную в новом доме на улице Спекова — с нашего пятого этажа был виден Кандалакшский залив, порт, рыбозавод, суденышки, маленькие острова, лысая сопка на другом берегу залива, напоминавшая гигантский противотанковый надолб или египетскую пирамиду... Красиво! Я подолгу смотрел в окно, любовался видом и представлял, как сбегу с ребятами на один из островков, и мы будем жить там, как Робинзоны Крузо.

Фото: я около праздничной трибуны отдаю рапорт высокому комсомольцу: «Пионерская колонна для прохождения почетного марша в честь Дня рождения пионерской организации построена! Разрешите начать!» Солнечно. Коротковатые

¹ ОРС — отдел рабочего снабжения, распространенная форма снабжения продуктами и ширпотребом в СССР, особенно в трудных природных и, как бы сейчас сказали, логистических условиях.

школьные брюки, сандалии, белая рубашка с пионерским галстуком, согнутая в пионерском приветствии рука над головой.

На следующем, сделанном через несколько часов на берегу Нивы, — дымит костер среди камней, белеет лед по берегам, но пацаны по очереди ныряют в ледяную воду купальни... Лечу и я руками вперед в обжигающую воду. 1960 г., мой 4-й класс. Это называлось «разжигать сезон».

А вот на лыжах — готовлюсь скатиться по крутому склону Нивы. Худой как тростиночка.

И так хорошо вспоминалось, словно вчера было, а не полтора десятка лет назад...

...Я был заводилой в небольшой компашке. Витька Гаврилов (жил с матерью и братом на втором этаже двухэтажного многоквартирного дома в военном городке, отец-капитан мотался по командировкам), Володя Корона (сын майора-танкиста из большого офицерского дома), Славка Цыбин, сын лесничего, жил в бараке, Вовка Власов жил в большом бревенчатом доме с коммунальными квартирами; у матери собирались шумные компании, подчистую съедавшие всё, и наша учительница подкармливала его — носила консервы и концентраты из офицерского пайка мужа. Помню, я подтягивал его по английскому в пятом классе, и мама кормила нас на кухне ухой и яичницей.

И еще был Герман Змейков, из зажиточной бухгалтерской семьи — мать и отчим запрещали ему водиться с нами, но он хвостиком таскался за нами и приносил конфеты — «Каракум» и «Мишка на севере». А что нам конфеты! Мы покупали в гастрономе на Набережной прессованный фруктовый чай за пять копеек, сделанный в Китае, и лизали, жевали брикеты, как мороженое. Или маленькие морские окунята холодного копчения из подвального магазинчика ОРСа по двадцать семь копеек за килограмм — его сосешь и мочалишь, гуляя на лыжах по городским дворам, где живут знакомые пацаны... Змейкову потом подарили велосипед «Школьник» с надувными шинами, который он бросил под приближающийся поезд и убежал на несколько дней из дома — его нашли на паровозном кладбище, он спал в будке сторожа. И мать уехала с Германом в Кировск... От него пришло письмо, что приезжал его отец и подарил ему спальный мешок геолога и молоток, и что он, Герман, уже отжимается 10 раз, но хочет сорок. И отец обещал брать его в экспедиции. Где теперь этот Герман Змейков? Где остальные ребята?

Бурливая речка Нива. Сопки: Лысая, Железная, Крестовая... Хоть рассказы пиши. Меня тянуло забраться на самую высокую — Железную. Она, как лежащий тигр, наблюдала из-за реки за городом Кандалакшей и манила меня. Ее каменистый лоб спускался в ущелье...

1963 г., начало июня. Мама уехала в Ленинград, и мы с отцом жили в квартире на улице Спекова вдвоем, тоже собираясь в скорую дорогу — в отпуск и на каникулы.

Утром отец уходил на работу, я болтался на спортплощадке или шел с ребятами за речку жечь костры и выплавлять свинцовые битки для игры в чеку.

Сопка продолжала манить.

Я собрал компанию.

Наврал отцу, что идем ловить форель на речку. Взрослые пугали, что в сопках могут попадаться волки и медведи или беглые преступники из

тюрьмы. У нас на этот случай был деревянный учебный карабин с примотанным четырехгранным штыком времен Империалистической войны. Его притащил Вовка Корона, тоже ленинградец.

Ущелье, до которого мы наконец добрались сквозь бурелом и ручьи, поразило крутизной скал, по которым мы собирались влезть на Железную. Издали склоны ущелья казались дружелюбнее. Мы поели бутербродов с плавленым сыром и полезли. Поросшие мхом камни, кустики, влажные скользкие валуны, маленькие плато, словно для отдыха... Верхушки сосен, растущих из дна ущелья, скоро оказались рядом, за спинами, а наши голоса разносил поднявшийся ветер. Если аккуратно ставить ноги и не спешить — не упадешь. Но страшно от возрастающей высоты.

...Забравшись на самый верх, мы орали от радости — под нами была Кандалакша и дымящие трубы КАЗа! По дороге на Ниву-3 букашками ползли автобусы и машинки... Ветер валил с ног, и мы, взявшись за руки и наклонившись вперед, стояли против ветра, и ветер не давал нам упасть. Такой был замечательный ветер. Гудела невысокая бревенчатая вышка, заваленная у основания камнями, и мне было обидно, что кто-то побывал на куполе сопки раньше нас.

Склон сопки, обращенный к городу, был покрыт плотным настовым снегом, чернел спинами валунов, и мы стали по очереди кататься на офицерской сумке и рюкзаках по заснеженному склону, объезжая валуны, а потом написали карандашом записку со своими именами, уложили в консервную банку и сделали для нее пирамидку из камней.

В противоположную от города сторону открывался простор Белого моря с пассажирским пароходиком, идущим, наверное, в Умбу, с линией

Купальня на Ниве, 1962 г.

горизонта, сверкавшей солнечными бликами, и от этого вольного простора пела душа. И мы решили расширить свои географические приобретения — спуститься к морю, искупаться и шлепать к дому по берегу выступа, напоминающего формой Камчатку на истрепанной карте в кабинете географии.

Пробрались сквозь мелкоколесье склона к морю.

Костер, купание на мелководе, ловля рыбок майками в ручье, несоленая уха... Морские звезды в каменной косе, выступающей в море... Камушки из воды, быстро теряющие свою красоту на суше...

Но вот зашипели угли костра — это стремительно пришел прилив, и мы, подхватывая разбросанные манатки, поняли, почему прибрежная трава была сырая.

Часов ни у кого не было, но солнце опускалось, и мы торопливо пошли каменистым берегом к нижней Кандалакше, где Нива впадает в море.

...На подходе к порту мы не захотели идти по скалам поморского кладбища, где стоял большой деревянный крест и могли встретиться ночные духи, и двинулись тропкой по карнизу, бежавшему вдоль скалы над подступившим морем. С высоты карниза были видны оранжевые морские звезды на белом каменистом дне, шевелящиеся водоросли и стайки рыб. Я шел первым и подбадривал, что если упадем, то не разобьемся — вода смягчит удар, главное, не падать брюхом или спиной... Да и глубина пустяковая — не больше двух метров.

Примерно в середине пути в карнизе возникла яма — выбитый зуб. Перескочить провал можно было, ухватившись правой рукой за тощую березку, словно специально выросшую из расщелины на высоте наших плеч. Трех березка выдержала — помогла перескочить яму, но перед белобрысым Славкой Цыбиным, который хлопал огромными девичьими ресницами на веснушчатом лице, обессиленно рухнула в воду. Мы замерли. Было слышно, как плюхаются в воду камушки. Теперь, если впереди тупик, и нам, троим, не вернуться, и Славке придется идти по кладбищу. И тут же вздрогнули — усатая нерпа с фырканием выглянула из воды, чтобы посмотреть на тонконогих мальчишек, пробирающихся каменной тропкой. Мы смотрели на усатую сопящую голову и осторожно рассуждали, кусаются ли нерпы. Славка погрозил нерпе деревянным карабином с примотанным штыком, пообещал выстрелить, и зверь, понимая, что с дураками лучше не связываться, шумно втянув воздух, ушел под воду.

Всё обошлось. Мы дошли по карнизу без происшествий, а Славка с карабином и удочками в одиночку пробрался через поморское кладбище, перекликаясь с нами сжатым от страха голосом. Лишь в конце над нашими головами раздался его ужасающий вопль и сверху посыпались камушки. Мы втянули головы в плечи. Оказалось — старая черная собака, которую Славка принял за волка и с которой они благополучно разбежались.

...Когда в четыре утра я, в разорванных шароварах и с якорем-кошкой на веревке, позвонил в квартиру, отец стремительно распахнул дверь и порывисто обнял меня. И не сказал мне ни единого бранного слова. Он только спросил, откуда и зачем якорь и где остальные ребята. Я сказал, что якорь нашел на побережье, он нужен мне для будущей лодки. Сказал, что ребята пошли домой. Отец запер входную дверь, велел мне раздеваться и мыться и принялся звонить другим родителям и в военный городок... <...> (Якорь

Кандалакша. Нива. Зима, 1962 г.

приехал в Ленинград в вещевом контейнере и пригодился, когда мы с Виталькой построили в Зеленогорске плоскодонку).

А зимой! В школу — на лыжах, после школы — на сопки или крутые берега Нивы! Ленинград — красивый город, люблю его, но Кандалакша — это море, простор, настоящие белые ночи, когда окна завешивают одеялами, а во дворе до утра играют в волейбол.

С нашего пятого этажа был виден, как на ладони, залив с островками, на которые мы с пацанами готовились убежать и сделать там лагерь, но нас выдала отличница Лариска Карельская, которую я пригласил в компанию поварихой. Она вышла к доске и, блестя стеклами очков, за которыми чернели красивые, чуть раскосые глазки, сделала заявление, что группа ребят из нашего класса, вместо того чтобы хорошо учиться, собирается бросить школу, бросить бедных родителей и смыться на остров в заливе, чтобы там хулиганить и бездельничать. Уже и ялик присмотрели на лодочной станции, и восемь банок консервов натырили, и спичек напасли, и оружием запаслись... При слове «оружие», учительница, одобрительно кивавшая ларискиным доносам, выскочила за директором и быстро привела его: «Вы только послушайте, что творится! Это все Каралис с друзьями! Я вам говорила!».

Насчет оружия Лариска попала в точку, но не совсем. Я привез из Ленинграда технологию дымно-пленочного пистолета, которая была в ходу у пацанов нашего двора и школы. У гильзы от винтовки под корень спиливалась сужающаяся часть, оставался ровный цилиндрок, который прикручивался изолентой или проволокой к деревянному пистолету, да хоть к палке. Бралась автоматная гильза, которая в своем первоначальном виде туго-туго входила сужающейся стороной в цилиндрок винтовочной гильзы и становилась, так сказать, пулей. А как же ее выстрелить?

Элементарно! В автоматную гильзу вставляешь свернутый кусочек фотопленки, поджигаешь торчащий кончик, и когда пленка вспыхивает, гильзу быстро вставляешь в ствол и тыкаешь, забивая, о стенку, землю или подоконник. И быстро прицеливайся! Фотопленка сгорает, дает дым, и через пару секунд пуля-гильза с визгом и свистом летит метров на пятьдесят. Разбить окно — нечего делать! Если попадает в ногу или выше — синяк. Простое и страшное оружие, придуманное, как поговаривали, ленинградскими пацанами в блокаду, на случай уличных боев с фашистами. Но это не факт.

Винтовочные и автоматные гильзы мы полными карманами привозили со стрельбища на Охте, а фотопленкой можно было легко разжиться на любой помойке или дома. Делали и дымовухи, для чего пленку туго заворачивали в промокашку или газету и поджигали. Дым, вонь, красные глаза, кашель, замечание в дневник, вызов родителей в школу; если не повезет, поставят на учет в детскую комнату милиции... И вот это оружие, тайно привезенное мною из Ленинграда, отличница Карельская безжалостно сдала педсовету во главе с одноруким директором-фронтовиком. Сдала вместе с моими начинающимися симпатиями к ней. Наверное, поэтому я до сих пор не люблю отличниц...

Сильно разочарованный северным женским коварством, я тогда написал Михе письмо, в котором интересовался, как поживает наша с ним Епифанчик, и просил передать ей мой пламенный привет и напомнить, что скоро приеду и, может быть, навещу, если ее не отвезут на дачу: у меня есть для нее камушек с золотыми прожилками, найденный в горах. Мих передал, но Ирка уехала в деревушку Поддубье на Луге, и я загорелся идеей сколотить плот и сплавиться на нем к Иркиной даче. Она идет, ничего не подозревая, на речку Лугу купаться с подружками (корзинки, мячики, надутые автомобильные шины), а тут мы с Михой в ковбойских шляпах на плоту с черным пиратским вымпелом на мачте: «Привет, Ирка! Узнаешь?» И залп из наших плечевых пистолетов! Хорошо бы еще пневматические ружья и пони с седлами...

...Да, Кандалакша. Пёс Дембель с простреленным боком, которого мы тайно выхаживали на конюшне военного городка, — его подстрелил пьяный капитан-интендант... Шишки, за которыми мы, скинув валенки, лазали по заснеженным соснам, чтобы заработать денег в лесхозе!

А как меня, новенького, поначалу испытывали после школы, когда я в темноте полярной ночи возвращался домой... И сколько пришлось драться и отрабатывать приемы, показанные мне братом-пограничником Юрой, вернувшимся в те годы из армии. И боксерская груша из футбольной покрышки, набитой тряпками, долго висела у нас на резинках в широком проеме между комнатой и коридорчиком — я прыгал вокруг нее козлом и бил кулачками в меховых кожаных рукавицах. Но потом снял грушу, вычитав в газете «За рубежом» про новый способ накачки мышц — статический: несколько раз в день упираешься руками или ногами в стену и давишь, давишь, сколько хватает сил. Мышцы и сила воли должны были расти не по дням, а по часам...

...Военный городок, в который мы ходили к одноклассникам, как к себе домой. Дымные танковые ангары, фанерные макеты американских ракет «Минитмен-2» с описанием их данных, стадион с бегающими солдатами и первой хоккейной коробкой в городе, военный универмаг, у дверей которо-

го вечером прохаживается солдат с гранатометом за спиной... И Дворец офицеров, со сцены которого я в четвертом классе объявлял концертные номера и читал стихотворения...

И слет пионеров в Мурманске, куда меня послали от школы: торпедный катер и памятник защитникам Заполярья на высоте, где мы хором клялись защищать Родину. И филателистический магазин на главной улице, где я потратил все деньги, купив набор диковинных треугольных марок. И как уже в Кандалакше выменял в темноте кинозала кляссер с марками на «настоящий дамский пистолет» с перламутровыми щечками на рукоятке, при свете оказавшийся зажигалкой, и судорожные поиски незнакомого меняльщика, ушедшего якобы за патронами к пестику.

...И полет Гагарина в 1961 году. Мы выскочили из школы — еще лежал снег, и на горе чернела раскатанная тропинка — и стали подбрасывать в воздух черную лохматую собачуху с криками: «Да здравствуют собаки, проложившие человеку путь в космос!», а потом кучей покатались с визжащей собакой под гору.

Какое счастье, что удалось поездить в командировки! Мурманск, Роста, Комсомольск-на-Амуре! Командировки в Омск на судостроительный завод, в Горький, Городец, Бор, Куйбышев, Череповец, Москву, Астрахань, Хабаровск, Новосибирск, Выборг... Много чего было, объездил два десятка стран.

Но роднее всего — Кандалакша!

И тянет на Север, тянет...

Пионерский рапорт секретарю Горкома комсомола. Кандалакша, 20 мая 1962 г.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАРИТОНОВ

БЫТЬ КАК ДЕДУШКА ХОЧУ!

*Патриотические
стихотворения для детей*

Евгений Николаевич Харитонов — родился в 1985 г. в Белгороде. Поэт, член Союза писателей России. Автор четырех книг стихотворений. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», международной литературной премии «Форт» памяти поэта Сергея Короткова, всероссийской литературной премии «В поисках правды и справедливости» партии «Справедливая Россия». Более двухсот публикаций в печатных изданиях в России и за рубежом. **Живет в Белгороде.**

* * *

Третий год мы день за днем
Сети с дедушкой плетем.
Ими мы солдат снабжаем,
Так Победу приближаем!
Ведь под сетью очень просто
Спрятать танк Т-90.

* * *

В детском садике у нас
Русской армии запас!
Коллектив мальчишек дружный,
Вы зовите, если нужно!

* * *

Наш сосед большой и сильный,
Служит в армии России!
Я решил, что непременно
Стану, как сосед, военным!

* * *

Вяжет бабушка носочки,
Не жалея силы.
Много у нее сыночков
В армии России!

* * *

Любим мы играть в игру
Под названием «Солдат».
Ходим строем по двору,
Каждый быть солдатом рад!
Командир у нас Илья!
Эх, досадно, что не я.

* * *

Подтянув свои штанишки,
Разговор вели мальчишки:
— Вот как стану я артистом,
Славу вмиг заполучу!
— Ну а я артиллеристом
Быть, как дедушка, хочу!
Дедушка — герой у нас,
На войне бывал не раз!

* * *

Папа мне купил игрушки:
Танк и две большие пушки.
Если вдруг нагрянет враг,
Я не сдамся просто так!

* * *

У меня есть старший брат,
У него полно наград
За любовь к своей стране!
Подрасту — дадут и мне!

* * *

Воспитатель тетя Ира
Рождена быть командиром.
Только крикнет: «Дети, спать!» —
Все бегут в свою кровать.
Спать не собираемся,
Так мы с ней играемся.

* * *

С мамой утром еле-еле
В детский садик мы успели.
Нет, мы с мамой не проспали,
Мы продукты покупали
Для солдат с передовой.
Помогать им не впервой!

* * *

На прогулке возле горки
Произнес Максим Егорке:
— Высоты я не боюсь,
Мигом с горки прокачусь!
Папа летчик у меня,
Стану летчиком и я!

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В.В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В.В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексеева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 30.06.2024 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,7.
Тираж 500 экз. Заказ 25НФ-066037.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.